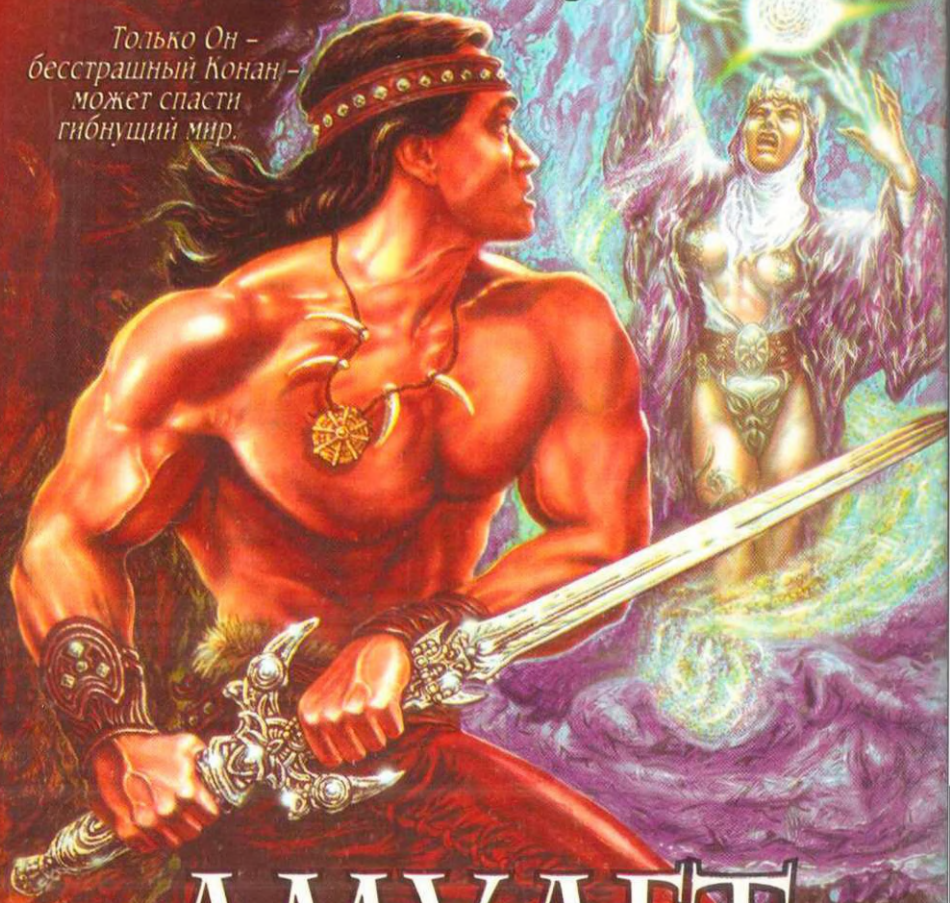

КОНАН

Брайан Толуэлл

Только Он –
бесстрашный Конан –
может спасти
гибнущий мир.

АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА

КОНАН И ВЕЛИКАЯ ДУША
БРАЙАН ТОЛУЭЛЛ

«ЯУЗА»
1997

ББК 84.7 США
Т 52

Разработка серийного оформления
художника *И. Г. Саукова*

На обложке использована работа
художника *М. А. Селезнева*

Перевод с английского *И. С. Коралевой*

Толуэлл Б.
Т 52 Амулет Небесного Народа: Фантастический
роман. — М.: ЯУЗА, 1997. — 448 с. («Конан и Великая
Душа»).

ISBN 5-87749-067-6

Великая Душа, коварный и могущественный враг хайборийских народов, не оставил надежд вернуть себе власть над миром людей и жестоко отомстить Конану, королю Аквилонии. Не сдался и Конан-варвар. Маги, гномы и даже неустрашимая воительница из будущего помогают ему добыть единственное оружие, способное остановить Великую Душу, — легендарный Светоч Истины, более известный как АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА.

ББК 84.7 США

ISBN 5-87749-067-6

Copyright © by Brian Tolwell, 1996
© Перевод, оформление, издание на русском
языке. Издательство «ЯУЗА», 1997 г.

«ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ» «ВЕЧНОГО ГЕРОЯ»

У меня есть отличный повод поздравить вас!

Разве не замечательно, что 1996 год — год круглых дат Роберта Говарда, 90-летия со дня его рождения и 60-летия со дня кончины, — ознаменовался появлением сразу трех новаторских произведений о Конане-киммерийце, «вечном геросе» современной фантастики? А это значит, что огромная «конаниана» выходит на новые рубежи и, следовательно, на новую, еще не «освоенную», читательскую аудиторию. Значит, великому варвару стало тесно в привычных рамках навеянных Мастером сюжетов: все подвиги, которые можно было совершить, сражаясь с кошмарными демонами, зловредными колдунами и бесчестными наемниками, он уже совершил. Значит, наш взыскательный читатель образца девяностых годов желает чего-то большего, нежели поединки на мечах с обязательным разрубанием противника напополам и спасением очередной прекрасной принцессы из лап очередного мерзкого — внешне и внутренне — чернокнижника.

«Все это мы уже проходили», — замечает наш строгий читатель, откладывая в сторону очередной том стандартных приключений стандартного Конана. Как сказали бы политики, читатель хочет перемен. Реформ. Не революций в Хайборийском мире, полном чудес мире Конана, а именно реформ: новых сюжетных идей, новых героев, даже нового приключенческого антуража. Таких реформ, которые бы не разрушали, а хранили и подкрепляли неповторимый говардовский шарм той сказочной эпохи,

когда, выражаясь словами Леона Спрэг де Кампа, «магия встречалась куда чаще, чем в наши дни». Три произведения, которые, при всей их непохожести друг на друга, как раз и явились, на мой взгляд, первыми ласточками таких перемен, — это роман Майкла Мэнсона «Конан и Грот Дайомы», тетралогия Кристофера Гранта и Натали О'Найт «Скрийжаль Изгоев» и септология Брайана Толуэлла «Конан и Великая Душа».

Роман Майкла Мэнсона, мэтра современной «героической фантастики», одного из классиков жанра, на первый взгляд мало чем отличается от прочих произведений о похождениях отважного киммерийца. Корабль Конана терпит бедствие у затерянного в океане сказочного острова. Владычица острова, прекрасная волшебница Дайома, посылает варвара в далекий Ванахейм, чтобы он избавил ее от ненавистного колдуна Гор-Небсехта (стигийца, разумеется), навязчиво домогающегося ее любви. Конан, как и следовало ожидать, справляется с опасным заданием блестяще — настолько блестяще, что это даже не радует красавицу чародейку.

Нет ничего более далекого от истины, нежели сведение сюжета этого удивительно целостного, гармоничного и добротного романа к столь примитивной ходульной схеме! Начнем с того, что в «Гроте Дайомы» Конан-киммериец выступает наравне с четырьмя другими главными персонажами. Типажи тщательно и умело выписаны: сам Конан; прекрасная и хитроумная Дайома (перехитрившая саму себя); могучий и мечтательный Аррак, Дух Изменчивости; утомленный неизвестной и коварной Силой надменный Гор-Небсехт; наконец, каменный голем Идрайн, по-своему несчастный человек-самоучка... Вечный сюжет «любовного треугольника», почти не встречающийся в «конаниане», искусно — но не искусственно! — обогащен традиционными хайборийскими мотивами. Здесь и схватки, и колдовство, и интриги, и погони, и горечь рухнувших

надежд. Конан Майкла Мэнсона не заслоняет других героев, а дополняет и утверждает их; а они — его. Идет напряженная схватка умов, удач, судеб, если хотите. И любая случайность может перевернуть выдающийся замысел, сотворенный с нечеловеческим тщанием. Читая роман Мэнсона, я поймал себя на чувстве, которое прежде не испытывал при чтении конановской саги: я сопереживал его героям. Я восторгался хитроумием Дайомы, вместе с Арраком мечтал о новых странствиях и покоренных империях, сочувствовал обманутому Гор-Небсехту, изумлялся целеустремленности каменного исполина Идрайна. И, конечно, я не мог не восхищаться Конаном, ибо со страниц романа Мэнсона на меня смотрел живой, настоящий, говардовский Конан, только помолодевший и удачно адаптировавшийся к вкусам современных — не Говарду, но нам — читателей. Не карикатурный мускулистый головорез, воитель без страха и упрека, дикарь с ветром в голове, охочий до золота и смазливых юниц. А истинный искатель приключений — истинный потому, что «искать приключения» — это его профессия, его призвание, его образ жизни. «Поиск сокровищ дороже самих сокровищ, битва за власть дороже самой власти, путь к славе дороже самой славы...» — говорит Конан у Майкла Мэнсона. В этой гениальной фразе — весь Конан. И такой Конан мне особенно симпатичен! В наше время, в эпоху искателей власти, положения, богатств и прочих всевозможных благ, в мире, где подлинных искателей приключений, похоже, опоздали занести в Красную Книгу, такой Конан будет с любовью принят и понят миллионами читателей.

Но его нет в «Скрижали Изгоев». Кристофер Грант и Натали О'Найт решились на невозможное: они вообще вывели киммерийца из когорты главных героев! Великий воитель предстает в эпизодической, подсобной роли. С десяток раз помахал мечом, порешил кое-кого такого же второстепенного, убил

трехглавое чудище в лесу... И все. Даже девку не потискал. И героическая схватка с Цернунносом в самом центре аквилонской столицы отдает пародийностью: чтобы поразить чудовищно могущественного Древнего Бога, киммерийцу хватило одного обыкновенного, не волшебного, копья с золотым наконечником.

Почему же тогда чувство восхищения от прочитанного, оставшееся после «Грота Дайомы» и других романов Мэнсона, не только не меркнет, но возрастает? Вероятно, потому, что авторы сумели доказать то, что прежде почиталось ересью: мир Конана не менее богат, многолик, чудесен, красочен и перспективен, нежели сам Конан. В этом мире Конан — не единственный Настоящий Человек, как нам казалось ранее. Другие — Амальрик, Валерий, Ораст, Марна, Нумедидес, Вилер, Троцеро, Тиберий — тоже живут и тоже чувствуют, переживают, о чем-то мечтают и за что-то борются. Эти герои выписаны с неповторимой и непривычной для «конанианы» психологической достоверностью. Это не маски, а характеры. В романах тетралогии авторы отвечают на вопрос «как», а не «что». Как случилось, что безумный Нумедидес овладел престолом гордой Аквилонии? Как собрались вместе и пришли к Злу Амальрик, Валерий, Ораст и Тараск? Как и почему начался путь к трону самого Конана? Этот новаторский подход реализован умно и талантливо. Я полагаю, лишь преданные фанаты мечеубийств и широкоплечих суперменов станут жалеть об «унижении» идола. Право же, в наше время не они составляют основную массу «пожирателей книг». Вкусы тинэйджеров блистательная «конаниана» удовлетворила неплохо — пора бы подумать и о тех, кто постарше.

Автор септологии «Конан и Великая Душа», две первые части которой опубликованы в этом томе, в некотором роде пошел еще дальше. Нет, Конан у него присутствует и действует на первых ролях. Вот

только мир Конана несколько изменился. Автор, подчеркнуто бережно относящийся к наследию Великого Мастера (не в пример многим американским «конанистам»), не осмелился ничего Менять в «основах». Не стал он изобретать новых богов Хайбории, кроить очертания материков, создавать неведомые острова и города, даже новых героев он лепил с очевидной неохотой. Брайан Толуэлл принял конановский мир таким, каков он есть. И чуть «надстроил» его. Автор предположил, что в дополнение к имеющимся хайборийским, то есть земным, относящимся к нашей планете, богам, демонам, колдунам и т. д., вполне могут существовать и силы совершенно иного порядка. Например, некие таинственные сверхцивилизации, посещавшие Землю и оставившие на ней свой след в бесконечно далекой древности. Такой подход не только не противоречит замыслу Великого Мастера, но и, по сути, прямо следует из него. Ведь Говард сразу сказал, что Земля — планета (стало быть, есть и другие планеты), а Хайбория — не только и не столько сказочный, вымышленный мир, оторванный от времени и пространства, наподобие Земноморья или Средиземья, а реально существовавшая историческая эпоха, и Конан жил в ней не когда-нибудь, а именно 15 тысяч лет тому назад. Да, в этой эпохе многое было не так, как у нас ныне. Но она существовала! Говард описывал Хайборию с подчеркнутой реалистичностью; он хотел, чтобы читатели поверили в реализм происходящего, в то, что когда-то все это кажущееся сверхъестественным чудодейство имело место не где-нибудь, а на нашей родной Земле! Если бы он не хотел этого, он наверняка поместил бы своего Конана в очередной вымышленный мир — и мы сегодня вряд ли знали бы, кто такой этот очередной фэнтезийный герой.

Американская «конаниана», к глубокому сожалению, проигнорировала эту замечательную задумку Мастера. За рамками саги остались захватывающие

приключения, которые непременно случились бы, столкнусь Конан с загадочными силами, совершенно чуждыми земной магии — с ней, последней, он уже порядочно навоевался. Еще интересно было бы посмотреть, что приключилось бы, окажись в конановском мире люди Будущего. К примеру, люди из двадцатого века после Рождества Христова, наши современники то есть. Встречал же киммериец на своем пути создания, пережившие в Истории куда больший срок, чем 15 тысячелетий! Они пришли из Прошлого, мрачного, зловещего, полного тайн и опасностей. Так почему бы им не прийти из Будущего?! На мой взгляд, такое «вторжение» только украсило бы повествование.

Брайан Толуэлл взял на себя смелость осуществить это вторжение. В мире Конана неожиданно появились новые, непривычные персонажи. Митра, Сет, Кром, Нергал и прочие боги остались — но вдруг выясняется, что на Земле с Начала Времен обитает некий всемогущий Страж Земли, Сидящий-в-Пирамиде, поставленный шестнадцатью сверхцивилизациями хранить саму искру жизни на Земле — что он и делает в течение последнего миллиарда лет. Может ли такое быть? Разумеется, может — и автор это убедительно доказывает. Он выстраивает своеобразную новую мифологию сосуществования земных и космических волшебных сил, и, следует признать, эта мифология не опровергает «основы» говардовского мира, а органично «встраивается» в них, адаптируется. Как адаптируются к новым для себя реалиям Пришельцы из Будущего, наши современники, не по своей воле очутившиеся в Хайборийской эпохе.

И вот, когда автор вводит читателя в свой «настроенный» мир, начинается самое интересное. Введение нетрадиционных для «конанианы» идей оборачивается подлинным буйством авторской фантазии. Масштабность и стремительность сюжета завораживают. Сюжет напоминает не прямую линию,

не изломанную кривую, даже не хитрую китайскую головоломку, а какую-то особую многослойную спиралевидную паутинку, некую ленту Мёбиуса. Для септологии «Конан и Великая Душа» характерна необычайная пространственная и временная насыщенность. Посмотрите, в одном лишь третьем романе — «Амulette Небесного Народа» — действие разворачивается в Аквилонии, Немедии, Аргосе, Гиркании, Стигии, у моря Вилайет и в Западном океане, более того, не только на привычной земной тверди, но и в небесной Обители Пресветлого Митры, и в Преисподних Мирах, владениях Черного Сета, и в таинственном Зачарованном Городе среди Гор Серых Обезьян... В нем, в этом действе, участвуют и люди, и чародей, и гномы, и боги, и демоны, и вообще непонятные создания — как «местные», так и прибывшие (либо призванные) из чуждых Миров и Времен. Эти персонажи сосуществуют и неплохо уживаются друг с другом. И каждый персонаж — человеческий и нечеловеческий — так и норовит подбросить свою хворостинку в бушующее пламя действия, сыграть свою собственную, уникальную партию в общем концерте. Интрига накладывается на интригу, пути героев переплетаются и вновь расходятся, могущественные силы сталкиваются в непримиримом противоборстве — и побеждают, чтобы в самый последний момент потерять все из-за глупой и досадной ошибки, а потом возобновить схватку на прерванном месте. Непрекращающиеся ни на мгновение битвы характеров, идей, честолюбий и проектов, один другого дерзновеннее...

Истинная феерия красок и действия. Яркие, самобытные, противоречивые типажи — может быть, чересчур яркие. Конан, Тезиас, Тхутмертари, Страж Земли, Милиус, Брахо, Джейк Митчелл, Аманда Линн, Луиджи Фонтанелли, Тот-Амон, Джосер — каждый из этих героев играет свою исключительную роль в приключениях. Автор вовсе не стремится создать точные психологические портреты своих пер-

сонажей. Они получаются сами собой, рождаясь из действия. В романах септологии мало описательности: вы не найдете подробных характеристик одежды и оружия, зданий и кораблей, придворных ритуалов и боевых искусств. Кое-где автор не очень внимателен к деталям; так, у него мили соседствуют с метрами и «шагами» — этим подчеркивается «интернациональность» и «всевременность» повествования. Автор доверяет читателю: пусть фантазия того сама дорисует недостающее.

Зато действия хоть отбавляй. И какого! Заметьте хотя бы нападение гипнотических карликов на армию Конана во втором романе, воздушную схватку «Черного коршуна» с Безымьянной Тварью — в третьем, сражение Конана и Брахо со Змеиной Королевой и Суром — в четвертом и штурм Зачарованного Города полчищами демонов — в пятом. Все эти и другие приключения описаны с неистощимой выразительностью, так что иногда кажется, что сам участвуешь в них.

А как все начиналось? Прямо скажу, начало эпопеи не слишком впечатлило меня. Обычное приключение, да, оригинальное и захватывающее, но не более. Стоило ли огород городить, чтобы в конце концов запечатать самозваного бога в магической темнице? Так думал я, прочитав первый роман септологии. Признаюсь, читать дальше не очень хотелось. Ведь обычно продолжения хуже оригинала. Но что-то подсказало мне — может быть, писательская интуиция, может, нечто иное — читай, и не пожалеешь. И я начал читать второй роман. Чем дальше я продвигался, тем более мне хотелось воскликнуть вслед за Конаном: «О, Кром, как же я ошибался!» Я все более проникался очарованием этой книги, и дерзновенный замысел автора понемногу открывался мне. Второй роман поразил неожиданными сюжетными поворотами, выразительностью образов и, конечно, внезапным пришествием Гостей из Будущего, которые в середине романа выскочили, слов-

но чертики из табакерки, и их появление сразу изменило все. А третий роман я проглотил, не в силах оторваться от книги. Если произведения Мэнсона являют собой прекрасный образец «героической фэнтези», а тетралогия Гранта и О'Найт напоминает, скорее, добротный исторический роман-фреску, то септология Толуэлла не что иное, как авантюрно-приключенческое действо на фэнтезийном и фантастическом материале. Готов повторить: эпопея «Конан и Великая Душа» — это первое настоящее авантюрно-приключенческое повествование в рамках саги о Конане-варваре. И в этом качестве она обращена не только к фанатам великого воителя, но и к самому широкому кругу читателей, как любителей фэнтези, так и всех прочих, кто знает и ценит приключенческую литературу.

Но вернемся к героям эпопеи. Это люди действия. Они живут для того, чтобы за что-то бороться. У каждого своя цель. Они настойчиво к ней стремятся, невзирая ни на какие препятствия. И автор неожиданно для нас, читателей, прибегает к редчайшему художественному приему: он вознаграждает своих главных героев за настойчивость. Каждого и сполна. Автор «позволяет» им добиться свой цели, какой бы она ни была. И если Конан восклицает: «Я покончу с тобой, Великая Душа!», можете не сомневаться — покончит, и не раз. И если Тезиас, Великая Душа, заявляет, что вернет себе власть над миром, будьте уверены — вернет, да еще с лихвой. И если принцесса Тхутмертари, стигийская изгнанница, обещает перерезать черное жречество своей страны, как только придет к власти, — поверьте, именно так она и поступит. И если ее младший брат принц Джосер, прирожденный интриган и «игрок со смертью», мечтает о короне — он ее, конечно же, получит. Как и двойник Конана, Джейк Митчелл, получит желаемую корону Аквилонии. И так далее. Грех не дать этим деятельным людям то, ради чего они кладут такие титанические усилия. Но затем

автор немилосердно лишает своих персонажей едва обретенной мечты. «Все преходяще, цель ничто, движение все», — словно бы говорит он им. И герои Брайана Толуэлла продолжают свою захватывающую битву...

Автор заставляет нас симпатизировать им. Конан у него — Личность. Ему очень тяжело: ведь никогда еще не приходилось отважному киммерийцу сталкиваться с таким множеством врагов, один другого могущественнее. Но Конан остается верен себе; даже в мгновения, казалось бы, абсолютного и необратимого краха — а таких мгновений в романах септологии немало — он не сдается, борется и в конце концов обязательно побеждает. Казалось бы, высшие силы играют им, обычным смертным человеком — но и он порой навязывает им свою волю, а их диктат решительно отвергает. Конан у Толуэлла — не тупой, дикий, необузданный варвар, а умный, изобретательный, расчетливый прагматик. Конан размышляющий — каково, а? Занимательным размышлениям киммерийца посвящена целая глава третьего романа. Автор будто бы говорит нам: вот он какой, этот варвар: когда нужно сражаться, он берется за меч, а когда нужно решать шараду со многими неизвестными, он и решает ее своим недюжинным умом. Конан готов на все ради блага своей страны, ради жены, сына и друзей. Он презирает магию, страшится неизвестности, но, когда жизнь того требует, использует и волшебные амулеты, и странное оружие Будущего, и вообще совершает много такого, чего бы в «обычных» обстоятельствах он ни за что бы не совершил. Автор постоянно ставит Конана перед тяжелым выбором. Найди верное решение — и ты победишь. Иногда Конан находит верное решение на территории, где правят темные, враждебные ему силы; такие коллизии особенно увлекательны и поучительны.

Не менее интересная фигура — главный противник Конана, карлик Тезиас. Прочитав эпопею, я так

до конца и не понял, положительный или отрицательный это персонаж. Как будто все «родовые признаки» злодея налицо: колдун, рвется к власти над миром, людей убивает походя, над Конаном, героем положительным, не устает глумиться, и так далее. И все же как-то не складывается полноценный злодейский образ. Да, колдун — но использующий не омерзительную некромантию, а «чистую магию звездных сфер», человек, достигший Великого Знания своим собственным трудом. Да, к власти над миром рвется — но не ради самой власти, а ради одной лишь возможности осчастливить жителей подлунного мира. Да, людей убивает походя — но не со зла же, а в силу неудачно сложившихся обстоятельств. Да, над Конаном глумится — но ведь это он так играет, а лично к Конану не имеет ничего дурного, а наоборот, его очень даже уважает... Вот такая интересная штучка этот карлик Тезиас, названный Великой Душой. Типаж загадочный, постоянно мимикрирующий: то враг киммерийцу, то союзник, то собрат по несчастью, то неожиданный спаситель. Но всегда герой, перед чьим умением обманывать коварную судьбу нельзя не преклоняться. Герой, объявивший войну всесильным богам — и терпящий в ней одно поражение за другим, но в итоге умудряющийся всех богов перехитрить...

Или Тхутмертари. Вот уж образ «идеального злодея», доведенный до логического конца и гротескного совершенства! Пожалуй, никогда еще на страницах «конанианы» не появлялся такой законченный и последовательный Адепт Зла, чьи кровавые деяния описаны с почти что натуралистическими подробностями (укрепите свои нервы перед прочтением четвертого романа!). Куда всем этим сморщенным магам-чернокнижникам до красавицы принцессы, дочери человека и змеи, настойчиво рвущейся к владычеству над миром! Автор рискнул наделить ее почти всеми качествами, которые обычно вызывают уважение. Она дьявольски умна, пора-

зительно красива, отчаянно — до бесшабашности — отважна. И все эти качества она кладет на алтарь Зла, кладет не по неразумению, не в силу обиды или психического отклонения, а по сознательному выбору своему. Разве можно не уважать такого противника? Путь Тхутмертари завершается изумительно красивой сценой в конце четвертого романа; я потом долго не мог рассудить, кто же в итоге одержал победу: Конан и его союзники, оставшиеся в живых, или Змеиная Королева, ушедшая в небытие с торжествующей улыбкой на устах... Только в шестой книге я получил ответ на этот вопрос.

Однако самым таинственным персонажем эпопеи является, бесспорно, Скучающий Маг. Поверьте мне, читатель: намеки и наводки, щедро разбросанные автором по всему тексту, мало приближают к разгадке тайны Милиуса. Можно бесконечно долго гадать о мотивах его поступков — некоторые из них вроде бы лежат на поверхности — но все наши (во всяком случае, мои) гадания напрасны — пока сам Скучающий Маг не раскроет свою тайну в самом конце эпопеи. Готов биться с вами об заклад, что лишь один из сотни читателей правильно угадает, кто есть маг Милиус, зачем он есть, откуда взялся и что ему в итоге нужно. А все остальные, когда узнают, воскликнут, как один: это же так просто!

Молодой писатель неплохо нагнетает интригу. Чем дальше, тем больше наращивается темп сюжета. При этом почти невозможно предугадать, кто из героев какую роль сыграет в дальнейшем повествовании. Из кажущегося мелким, незначительным случаем может вырасти интрига поистине вселенских масштабов — например, «проходная» схватка Конана с демоном в бельверусском подземелье в конце первого романа фактически определяет развитие сюжета на сотни страниц вперед.

Иногда мне кажется, что автор в душе посмеивается над своими героями и над самим собой. Своеобразным, на грани «черного», юмором и слегка

прикрытой пародийностью проникнуты многие эпизоды романов. Чего стоит хотя бы сцена в четвертом романе, когда внезапно выяснится, что тайны Книги Судеб, величайшей сокровищницы Знаний, — той Книги, с которой как раз и началась история Великой Души, той Книги, вокруг которой все носились на протяжении более тысячи страниц и нагнеталась особая аура могущественности, — так вот, сокровенные тайны этой замечательной Книги Судеб оборачиваются пшиком, а сам бесценный кладёз Великого Знания исчезает настолько стремительно (в самом буквальном смысле, в единый миг — читайте роман), что кажется, будто его не было вовсе. А сколько иронии в эпизоде из второго романа, где профессор, прибывший накануне из Будущего, перерезает заколдованные стальные цепи лазерным лучом, рождающимся из авторучки, — почти как у Джеймса Бонда! — затем освобожденный им Конан облачается в волшебную накидку-невидимку и попросту исчезает на глазах у изумленного профессора, и тот думает, что в мире Прошлого всякий владеет искусством телепортации... Или возьмите любопытную сцену, когда двойник Конана обстреливает укрывшегося под волшебной накидкой киммерийца из «браунинга», эта сцена с умышленной назойливостью повторяется трижды (!) в разных романах эпопеи. И наконец, приметьте блестящие концовки романов — в каждой из них найдется своя изюминка, но особенно — в эпилоге последнего романа «Космическая Орда», где одна-единственная, как бы невзначай брошенная, фраза раскрывает практически все тайны и недомолвки семи предыдущих книг...

В общем, я весьма рекомендую вам эти семь романов Брайана Толуэлла. Это интересный опыт синтеза различных жанров современной фантастики. Наверное, далеко не во всем удачный, но, бесспорно, талантливый и знаменательный. Я рекомендую романы Толуэлла всем тем, кто рассматривает ост-

росюжетную фантастику в качестве развлекательной литературы, «легкого чтива»; они не обманут ваших ожиданий и не заставят вас скучать. Я рекомендую эти романы также всем истинным фанатам фэнтези: у вас есть шанс по-новому открыть для себя давно знакомого героя. Я рекомендую романы Толуэлла и ценителям философской фантастики: те, кто возымеет желание отыскать в них некие глубинные мотивы, ненавязчивые обращения к извечным проблемам и аллюзии с сегодняшним днем, думаю, также не будут разочарованы.

И я верю, что с выходом в свет эпопеи «Конан и Великая Душа», равно как и романов Мэнсона, Гранта и О'Найт, полк почитателей «вечного героя» в России прибавится.

*Джейсон Т. Бедфорд
Форт-Бродерик, 1996 г.*

Моим родителям

«...А еще там есть жемчужина — чистая и прекрасная, ровно лик Солнечного Митры, — и всякая нечестивая магия подле той жемчужины вмиг теряет силу».

*Сказание о Стране Небесного
Народа, скрижаль XLIV*

ПРОЛОГ

Пожилой человек весьма невзрачной наружности сидел на простом деревянном стуле, не отрывая взгляда от небольшой шахматной доски, где, судя по всему, разворачивалась нешуточная баталия. Вот черная пешка, дойдя до первой горизонтали, превратилась в ферзя, и невзрачный старик, издав глубокомысленный звук — нечто среднее между «м-да» и «гм», обхватил плешивый затылок длинными крючковатыми пальцами.

Со стороны все происходящее могло показаться очень и очень странным, ведь, кроме ничем не примечательного старика, в маленькой комнате, обставленной однообразной серебристо-серой мебелью, никого не было. Да и сам старик фигуры не передвигал: казалось, они ходят по шахматной доске сами по себе, не требуя вмешательства игроков. И хотя фигуры бегали по доске довольно резво, непохоже было, чтобы партия близилась к завершению.

Старик наморщил лоснящийся белый лоб, по-видимому, размышляя, что будет делать вновь родившийся черный ферзь с окружившими его тремя белыми пешками (или они — с ним?), как вдруг яркий серебристый свет померк, а откуда-то сверху послышалось раздраженное шипение. Старик досад-

ливо поморщился, и свет восстановил свою прежнюю яркость. Шипение, однако, не прекратилось, а, напротив, стало еще более громким и настойчивым.

— Проклятье! — с нескрываемой злобой изрекли явно не человеческие уста. — В этой каморке мне не развернуться!

— Мое скромное жилище и не предназначено для приемов подобных тебе созданий, — равнодушно отвечал невзрачный старик, продолжая внимательно смотреть на шахматную доску, а не в угол, где смутно просматривались очертания треугольной головы огромной золоченой змеи.

Шипение змеи превратилось в рев, от которого вполне могли бы лопнуть барабанные перепонки, если бы серебристые стены скромного жилища не поглощали лишние, по мнению его хозяина, звуки.

— Пади ниц, презренный смертный! — проревела змея. — Разве ты не знаешь, кто я?!

— Ты Сет, Великий Змей, Князь Тьмы, Владыка Ада, Властелин Мрака, Повелитель Ночи и прочая, и прочая, и прочая, — невесело усмехнулся старик, по-прежнему игнорируя змею вниманием своих маленьких выцветших глаз. — Некоторые особо ревностные, но не слишком умные твои почитатели именуют тебя также Повелителем Вселенной, но мы-то с тобой знаем, сколь далека от истины сия дефиниция... А ты не находишь, что по отношению ко мне определение «презренный смертный»... гм... притянуто за уши?!

— Будь ты проклят во веки веков, джан! — прошипел бог Мрака, явно не привыкший к столь непочитительному обращению со стороны человеческих существ.

Названный джаном старик тяжело вздохнул.

— Твое теперешнее проклятие не прибавит ничего нового к тем океанам проклятий, коими я уже был награжден тобою же и всеми остальными. Но если ты явился проклинать меня, я немедленно выпрожаю тебя отсюда, Князь Тьмы.

Минуту стояла напряженная тишина. Когда Сет заговорил снова, божественный гнев был упрятан далеко в глубины змеиного сознания.

— Мне нужна твоя помощь, всемогущий джан, — с трудом подбирая слова, проговорил демон. — Конан, Пелиас и Хадрат все-таки освободили Мората-Аминэ, Пожирателя Душ.

— Я знаю. Это было неизбежно, — молвил джан, обратив наконец свой взор на скорчившуюся в углу гигантскую змею.

— Они принесли в жертву Пожирателю Душ сотню моих верных слуг из мира людей — посвященных жрецов и чародеев Черного Крута. Но не эта ничтожная потеря тревожит меня...

— Разумеется, — кивнул головой джан. — Тебя тревожит то, что произойдет дальше. А дальше они намерены склонить Мората-Аминэ принять в жертву душу карлика Тезиаса. Я полагаю, Пожиратель Душ примет их предложение.

— Когда Морат-Аминэ проглотит душу бога, хотя бы даже и самозваного, — прошипела, отведя глаза, золотая змея, — он, мой лютый враг, станет много сильнее меня. Мне придется уступить ему престол Тьмы, или же я буду растерзан моими собственными подданными...

— И что же ты намерен предпринять, чтоб избежать столь неблагоприятного для тебя развития событий?

— Только одно, джан. Я молю тебя, чтобы ты остановил Пожирателя Душ. Я алчу сохранить свой престол. Морат-Аминэ должен быть уничтожен!

— Какое мне дело до разборок между злыми демонами! Не ты первый Властелин Мрака, не ты и последний.

Долго сдерживаемый божественный гнев все-таки выплеснулся наружу. Из глаз змеи, лишенных век, разлилось яростное пламя. Огонь поглотил всю комнату. Когда же пламя исчезло, джан по-прежнему

му сидел за шахматным столиком; в комнате ничего не изменилось.

— Теперь я вижу, ты в самом деле не можешь обойтись без меня, — задумчиво проговорил джан.

— Блефуй перед кем-нибудь другим, всемогущий джан, — прошипел Сет. — Мы оба знаем, что тебе далеко не безразлично, чем закончится поединок карлика-фантома и Пожирателя Душ. Мы оба знаем, кто ты есть, джан.

Гримаса глубокого страдания поразила лицо старика. Растрепанная белая борода топорщилась в разные стороны. Джан встал.

— Каков будет твой ответ? — спросила золотая змея.

— Я бы мог отказать тебе, Владыка Ада. Полагаю, Пожиратель Душ скорее подавится той жертвой, какую приготовил для него Конан со своими друзьями. Но я помогу тебе, Сет. При одном условии.

— Говори! И помни: ты первый, кто осмеливается торговаться со мной.

— Я покончу с Пожирателем Душ, — сказал джан. — А когда придет время и у меня тоже появится... ну, предположим, кой-какая проблема, твой верховный жрец Тот-Амон немедля исполнит мою просьбу.

— Просьбу?! Я могу только обещать, что рассмотрю ее, твою просьбу! Возможно, рассмотрю. И не впутывай сюда Тот-Амона. Наша сделка — не для ушей смертных!

— Нет, — покачал головой джан, — ты должен дать слово, что Тот-Амон, владыка Черного Круга и твой верный раб, исполнит ее, мою просьбу, а вернее, волю, когда я скажу... Ну же, Сет! Время против тебя! Пожиратель Душ уже гонится за фантомом. Разве ты не видишь?..

Великий Змей бросил быстрый взгляд на шахматную доску, где черный ферзь неумолимо загонял в угол белого короля. Назревала матовая ситуация.

— Да будет так, джан. Убей Пожирателя Душ, и мой наместник на Земле исполнит твою волю, когда тебе это будет нужно. Слово бога.

Джан кивнул. Спустя мгновение он и Сет исчезли из маленькой серебристой комнаты. А фигуры на шахматной доске продолжали свою странную игру...

...Еще спустя бесконечно краткое мгновение на другом конце Земли, где-то над горами Иранистана, тончайшие, не дающие света, голубые лучи, внезапно разлившись отовсюду из пространства, поразили могучее тело Мората-Аминэ, Пожирателя Душ. Такое же мгновение потребовалось джану, чтобы вернуться в свою серебристую комнату, где продолжалась захватывающая шахматная партия — но уже без черного ферзя. Пожилой человек весьма незаметно подмигнул белому королю и, не дождавшись ответного сигнала, снова уселся на простой деревянный стул, чтобы досматривать свое зрелище. Следующие полтора месяца его никто не беспокоил.

* * *

Одиноким белым орлом гордо парил над заснеженными пиками Карпашских гор. Здесь, в небесной вышине, вовсе не чувствовалось пыльного дыхания мертвой степи, окружившей эти горы с трех сторон. На многие десятки миль раскинулись они, и гигантский белый орел был единовластным хозяином этих ледяных клинков. Могучая грудь мерно вдыхала чистый морозный воздух, большие черные глаза внимательно осматривали каждый клинок: не затупился ли, не устал ли от тяжести бесчисленных миллионов лет службы?! Нет, все было, как всегда. За триста лет своей жизни гигантский белый орел привык к этой мертвящей тишине. Он знал, конечно, что там, где-то вдали — на севере, где начинается мерзлая бритунская степь, и на западе, где к Карпашам вплотную подступают солончаки северо-восточной Коринфии, и на юге, где прямо на горных

склонах растут девственные хвойные леса северной Заморы, и даже на востоке, где вытянулись, точно кости некоего циклопического древнего чудовища, Казанкийские горы, — так вот там, где воздух не так чист, а белый цвет вечного льда уступает свою безраздельную власть суетному многоцветию, там кипит иная жизнь, и яростные конвульсии этой жизни разрывают Тишину, из которой родился Мир. Там — но не здесь. Здесь Первозданная Тишина хранилась веками; здесь даже лавины появлялись раз в тысячу лет...

Здесь, среди льдов и снегов высокогорий, и обитало с незапамятных времен племя гигантских белых орлов. Они были стражами и хранителями этих гор. И никто — ни бог, ни демон и тем более уж ни смертный маг — никогда не осмеливался посягать на эту их добровольную службу.

Солнце — могущественное в дальних краях светило, а здесь всего лишь бессильный свидетель многовековой вахты девственных гор и их крылатых хранителей — все выше поднималось над горизонтом. Занимался новый день; он обещал быть таким же, как и все предыдущие, как и все последующие. Робкие лучи осторожно ласкали ледяные шапки, как будто норовя вызвать слезу у этих льдов: «Не надоели ли вам тут лежать?!» — «Не дождетесь», — ритуально отвечали льды. В безмолвной тишине гигантский белый орел облетал свои владения. Незаметная движущаяся точка в слепящих отраженных лучах разгорающегося дня...

Вдруг нечто совершенно немыслимое произошло в царстве Первозданной Тишины. Чуткий, даже притупившийся от этой вечной тишины слух орла уловил то, что вовсе невозможно было в его владениях. Звуки. Нет, это не был гаснущий грохот сходящей вниз снежной лавины. И не громоподобный треск обрушившейся скалы. И не крик живого существа — таковые здесь просто не водились. Звуки были совершенно непохожими на все, что мог слы-

шать или представить себе хозяин здешних мест. Некое ритмичное тарахтение, как будто кто-то очень быстро колотит камнем о камень. А вскоре с запада показалось Нечто, звуки сии издающее. Крошечная черная точка на фоне всеобщей белизны.

Страх — чувство, неведомое гордым орлам. Равно как и смятение, и ненависть, и злость. Холодное понимание того, что в его владения вторгся Чужак, вело все дальнейшие действия властелина ледяной пустыни. Черному Чужаку, издающему ужасные, режущие слух звуки, не место в мире Первозданной Тишины. И потому гигантский белый орел ринулся наперерез Чужаку.

Черный Чужак несли мимо с огромной, фантастической скоростью. И минуты не прошло, как ритмичное тарахтение превратилось в адскую какофонию грохота, как ни странно, такого же ритмичного. Теперь орел мог лучше разглядеть Чужака. Это было нечто похожее на птицу. Хищный загнутый клюв, огромные неподвижные глазницы, широко раскинутые тонкие и тоже неподвижные крылья, длинный хвост. И прямо на спине — некий столбообразный отросток, на верхнем конце которого что-то с невозможной скоростью вращалось; оттуда же, с вершины этого отростка, изливался грохот. Чужак был окутан непонятным голубоватым сиянием, явно не имеющим ничего общего с солнечными лучами. И еще: Чужак был раза в три больше хозяина здешних мест.

Не обращая ни малейшего внимания на белого орла, Чужак летел на восток, навстречу восходящему солнцу. Гневный клекот белого орла не остановил его. Дерзкий пришелец продолжал осквернять своим присутствием вечный покой ледяных клинков. Чужака необходимо было остановить. И орел решил: в этом состоял его долг. Выставив вперед страшные когти и разинув клюв, он бросился на Чужака спеша.

Выколоть глаза дерзкому пришельцу не было ему суждено. Как только голубоватое сияние, укрываю-

щее Чужака, коснулось орла, он ощутил страшную боль, хуже которой не мог себе и представить. Тело как будто окаменело — и в то же время словно разрывалось на части. Боль длилась менее секунды — тот краткий миг, когда орел пребывал в голубоватом облаке. А затем страж вечных гор свалился вниз, и черное брюхо Чужака промелькнуло над ним.

Собрав все свои силы, чудовищным напряжением воли поборов изумление, белый орел бросился вдогонку. С головы чужая птица была неуязвима. Но орел знал: никакая птица не может летать без хвоста. На хвост Чужака он и нацелился, тем более что смертоносное сияние позади пришельца отсутствовало.

Чужак не сделал ни малейшей попытки встретиться со своим врагом лицом к лицу. Черный грохочущий пришелец по-прежнему быстро неся навстречу восходящему солнцу, и одинокому орлу стоило невероятных усилий нагнать его. Когда до хвоста Чужака оставалось совсем немного, раздался новый треск — более частый и более резкий. Белый орел ощутил, как в могучую грудь его и в левое крыло впиваются маленькие огненосные жала. Гордый страж ледяного безмолвия никогда ранее не встречался с колдовством; тем более он не мог знать, что такое пули. Одно было ясно ему: ужасный черный пришелец как-то умудрился ранить его, а может быть, убить.

Впервые за свою долгую жизнь раненый орел заплакал. Долг придал ему новые силы; столь опасное чудовище нельзя было пропустить через владения гордого орла. А оно, решив, верно, что со стражем здешних мест покончено, все летело своей дорогой. Догнать Чужака орел был не в силах. Но воздушные течения, верные друзья здешнего властелина, по-видимому, также возмущенные дерзким вторжением Черного Чужака, подняли умирающего орла и понесли вослед пришельцу. Мудрый орел понимал, что долго ему не продержаться: раненое крыло обвисло,

а белая грудь уже окрасилась кровью. Он мечтал принять смерть среди ледяного безмолвия, на самой высокой ледяной шапке великих гор. Увы... Долг толкал его на иную смерть. Броситься на Чужака сверху вниз, своим телом упасть на неистово вращающееся Нечто — оно-то, как видно, заставляет летать эту жуткую птицу. Пусть бешено крутящиеся винты превратят в кровавую пыль гордого властелина гор, но тогда и дерзкий нарушитель Первозданной Тишины найдет свою смерть среди вечных льдов!

...Очевидно, неведомая черная птица была не менее хитра и умна, чем гордый орел. Разгадав его замысел, она круто взмыла ввысь, поравнявшись со своим недругом. Из-под крыла Чужака с шипением выпорхнула маленькая белая стрела — и устремилась к орлу. Издав отчаянный клекот, страж ледяного безмолвия бросился навстречу своей смерти.

Взрыв прогремел, облако бушующего огня поглотило гордого орла. Душа отважного стража воспарила к небесам — туда, где находят вечное успокоение все сыны его племени. Уже покидая земной мир, она увидела Черного Чужака, продолжающего свой полет на восток. Горечь сознания того, что ты погиб, не выполнив долг, ушла; погибший орел вдруг понял: такому существу, как этот Чужак, не нужны безмолвные ледяные пустыни вечных гор. На смену горечи пришла безысходность; орел вдруг постиг простую истину: если подобному существу позволено безнаказанно нарушать покой мира, мир уже никогда не будет таким, каким был всегда.

* * *

Об этом же размышлял в своей странной серебристой обители и невзрачный старик с растрепанной белой бородкой. В отличие от гордого стража Первозданной Тишины, джан знал эту истину давно. Можно сказать, всегда. А еще джан знал, что вечером нынешнего дня его посетят гости — не боги,

но люди. Люди, пока не ведающие даже о его существовании. Эти люди придут к нему за помощью. И он поможет им — поможет так, как способен помочь только он, джан. Вместе они спасут мир. Каждый по-своему.

Глава первая

РЖАВЫЙ ТУМАН

Еще совсем недавно ровная и гладкая площадка перед гигантской цитаделью сейчас напоминала одновременно и поле брани, и трактир после смертоубийственной драки пьяных матросов, и даже место выяснения отношений разгневанных богов. Не было ни одного пятка земли, где бы не лежали огромные обломки скал и камни поменьше — те и другие в окружении совсем уж ничтожных по размеру, но оттого не менее острых камешков, кои пребывали здесь в неисчислимом количестве. И трупы, трупы, трупы... Тела могучих аквилонских воинов, прошедших со своим королем путь от самой Тарантии сюда, к тайной цитадели Великой Души на северо-востоке Коринфии. Они вынесли нечеловеческие испытания — и полегли здесь, у цели, от смертоносных огненных стрел неведомого чудища, вызванного Тезиасом из Иного Мира.

Конан-киммериец, король Аквилонии, стоял в окружении немногих оставшихся в живых соратников и мрачно рассматривал две глиняные таблички — прощальный «подарок» побежденного им карлика. Побежденного ли? Казалось бы, все говорило за то. Конан убил зловещих слуг карлика — Синих Монахов, сорвал свою корону с головы Лже-Конана, Джейка-Узурпатора, да и сам ужасный карлик чудом избежал гибели от меча мстителя. Затем, воспользовавшись удивительным оружием Будущего, он покончил с Чудищем, которое несло в своем

чреве его лютых врагов, — вон там, за пропастью, оно еще дымится...

Но эти проклятые таблички! Они сожрали победу быстрее, чем огонь пожирает сухой хворост...

— Тезиас написал «Не обольщайся» на обеих табличках, — сказал наконец Конан. — Вам понятно, что это значит?!

Воины тревожно зашумели. Чей-то неуверенный голос произнес:

— Чокнутый он был, этот карлик! Даже зная, что проигрывает, он задумал испортить нам победу. Верно я говорю, ребята?

— А я думаю иначе. — Конан исподлобья оглядывал обступивших его воинов; это были крепкие, надежные парни, от них он не имел права скрывать правду — ту горькую правду, о которой он догадывался. — Я думаю иначе. Проклятый карлик замыслил не просто испортить нам победу. Он задумал ее украсть. Готов биться об заклад, он решил, будто время скрестить мечи в последней схватке еще не пришло. Тезиас жив, вот что я хочу сказать.

— Жив?! — После всего приключившегося за последнюю неделю эта новость звучала как издевательство. — Ты же убил демона, в чреве которого прятался карлик! Я сам видел это, не будь я Просперо!

— Ты имеешь в виду это, — Конан кивнул в сторону дымящихся останков. — По мне, так это не более чем очередной колдовской морок. Из тех, что такой любитель напускать карлик. Спорим, если мы переберемся через эту пропасть и приблизимся к пожарищу, мы там ничего не найдем?!

Спорить с королем Просперо не стал. Генерал не отводил от Конана воспаленных многодневной бессонницей глаз. Слова короля звучали дико — но то говорил человек, в мудрости и проницательности которого верный соратник нисколько не сомневался. Он только спросил:

— Если это колдовской морок, где же тогда карлик? Почему он не нападает на нас?

Конан с досадой сплюнул. Разгадывать головоломки было вовсе не в характере неукротимого варвара.

— Почем я знаю, Просперо, — с досадой ответил Конан. — Я не бог и даже не волшебник. Не был ими и ни за какие блага не соглашусь стать. Я воин. И как воин вот что я скажу: Тезиас и та свинья, что приняла мой облик, смылись, чтобы отсидеться. Накопив силы, они снова попытаются заступить нам дорогу. И, судя по тому, что аппетиты карлика распространяются на весь мир, а мой двойник Джейк мечтает об аквилонской короне — судя по всему этому, основная схватка будет впереди. И нешуточная...

Внезапно Конан ощутил жар в руках. Бросив взгляд на них, он замер: глиняные таблички раскалились, на пальцах появились ожоги. Как он не почувствовал этого раньше?

— Берегись! — вскричал Конан и с силой выбросил обе руки вперед. Однако, к ужасу его, злополучные таблички как будто приклеились к ладоням. Не медля ни секунды, Конан столкнул обе руки друг с другом. Таблички рассыпались в пыль. А пыль эта не легла на землю, а, напротив, стала подниматься ввысь, обретая форму и донельзя знакомые очертания...

— Говорил же я, не надо было открывать проклятую шкатулку, — бледнея, пробормотал Просперо. Исполненные своим всегдашним страхом перед сверхъестественным, люди поняли прочь от формирующегося фантома. Один лишь Конан остался на своем месте, скрестив руки на груди. Он примерно знал, что сейчас произойдет.

Спустя недолгие мгновения пыль собралась; перед Конаном в воздухе висел карлик Тезиас. Великая Душа собственной персоной. Персона сия самым фактом своего появления не могла, впрочем,

обмануть Конана: варвар знал, что сложившийся из пыли карлик — не настоящий, а всего лишь, как это называет сам Тезиас, «воплощение бога». «Воплощение» между тем разлепило уста:

— Я аплодирую тебе, киммериец. Ты в очередной раз убедил меня в своей глубокой проницательности. Чтобы какой-то варвар так ловко разгадал божественный замысел... Кто бы мог подумать! Тебя и твоих пока еще живых друзей, — призрак Тезиаса обвел коротенькой ручкой стоявших вокруг Конана воинов, — как я погляжу, интересует, где моя божественная персона в настоящий момент пребывает и какие имеет планы относительно тебя, твоего прекрасного королевства и всего остального мира. Что ж, не буду мучить неведением храбрых воинов; чем и как вас лучше мучить, вы скоро сами узнаете. Итак, касательно моего местонахождения. Как ты, Конан, изволил выразиться, я смылся вместе с моим другом и слугой Джейком и в настоящий момент путешествую с помощью одной замечательной машины из Будущего. Машина сия носит гордое имя «Черный коршун» и принадлежит к роду вертолетов. К роду демонов и всех прочих страшилищ она, да позволено мне будет заметить, не имеет ни малейшего касательства. Я вижу, некоторые твои воины уже имели возможность испытать на себе силу этой замечательной машины, — на сей раз призрак указал на тела погибших товарищей Конана. — Итак, вскорости я достигну своей новой резиденции, где, смею тебя заверить, ты меня не достанешь. В остальном мои планы ни капельки не изменились: через какое-то время я стану править миром, а мой приятель Джейк воссядет на аквилонский престол. Мстить тебе я больше не буду, можешь не беспокоиться. Вредить — тоже. Если ты не встанешь у меня на пути, я тебя не трону. Слово бога.

— Я обязательно встану на твоем пути, гнусный карла. И путь этот закончится твоей смертью! — проревел Конан, зеленея от собственного бессилия.

— Увы, увы, — заметно опечалился карлик. — Можно рассчитывать на твою сообразительность, но на благоразумие — увы, увы... Мне очень, очень жаль, Конан. Я, честно, не имею ничего против тебя. Ты лучший из варваров, с кем мне приходилось встречаться... Так ты не передумаешь?

— Нет! — взревел Конан, разрубая мечом призрак карлика. Киммериец знал, что «божественное воплощение» нельзя убить человеческим оружием, но вот заставить замолчать можно попытаться. Слушать бесстыдные речи Тезиаса всегда было хуже пытки — и особенно сейчас!

Призрак распался на две равные половинки. И тотчас они превратились в облачко оранжевого газа. Последнее, что заметил Конан, — маска крайнего сожаления, застывшая на физиономии карлика. Киммериец слишком поздно осознал, какой чудовищной ошибкой стало нападение на призрака. Тезиас как будто давал понять ему: нельзя атаковать врага, когда битва уже закончена, а миг следующий решающей схватки еще не пробил. Теперь он, Конан, заплатит за свою несдержанность. И плата будет велика — жизнь его верных товарищей, а может быть, и его собственная.

Все это киммериец постиг в одно мгновение. Безобидное с виду оранжевое облако таило в себе смертельную опасность — в этом король-варвар был абсолютно уверен.

— Все в крепость!!! — заорал Конан.

Подавая пример своим воинам, король первым бросился к входу в гигантскую цитадель. Но, по-видимому, призрак Тезиаса не был склонен предоставлять врагам собственную цитадель в качестве убежища от своей же магии. Многотонная железная плита, обозначавшая единственный вход в Замок Синих Монахов, стремительно задвинулась, перекрыв Конану и его воинам дорогу в крепость.

— Великая Душа! — гаркнул Конан.

Понятно, в мыслях его не было звать на подмогу

того, кто, даже пребывая одним богам ведомо где, умудрялся устраивать пакости своим недругам. Конан всего лишь произнес известный ему пароль, который управлял положением плиты. Немногим менее часа тому назад киммериец именно таким способом отворил ворота цитадели для своих товарищей. Но на сей раз пароль не сработал. Огромная плита не шелохнулась.

Тем временем за спинами людей облако оранжевого газа продолжало свои зловещие преобразования. Теперь это уже был густой, клокастый ржавый туман, быстро расползающийся во все стороны. Вот туман соприкоснулся с замешкавшимся солдатом. Тот схватился за горло, как будто ржавый туман душил его, и, хрипя в агонии, опустился на землю.

— Ломайте ворота! — вскричал киммериец.

Около сотни человек, сгрудившиеся вокруг своего короля, принялись бить железного исполина мечами и пиками; кое-кто, кто был посильнее, орудовал огромными каменными глыбами. С тем же успехом можно было пытаться продырявить боевой щит зубочисткой. Даже имея при себе многопудовый стальной таран, какие мастерятся на литейных заводах Аквилонии, воины Конана не смогли бы проломить эту чудовищную массу закаленного металла.

Ржавый туман между тем уже овладел всей ложбиной между цитаделью и окружившими ее скалами. Зависнув на высоте примерно в метр, кольцо смертоносного тумана мало-помалу стягивалось вокруг горстки обреченных. Еще несколько воинов стали его жертвами. Почерк убийства всюду был одинаков: лишь краткий миг человек, застигнутый ржавым туманом, мучился в конвульсиях, затем затихал навсегда.

— Пора выкарабкиваться отсюда, парни! — командовал Конан. — Делайте как я!

И он встал на четвереньки. Не обращая внима-

ния на вливающиеся в тело каменные осколки, он быстро пополз прочь от цитадели. В ложбину, ставшую теперь ловушкой для его воинов, вел всего лишь один проход, и Конан надеялся, что первобытное чувство направления, никогда не изменявшее ему, выручит и на этот раз. Ползком продвигаясь вперед, Конан слышал, как позади него плетутся за своим королем его товарищи. Среди стонов и проклятий слышались и крики несчастных — тех, кому не удалось спастись от удушающих объятий колдовского тумана...

Гнев и горечь унижения разрывали сердце Конана. Вся его натура варвара протестовала против способов ведения войны, к которым постоянно прибегал Тезиас. Где его, Конана, верный двуручный меч, тяжелый и длинный, окропленный кровью тысяч неудачливых врагов?! Вот он, волочится по камням за хозяином. Что может он в схватке против существа, уже однажды им убитого и всякий раз представляющего в новом обличи бесчисленных «божественных воплощений»?! Меч бессилен против призрака-фантама, против сонмища порожденных гипнозом карликов, против головы-миража, занимающей полнеба, против этого мерзкого ржавого тумана. Где честный бой?! Где настоящая мужская схватка, в которой все решают сила, умение и ловкость воина?! В таких схватках Конан был опытен, и не существовало в Хайбории витязя, которого он не мог бы одолеть в честном бою — неважно, на мечах ли, саблях или в рукопашной.

Конечно, было бы безумием с его стороны ожидать от колдунов верности канонам воинской чести. Колдун есть колдун; не для того человек приобщается к мистическому, чтобы драться за свою жизнь, как простой воин. Магия и маги сопровождали Конана всю его жизнь — чаще в качестве враждебной силы. Повадки чернокнижников киммериец знал не хуже, чем охотник знает повадки преследуемого им зверя. Колдун всегда мнит себя сильнее обычного

человека; в случае опасности он всегда готов обратиться за помощью к сверхъестественным силам, глубоко враждебным человеческой природе. К счастью для Конана, подавляющее большинство колдунов, встававших у него на пути, на самом деле были неучами и шарлатанами, слишком много о себе возомнившими. Жуткие твари, призванные ими из адских бездн, как правило, не ведали чувства привязанности к своим повелителям. Ненасытные твари эти с одинаковым удовольствием пожирали как невинные жертвы, так и своих незадачливых хозяев. Ведь в конечном счете, маги и колдуны Хайбории были такими же людьми, как все остальные, и человек, владеющий искусством убивать, мог, приложив некоторые усилия, отправить к дьяволам даже самого самоуверенного мага; обычно этим все и заканчивалось.

В случае с Великой Душой Конан столкнулся с чем-то особенным. Каким-то непостижимым образом Тезиас всегда умудрялся навязывать Конану игру на собственной территории. А это была территория, почти не знакомая Конану. Карлик не прибегал к услугам демонических созданий, не нуждался в волшебных амулетах, порошках, зельях и прочих колдовских приспособлениях. Он не поклонялся Сету, Ариману, Нергалу, равно как и всем иным злобным божествам Хайборийского мира. Не мучил и не насиловал молодых девушек, не сдирал с девиц кожу для чародейских книг, да и к книгам-то особой приязни не питал, разве что к великой и ни на что другое не похожей Книге Судеб. На территории Великой Души вершилась иная магия, совершенно недоступная пониманию Конана и всегда ставящая его в тупик. Все чаще киммериец ловил себя на мысли, что он борется с Тезиасом вовсе не тем оружием, каким того можно победить. Это позволяло карлику играть с могучим варваром, как сытая кошка играет с глупенькой мышкой. Вот и сейчас: гордый властелин богатейшей державы мира

на карачках ползет по острым камням, чтобы спасти свою шкуру от колдовского тумана! Возможно ли измыслить для Конана большее унижение?!

Поневоле размышляя об этом, киммериец не заметил, как закончилась ложбина. Он стукнулся головой об огромный валун; из-под валуна торчали ноги, обутые в сапоги из мягкой кожи тарантийской выделки. Чувство направления не подвело его. Он и в самом деле отыскал выход из ложбины-ловушки. Вернее, то место, где еще час назад был выход. Теперь его загораживал целый навал из обрушившихся скальных пород. Ловушка захлопнулась.

— Куда теперь, государь? — раздался сзади голос Просперо. — Люди мрут как мухи! Этот чертов туман опускается!

Что Конан мог ответить своему верному товарищу? Он и сам видел, как сплошная ржавая пелена, полностью закрывшая собой небо, медленно движется вниз, прижимая людей к земле. Собирая все новые и новые жертвы, страшный туман не собирался останавливаться. словно гигантский стальной пресс, он неумолимо опускался, и прижатые им к земле люди, по замыслу создателя этого тумана, в последние мгновения своей жизни должны были, наверное, ощущать себя жалкими муравьями, на которых вот-вот падет сапог человека-гиганта.

Ждать конца оставалось недолго. Минута-другая, и ржавый туман прижмет всех к земле, — где и задушит. Внезапно Конан услышал какие-то крики, раздававшиеся откуда-то сверху. И еще... хлопанье крыльев! Множества крыльев, как это бывает, когда взлетает большая стая огромных птиц — орлов или грифов.

Туман заволновался. Звуки хлопающих крыльев приближались. Еще не до конца веря в такую удачу, Конан увидел, как проклятый туман редет, рассеивается. Да, он еще продолжал собирать свою смертельную жатву — позади слышались сдавленные хрипы удушасемых, но уже сквозь оранжевую пелену

проглядывало солнце и были видны те, кто своим нежданным вмешательством спасли жизни Конану и остаткам его армии.

То были удивительные летающие создания, одинаково непохожие на птиц и на летучих мышей. Тело крепкого коня, могучие перепончатые крылья размахом не менее десяти метров и огромные добрые глаза, лишенные зрачков, белые, точно солнечный свет. Создания кружили над усеянной обломками скал и трупами людей площадкой и взмахами гигантских крыльев разгоняли смертельный туман.

Конан не мог не признать этих существ. Первое знакомство с ними у него состоялось лет семь назад, когда добрый скрич — таково было имя крылатого существа — всего за одну ночь доставил его из Хоршемиша, столицы Кофа, в Тарантию. Благодаря этому Конан успел пресечь мятеж принца Арпелло и возглавить поход против армий колдуна Тсота-Ланти, осаждавших город Шамар. Вторая встреча с добрыми скричами произошла совсем недавно: когда бог-фантом Великая Душа, захвативший власть в Тарантии, объявил охоту на свергнутого короля, именно скричи тайно вывезли Конана и его друзей в Стигию. Они же доставили киммерийца из Стигии в Бельверус, где Конан с помощью Ромба Яхкунга победил Тезиаса — как оказалось, не окончательно...

И всегда скричи приходили на выручку в момент, когда промедление означало верное поражение, когда никто иной помочь ничем уже не мог. В этот же раз добрые создания просто спасли Конана от неминуемой смерти.

Но скричи — загадочные, волшебные существа. Они обитают в заоблачных мирах, лежащих так далеко, что туда невозможно заглянуть даже с помощью волшебных зеркал и магических кристаллов. Скричи не приходят на выручку когда попало и кому попало. Немногие смертные знают об их существовании. Дозваться их — ох как нелегко! И уже

тем более невозможно смертному общаться с этими чудесными созданиями на равных. И Конан знал, кому из людей удалось стать другом неведомых крылатых существ. Этот человек, единственный из смертных, мог донести свой зов до заоблачных миров, и скричи неизменно откликались на него. Если добрые скричи сейчас здесь, это автоматически означает, что здесь же и верный друг короля Конана — старый волшебник Пелиас.

Точно, вот он — восседает на спине огромного существа и, словно полководец на поле брани, руководит атакой скричей на ржавый туман. Все ниже и ниже спускаются волшебные птицы. Ветер, рожденный их крыльями, превратился в настоящий вихрь. Вот Пелиас сотворил какое-то заклинание, взмахнул руками — и смерч, поглотив ошметки ржавого тумана, собрался в единый воздушный поток и низвергся в бездонную пропасть, лежащую за Замком Синих Монахов. «Туда ему и дорога», — подумал Конан, искренне сожалея при этом, что нельзя вот так вот запросто спихнуть в пропасть вместе с ржавым туманом и самого гнусного карлика.

Молниеносно вскочив на ноги, Конан бросился к своему спасителю.

— Привет, дружище! — гаркнул он, заключая старика в богатырские объятия. — Клянусь Кромом, ты успел как раз вовремя! Вот еще бы чуток раньше...

Пелиас, аристократической наружности высокий худощавый старик с седой бородой, ниспадающей до самого пояса, взмахом руки отпустил крылатых скричей и слегка поклонился аквилонскому королю.

— Приветствую тебя, Конан. Разве мог допустить я, чтобы такой великий герой пал смертью, столь же нелепой, сколь и неразумной?! Для меня, признаюсь, стало немалым огорчением узнать, что наш супротивник Тезиас, мой недостойный ученик, не погребен, как я полагал, в пучинах моря Вилайет, а жив и продолжает строить козни против честных людей. «Раз так, — решил я, — рановато мне, пожа-

луй, отправляться на покой!» К тому же самолюбие старого чернокнижника не вынесет, если в победных реляциях о новом походе Конана Аквилонского против злобного карлика не будет, хотя бы вскользь, упомянуто имя старика Пелиаса. Так что, киммериец, хоть ты, как я ведаю, и не шибко охотлив брать в сотоварищи представителей моей, не скрою, малопочтенной профессии, придется тебе таки примириться с присутствием в твоём отряде престарелого составителя волшебных порошков!

— Ладно, старина, ради одного такого составителя я, так и быть, сделаю исключение, — рассмеялся Конан в ответ на высокопарную тираду волшебника. — Но скажи же наконец, где ты пропадал все это время? По правде сказать, твоя помощь пригодилась бы и раньше! Тут такое было... — Конан выразительно обвел рукой окрестности.

— Нам сообщили, будто ты, почтенный Пелиас, спишь в своей Золотой башне гипнотическим сном и никто не в силах пробудить тебя, — вставил подошедший к ним Просперо.

Волшебник нахмурился.

— Вам сообщили правду, — после некоторого молчания молвил он. — Я плохо помню, как все произошло. Кажется, я приятно проводил время, — Пелиас криво усмехнулся. — Вдруг как будто из ничего возникли трое в синих плащах с капюшонами. Это последнее, что я помню... Скорее всего, они и усыпили меня.

— Точно, их, подлюг, почерк. — Конан сплюнул. — Хвала богам, Синие Монахи больше не будут поганить воздух!

— Ты хочешь сказать...

— Ага. Вон они, все там, в своей крепости, — Конан указал на цитадель. — Шесть обыкновенных жмуриков и десять стальных идолов. Только вряд ли в ближайшую тысячу лет отыщется кто-нибудь, кто возгорится желанием молиться этим идолам!

— Карлик хотел превратить нашего короля в

стального истукана, а вместо этого король сам превратил в истуканов его верных слуг, — пояснил Просперо.

Пелиас недоуменно уставился на Конана.

— Уж не мечтаешь ли ты, мой друг, переквалифицироваться в чародей?! Клянусь Иштар, талантливому человеку нетрудно стать знаменитым магом!

Конан рассмеялся, встряхнул густой гривой черных волос.

— Нет, Пелиас, мне твои лавры ни к чему! Но, постой, ты не сказал, как удалось тебе пробудиться от колдовского сна.

— Вот это-то и мне самому непонятно, — понизив голос, сказал Пелиас. — Было это прошлым утром. Не знаю, как уж это тебе описать... Меня разбудил очень странный... гм... ураган. Да, несомненно, это был ураган.

— Ураган?! — воскликнул Конан. — Небо покрылось черными тучами, и оттуда спустился колдовской вихрь. Вихрь поднял тебя, раздел как будто до костей, а потом отпустил — и ты потерял сознание. Так все было, Пелиас?!

— Точно так, точно так, — с изумлением глядя на киммерийца, прошептал чародей. — А еще спустя несколько часов я очнулся. Но ты-то откуда все это знаешь?!

— Со мной чуть раньше произошло то же самое. — Grimаса отвращения исказила покрытое шрамами лицо Конана. — Опыты карлика, сожри его Сет... Что с тобой было дальше?

— Придя в сознание, я первым делом заглянул в волшебное зеркало Лазбекри. Я увидел тебя в цепях, узрел здравствующего карлика. Тотчас созвав своих крылатых друзей, я поспешил на помощь. Увы, путь сюда от Ханарии неблизкий, даже для скричей!

— Да, ты многое пропустил, — угрюмо молвил Конан.

Его внимание уже переключилось с Пелиаса на

своих оставшихся в живых товарищей — их было не более трех десятков...

— Ты видишь все, что осталось от моей сорокатысячной армии, — с горечью проговорил Конан. — Слишком большая цена за изгнание карлика из этой цитадели и гибель его зловещих монахов!

Белая морщинистая рука Пелиаса крепко сжала загорелое плечо киммерийца.

— Крепись, король. Твои люди погибли не зря. Я, как ты успел заметить, всего лишь раз имел несчастье встретиться с этими... гм... монахами. Ты знаешь, я считаюсь сильнейшим магом нашего времени. И я был бессилен против них. Одни лишь Великие Боги знают, откуда взялись у карлика такие слуги. Их больше нет, и сие суть величайшее благо для мира. Покончив с ними, ты, возможно, спас жизни миллионов. А карлик — карлик опять остался один! И я верю, мы обязательно одолеем его!

— Ладно, пора выбираться отсюда, — закончил дискуссию Конан. — Строить планы будем потом.

Внимательно осмотрев завал, Конан пришел к невеселым заключениям. Чтобы разобрать его, требовалась слаженная работа десятков сильных рук. И дай Бог, чтобы они справились за три дня! Для самого Конана, сына киммерийских гор, подняться по скале и спуститься с другой стороны было делом привычным, но вот для его товарищей — совершенно невозможным.

— Ты поторопился отпустить своих крылатых друзей, Пелиас, — пригорюнившись, заметил варвар. — Они бы запросто перенесли нас на равнину. Может, кликнешь их, а?

— Нет, Конан, — покачал головой волшебник. — Да будет тебе известно, я связан с племенем скричей необычной дружбой. По моему зову они всегда явятся на помощь. Ровно десять раз могу позвать я их, и они откликнутся; таковы условия богов. Сегодня я прибег к их помощи в девятый раз. Я полагаю, наступит момент, когда мои друзья из заоблач-

ного мира будут нужны нам более, нежели теперь... А завалом позволь заняться мне. Пробить ход в скале — невеликая задача для такого мага, как я, — заметил Пеллиас не без самодовольства.

— Ну что ж, попробуй, — согласился киммериец. — А мы тем временем простимся с погибшими. Даже в этом проклятом месте нельзя оставлять товарищей пожирателям падали.

Конан выразительно посмотрел на небо. Солнце уже высоко стояло над головами. Черными кляксами на фоне чистого лазоревого неба кружили над горами огромные грифы. Им, как всегда, было глубоко наплевать, что произошло там, внизу, на земле — честная битва, подлая резня или это просто была чья-то недобрая шутка...

Глава вторая

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГОРОД

«Черный коршун» летел на восток. Летел низко; казалось, пенистые буруны вот-вот заденут днище воздушного корабля. Море Вилайет в этих краях не приветливо и пустынно. Основные торговые и военные маршруты пролегают гораздо южнее, но само море, вытянувшееся огромной продолговатой каплей с севера на юг на полторы тысячи миль, тянется до самых ледников, что стекают с гор Гипербореи и питают его. Здесь холодно и одиноко; здесь много ничейной земли, которая не нужна ни великой империи Туран, лежащей к западу от Вилайета, ни тем более диким племенам гирканских кочевников, обитающих на востоке. Среди серых утесов находят приют только самые отчаянные и отчаявшиеся изгои и искатели острых ощущений: пираты, которым не нашлось более теплого местечка на одной из баз Красного Братства в Южном и Срединном Вилайете; беглые рабы, каторжники и преступники всех

мастей, разучившиеся признавать любые порядки и ограничения; мятежники и изгнанники, скрывающиеся от властей; наконец, добровольные отшельники — мудрецы и начинающие чудодееи — где, как не здесь, можно полностью отключиться от суеты людского мира, — и бесчисленные авантюристы, искатели сокровищ, будто бы лежащих едва ли не на всеобщем обозрении на необитаемых островах Северного Вилайета...

Тезиас грустно усмехнулся. Там, куда он держит путь, не будет и этого. Настоящий рай для человека, задумавшего положить к своим ногам целый мир. Задумавшего — и однажды свой замысел осуществившего. Но на сей раз Великая Душа покидает пределы обитаемого мира, чтобы, возвратившись, остаться уже навсегда. Это его путь к власти — путь уникальный, как и все, им совершаемое.

Он не чувствовал себя побежденным. Согласно воле Стража Земли, Конан одержал победу. Если считать победой то, с чем остался Конан после бегства Великой Души! Но в пророчестве всемогущего Стража не было сказано, что Тезиас должен проиграть и уж тем более — погибнуть. И потому он выжил. Спас себя, этого прекрасного ангела смерти — могучую машину Будущего — и его, своего незадачливого гостя оттуда же, из Будущего. Тезиас брезгливо покосился на храпящего в пилотском кресле человека. Предъяви он сей драгоценный экземпляр тысячам людей в любой стране мира — от Ванахейма на севере до Амазона на юге, от Зингары на западе до Камбии на востоке, — и все признают в нем знаменитого воителя Конана, варвара из Киммерии. Признают — и ошибутся. Ой как ошибутся! Потому что нынешний спутник Тезиаса походил на Конана только внешне: мощная стать, руки, как будто сотканые из канатов-мускулов, крепкие ноги-столбы, вороного цвета пышная грива. Богатырь, одно слово! Но тот, кто начнет искать в Джейке Митчелле, искателе приключений из Джорджии,

благородство, честность, неукротимую гордыню — качества, сделавшие Конана Конаном, будет изрядно огорошен. Да, он найдет в Джейке храбрость, граничащую с бесшабашностью, недюжинный ум, позволивший Джейку создать в двадцатом веке большой отряд солдат удачи и успешно руководить им, и, разумеется, звериную силу, всегда и охотно применяемую Митчеллом, чтобы отвоевать свое место под солнцем. Но, подобно тому как все деяния Конана так или иначе были обращены на Добро (хотел того сам варвар или нет), практически все, без исключения, поступки Джейка имели отчетливо выраженное стремление к Злу. Это был подлинный антипод Конану, и именно в качестве такового он представлял интерес для Великой Души. Совесть Тезиаса чиста: он честно предлагал свое божественное покровительство обоим Конанам. Тот, первый и настоящий, получил предложение перейти на службу к Великой Душе много раньше — и отказался. Слишком гордый. Этот, призванный из Будущего, согласился. И это правильно: человеку, перед которым вскорости падет весь мир, нужен свой Конан, свой великий воитель и бесстрашный герой. А то, что герой этот подлец и предатель, не велика важность. Великая Душа сумеет удержать в узде любого негодяя, сколь бы много тот не мнил о себе.

В отличие от своего попутчика, карлик за время путешествия ни разу не сомкнул глаз. Мерный рокот винтов вертолета успокаивал и ублажал его. Тезиас о многом передумал за эти часы. Он знал, куда летит и чем займется в ближайшем будущем. Когда все планы были уже составлены, Тезиас просто смотрел в окно на мир. Ведомый компьютером вертолет не нуждался в управлении со стороны человека. «Черный коршун» мчался над землей, и все живое в ужасе шарахалось от него. Невиданное в Хайборийском мире зрелище! Сущий демон, материализовавшийся из глубоких ночных кошмаров. Только безумный орел в Карпашах осмелился заступить ему

дорогу, предпочтя смерть бегству. Все остальные — охотники в лесах Заморы, крестьяне на полях, аристократы в своих виллах, толстобрюхие купцы, владельцы богатых караванов, — все при виде такого чудовища валились в ужасе на землю, закрывая лицо руками. Даже отважные пираты Вилайета, едва завидев приближающегося монстра, попрятались в трюмы своих галер, моля Митру, Иштар, Эрлика, Сета, Нергала и всех прочих богов увести прочь эту невиданную напасть. Как же, помог им Солнечный Митра!.. Тезиас не любил морских разбойников и потому, развлечения Великой Души ради, «Черный коршун» потопил обе пиратские галеры. Впрочем, больше развлечений не было, и Тезиас стал уставать. Непрошенные мысли лезли в голову карлика, разрушая великолепие грандиозных планов.

Рука Тезиаса извлекла из кармана несколько листов бумаги. Это было письмо Великой Души к самому себе. Тезиас, каким-то чудом оказавшийся в далеком прошлом и породивший братство Синих Монахов, писал ему, нынешнему Тезиасу, современнику Конана-варвара, послание. Там, в Замке Синих Монахов, он десятки раз перечитывал это удивительное послание. Он знал его наизусть. Но до сих пор многое из этого письма не было ему понятно. Вот, например: «Ты с течением времени будешь все более утрачивать присущие человеку черты. Собственно, ты уже не вполне человек, а я человек еще меньше, чем ты». Что означает сей пассаж? Что с течением времени Тезиас будет все более превращаться в бога, утрачивая человеческие черты?! Он вполне готов этому верить. Но единственное ли это из возможных разумных объяснений? Кто знает...

Или вот еще, самое странное и непонятное: «Боги этого мира жестоко отомстили тебе, дерзнувшему возвыситься над ними. Они ударили в самое уязвимое твое место, в твою сущность. Вложив меч возмездия в руки Конана, они попытались поразить

твою душу и разум, вселив туда Нечто настолько ужасное, что даже Я — даже Тебе не могу открыть, что Это и что Оно тебе несет. Тебе придется жить с Ним... Я надеюсь лишь, что твой могучий разум окажется сильнее этого Нечто и Оно так и умрет внутри тебя, не увидев жизни...»

Мистика какая-то! Тезиас нервно отложил письмо. Настроение испортилось как бы само собой. Здесь что ни слово — все загадка! А какие могут быть секреты у него от самого себя?! Что в нем такого, что тот, будущий Тезиас, знает, а этот, сегодняшний, — не только не знает, но и знать не должен?! Что это за Нечто, с которым ему придется жить?! И как долго жить?! Одно понятно: это самое Нечто при некоторых неясных условиях имеет возможность выбраться наружу — с явно нежелательными для Тезиаса последствиями. Жуть какая-то! Карлик почувствовал, как страх незаметно подступает к горлу, сковывая дыхание...

Нет, так нельзя! Чем бы или кем бы ни было это Нечто, нельзя позволить ему (или его призраку) овладеть разумом Великой Души. «У меня столько всяких планов; разве могу я допустить, чтобы кто-либо помешал мне?! Не могу и не допущу!»

Последнюю мысль Тезиас высказал вслух. И настолько громко, что богатырь Джейк, прервав свой храп, уставился на карлика изумленными синими глазами.

— Чего стряслось? Прилетели, что ли?

— Нет еще. Минут через пятнадцать будем на месте. Спи, король Аквилонии.

Напоминание о приобретенной и вскоре утраченной короне не способствовало погружению в здоровый сон. Зло стрельнув глазами в сторону карлика, Джейк осмотрелся. Вертолет летел над невысокими холмами, поросшими девственным лесом — настолько густым, что внизу не видно было земли.

— Пора бы уже прилететь, — недовольно буркнул

несостоявшийся король. — Весь день летим. Эвон, солнце заходит. Пора бы уже.

— Я не виноват, что твоя механическая птица столь тихоходна, — развел руками Тезиас. — Что до меня, то я, как тебе известно, способен был переместиться из Замка Синих Монахов в любую точку мира за одно лишь мгновение. Но не мог же я бросить своего друга на растерзание варварам!

— Дерьмо ты, вот что я тебе скажу! Какая нам нужна была показывать задницу безмозглым дикарям? Если ты не мог с ними справиться, позволил бы мне. Я бы... я бы всех их, засранцев, уложил бы из «Черного коршуна»! А вместо этого мы бежим, как зайцы, поджавшие хвосты! Срам, одно слово!

— Мы это уже с тобой обсуждали, — отчеканил Тезиас. — Воля Стража Земли...

— Знаю, знаю: воля твоего дерьмового Стража для тебя закон, — перебил карлика Джейк. — Только вот что я тебе скажу: никакой Страж не заставит настоящего мужчину бежать с поля боя, если он еще может сражаться. А мы могли сражаться! Могли и должны были победить! Признайся лучше: этот дикарь Конан просто-напросто загипнотизировал тебя, а ты, будучи весьма впечатлительным дерьмом, просто-напросто сдрейфил!..

Тезиас поперхнулся от такой наглости.

— Ты... ты что такое говоришь?! Как можно загипнотизировать МЕНЯ?!

— Проще простого! — расхохотался американец. — Он что тебе сказал: я, мол, Конан, был в этой Пирамиде и мне, мол, этот вонючий мозг напророчил, что меня, мол, ждет победа — над тобой, мол, гнусным карлой. Так? Так. А ты-то уши и развесил! Чем не гипноз?

— Но ведь это правда! Конан правду мне сказал! Он действительно был в Пирамиде и услышал пророчество!

— Ну и что с того? Ты обязан был бороться! К черту пророчества! Если бы я слушал всякие про-

рочества, я бы уже давно гнил в какой-нибудь канаве. Так что поверь мне, Тезиас, — Конан загипнотизировал тебя, бедолагу. Вот потеха! А ты-то, чудила, думал, будто один ты способен всех дурачить!..

— Довольно! — резко воскликнул Тезиас. — Я тебя понял. Возможно, в чем-то ты и прав. Теперь поздно что-либо менять. Нас ждут новые свершения, и я позабочусь, чтобы они были не хуже прежних. А слово свое я сдержу: ты сядешь на трон Аквилонии.

— Хотелось бы, — пробормотал Джейк. На нем по-прежнему был роскошный красный камзол аквилонского владыки, в котором он бежал из Замка Синих Монахов. Джейк рассмеялся.

— Что ты нашел смешного на этот раз? — грозно спросил уязвленный Тезиас.

— Ну как не смеяться, сам посуди: огромный разряженный фронт, которому суждено будет родиться лишь через тысячи лет, сидит в кабине военного вертолета. Рядом с ним карлик в облегающем костюме из черного меха; карлик этот, восставший мертвец, наполовину человек, наполовину бог, мечтает править миром и при этом мотает от этого мира куда подальше. Еще этот карлик заставил крутиться лопасти вертолета, которому дикарь Конан, стреляя из лазерного бластера конца двадцатого века, пробил топливный бак. А вертолет знай себе летит десять часов как ни в чем не бывало! Скажешь, не смешно? А может, мне все это снится?!

— Ничего тебе не снится, — обиженно заметил Тезиас. — Твоей убогой фантазии не хватит, чтобы представить ТАКОЕ даже во сне. И то, что ты сейчас увидишь, тоже будет взаправду. Так что держись, американец!

— Что ты имеешь в виду?

— Только одно: мы прилетели.

Последовала непродолжительная пауза, во время которой Джейк просмотрел картинки на всех мониторах. Сомнений быть не могло: «Черный коршун»

летел над лесом, и лес этот тянулся до самого горизонта во все стороны света.

— Не смешно, — заметил американец. — Ты же не предлагаешь нам жить на деревьях?!

— Останови вертолет. Мы прилетели.

Джейк воззрился на карлика, выразительно покрутив пальцами у своего виска.

— Чего ты мелешь? Иль тебя укачало в полете?! Я не вижу здесь дворца, города, аэродрома или даже походного лагеря! Горы и лес, только и всего! Глушь похуже, чем в Сибири!

Тезиас сжал его запястье. Точно лед к руке приложили. Магнетические черные глаза приковали все внимание Джейка. Взгляд карлика был серьезен и исполнен непонятной торжественности.

— То, что вижу я уже сейчас, ты увидишь вскоре, — молвил Тезиас. — Здесь наш дом отныне. Непросто войти в него; это дом для избранных, для таких, как я... А теперь слушай меня внимательно, Джейк Митчелл. Останови вертолет и ничего больше не предпринимай. Тебе предстоит увидеть много необычного, неподвластного твоему пониманию. Ничего. Подожди. На время я покину тебя, а затем мы вместе вступим в мои новые владения. Главное: ничего не бойся и ничего не предпринимай.

Повинуясь, Джейк остановил вертолет. «Черный коршун» завис над деревьями. А Тезиас, подобравшись, внезапно шагнул наружу. Пройдя сквозь стекло вертолета, он замер в воздухе примерно в двадцати метрах от машины.

— Матерь Божья, — пробормотал Джейк.

Тезиас неспешно развел руки в стороны. Пару минут как будто ничего не происходило. Затем Джейк заметил некое свечение вокруг головы карлика. Вскоре это свечение — бело-бирюзовое с сиреневыми вкрапинками — обьяло все тело Великой Души. Во все глаза глядя на карлика, Джейк едва не пропустил главного. Главное же заключалось в том, что девственный лес впереди тоже преображался, и пре-

ображался так разительно, что Джейк невольно затаил дыхание.

Сначала ему пригрезилось, будто кончики могучих сосен обволакивает неизвестно откуда взявшаяся бледно-голубоватая дымка. Воздух словно загустел; марево колыхалось, подобно миражу в раскаленной пустыне. Очертания деревьев размывались, туман поглощал их, они как будто отодвигались куда-то вдаль. Еще через несколько минут деревья исчезли вовсе. Теперь перед Джейком висело сплошное марево лазоревого тумана — и поглощенный блистающей аурой Тезиас на фоне его.

Мало-помалу туман начал проясняться. Сквозь мглу проступали какие-то силуэты, ни в чем не похожие на очертания исчезнувшего леса. С трепетом потрясенный американец узрел, как из тумана выступает нечто совершенно непостижимое — такое, что поистине невозможно себе представить.

Туман редел, и открывшаяся взору Джейка картина представляла во всем ее феерическом великолепии. Джейк забыл, где и зачем он находится. Зрелище не просто притягивало взгляд — оно его влекло и поглощало.

Итак, на месте исчезнувшего леса раскинулся грандиозный город — если слово «город» может хоть как-то вместить в себя то многоцветное совершенство, которое явилось взору Джейка. Здесь не было ни домов, ни улиц в привычном понимании этих слов. Гигантские бесчисленно-многоугольные фигуры лежали на клубящейся фиолетовым дымом почве одна подле другой в совершеннейшем беспорядке. В них не было ни окон, ни дверей. Материал, из которого были сотворены эти «здания», не походил ни на один из известных человеку строительных материалов. Сомнительно вообще было, материальны ли эти объекты. Более смахивали они на сгустки энергии или даже живые существа. Этот вывод подтверждался и следующим наблюдением Джейка: «здания» не имели какого-либо определенного цвета. Волны

пурпурно-лилового сияния, беспрестанно и хаотично пробегающие по «зданиям», окрашивали их в самые немислимые цвета. И, как ни странно, это пульсирующее многоцветие не только не раздражало глаза, но, наоборот, успокаивало и, если уютно, то-низировало. Многоцветное сияние давало чистый, ровный, почему-то желтоватый, почти дневной свет. И свет этот был реален; Джейк увидел, как этот свет, точно напыленная краска, равномерно покрывает черную обшивку вертолета. Причем светились не лампы — их нигде не было, — а сам загадочный материал, из которого был сотворен сказочный город.

Посреди же града выислось и вовсе фантастическое сооружение. Прямо из земли выростал и устремлялся в небеса толстенный цельнометаллический стержень. Вернее, он казался металлическим только на первый взгляд. Но, присмотревшись внимательно, Джейк обнаружил, что исполинская колонна более напоминает нечто среднее между оплавленной свечой совершенно немислимым, циклопическим размерам и стальной болванкой, только что извлеченной из печи. Поверхность Стержня была лишена четких очертаний. Напротив, временами казалось, будто Стержень окутан плотным одеялом из сгустившегося дыма, струящегося по Стержню не снизу вверх, а сверху вниз — словно бы источник упомянутого дыма находился не внизу, на земле, а где-то там, в небесной вышине. Как и все другие «здания», исполинский Стержень не имел какой-либо определенной окраски. Высунув голову из окна машины, Джейк попытался измерить взглядом высоту фантастической колонны. И, хотя стоял безоблачный холодный вечер, видно было на многие лиги окрест, орлиное зрение Джейка так и не смогло поймать вершину исполинской колонны. Такое было впечатление, будто этот Стержень пронзает небеса и уходит прямо в Космос...

— Красиво, да? Я знал, что тебе понравится.

Голос Тезиаса вернул Джейка Митчелла к реаль-

ности. Карлик, незаметно возвратившийся в вертолет, снова сидел рядом с пилотским креслом. Усилиям воли подавив в себе страх, американец обратился к карлику:

— Что это, Великая Душа? Гипноз? Мираж? Я не верю своим глазам!

— Верь, друг мой Джейк. Они тебя не обманывают. Перед тобой — Зачарованный Город безвестной расы. Существа, построившие его, давно и безвозвратно покинули нашу планету. Кто они были, эти могучие пришельцы? Я того не ведаю. Возможно, мне предстоит это узнать... Ты спрашиваешь, как я открыл этот город? О, все произошло чисто случайно! Много месяцев провел я в безустанных поисках сокровищницы Абсолютной Мощи, следуя указаниям великой Книги Судеб. Высвободив свою душу из брэнного человеческого тела, я в конце концов отыскал Пирамиду Мира, где, вечный и всемогущий, с основания времен обитает Страж Земли. А этот город приметил я как бы мимоходом; тогда, когда я грезил Абсолютным Могуществом, он не привлек меня. На Земле, чтоб ты знал, есть еще парочка подобных милых мест, где оставили свой след нечеловеческие цивилизации из отдаленных пределов Вселенной! Так вот, тогда я не польстился жизнью среди всего этого сказочного великолепия. Но сейчас — сейчас иное дело. Зачарованный Город безвестных пришельцев станет нашим домом, друг мой Джейк... Ты чувствуешь его ауру, американец? Он словно ждал меня, Великую Душу. Как и я, он неподвластен ничтожным богам этого жалкого мира. Сколько лет он ждал меня? Века? Тысячелетия? А может, многие миллионы лет?! Все это время он был надежно сокрыт материальной оболочкой девственного леса; именно так, друг мой Джейк: материя таила иллюзию! Даже боги, взирающие с небес, видели только горы и лес. Но могучие пришельцы, создавшие этот город, твердо знали: когда-нибудь на Земле появится тот, кто сумеет вкусить Тайны Су-

щего. И он, Познавший, по праву примет Зачарованный Город в подарок. И вот я пришел, чтобы отсюда править нашим жалким миром... Посмотри, Джейк, разве не ничтожно все созданное людьми и туземными богами перед этим сказочным совершенством?! Вот он, тот небесный дворец, о котором мечтал я всегда! Разве не достоин он нового бога?! Так войдем же в него, Джейк!

Смысл страстного монолога Великой Души с трудом доходил до сознания Джейка. Американец считал себя цивилизованным человеком, чуждым всяких суеверий. Но сама мысль о том, что отныне ему суждено жить в заколдованном городе, построенном инопланетянами в неведомые времена, не могла не показаться дикой даже самому бесшабашному авантюристу. Дрожащей рукой Джейк указал в сторону града.

— А ты не боишься, что творцы всех этих чудес вдруг да надумают вернуться? Вряд ли они обрадуются, обнаружив в своем городе чужаков! — выговорил он, лелея надежду, что хотя бы трепет перед неведомыми пришельцами убережет самозванного бога от вторжения в обитель чуждого всему земному разума. Но не тут-то было. Тезиас только рассмеялся ему в лицо.

— Вздор! Они никогда не вернуться. Этот город покинут навсегда. Говорю же тебе, это их подарок Земле. Подарок тому земному гению, который сумеет его принять. Подарок мне, одним словом... Смотри внимательно, Джейк. Здесь все не так, как у людей. Здесь свои представления об архитектуре и геометрии. Здесь даже физические законы действуют по-иному. Разве ты не видишь? И, потом, в Зачарованном Городе я буду под непроницаемой защитой звездной магии. Никто — ни человек, ни демон, ни бог — не сможет здесь добраться до меня. А я отсюда сумею повелевать всеми! Вперед же, Джейк, довольно разговоров! Мне не терпится скорее войти в свой небесный дворец!

Смирившись с судьбой, Митчелл повел вертолет к городу. Зачарованный Город был мертв. Но воздух как будто светился гостеприимством. Этого нельзя было не почувствовать. Джейку на миг показалось даже, что многоугольные дома, над которыми пролетал «Черный коршун», кланяются, приветствуя нового хозяина...

— Похоже, он действительно тебя ждал! — с невольным восхищением воскликнул Джейк.

Тезиас обратил к нему свое светящееся наивной радостью лицо. Огни Зачарованного Города плясали в огромных агатовых очах карлика. Тезиас сказал:

— Я прибыл домой. Я как будто вернулся туда, где мне все родное, где меня никто не будет считать чужаком. Здесь меня не назовут «гнусным карликом», здесь я в своей стихии...

— Где мы будем жить?

Этот сугубо прагматический вопрос, наглядно свидетельствующий, что американец уже вполне овладел ситуацией, застал врасплох поэтически настроенного карлика. Впрочем, ответ на него запрашивался сам собой. Указав на возвышающийся в центре города исполинский Стержень, Тезиас молвил:

— Я желаю поближе осмотреть это сооружение. Ты должен облететь колонну до самой ее вершины.

— Есть, босс, — пробормотал Джейк; колонна заинтересовала и его.

...В диаметре Стержень составлял не менее сотни метров. У основания его Джейк заметил большую ровную площадку; бывалый пилот сразу определил, что это аэродром, где, очевидно, садились челноки пришельцев. На земле колонну опоясывал громадных размеров дворец. Он имел правильную шарообразную форму; Стержень как бы пронзал его, уходя высь.

Следуя за Стержнем, вертолет все более отдалялся от земли. На высоте двести метров колонна несла на себе еще один «пояс»: узкое, шириной не более

десяти метров, кольцо, опоясывающее Стержень, обозначало, по мысли Джейка, командный пункт. Бирюзово-фиолетовое сияние, окутавшее весь Стержень, в зоне «командного пункта» было наиболее интенсивным.

Следующие несколько миль подъема не выявили ничего особо примечательного. Нескончаемый Стержень, такой же мощный, толстый и монолитный, все дальше уходил в небо. Где-то на высоте десяти миль Тезиас и Джейк заметили нечто вроде «смотровой площадки»; возле нее буйство светящейся энергии было таким неистовым, что, казалось, здесь полыхает сам воздух.

— Поверить не могу, — пробормотал американец. — Кто и куда может глядеть отсюда?! Земля — и та едва видна!

— Отсюда я буду обозревать подвластный мне мир, — загадочно молвил карлик, не вдаваясь, однако, в дальнейшие объяснения.

После «смотровой площадки» сияние вокруг Стержня резко пошло на убыль. Вертолет уже с трудом набирал высоту. Даже в герметичной кабине стало трудно дышать. Компьютер предупреждал, что «Черный коршун» приближается к потолку доступной ему высоты.

— Так недолго в Космос улететь, — мрачно шутил Джейк. — Пора вниз спускаться, не считаешь?

— Еще, еще выше, — шептал в ответ Тезиас. — Разве тебе не интересно посмотреть, где и чем заканчивается Стержень?!

Последние три мили дались «Черному коршуну» совсем нелегко. Наблюдая, как зашкаливают приборы и прогибается стекло, Джейк покрывался холодным потом. Наконец на высоте пятнадцати миль Джейк, не выдержав напряжения, прекратил подъем. Неотступно наблюдающий за Стержнем карлик обиженно глянул на него.

— В чем дело? Почему мы остановились?

— Послушай, ты, чудила! — взорвался Джейк. — Я к тебе в самоубийцы не нанимался. Ты хотя бы примерно представляешь, где мы находимся?! «Черный коршун» не предназначен для полетов в стратосфере! Ты, что же, желаешь, чтобы нас разорвало на мелкие кусочки дерьма?!

— Но Стержень-то еще не закончился, — огорченно возразил Тезиас.

— А может, твой дерьмовый Стержень на Луне заканчивается, — передразнил его американец. — Но я тебе голову даю на отсечение: мы и полмили больше не пролетим, взорвемся. Ты этого хочешь?!

— Хорошо, попробую прощупать вершину телепатическим зрением, — вздохнул карлик.

— Ну, слава Богу, вразумил. Давай, щупай, только поскорее.

Тезиас закрыл глаза и погрузился в транс. Не прошло и минуты, как он радостно встрепенулся.

— Все, я узрел конец этой громадины. Еще через десять миль Стержень кончается. Там есть такая огромная площадка — думаю, для кораблей пришельцев... Ну, давай полетели обратно.

Вертолет медленно спускался. Многие приборы на такой высоте вышли из строя, и Джейку пришлось призвать все свое мастерство пилота, чтобы в конце концов посадить машину на площади перед шарообразным дворцом.

Они с Тезиасом вышли из вертолета. Светило давно скрылось за горизонтом, но в Зачарованном Городе ласковый желтоватый свет создавал иллюзию яркого солнечного дня. Люди подошли к входу во дворец.

— Добро пожаловать домой, — возгласил Великая Душа.

В ответ на его слова сплошная пелена фиолетового дыма расступилась, приглашая войти внутрь. Джейк изумленно попятился. Его взору предстало такое, что он меньше всего ожидал увидеть в Зачарованном Городе.

Глава третья

СКЛЕП ПРИНЦЕВ

Солнце палило нещадно. Чернокожие гиганты из Куша, смуглые коренастые шемиты, рабы из иных, часто очень далеких от Стигии стран, — все с одинаковой ненавистью поглядывали на дневное светило. Наверное, в их родных краях солнце, Око Митры, благого бога хайборийцев, действительно несет добро и свет. Но только не здесь. Здесь оно жестоко и беспощадно; точно Пресветлый Митра страдает наказать несчастных — за одно лишь то, что угрозило им закончить свою жизнь в этой мрачной твердыне злобного Бога-Змея Сета.

Безжалостное солнце, свирепые надсмотрщики — все, как один, из чистокровных стигийцев — и мрачная громада Великой Пирамиды, подавляющая живое на многие лиги окрест. Такой пейзаж можно было наблюдать здесь и год, и два, и тысячу лет назад. Если что и вечно под Солнечным Оком Митры, так это вечный враг всего человеческого племени — Сет. Здесь его логово. Сюда миллионы лет назад привел он своих детей. Здесь, на берегу полноводного Стикса, построили они Великую Пирамиду — гигантский тайный храм — и посвятили его своему темному богу. Позже, когда змеинный народ был изгнан из этих мест, сюда пришли стигийцы. Могущество Древнего Змея соблазнило жрецов и правителей, и вот уже двадцать тысяч лет гигантская золотая рептилия возглавляет пантеон стигийских богов.

Здесь же, подле Великой Пирамиды, на холмах, что возвышаются над устьем Стикса, стигийцы построили Город Черных Стен — Кеми. К самому небу взметнули свои обсидиановые зубцы мрачные башни и зиккураты жреческой столицы Стигии. Черные крепостные громады высятся здесь не для защиты от диких орд шемитских кочевников или от быстроходных пиратских флотилий, что промышляют разбоем

в Западном море. Они воздвигнуты здесь как незыблемый символ стигийского владычества в этой части мира, и за тысячи лет не отыскался ни один сумасшедший, кто дерзнул бы напасть на Кеми. Лихие люди и честолюбивые завоеватели знали: их встретит не только самая лучшая, самая боеспособная и организованная армия, фанатично преданная трону и жрецам, но сила куда более страшная и могущественная — черная магия, освященная незримым присутствием верховного бога Зла.

В самом центре Кеми, в беломраморном дворце без окон и дверей, располагалась официальная резиденция мирового главы культа Великого Змея. Однако нынешний верховный жрец Сета, могущественный чародей Тот-Амон, властелин Черного Круга, тайного сообщества волшебников, не часто появлялся в своей столице. Его истинной обителью был мрачный дворец-храм в одиноко стоящем посреди пустыни оазисе Хаджар. Иногда Тот-Амон навещался в Луксур, королевскую столицу. Не для того, разумеется, чтобы припасть к стопам царствующей особы; истинным господином стигийских земель был сам Тот-Амон. Король Ктесфон, чья вера в бесконечную мудрость Тот-Амона крепла день ото дня, стал всего лишь исполнителем воли верховного жреца. Тот-Амон появлялся в Луксуре, чтобы многочисленная придворная камарилья, никогда не оставлявшая попыток поссорить его с монархом, не забывала, кто на самом деле правит страной.

Но сегодня Тот-Амон был в Кеми. В недрах Великой Пирамиды, там, куда никогда не проникал солнечный свет, он вершил свой скорый суд. Огромный Зал Правосудия, в котором вершилось действие, призван был подчеркнуть особенности здешней судебной системы. Исполинское изображение Сета, изваянное из бронзы, занимало три четверти чертога. Полное отсутствие какой бы то ни было мебели, аскетический антураж Зала Правосудия символизировали абсолютную ничтожность человека перед

ликом Князя Тьмы. Не было здесь и факелов; тусклый, мертвенный свет излучали магические фонари, вставленные в глазницы изваяния. Казалось, не жрецы, плотным полукольцом обступившие своего бога, а сам Великий Змей судит провинившегося перед ним.

Приговор был вынесен. Тот-Амон сложил руки на груди и низко поклонился идолу; его примеру последовали остальные жрецы. Теперь, когда официальная церемония была завершена, Тот-Амон обратился к приговоренной; мстительная и торжествующая улыбка змеилась по его тонким губам.

— Ну вот и все, прекрасная Тхутмертари! Считанные мгновения отделяют тебя от царства нашего Вечного Отца. Хочешь ли ты что-нибудь сказать на прощание? Желает ли подать апелляцию? Или, может быть, мечтаешь предстать перед судом короля, прекрасная Тхутмертари?

Приговоренная отрешенно покачала головой. Назвать ее «прекрасной» было настоящим издевательством; перед Тот-Амоном на коленях стояла самая безобразная старуха, какую только можно себе представить. Жалкий пучок волос напоминал о верблюжьей колючке. Высохшая, дряблая кожа, покрытая трещинами и порезами, точно потрескавшаяся соляная пустыня. Огромные запавшие глаза, когда-то ясно-синие, а теперь цвета мутной болотной жижи. И еще у приговоренной не было левой руки.

— Итак, ты отказываешься от прав, полагающихся тебе по закону, — усмехнулся Тот-Амон. — Что ж, разумно! К чему тянуть время? Все мы знаем: твоих злодеяний хватило бы, чтобы тебя, прекрасная принцесса, приговорили к самой лютой казни в любой стране подлунного мира. Разве кто отказался бы от великой чести прикончить знаменитую принцессу Тхутмертари?! В Немедии и Аквилонии тебе бы просто отсекали голову, в Аргосе, Зингаре и Офире тебя бы повесили, в Ванахейме и Асгарде бросили бы в

ледяной пустыне, чтобы ты превратилась в статую из льда, в Шеме тебя насадили бы на кол, а гордые туранцы и дикие степняки из Гиркании разорвали бы тебя лошадьми. В Меру, Кхитае, Кусане и Камбии с тебя живьем содрали бы кожу. Что до Вендии и более отдаленных стран, я не поверю, чтобы ты не наследила и там; отправь я тебя вендийцам, они наверняка порадовали бы нас какой-нибудь экзотической восточной казнью. Кушиты бросили бы тебя львам, и если львы после такой трапезы не падут от несварения желудка, я преклонюсь перед ними. Да что кушиты? Наш добрый король Ктесфон отдал бы полцарства, чтобы собственноручно прирезать свою старшую сестру! Увы, я не доставлю ему такого удовольствия. Я человек чести, — Тот-Амон широко ухмыльнулся, распахнув два ряда сильных белоснежных зубов, и всем сразу стало ясно, о какой чести он говорит. — Ты умрешь так, как подобает умирать человеку, свершившему великие деяния. Мне искренне жаль расставаться с тобой, поверь, прекрасная Тхутмертари! Но такова Судьба, такова воля Отца Сета. Пойдем же!

Тяжелые цепи пронзительно зазвенели, когда Тхутмертари, конвоируемая бритоголовыми жрецами, двинулась за Тот-Амоном. Откуда только берутся силы? Ведь, казалось, все боги отступились от нее. Где был Отец Сет, когда гнусный карлик Тезиас, опеленав ее своей неведомой магией, заставил лететь тысячи миль, точно стрелу, выпущенную из лука?! «На юг! В Стигию! К Тот-Амону», — пронзительно кричал карлик ей вослед, и летела она, не в силах даже закрыть глаза, от самого Замка Синих Монахов до черного Кеми. Ее бывшая ослепительная и зловеющая красота, ее могучая волшебная сила остались в прошлом; перед ошеломленным Тот-Амоном предстала вот эта уродливая, обессиленная старуха. Точно комета, пала она прямо в руки верховного жреца. Недолго дивившись внезапному возвращению мятежной принцессы, Тот-Амон созвал

суд жрецов. Он прав, с ее стороны было бы безумием ожидать иного решения. В мире людей у нее были одни враги. «Но ты-то, Отец Сет, ты, кому я служила верой и правдой, в чью славу приносила тысячи жертв, почему ты меня оставил?»

Темные коридоры сужались и расширялись вновь, точно кишки доисторического чудовища. Тхутмертари могла бы путешествовать по катакомбам Великой Пирамиды с завязанными глазами. Принцессе, отдавшей себя Богу-Змею, ведомы были все закоулки его тайного храма. Так считала она. Как оказалось, она заблуждалась. Там, где глаза Тхутмертари видели лишь ровную, отполированную тысячелетиями поверхность, рука Тот-Амона нащупала рычаг. Стена бесшумно отодвинулась, обнажив черноту гигантского чертога.словно угадав ее мысли, Тот-Амон сказал:

— Что, не бывала здесь? Тебя это удивляет? Но я, как верховный жрец, обязан знать каждый закоулок Великой Пирамиды. Входи же, прекрасная Тхутмертари!

Легко подтолкнув принцессу, Тот-Амон двинулся за ней следом. Остальные жрецы в чертог ступить не осмелились.

— Это место для избранных, — пояснил Тот-Амон, когда он и приговоренная остались наедине. — Оно называется Склеп Принцев.

Тхутмертари вздрогнула. Ее глаза постепенно привыкали к едва заметному свечению, наполнявшему колоссальных размеров помещение. Высокий свод, теряющийся во мраке, поддерживали бесчисленные узкие колонны в форме изготовившихся к нападению кобр. К большинству колонн золотыми цепями были прикованы скелеты — по одному к каждой колонне. Оскалившиеся черепа светились мерцающим фосфоресцирующим светом; он-то и позволял видеть далеко вперед. Там, впереди, где кости, прикованные к колоннам, уже частично рассыпались в прах, Тхутмертари заметила скелеты,

своими очертаниями не похожие на человеческие. Скорее, они могли принадлежать огромным человекоподобным ящерам.

— Правильно, — отметил Тот-Амон. — Склеп Принцев столь же древен, как и сама Великая Пирамида. Еще праисторические люди-змеи, уроженцы Валузии, казнили здесь своих правителей, прогнавших Отца Сета. Склеп Принцев — привилегированная камера смерти. Только особы королевской крови и верховные чародеи имеют привилегию принять смерть от божественного Чипуа-Акая, верховного палача Подземного Мира. Едва почуяв запах живого существа, Чипуа-Акай поднимается со своего ложа и посещает Склеп Принцев. Здесь он насыщается жизненной силой и теплой плотью приговоренного, а затем возвращается в свое логово — до следующего раза. И так — век за веком, тысячелетие за тысячелетием. Таков порядок. Вот моя последняя милость тебе, прекрасная принцесса: ты умрешь привилегированной смертью. Я делаю это в память о годах нашей близости и в знак моего уважения к твоим прошлым злодеяниям, кои прославили священное имя Сета и вселили неиссякаемый ужас в сердца неверных.

Тот-Амон подвел Тхутмертари к свободной колонне. Камень оказался влажным, скользким и холодным, как чешуя кобры. Волшебник слегка потер большой перстень, сверкавший на его правой руке. Перстень изображал змею, свернувшуюся в три кольца и державшую свой хвост в ядовитых зубах. Это был магический талисман, символ власти Тот-Амона над сообществом черных магов. Почувствовав прикосновение руки хозяина, магическая змея зловеще блеснула изумрудными глазами. В то же мгновение золотые цепи сомкнулись вокруг ног, талии и шеи Тхутмертари. Еще одна цепь лязгнула, пытаясь приковать к столбу руки приговоренной. Словно узрев, что левая рука у жертвы отсутствует, цепь оставила в покое и руку правую.

— Ну, вот и все, — повторил Тот-Амон. — Сейчас я оставлю тебя, а еще спустя некоторое время божественный Чипуа-Акай познает вкус твоей плоти. Ты превратишься в такой же светящийся скелет, как и все эти принцы былых времен. Знаешь ли ты, кто, к примеру, твой сосед слева? — колдун указал на скелет, белевший в полуметре от обреченной принцессы. — О, этот человек оставил значительный след в истории не только нашей страны. Он известен всем как принц Тотмекрис. Да, не удивляйся, это и вправду он. Тот, кто более ста лет назад поднял бунт против короля и, потерпев поражение, скрылся с несметными сокровищами. Позже сокровища принца Тотмекриса попали в руки известного пирата Траникоса. Траникос припрятал их в пещере посреди пиктских пущ. Лет десять назад на пещеру ту случайно наткнулся, убегая от пиктов, киммериец Конан, да будет проклят он во веки веков. Завладев сокровищами Тотмекриса, Конан снарядил повстанческую армию и пошел войной на короля Нумедидеса. Поход варвара, как известно, был успешным. Так что, выходит, косвенно этот принц, — Тот-Амон неприязненно ткнул холеным пальцем в скелет Тотмекриса, — виновен в возвышении нашего извечного врага киммерийца, с которым ты, о недостойная, имела глупость вступить в преступный сговор. Позор! Как видишь, Тотмекрису не помогли награбленные сокровища. Люди до сих пор считают, что мятежный принц умер в изгнании естественной смертью. Но, воистину, — волшебник гулко расхохотался, — воистину, можно сбежать от воинов короля, но нельзя спастись от кары жрецов! Мои шпионы выкрали Тотмекриса и возвратили в Кеми. Здесь, в Склепе Принцев, а не в изгнании, нашел он свою смерть! Как он был многословен! Как умолял о спасении! Представляешь, он предлагал мне горы золота, лишь бы умереть по-человечески! Как будто мне нужны все эти блестящие безделушки! Ха-ха-ха!

Тхутмертари давно уже не слушала болтовню

верховного жреца. Она молилась. Смерть по-настоящему никогда не страшила ее; не боялась она ни чудовищ, пожирающих плоть и душу, ни проклятий, ни адских мук. Ужасы для нее были чем-то естественным и само собой разумеющимся. По большому счету, она только рада была принять смерть в привилегированном Склепе Принцев. Это льстило ее самолюбию. Она готова была уйти, чтобы присоединиться к своему богу. Но не сейчас! Она не хотела покидать мир людей побежденной. Явиться к Сету в зените славы, когда весь мир будет лежать у ее ног, — вот была мечта мятежной принцессы. Сейчас же она не могла уйти. Это было не в ее характере. И потому она молилась Сету, прося лишь об одном: дать ей последний шанс. Шанс все исправить, шанс отомстить врагам, шанс снова стать великой. И, когда она уже потеряла всякую надежду, до глубин сознания ее донесся голос змеинного бога: «Сет на стороне сильного...»

Сет на стороне сильного! Вот в чем заключался ее последний шанс! Сет на стороне сильного, говорил ее бог, и это не означало, что он окончательно отступает от своей верной рабы. Напротив! Сет на стороне сильного — значит, на ее стороне! Не может же она считать сильным этого ничтожного самовлюбленного Тот-Амона, вечного неудачника, позорящего священное имя Древнего Змея?! Она, принцесса Тхутмертари, сама должна быть сильной, и тогда Сет будет на ее стороне. Могучий Князь Тьмы уважал силу; он давал Тхутмертари явный знак: отныне ей придется рассчитывать только на себя — но и награда за триумф будет колоссальной! Как и кара в случае неудачи...

— ...Прощай, прекрасная принцесса, — молвил между тем Тот-Амон. — Божественный Чипуа-Акай уже в пути; я чувствую это. Неужели ты так ничего и не скажешь мне напоследок?

— Скажу, — Тхутмертари с трудом разжала высо-

хшие губы; из груди вырвался неестественный надтреснутый голос. — Я кое-что скажу тебе, Тот-Амон.

Чародей изумленно попятился. Это были первые слова принцессы с того момента, когда волшебный ветер Великой Души принес ее в Кеми. И тон, которым сейчас говорила Тхутмертари, ничем не напоминал голос приговоренного к ужасной смерти человека — он был исполнен силы и спокойной уверенности.

— Говори же, — пробормотал верховный жрец.

— Я вернусь.

Тот-Амон вздрогнул и всем телом подался назад. Ему показалось, что глаза старухи на миг прояснились и на него смотрела прежняя Тхутмертари — та самая кровавая принцесса-жрица, для которой никогда не существовало никаких преград. В этом взгляде искушенный волшебник не мог не прочесть свою смерть. Больше Тхутмертари ничего не сказала.

С трудом поборов наваждение, властелин Черного Крута взял себя в руки. Вот стерва, даже перед смертью может испортить настроение! Ничего, скоро, очень скоро Чипуа-Акай доберется до нее! Ненавидящим взором окинув уродливую фигуру некогда прекрасной принцессы, Тот-Амон судорожным движением запахнул тунику, резко повернулся и двинулся к выходу. Когда он уже добрался до тайной двери, соединяющей Склеп Принцев с коридором, голос Тхутмертари настиг его вновь. Она сказала:

— Я обязательно вернусь, Тот-Амон.

Побледнев еще сильнее, верховный жрец с трудом нащупал рычаг. Стена сомкнулась за ним. Приговоренная принцесса осталась в гордом одиночестве; со всех сторон ее окружали скелеты правителей минувших эпох.

Мертвая тишина зависла в громадном чертоге. Собственное прерывистое дыхание казалось принцессе ревом ужасного чудовища. Тхутмертари поста-

ралась успокоиться. Скоро, очень скоро ей понадобится вся сила, человеческая и волшебная, какую только сможет она извлечь из скудных запасов своего естества. Она сумеет стать сильной — и тогда победит. Если же нет — в Склепе Принцев станет одним светящимся скелетом больше...

Точно удар стали о стекло, разорвал могильное безмолвие чертога пронзительный скрип. В дальнем конце пещеры отворилась древняя каменная плита. Воздух, душный и смрадный, за секунды донесся до приговоренной. Ноздри Тхутмертари вдохнули его, и принцесса непроизвольно улыбнулась: воздух этот был ей знаком. Она в последний раз прикрыла глаза, собираясь с силами. Золотые цепи по-прежнему приковывали ее к скользкой и холодной колонне.

Когда она открыла глаза, тот, кто выбрался из своего логова, чтобы вкусить ее плоть, уже целиком помещался в чертоге. Даже издали существо это не могло не внушать страх. Мерно переставляя многочисленные ноги-ходули, в ее сторону неторопливо шагал громадный жук. Слоны, что водились в джунглях Вендии, показались бы домашними кошками рядом с этим жуком. Полированный черный панцирь поблескивал в мерцающем свете фосфоресцирующих скелетов. На лбу жука горел огромный красный глаз; достаточно один раз поймать им взгляд жертвы, и ее воля будет парализована навсегда. Роговые пластины на голове гигантского жука раздвинулись, и оттуда, извиваясь, выползли скользкие шупальца, каждое толщиной с корабельный канат. Приметив жертву, жук издал торжествующий визг и, вытягивая шупальца, еще быстрее двинулся к приговоренной. Это и был божественный Чипуа-Акай, верховный палач Подземного Мира.

Тхутмертари были известны особенности этого существа. В глубине одного из Преисподних Миров она как-то раз наблюдала за трапезой верховного палача. Сначала гигантский жук подступает к своей

жертве и исполняет около нее нечто вроде ритуального танца. Затем щупальца жука касаются своими присосками тела жертвы и медленно, иногда в течение нескольких часов, поглощают плоть. Все это время волшебные эманации, выпускаемые Чипуа-Акаем, удерживают жертву в сознании и здравом уме; жертва как будто сама наблюдает за тем, как гигантский жук пожирает ее. Тхутмертари сама видела, как человек, у которого остались одни лишь глаза, одиноко торчащие из голого черепа, был еще жив. И лишь когда Чипуа-Акай полакомился ими, закончились его мучения.

При всем при том Чипуа-Акай был абсолютно безмозглой тварью. Точно заведенная машина, он тысячелетиями исполнял один и тот же ритуал. И не более. Гигантский жук не понимал ни человеческого языка, ни жаргона демонов, ни даже повелений Властелина Тьмы. Не действовали на него и волшебные заклинания. Вот почему Чипуа-Акай идеально подходил для исполнения казни могучих чародеев. Ни одному из тех, кто держал когда-то в повиновении сонмы демонических созданий, так и не удалось избежать кошмарной смерти от щупальцев Чипуа-Акая. Тхутмертари хорошо понимала, что и она вряд ли станет исключением.

Но была у божественного Чипуа-Акая еще одна примечательная особенность; ею-то Тхутмертари как раз собиралась воспользоваться. Исполняя перед жертвой свой ритуальный танец, Чипуа-Акай выделяет волшебные эманации, мощные потоки магической силы. Магия верховного палача Подземного Мира неподвластна человеку и даже смертельна для него. Но для той, которая когда-то делила ложе с самим Князем Тьмы, волшебные эманации Чипуа-Акая не столь опасны. Сила их велика, и, во всяком случае, стоило рискнуть в попытке овладеть чужеродной магией. Заставить ее работать — работать на принцессу Тхутмертари.

Когда Чипуа-Акай подступил к женщине, она

принялась жалобно стонать и извиваться в своих цепях. Это была ловкая игра перед самым носом смерти; Тхутмертари знала, что страдание и страх жертвы весьма возбуждают адское чудовище. Так почему бы не сыграть страх?

Жук-палач начал свой диковинный танец. Он то приседал на мощных ногах-ходулях, то вертелся вокруг своей оси, то приближал ужасные щупальца к телу обреченной. Единственное красное око настойчиво искало глаза жертвы. Но не тут-то было. Тхутмертари извивалась, как змея, насколько позволяли ей цепи, и ее экстаз все более передавался демоническому существу.

Постепенно магический эфир заполнялся эманациями Чипуа-Акая. Это была очень злая, чудовищная волшба! Даже Тхутмертари, постигая самые глубины Зла, чувствовала, как слепая, враждебная сила атакует ее жизненные центры, стремясь причинить только боль, боль, боль... Тем не менее, обессиленная волшебница жадно впитывала эти колдовские потоки. Они насыщали ее естество чуждой силой, и ей начинало казаться, что она уже горит изнутри. Более откладывать исполнение второй части ее дерзкого плана было невозможно. Экстаз чудовища достиг предела, скользкие щупальца все чаще проносились в опасной близости от тела принцессы, готовые в любую секунду впиться в плоть — и уже не отпустить. Разом прекратив свой змеинный танец, Тхутмертари застыла. В тот же миг вся вновь обретенная колдовская энергия была брошена ею в единственную свою правую руку. Тотчас из указательного пальца вытянулся длинный и узкий стальной кинжал. Рука была свободна, и Тхутмертари изо всех сил полоснула кинжалом по золотой цепи, обвитой вокруг ее шеи.

Удар был точен. Ни единой капли крови не пролилось на высохшую кожу. Цепь на шее лопнула. В этот момент огромное щупальце понеслось к

груди принцессы. С быстротой кобры она согнулась пополам, и щупальце выстрелило в камень.

Следующий удар кинжалом — и хрупкая цепь, опоясывающая талию, разорвана. Теперь все щупальца чудовища устремились к ней. Ускользая от них, принцесса распростерлась на полу. Огромные щупальца безмозглого существа обвились вокруг колонны. Чипуа-Акай издал разочарованный визг: эта плоть была для него слишком твердой. Пока гигантский жук понял, что теплую и мягкую плоть следует искать у самого пола, Тхутмертари удалось освободить и свои ноги.

Все тело горело непереносимо. Казалось, ее бросили в костер. Но отступать и сдаваться было поздно; до свободы оставался всего лишь шаг. Перекачиваясь по полу и ежесекундно ускользая от щупальцев, Тхутмертари вскочила на ноги. Громадная туша начисто перекрывала дорогу к бегству. Решение родилось мгновенно. Тхутмертари с силой схватила череп принца Тотмекриса и запустила его в башку Чипуа-Акая. Почему-то она точно знала, куда опустится ее снаряд — точно в око чудовищной твари. Следом прыгнула она и, стремительно проскользнув мимо беспорядочно извивающихся щупальцев, вскочила прямо на черный панцирь громадной башки монстра.

Яростный визг жука точно колокол звенел в голове принцессы; череп Тотмекриса попал точно в цель. Тхутмертари, впрочем, не надеялась выбить жуткое око чудовища — глаз Чипуа-Акая тоже живой, и он просто поглотит чужеродный предмет, только и всего. Но на это уйдет время! Чипуа-Акай на несколько секунд забудет о сбежавшей жертве; больше времени ей и не нужно. Пробежав по спине гигантского жука, она спрыгнула на пол. Где же, где эта дыра? Откуда доносится дыхание самого Ада, показавшееся ей таким прекрасным, как и все, что сулит спасение?! Да, вот он, этот люк! Подгоняемая пронзительным визгом верховного палача, Тхутмер-

тари, не раздумывая, устремилась в тот самый проход, по которому в Склеп Принцев поднялся божественный Чипуа-Акай.

Глава четвертая

МИЛИУС, СКУЧАЮЩИЙ МАГ

— Путь свободен, Ваше Величество! — торжественно произнес Пелиас, стряхивая пыль со своего просторного плаща.

Конан одобрительно похлопал старого волшебника по плечу. Раз уж без магии нельзя обойтись, пусть она будет такой, как у старины Пелиаса. Ни тебе тварей с ощеренными слюнявыми пастями, ни ходячих скелетов, ни постоянно перевоплощающихся фантомов. Только три часа напряженной волшбы у каменного завала — и небольшой, но эффектный взрыв в конце. Гигантские валуны, обломки скал и прочие камешки — все сторели за пять минут, превратившись в упругое месиво, похожее на глину; им Пелиас утрамбовал дорогу, выводящую из ложбины.

Трупы погибших воинов были собраны и захоронены. Как только выход из ложбины был открыт, Конан скомандовал подъем. Двадцать семь человек двинулись в обратный путь. В последний раз окинув взглядом черную громаду Замка Синих Монахов, король прошептал:

— Клянусь кровью Крома, я найду способ покончить с тобой, карлик Тезиас. Как я покончил с твоими проклятыми монахами.

Покинув негостеприимную ложбину, люди вскоре вышли к своим коням. Те были оставлены в тени невысоких деревьев, что примостились у самых скал. Впереди расстилалась утрюмая солончаковая степь. Только вчера Конан и Тхутмертари шли ею и на них неотрывным пронизывающим взглядом взирал живой мираж Великой Души. Как давно же это было!

Здесь Конан велел сделать привал. Подозвав к себе Просперо и Пелиаса, он сказал:

— По всему видно, войну с карликом придется начинать заново. Есть какие-нибудь идеи?

Пелиас молчал, о чем-то размышляя. Генерал Просперо, нервно ущипнув клиновидную бородку, решился на вопрос:

— Может ли наш почтенный волшебник показать нам скрывшегося карлика?

— Ради Иштар, — кивнул Пелиас. — Смотрите.

Из внутреннего кармана плаща он извлек небольшое зеркальце в простой железной оправе. Чародей прочитал короткое заклинание, и Зеркало Лазбекри стало расти. Когда оно достигло высоты, равной росту среднего человека, Пелиас осторожно приложил его к дереву и взмахнул над Зеркалом рукой. Поверхность волшебного зеркала затуманилась.

— Зеркало Лазбекри, повелеваю тебе представить нашему взору карлика Тезиаса, — молвил чародей.

Туман еще сильнее окутал поверхность волшебного зеркала. Изображения не было. Седые брови колдуна изумленно поползли вверх.

— Зеркало Лазбекри, я повелеваю тебе показать нам карлика Тезиаса, именующего себя Великой Душой! — властно повторил Пелиас.

И в тот самый миг, когда отзвучали его слова, Зеркало Лазбекри рассыпалось на мельчайшие осколки. Конан и Просперо беспокойно переглянулись.

— Этого не может быть, — тихо пробормотал сразу побледневший чародей. — Что стало с моим чудесным зеркалом?!

— Его больше нет, разве не видишь? — по-варварски грубо заметил Конан. — Как, по-твоему, отчего оно разбилось?

— Ума не приложу, — развел руками Пелиас. — Такого прежде не случалось. Ясно одно: там, где ныне пребывает Тезиас, волшебство Зеркала Лазбек-

ри бессильно. Очевидно, Зеркало попыталось проникнуть в этот мир. Что из этого вышло, вы видите.

— Что же это за место такое? — озабоченно спросил Просперо. — Нижние Миры? Серые Равнины? Может, карлик все-таки мертв?

— Не тщи себя напрасными надеждами, благородный генерал. Зеркало Лазбекри беспрепятственно проникает в миры мертвых, взору его подвластны даже страны, лежащие далеко за Гранью Заката. Только в обитель богов нет хода его магии.

— Ты хочешь сказать, что Тезиас отправился туда?! — Палец Конана уткнулся в небо. — Коли так, трудновато будет нам его достать! Штурмовать Небесные Пределы мне как-то не приходилось...

Пелиас снова развел руками.

— Откуда я знаю, Конан. Вряд ли он, однако, подался в Небесные Пределы. Среди богов у него друзей нет. Полагаю, он нашел себе другое логово. Такое нечистое место, которое одновременно и принадлежит, и не принадлежит нашему миру. Вот только где оно? Без Зеркала Лазбекри нам нелегко будет отыскать его...

— Опять загадки, — с досадой сплюнул киммериец. — Сколько же должен я их разгадывать?! Ты что-нибудь можешь предложить, Пелиас?

Стараясь не смотреть в глаза королю, чародей молвил:

— Боги свидетели, Конан, я никогда не был трусом. Никогда не бегал я от испытаний, не пасовал перед препятствиями. Но никогда я не был самоуверенным глупцом. Взглянем в лицо правде, мой король. У нас ничего нет против карлика. Мы не знаем, где он скрывается. Мы не имеем достойного оружия, чтобы сразиться с ним. Мы даже не сможем защититься от него, вздумай он вдруг напасть на нас! Поэтому я скажу: нам нужна помощь.

— Помощь? И кто же, по-твоему, может нам помочь?

— Здесь, в Карпашских горах, живет один чародей...

— Снова колдун!

— А ты чего ожидал?! Нам нужна помощь могучего и хитроумного волшебника. Я знаю такого. Это мой самый первый ученик. Его имя — Милиус. Много веков минуло с тех пор, как мы расстались. Милиус удалился от суеты мирской и поселился здесь, в Карпашах, чтобы обрести покой, столь необходимый для плодотворных научных изысканий.

— К каким магам принадлежит твой Милиус — к Черным или к Белым?

— Милиус не признает подобного деления. Знаю только, он ни в одном темном деле не был замечен! Для могучего волшебника, каким он слышет, у него на редкость хорошая репутация. Милиус никогда ни на кого не нападал. Вообще неизвестно, чем он занимается все эти годы... Многие чересчур самоуверенные колдуны пытались разузнать кое-что про Милиуса. Отыскав с помощью заклятий его жилище, они бросали вызов магу-отшельнику.

— И что с ними стало? — спросил Просперо. — Они погибли?

— В том-то и дело, что нет! Все, кто ходил войной на Милиуса, возвращались обратно. Но они больше не были волшебниками.

— Как это? Мне казалось, чтобы стать магом, человек проводит в ученых занятиях долгие годы, а то и десятилетия. Как может волшебник превратиться в обычного человека? Он что, все забывает?!

— К Милиусу отправлялись целые темные армии, ведомые известными чернокнижниками, в чьем искусстве владения магией не приходилось сомневаться. Обратное же возвращались обычные люди, которые не были в состоянии даже высечь искру из пальца! Самое же интересное состояло в другом: никто из них не помнил себя прежнего! Как будто до похода к Милиусу это были одни люди, а после —

совсем другие. Как такое объяснить? Лет двести назад маги Юга собрали объединенное войско, чтобы раз и навсегда разобраться с таинственным чародеем-отшельником.

Лучшие кудесники из Вендии, Кхитая, Меру, Кофа и Турана отправились в Карпаши. Возглавить армию предлагали мне, но я благоразумно отказался. И не жалею об этом; спустя всего лишь два месяца заморийские купцы случайно обнаружили на горном перевале горстку исхудавших и обессиленных стариков, в которых с трудом признали бывших чародеев. Никто из них не помнил, что с ними произошло, и даже не знал своего имени! С тех пор гуляет слух, будто Милиус заключил сделку с неким могущественным демоном из иного мира, который властен лишать волшебника всей его магической ауры и самой памяти. Известное дело, никто более не отваживался беспокоить Милиуса-отшельника. Чем он занимается в этих горах, тоже никто не знает. Вот почему Милиуса за глаза называют Скучающим Магом.

Конан, внимательно слушавший рассказ Пелиаса, мрачнел с каждой минутой.

— Все это крайне подозрительно. Кром бы побрал все ваши чародейские штучки! И ты предлагаешь нам отправиться к этому загадочному волшебнику?

— Милиус сможет нам помочь! — горячо воскликнул Пелиас. — Мы явимся к нему не с войной, но с миром. Мы придем за помощью. Я когда-то был его учителем, и я надеюсь, он не откажет мне. Именно такой человек нам нужен!

— Хорошо, — сказал Конан после некоторого раздумья. — Нанесем визит твоему таинственному отшельнику; выбора у нас все равно нет. Как далеко отсюда находится его берлога?

Пелиас осмотрелся, что-то прикидывая в уме.

— Жилище Милиуса затеряно среди гор. Чтобы

добраться до него, необходимо, я полагаю, часа три пешего хода.

— Всего-то? — Конан усмехнулся. — Ну, коли так, аккурат к вечеру поспеем... А теперь оставь нас ненадолго, Пелиас.

Старый волшебник удивленно воззрился на Конана, но спорить не стал. Оставшись наедине со своим полководцем, король сказал:

— Теперь послушай меня, Просперо. То, что я скажу сейчас тебе, должно стать твоей тайной. Никому ни при каких обстоятельствах ты не должен открывать ее. Даже если я сам буду молить тебя об этом.

— Я весь внимание, мой государь, — взволнованно молвил генерал.

— Мы с Пелиасом отправляемся в новый поход. Кто знает, что ждет нас во владениях этого Скучающего Мага?! И куда он направит наш путь? Возможно, свидимся мы не скоро, мой храбрый Просперо. Может статься, не свидимся вовсе.

— Что ты такое говоришь, мой государь, — прошептал Просперо. — Ты вернешься с победой, как всегда, не сомневаюсь!

Конан достал из походной сумки большую книгу в причудливом голубом переплете и передал ее генералу.

— Ты знаешь, что это такое, — сказал король. — Книга Судеб принесла людям неисчислимые бедствия. С нее началось могущество проклятого карлика. Но и теперь, как видно, она все еще нужна ему. Карлик дважды выкрадывал ее у Пелиаса. Я не могу доверить Книгу Судеб Пелиасу в третий раз; вот почему он даже не знает, что она попала к нам в руки. Мы не можем допустить, чтобы Великая Душа овладел ею снова. Если это произойдет, он без труда оживит своих гнусных монахов, — Конан поежился, — и все наши жертвы пойдут впустую. А он, пес, будет пытаться вернуть ее! Мы не можем просто уничтожить Книгу Судеб. Поэтому мы должны ее

спрятать. И спрятать так, чтобы карлик со всем его могуществом ни за что не отыскал бы ее.

— Говори, государь! Что я должен сделать?

— Вот волшебная накидка-невидимка. — Конан передал Просперо полупрозрачный лоскут ткани. — Та самая, что обронила стигийская принцесса Тхутмертари. Если укрыть ею Книгу Судеб, ее, Книгу эту, не отыщет и сам Сет с Нергалом в придачу. Ты обернешь Книгу Судеб в волшебную накидку и в таком виде отвезешь ее в Тарантию. Там ты спрячешь ее в... — Киммериец наклонился к уху Просперо и шепотом сообщил ему, где нужно спрятать Книгу Судеб. — Когда ты сделаешь это, — сказал король вслух, — постарайся забыть о ней. И, ради всех богов, никому ничего не говори! Ни под каким предлогом! Даже если я сам буду допытываться у тебя, куда ты ее спрятал — и тогда не говори! Даже под пыткой! Никому не доверяй эту тайну! Если что случится, лучше унеси ее с собой в могилу. Ты понял меня, Просперо? Сможешь?

Взволнованный и бледный генерал приложил руку к сердцу.

— Клянусь именем Митры, клянусь честью и жизнью, я исполню твою волю, мой государь!

Конан крепко сжал друга в объятиях. Стараясь скрыть дрожь под маской холодной решимости, киммериец сказал:

— Иди же, Просперо, и да хранят тебя боги. Сделай то, что я тебе велел. И помни: возможно, от тебя зависит судьба всего мира. Прощай!

Расставшись с Просперо и остальными воинами, отправившимися в Тарантию, Конан и Пелиас двинулись своей дорогой. Их путь пролегал по неприметным горным тропам. Местность была совершенно безжизненной. Ни одна живая душа не оставляла свой след на этих скалах как минимум сотню лет. Чтобы как-то сократить время и запаздывать свою бестактность по отношению к другу, киммериец при-

нялся рассказывать Пелиасу обо всех перипетиях недавних схваток с Великой Душой. Когда Конан упомянул в своем повествовании имя принцессы Тхутмертари, волшебник внезапно побледнел и прервал рассказ короля.

— Тхутмертари? Ты сказал — Тхутмертари?!

— Ага. Сначала она пыталась похитить меня. Наемники, демоны, нежити и все такое. Когда же ее попытки заполучить меня закончились провалом, она навязалась мне в попутчицы. И, признаюсь, сумела кое в чем подсобить. На ее счету двое убитых монахов. Но самого карлика одолеть ей не удалось.

— И что с ней случилось?

Конан пожал плечами.

— Карлик отправил ее в Стигию, к Тот-Амону. Честно говоря, я ей не завидую. Вряд ли мы о ней еще услышим.

— Ты совершил чудовищную ошибку, — огорченно заметил Пелиас. — Ты не должен был играть на одной стороне с Тхутмертари. Даже против Те-зиаса.

— Говорю же тебе, я и не собирался! — взорвался Конан; в чем-то он был вполне согласен с Пелиасом. — Она сама навязалась! Угрожала пустить кровь Зенобии и Конну. Но ничего же не случилось! Теперь-то чего беспокоиться?

— Ничто не минует бесследно, Конан. Темные силы не оказывают услуги бесплатно. Поверь, я знаю это слишком хорошо. Слишком хорошо! — тяжело повторил маг. — Тхутмертари суть Зло, воплощенное в человеке. Давно уже никто из смертных не погружался так глубоко в пучины Мрака, как она. Связавшись с нею, ты стал должником темных сил. Я очень боюсь, они скоро предъявят тебе свой суровый счет...

— Не говори загадками, чародей, — тоном, таящим угрозу, произнес Конан. — Толком говори, что ты имеешь в виду?

— Послушай лучше мою историю, король, —

чуть подумав, сказал Пелиас. — А потом сам делай выводы. Я долго прожил и многое знаю. Знаю такое, что вовсе неведомо обычным людям. Знаю сокровенные тайны, которые могущественные маги берегут пуще своих колдовских амулетов... Всем известно, что Тхутмертари — внебрачная дочь стигийского короля Ментуфера. Но лишь избранным открыты обстоятельства ее появления на свет. Слушай же, Конан.

Это было давно — ты еще не родился. Молодой король Ментуфер затеял первый в своей жизни большой военный поход. Армия короля вторглась в пределы Куша. Ментуфер рассчитывал присоединить его плодородные земли к стигийской империи. Однако чернокожие воины оказали стигийцам ожесточенное сопротивление. Войско короля завязло в джунглях и болотах. Кушиты били захватчиков поодиночке, по-партизански. Потеряв половину войска, Ментуфер вынужден был отступить к границе. Верховный вождь кушитов Азока со своим ополчением преследовал его. На огромном поле у самой границы должна была состояться решающая битва. От ее исхода всецело зависела сама судьба молодого короля. Если победит Ментуфер — кушиты будут надолго отброшены от стигийских пределов. Если же победит Азока — Ментуфера ждет неминуемая смерть либо позорный плен. Авторитет молодого короля в стране был и без того крайне низок. Поход в Куш состоялся вопреки возражениям жрецов, сановников и родственников монарха. Иными словами, только бесспорная победа над Азокой могла бы сохранить Ментуферу жизнь и трон.

Между тем накануне решающей битвы армия Ментуфера представляла собой воистину жалкое зрелище. Десять тысяч усталых, измученных солдат; многие были больны лихорадкой. Позади у них оставались долгие, изнурительные переходы по болотам, горам и джунглям. Потерпев поражение от кушитов, они попросту уносили ноги.

— Представляю, каков был моральный дух подобного воинства, — ухмыльнулся Конан.

— Вот именно. Кушита́м же джунгли, болота и горы были родным домом. Они вели праведную войну, изгоняли со своих земель жестоких захватчиков. Каждый воин Азоки жаждал окропить свое копьё стигийской кровью. Сам Азока после победы над Ментуфером планировал повести свою орду через пустыню и разграбить древний город Сухмет. Всего под его началом было войско в двадцать тысяч копий.

— Неужели сам Ментуфер не понимал, что его армия обречена?

— Еще как понимал! Молодой король быстро учился на своих ошибках. Но я продолжаю. Как ты знаешь, могущество стигийской империи зиждется не только на военной силе. В этой стране правит черная магия. Ментуфер мог обратиться за помощью к Тот-Амону или другому чародею Черного Круга. Однако он знал: могущественные колдуны не стали бы спасать неудачливого монарха, презревшего к тому же их волю. А если бы и стали, невелика разница! Да, магия Тот-Амона, возможно, обратила бы в бегство орду суеверных кушитов, но как бы Ментуфер правил после такой «победы»? Поэтому молодой король в отчаянии решил обратиться за помощью к Сету, темному божеству своей страны. Накануне решающей битвы, ровно в полночь, принес он Сету богатые жертвы. Затем в одиночестве без усталости молился он Великому Змею. Но Сет, казалось, был глух к его мольбам.

Внезапно чистый девичий голосок окликнул его. Обернувшись, Ментуфер узрел девушку; красота ее ослепляла. Красавица приблизилась к молодому королю.

«Меня послал к тебе Сет, — сказала она. — Ты должен провести со мной ночь. А утром тебя ждет победа».

Восхищенный король возблагодарил своего бога.

У него с красавицей была пылкая любовь. Всю ночь резвились они, а утром, на рассвете, разомлевший от счастья Ментуфер внезапно обнаружил, что сжимает в объятиях... змею!

— Кром! — выдохнул Конан.

— Итак, стигийский король переспал с женщиной-змеей, подосланной к нему самим Сетом. Ужасу его не было предела. Однако Князь Тьмы не обманул короля. В миг решающей битвы кушитов сморил колдовской сон. Стигийцы без труда разгромили своих врагов. Ментуфер лично обезглавил Азоку и пронес его голову на копье до самого Луксура. Пятнадцать тысяч кушитов были взяты в рабство. Давно Стигия не одерживала такой внушительной победы. Молодой король стал героем и обрел репутацию великого, непобедимого воителя.

Много месяцев спустя Ментуфер начал новый военный поход — на сей раз против шемитов. Армия короля переправилась через Стикс в районе Ахнабала. Шемиты выставили свое войско. Но на сей раз все мыслимые преимущества были на стороне стигийцев. Шемиты понимали это и надеялись лишь подороже продать свою жизнь. И вот в ночь перед главной битвой в палатку короля каким-то образом проникла та самая девушка, с которой Ментуфер спал на кушитской границе. В руках она держала люльку с младенцем.

«Это наша дочь, — сказала женщина-змея потрясенному королю. — Она угодна Сету. Ее ждет великая и необычная судьба. Вырасти ее как принцессу. Такова воля Отца Сета».

«А если я откажусь?» — осмелился спросить король.

«Тогда завтра шемиты разгромят твое войско. Все, что произошло девять месяцев назад на кушитской границе, случится и здесь — с точностью до наоборот. Твоих людей обратят в рабство, а голову твою насадят на кол».

Сообщив это, посланница Сета исчезла. Король

Ментуфер не стал искушать судьбу; в могуществе своего темного бога он нисколько не сомневался. В ту же ночь он поклялся исполнить волю злобного Сета. Так появилась Тхутмертари.

— Значит, она наполовину змея, так, что ли?

— Да, это так, — печально ответил Пелиас. — Отсюда ее нечеловеческая жестокость и преданность Злу. Когда девочка выросла, она превратилась в сущего демона. Всюду, где ступала она, лилась кровь. Хорошо еще, большую часть времени принцесса проводила в разъездах. По слухам, — эти слухи не смог проверить даже я, — она обучалась черной магии у самых злобных демонов, спускаясь для этого в Преисподние Миры. Там, куда смертный попадает только раз в жизни, да и то, если он страшный грешник, она была завсегдатаем. Свою благодарность демонам за черную науку она выражала участием в отвратительных оргиях и самых гнусных обрядах, свершаемых злобными, ненавидящими все человеческое тварями. Она поставляла демонам людей тысячами, и все эти люди погибали в ужасных муках, какие только были изобретены извращенным разумом Ада за многие миллионы лет. Мерзости и непотребства, творимые принцессой-жрицей, ужасали даже погрязших во Зле колдунов Черного Круга. Каждое свое возвращение в Стигию она отмечала кровавыми жертвоприношениями во имя Сета. Ни король-отец, ни жреческий синклит не имели над ней никакой власти. У Тхутмертари была своя армия; в качестве солдат она использовала каких-то жутких безголовых бестий, похожих на скелеты. С этим адским воинством она вторгалась в сопредельные страны. Вскоре дурная слава о ее деяниях пошла по всему миру. Ее имя стало символом Живого Ужаса в самой Стигии.

Для Тхутмертари действительно не было ничего святого, кроме воли ее злобного бога. Наступил момент, когда она взялась за свою семью. Ею были убиты все женщины, окружавшие отца и его сыно-

вей. Супругу кронпринца Ктесфона и его перворожденного сына, точно каких-то рабов, она собственноручно заколола на алтаре Великого Змея. Горе Ктесфона было безутешно. Король же Ментуфер, памятуя о воле Сета, не делал ничего, чтобы обуздать свою внебрачную дочь; втайне он сам ее боялся. Она свободно разгуливала по Луксуру, и все в ужасе шарахались от нее.

— Неужели никто не пытался покончить с дьяволицей?

— Еще как пытались! Десятки раз на Тхутмертари устраивались покушения. Но, кто знает, может, и вправду Сет хранил ее. Все покушавшиеся погибали жуткой смертью, а злобная принцесса не получала даже царапины! Со временем она превратилась в главную проблему для короля. Жрецы во главе с Тот-Аписом — Тот-Амон уже был изгнан из Стигии — наперебой умоляли Ментуфера хоть как-то обуздать дочь. И лишь когда Тхутмертари отравила свою мачеху, любимую жену Ментуфера, старый король проклял свою внебрачную дочь. Злая принцесса не стала бунтовать против отца, а гордо удалилась в свое очередное путешествие. Вскоре после ее отъезда начался мятеж в провинции Тайя, и король Ментуфер погиб. Едва взойдя на престол, Ктесфон объявил настоящую охоту за старшей сестрой. Он не только жаждал отомстить, но и страшился, что Тхутмертари заявит свои права на трон из слоновой кости. И вот тысячи слуг короля, а также жрецы и чародеи стали рыскать по свету в поисках мятежной принцессы. Но она, нужно отдать ей должное, была хитра и изобретательна, всякий раз ей удавалось улизнуть, оставляя после себя все новые и новые трупы. Так продолжалось два года. К тому времени верховным жрецом Сета снова стал Тот-Амон. Я подзреваю, он не так уж и старался поймать Тхутмертари! У него был свой расчет; какой — я понял много позднее. В конце концов, король Ктесфон, видя безуспешность усилий своих слуг, додумался

нанять для поимки сестры-злодейки чужеземного чародея, достаточно могущественного, опытного и хитрого, чтобы взять верх над Тхутмертари.

— И этим чародеем был ты, Пелиас, — догадался Конан.

— Да, этим чародеем был я. И мне удалось совершить то, что оказалось не по силам хваленым стигийским шпионам и самонадеянным колдунам Черного Круга. В Птейоне, проклятом городе на берегу Стикса, я настиг Тхутмертари. Как тебе известно, я владею искусством превращаться в различные живые существа. Ты никогда не догадаешься, какой мерзостью мне пришлось обернуться, чтобы подобраться к принцессе! Моя хитрость удалась; ведьма не ожидала подвоха со стороны той твари, в которую я обратился. Последовал яростный магический поединок, и, хотя ей помогали гули, духи и ожившие мертвецы, мне удалось вырвать победу! В цепях я доставил ее в Луксур и передал лично в руки Ктесфону. В этом состояла моя главная ошибка: я должен был убить Тхутмертари еще там, в Птейоне! Увы, — Пелиас виновато развел руками, — награда, обещанная мне королем, была столь велика, а я в те времена был столь жаден до богатства, что у меня не возникло и мысли пожертвовать золотом ради избавления мира от чудовища в женском обличье...

— Ктесфон заплатил тебе?!

— О да, король Стигии не поскупился! Моя награда составила миллион золотых денариев.

Конан восхищенно присвистнул. Один стигийский денарий равнялся семи аквилонским золотым маркам. Сумма, заплаченная Пелиасу, была фантастически огромна.

— Да, на эти деньги я вполне мог бы основать собственное королевство, да еще оставить богатый клад для потомков, — подтвердил Пелиас. — Вот почему я, не мешкая ни минуты, поспешил увести свое золото из проклятой Стигии. Нужно сказать, это тоже была непростая задача... Итак, я отбыл, не

удостоверившись, мертва ли Тхутмертари. Позже я узнал, что верховный жрец Тот-Амон буквально вырвал ее из-под топора палача. Вот уж не знаю, как ему это удалось, но с тех пор, известно мне, мятежная принцесса содержалась в заколдованной темнице под надзором самого Тот-Амона. Теперь-то я понимаю, зачем он сохранил ей жизнь: так было проще держать Ктесфона на «коротком поводке»... Воистину, Тот-Амон, должно быть, совсем выжил из ума, если решил выпустить дьяволицу на волю!

— Он приказал ей выкрасть меня и доставить в Стигию, дабы я послужил живой приманкой для карлика Тезиаса. Так Тот-Амон рассчитывал убить сразу двух зайцев: победить карлика и прикончить меня.

— Она сама тебе это сказала?

— Ага. Когда же план Тот-Амона провалился, она вздумала мстить Великой Душе самостоятельно. И непременно в моей компании.

— Тот-Амон — самонадеянный глупец, это очевидно. Но я бы на твоём месте отнесся много серьезнее к его угрозе, Конан. Тхутмертари никогда не успокаивается, пока не исполняет обещанного! В этом она не похожа на большинство стигийцев. Моли богов, чтобы она погибла!

Рассказ Пелиаса действительно заставил Конана о многом задуматься. Как так получается, что борьба против Великой Души уже в который раз толкает его в объятия Зла, а Зло при этом всегда гостеприимно свои объятия распахивает?!

— Если Тхутмертари объявится, — добавил маг, — она первым делом постарается расквитаться со мной. И на этот раз немилосердные боги отведут мне роль добычи, а ей — охотницы...

— Пусть только попробует сунуться к тебе! — грозно прорычал варвар. — Я живо срублю ее красивую головку! И притом без всякой магии.

Однако спасти Пелиаса Конану пришлось немедленно. И не от магии Тхутмертари. Звериное

чутье киммерийца вовремя почувствовало опасность. Конан молниеносным движением оттолкнул старика в сторону, к скале. Еще через секунду на то место, где только что стоял маг, грохнулся валун.

Дорогу впереди преграждали люди; они-то и бросили камень из-за поворота. Их было не менее двух десятков. Страшно худые, низкорослые, они к тому же украшены были подобием львиных грив; косматые грязно-черные волосы укрывали лица, шеи и спины. У каждого в правой руке было по широкому короткому мечу.

— Это еще что за макаки?! — свирепо глянул на них Конан, раздувая ноздри, точно вебрь перед броском. Длинный двуручный меч уже играл в его руке.

— Это айкины, — прошептал Пелиас, — жители здешних гор.

Услышав человеческую речь, айкины радостно ощерились. Вместо зубов у них оказались звериные клыки, наподобие волчьих. Угрожающе потрясая мечами, они двинулись навстречу людям.

— Значит, айкины, — проговорил Конан, принимая боевую стойку. — Судя по всему, они не намерены становиться нашими друзьями. А скажи, Пелиас, эти айкины умеют колдовать?

Вопрос Конана вызвал у волшебника улыбку.

— Айкины? Колдовать? Да что ты! Они ведь...

— Отлично! — перебил его Конан. — Тогда чуток разомнемся!

Испустив вопль, от которого, казалось, вот-вот задрожат горы, варвар первым бросился в атаку. Айкины радостно завизжали: долгожданная добыча сама бежит к ним в руки. Самый нетерпеливый айкин вприпрыжку бросился ей навстречу. И отведал вкус Конанова меча. Тело, разрубленное пополам, осталось лежать на горной тропе, а Конан, сжав меч обеими руками, уже всюю угощал страшными ударами жителей гор. Еще три гривастых создания отправились кормить грифов, так и не осознав,

какую опасность может представлять не в меру активная добыча. В узком проходе меж скал все преимущества были на стороне Конана. Глупые создания не догадались зайти с двух сторон, и киммерийцу нужно было только нападать, тесня айкинов по горной тропе. Короткие мечи приземистых айкинов казались игрушечными в сравнении с широким и длинным мечом Конана. И он продолжал собирать свой кровавый урожай.

Лишь когда половина их отряда была истреблена, айкины додумались сменить тактику. Побросав бесполезные мечи, они взялись за камни. В киммерийца полетел целый град обломков.

— Ах, вы так?! — взревел Конан. — И я так!

Отбросив свой меч, он ухватил огромный валун. Вдудились мышцы-канаты; тяжесть была слишком велика даже для него. Подняв камень, он с усилием толкнул его вперед. И, равно как десяток легких мечей были бессильны против одного большого, так и множество маленьких камней ничего не значили против одного громадного. Завидев валун, стремительно несущийся по горной тропе в их сторону, айкины побросали свои камешки и, визжа, припустились наутек. Выказав завидную прыть, они некоторое время бежали впереди валуна. Но Конан, к несчастью для них, не имел намерения просто попутать горных жителей. Бросок его принес бы вечную славу любому чемпиону в метании камней. Хруст костей и пронзительные вопли где-то впереди, за поворотом, наглядно свидетельствовали, что бросок Конана был успешным. Прокатившись еще немного, окровавленный валун ухнул в пропасть.

Подобрав свой меч, Конан подождал Пелиаса, затем сказал:

— Не ахти какая работа, однако ж после всей этой треклятой магии она мне словно мед!

— Вряд ли волшебник Милиус останется ею доволен, — покачал головой Пелиас.

— Милиус?! Он-то здесь при чем?

— Помнишь, я рассказывал тебе о темных армиях, что бросали мои коллеги-чародеи против Милиуса?

— Ну?

— Людей-то Милиус отпускал, а вот всех остальных — мертвецов, демонов, вурдалаков и прочих подобных им созданий — он оставлял здесь. Милиус взял на себя благородную миссию, — старый маг усмехнулся. — Если большинство чародеев превращают живых людей в разные малоприятные существа, то Милиус делает нечто прямо противоположное: всех нелюдей, что были посланы к нему, он превращает в нормальных людей.

— Не больно-то он преуспел в своем благородном начинании, — саркастически проронил Конан.

— Ты судишь его слишком строго, — заметил волшебник, косясь на трупы убитых киммерийцем айкинов. — Если бы ты видел, что представляли собой эти создания, когда впервые появились здесь, ты бы так не говорил. Чтобы научиться ходить на двух ногах, людям понадобились тысячелетия. Чтобы сделать человека из мерзкого гуля, нужно, чтобы этот гуль хотя бы три сотни лет походил айкином.

— А мне все больше нравится этот твой Милиус, — расхохотался Конан. — Какой болван надумал наречь его Скучающим Магом?! Я вижу, он времени даром не теряет! Чудак он, да и только!

— Послушай, Конан, — проникновенно молвил Пелиас. — Я умоляю тебя: будь повежливее с уважаемым магом! Помни: мы ведь за помощью к нему идем.

— Ладно, — ухмыльнувшись, пообещал киммериец.

Через полсотни шагов извилистая горная тропа закончилась тупиком.

— Мы у цели, — сообщил Пелиас.

Конан разочарованно хмыкнул. Вот так Милиус, могущественный маг! Ни гигантского замка со сте-

нами двухметровой толщины, ни рва, кишащего прожорливыми тварями, ни какой бы то ни было охраны. Вообще ничего, что указывало бы на человеческое жилище.

— Постучи по этой скале, — предложил чародей.

Конан дважды стукнул кулаком по тому месту, на которое указал Пелиас. Со скалы посыпалась известка, обнажив нечто похожее на небольшую дверь. Дверь отсвечивала серебром и практически сливалась со скалой. Конан ударил по двери еще три раза. Известка и слипшаяся пыль слетели, открыв ровную серебристую поверхность.

— Готов биться об заклад, здесь никто не ходил лет этак полтора, — пробурчал киммериец, готовый в любой момент выхватить меч.

Неожиданно в двери обнаружилось окошко, и из него выглянула чья-то заспанная физиономия. Физия, несомненно, принадлежала человеку, хотя густая черная растительность и худощавые черты лица делали ее похожей на морду айкина.

— Вам чего? — унылым голосом произнес человек-айкин. Произнес на чистейшем аквилонском языке.

— Здесь обитает почтенный чародей Милиус, известный также как Скучающий Маг?! — как можно более вежливо спросил Конан.

— Здесь.

Человек-айкин говорил таким тоном, как будто у его славного хозяина отбоя не было от назойливых посетителей и как будто верные слуги уже давным-давно замучились отворять им двери. Так или иначе, отступить было поздно. Решив принимать Милиуса за чудака, пока тот не докажет иного, Конан сказал:

— Передай достопочтенному магу Милиусу, что его желает видеть Конан, король Аквилонский!

Окошко затворилось, а через несколько секунд без единого скрипа открылась дверь. Человек-айкин с поклоном приглашал гостей войти.

— Мастер Милиус с нетерпением ожидает Ваше Величество.

Скорость, с которой заспанная рожа стражника превратилась в доброжелательную физиономию слуги, не понравилась Конану.

— Бьюсь об заклад, Пелиас, либо этот твой айкин летает за хозяйскими инструкциями по воздуху, либо он разыгрывает перед нами пошлый спектакль, либо сам Милиус стоит где-то за углом, — прошептал киммериец, заходя внутрь.

Ближе всего к истине оказалась последняя догадка. Неловко подбирая полы широкого серо-серебристого халата, им навстречу спешил пожилой человек весьма невзрачной наружности. Растрепанная белая борода топорщилась в разные стороны. Мелкие выцветшие глазки дружелюбно оглядели вошедших.

— Милости прошу, дорогие гости, — приятным тенорком воскликнул Милиус и, обращаясь к слуге-айкину, приказал: — Ужин на три персоны! Из моих лучших запасов! И три чашки моего отборного чая!

Заметив гримасу разочарования на лице Конана, Милиус понимающе улыбнулся:

— Прошу простить, Ваше Величество. Хмельного не держу из принципа.

— Ладно, чего уж там, — великодушно молвил Конан. На самом деле ему было очень обидно: Пелиас привел его не к чудачу, а к сумасшедшему; какой мужчина в здравом уме откажется хотя бы от одной чарки доброго игристого вина или, на худой конец, крепкого подогретого эля?!

Пелиас и Милиус встретились как старые друзья. Конан не мог сдерживать улыбку: контраст между высоким, стройным, моложавым, роскошно одетым и вообще величественно выглядящим учителем, с одной стороны, и приземистым, суетливым, неряшливым и невзрачным учеником, — с другой, был просто кричащим! Двух более непохожих друг на друга людей трудно было бы сыскать. Милиус похо-

дил, скорее, не на могущественного мага, а на безродного старика из богоугодных заведений. Впрочем, Конан знал, сколь обманчива бывает внешность. Хотя бы на примере карлика Тезиаса...

Милиус провел гостей в свой кабинет. Еще в коридоре Конан заметил весьма странную особенность жилища Скучающего Мага: нигде не было видно факелов, ламп, свечей, равно как и всех прочих осветительных приспособлений. Вместо них светились... сами стены. Гладкая серебристая поверхность излучала мягкий белый свет, и он равномерно освещал каждый уголок жилища.

— Здесь недалеко есть пещера, в которой растут серебристые мхи, — пояснил Милиус. — Айкины приносят мне их, и я делаю из мхов светящийся порошок. Его свет действует умиротворяюще, да и для глаз полезен.

Недоверчиво хмыкнув, Конан решил на время удовлетвориться таким объяснением.

Трое молчаливых айкинов внесли на серебристых подносах ужин. Скучающий Маг наотрез отказался говорить о деле, пока гости не насытятся и не отдохнут. Ужин и вправду был великолепен. Нежное филе индейки, шашлык из мяса антилопы, плоды манго и ананасовый сок, крупнозернистый рис. Когда же айкины внесли три огромные фиалы с ароматно дымящимся чаем, король не выдержал:

— Послушай, почтенный Милиус, удовлетвори мое любопытство. Я бывал в разных странах, всякое видывал, отвеживал всевозможных яств. Но, клянусь Кромом, нигде еще подобное великолепие не встречалось на моем столе одновременно! Вот этот рис, готов спорить, с императорских плантаций Кхитая. Индейка — из Зингары. Такие крупные и сочные ананасы выращивают только в висячих садах Аграпура. А мясо антилопы, бьюсь об заклад, оно из Амазона, только в столице дев-воительниц я пробова-вал такое. И оно, Нергал меня заberi, свежее, как будто антилопу забили час назад! А чай — такого чая

я в жизни не пробовал! В Айодии мне рассказывали, будто бы к югу от Вендии лежит сказочный остров, где якобы взращивают подобный чай. Я, понятное дело, не поверил. Как ты все это объяснишь?

Милиус улыбнулся:

— У меня неплохие связи. Мои добрые друзья во всем мире никогда не упускают возможности обрадовать затворника каким-нибудь деликатесом. А сегодня я сам заказал все эти яства заранее.

— Заранее? Так ты ждал нас?!

— Разумеется, — по знаку Милиуса айкины убрали ужин. — Разумеется, я вас ждал. Вы можете не утруждать себя рассказом о ваших приключениях. Я все знаю.

— Но откуда? — удивился Пелиас.

— Не забывай, почтенный учитель, что я давний житель этих гор. А с высоты всегда удобно приглядывать за всем, что творится в мире. Чем еще надлежит заниматься магу-отшельнику, как не коллекционированием интересных событий и фактов?! А разве может быть что-либо интереснее вашей увлекательной борьбы с Великой Душой?!

— Так ты, стало быть, отсиживался здесь, в то время как гнусный карлик превращал в своих рабов целые народы?! — с возмущением проговорил Конан.

— У меня свой интерес в этом деле, — ничуть не смутившись, отвечал Скучающий Маг. — Кто-то должен до поры до времени сохранять нейтралитет! И, потом, я же не отказываюсь вам помочь. Но прежде позвольте мне представить вам еще одного моего... гм... гостя. Он присоединился ко мне совсем недавно. Ты уже встречался с ним, Конан.

Милиус небрежно махнул рукой, и рядом с его креслом возникла фигура. При виде ее Конан вскочил, изрыгая проклятия и хватаясь за меч. Пелиас же, побледнев как мертвец, приложил руку к сердцу.

Посередине кабинета возвышалась точная копия старого волшебника. Высокий благообразный ста-

рик с густой седой бородой до пояса и маленькими умными глазами печально смотрел на Конана и Пелиаса.

— Прошу вас, успокойтесь, — сказал между тем Милиус. — Садитесь, Ваше Величество, король Конан. И ты успокойся, почтенный Пелиас. Я не собираюсь подшучивать над тобой. Лучше познакомься с профессором Луиджи Фонтанелли, нашим... гм... коллегой из Будущего.

— Оставь свои чародейские штучки при себе, Милиус, — грозно проговорил киммериец, угрожая мечом хозяину странного обиталища. — Луиджи был хорошим человеком. Без его помощи я не выбрался бы из цепей карлика. Но он погиб, клянусь кровью Крома!

— Разумеется, разумеется, он погиб, — согласился Скучающий Маг. — Взрыв был так силен, что тело досточтимого профессора расплавилось мгновенно. Однако... гм... душа его, не принадлежащая к нашему миру, осталась, так сказать, бесхозной. Ведь этот человек был призван Тезиасом из Будущего, и сие, бесспорно, означает, что в Хайборийском мире у него нет бога, который мог бы принять его душу к себе. Участь неприкаянной души ужасна! На его счастье, я внимательно следил за происходящими в Замке Синих Монахов событиями. И как только душа профессора покинула тело, я тотчас... гм... пригласил ее к себе, скажем так. Мои заклятия вернули профессору его истинный облик. Но помните, друзья мои, перед вами — всего лишь дух, призрак, если быть точнее. Он сохранил характер и разум профессора, но телесным естеством, увы, не обладает! Вы подтвердите мои слова, дорогой профессор?

— Все, сказанное магом Милиусом, — сущая правда, — молвил Фонтанелли. — Мне горько, что я не могу пожать твою мужественную руку, король Конан... Но я буду рад помочь тебе своими знаниями!

— Ради Крома! Вот так дела... — пробормотал

Конан. Он слегка дотронулся до профессора — рука свободно прошла сквозь иллюзорное тело. Обтерев со лба холодный пот, он спросил призрака:

— Так ты и вправду Луиджи?

— Да, это я, — печально улыбнулся призрак Фонтанелли. — Тот, кого карлик вызвал в твой мир из моего двадцатого века. Тот, кто освободил тебя от заколдованных цепей. Тот, кто пытался взорвать цитадель Великой Души. Тот, кто вложил в твои руки лазерный бластер; из него ты стрелял по «Черному коршуну». Все это — я. Я погиб при взрыве — и вот я здесь! Невероятная история, не так ли?!

Качая головой, Конан снова опустился в кресло. Пелиас же по-прежнему пребывал в прострации, взирая на свое живое отражение.

— Ну ладно, вернемся к делу! — хлопнул в ладоши Милиус, беря инициативу в свои руки. — Извольте предъявить свои трофеи, господа!

Конан достал из-за пазухи серебристый медальон с пирамидой, который носил магистр Синих Монахов.

— Занятная вещица, — вынес вердикт Милиус, повертев в руках таинственный медальон. — Другой такой во всем мире не сыщешь. При соответствующих условиях этот медальон может стать незаменимым.

— Точно! — воскликнул Конан. — Когда я стащил эту штуку с шеи Брахо, карлик сказал мне буквально следующее, я как сейчас помню: «Ты взял себе медальон Брахо, вор. Однако он не спасет тебя — ты, варвар, не умешь им пользоваться». Так что же, выходит, если бы я умел им пользоваться, эта штука была бы посильнее проклятой магии Тезиаса?!

— Не все так просто, — вздохнул Скучающий Маг. — Медальон этот невероятно древний. И сотворен он был явно не на Земле. Какие силы повинуются ему — нам неизвестно. Вряд ли знает все об этом медальоне и сам Тезиас. Что до меня, я бы

однозначно отсоветовал будить силы, заключенные в сей вещице. Эти силы чужды известной нам магии и наверняка чрезвычайно опасны. Ты понимаешь меня, киммериец?

Конан кивнул. Как ни хотелось сразу заполучить верное оружие против Великой Души, с логикой Милиуса он был полностью согласен. Он и прежде всегда стремился держаться подальше от колдовских игрушек; этот же медальон, изображавший серебристую остроконечную пирамиду, почему-то внушал ему неодолимое отвращение.

— И все же, — сказал профессор Фонтанелли. — Если этот медальон такой древний, может быть, он сохранил в своей памяти события, могущие пролить свет на прошлое? По-моему, именно в прошлом, в вашем прошлом, господя, следует искать ответы на загадки Великой Души!

Конан и Пелиас переглянулись. Мысль гостя из Будущего показалась им здоровой. Старый чародей сказал:

— Милиус, твое потрясающее умение читать прошлое по раритетам древности мне известно. Помогите же нам! Заставьте этот медальон поведать нам свою историю!

Глубокомысленно вздохнув, Милиус вышел из кабинета. Через минуту он вернулся, толкая перед собой небольшой шкафчик на колесиках. Когда шкафчик подъехал поближе, Конан обнаружил, что никакой это не шкафчик, а огромные песочные часы. Сбоку на часах располагались какие-то рычажки и кнопки. Милиус положил серебристый медальон поверх часов и пояснил:

— Вот мои магические часы. Они рассчитаны на тысячу лет. Они явят нам историю этого медальона. Если она насчитывает менее тысячи лет, мы узрим также его создателей и узнаем, каким образом он попал к магистру Синих Монахов.

Милиус беззвучно прочитал заклинание и поочередно нажал несколько кнопок и рычагов на вол-

шебных часах. Часы... исчезли! Вместо них возник провал, в котором появилось изображение. Фигуры были ясными и четкими. Милиус сделал еще несколько замысловатых пассов в воздухе и сказал:

— Я приказал часам пропускать незначительные детали и начать показ с того момента, когда Конан снял медальон с шеи Брахо. Часы будут показывать события в обратном порядке: сначала мы увидим недавнее прошлое, а затем — более отдаленное.

И точно: Конан увидел Брахо, превращающегося в стального истукана, затем себя глазами Брахо. Потом он узрел Тезиаса, раздающего указания своим слугам. Перед его взором предстал и момент, когда Тхутмертари лишилась своей руки; рука принцессы сгорела от соприкосновения с серебристым медальоном. Затем он увидел появление в замке Фонтанелли и Джейка Митчелла, его двойника. Еще через несколько мгновений медальон показал карлика, выписывающего что-то из Книги Судеб.

— Он переводит Заклинание Времени, с помощью которого надеется отослать Конана в далекое Будущее, — объяснил Милиус. — Он еще не знает, что Заклинание Времени окажется коварным: вместо того чтобы отправить в Будущее Конана, оно призовет в наш мир Джейка и профессора Фонтанелли.

Дальше часы показали первые дни жизни Тезиаса в Замке Синих Монахов. А вот и само воскрешение Великой Души: монахи вносят в зал-амфитеатр хрустальный гроб с телом карлика, Брахо вставляет Ромб Яхкунга в грудь Тезиаса и произносит неведомое заклинание...

— Так у него нет сердца! У карлика вместо сердца Ромб Яхкунга! — потрясенно воскликнул Конан. — Эти треклятые монахи выловили его из моря Вилайет! Вот гады!

Затем волшебные часы довольно долго демонстрировали собравшимся жизнь в Замке Синих Мо-

нахов. Ничего интересного в этой жизни не было: многочасовые медитации, чтение книг, возня с пробирками в многочисленных лабораториях и так далее.

— Семьсот лет, — сказал наконец Милиус. — По крайней мере семьсот лет монахи жили в своем Замке, никуда и никогда не отлучаясь из него. Вы понимаете, что это означает?

Конан не понимал, куда клонит Скучающий Маг. Семьсот лет живут эти проклятые монахи в своей крепости, ну и что с того?! Для обычного человека это, конечно, великоватый срок, но кто возьмется назвать этих колдунов обычными людьми?! Такие колдуны могут, наверное, и тысячу лет протянуть.

Король намеревался высказать свою мысль вслух, но не успел. Картинка, демонстрируемая волшебными часами, внезапно изменилась. Мрачные интерьеры Замка Синих Монахов куда-то пропали, а вместо них возникли убогие крестьянские хижинки, одиноко стоящие среди гор. Вдруг из хижин выбежали люди; их было шестнадцать, и все — мужчины. Конан не мог не заметить отдаленное сходство горных отшельников с Синими Монахами. Но только отдаленное: эти крестьяне не носили роскошных синих плащей с капюшонами и выглядели как обычные оборванцы. Это уже было странно. То же, что показали волшебные часы дальше, заставило вскрикнуть от изумления и Конана, и Пелиаса, и даже бесплотный дух профессора Фонтанелли. Только Скучающий Маг ничего не сказал, а лишь как-то странно посмотрел на картинку.

А увидели все вот что: с самих небес к горным отшельникам спустился... карлик Тезиас собственной персоной! Шестнадцать мужчин упали перед ним на колени, Тезиас сотворил какое-то могучее заклинание, от которого задрожало и поплыло все вокруг; когда же горы и воздух успокоились, обо-

рванцев уже не было, как и их убогих жилищ, — перед карликом предстали Синие Монахи, а позади них высилась мрачная громада их Замка... Вперед вышел самый рослый из монахов, — это был Брах, — и Тезиас передал ему серебристый медальон, а вместе с ним — некий запечатанный пакет.

Затем волшебные часы показали землю с высоты птичьего полета; карлика, несущегося над незнакомыми землями; наконец, безжизненный, точно застывший океан, посреди которого, словно перст, указывающий в небо, возвышалась колоссальная серебристая пирамида Стража Земли.

Вдруг картинка затрепетала, изображение вспыхнуло и... И волшебные часы с оглушительным звоном взорвались! В кабинет Милиуса откуда ни возьмись ворвался ураган. Бесчисленные спирали из лазоревых молний неистово вращались, играя людьми словно пылинками. Призрак Фонтанелли мгновенно растворился в возникшем смерче; Конана же, Милиуса и Пелиаса ураган неумолимо тащил к образовавшемуся portalу в форме правильного голубого круга, составленного из свитых в единый клубок молний. С момента возникновения урагана прошло не более секунды, а людей уже затягивало в неведомую воронку голубого круга.

Казалось, ни Пелиас, ни Скучающий Маг, не ожидавшие подобного поворота событий, ничего не могли поделать. Как простые смертные, они стонали и вопили от ужаса; магия их, судя по всему, была бессильна против мощи Урагана Времени. Что их неведомо как захватил Ураган Времени, Конан осознал тотчас; именно такой волшебный вихрь однажды уже довелось ему испытать. Тогда он спасся, а теперь?! Теперешний ураган был много сильнее! Что там, за этим манящим голубым кругом? Иной мир? Или небытие?

Конан не желал знать ответ на этот вопрос. И, ведомый не рассудком, а, скорее, природным ин-

стинктом, наитием, интуицией человека, для которого стало привычным делом мгновенно изыскивать спасительные решения в самых экстремальных ситуациях, — он, вывернувшись в вихре, точно головастик в воде, сумел поймать серебристый медальон. Схватил его — и что есть силы запустил в искрящийся голубой круг. Едва медальон с пирамидой коснулся клубка неистово вращающихся молний, ураган закончился. Прекратился так же внезапно, как и возник. Милиус, Конан и Пелиас упали на пол. Рядом с головой Конана упал серебристый медальон; он дымился.

Киммериец вскочил на ноги и помог подняться обоим чародеям. Пелиас сотворил заклинание, и раны, ушибы, порезы, полученные в сумасшедшем вихре, сразу зажили. Взмахом руки Милиус восстановил прежнюю обстановку кабинета; однако свои магические часы ему спасти не удалось — они попросту исчезли. Кряхтя и охая, старики уселись в свои кресла.

— Ну, теперь кто-нибудь может мне сказать, что все это значит?! — потребовал объяснений Конан. — И где тот, второй Пелиас... ну, который из Будущего, Луиджи?

Милиус утомленно махнул рукой.

— Не стоит за него волноваться. Он призрак, вот и рассеялся, только и всего. Мои заклятия надежно удерживают его душу. Но, чтобы вернуть ему видимость тела, нужно время и силы. Я сделаю это позже, с вашего позволения.

— А насчет остального что скажешь?

Скучающий Маг задумчиво погладил свою растрепанную бородку.

— Прошлое весьма туманно, — молвил он наконец. — Но кое-что полезное мы теперь знаем. Мы знаем — первое: этот серебристый медальон, на котором изображена Пирамида Мира, появился здесь в незапамятные времена. Второе: монахам его вру-

чил сам Тезиас, невесть как угодивший в далекое прошлое Хайборийского мира. И третье: до того медальон совершил колоссальный прыжок из иного мира — может быть, из Прошлого или из Будущего, а может быть — из Иной Вселенной...

Конан нахмурился, едва сдерживая ярость. Если раньше подобные загадки просто не нравились ему, то теперь они его по-настоящему бесили. И при том он смеет называть их разгадками! Может, теперь он предложит поломать голову над ребусом, как проклятый карлик очутился в далеком прошлом, когда не то что Конана, но и Милиуса с Пелиасом еще не было на свете?!

— А теперь послушай меня, Скучающий Маг, — заговорил киммериец; в синих глазах его полыхал опасный огонь. — Если хочешь заняться разгадыванием ребусов, будь любезен, отыщи для этого другое время. У тебя его прорва, как я погляжу. Мы с Пелиасом пришли к тебе не загадки разгадывать. Нас карлик интересуется сейчас и здесь, а не где-то в ином мире тысячу лет назад. Мы торчим у тебя уже не один час. За ужин и развлечения, конечно, спасибо, но пора бы и делом заняться. Можешь — помоги, не можешь — нечего нам здесь голову морочить.

Пелиас покраснел. Старый чародей уже открыл рот, чтобы витиеватым слогом заглазить бестактность своего друга-варвара. Но Милиус опередил его.

— Наш храбрый король рвется в бой? Ну что ж, отлично! Я помогу вам. История, рассказанная серебряным медальоном, многое для меня прояснила... Итак, Конан, чего бы ты сейчас желал больше всего на свете?

— Покончить с карликом, чего же еще! — не задумываясь, рывкнул варвар. — Раз и навсегда!

— Увы, этого я тебе не могу обещать, — насмешливо развел руками Скучающий Маг. — Я даже не могу показать тебе, где Тезиас пребывает ныне. Но я

могу указать средство, правильно применив которое ты наверняка лишишь Великую Душу его власти.

— Отлично! Большого мне от тебя не нужно. А теперь, будь так добр, открой, что это за средство и где его отыскать.

Милиус оценивающе посмотрел на Конана и усмехнулся.

— Прежде, Ваше Величество, скажи мне, правильно ли я понимаю: основная сила Тезиаса заключается в его особом даре гипнотического внушения. Он заставляет людей видеть и чувствовать то, чего на самом деле нет. Ведь так?

Конан задумался. Фантомы, миражи, видения — все это действительно существовало только в воображении людей, одураченных гипнозом карлика. Пожалуй, Милиус попал в самую точку!

— Ну и что? — сказал Конан вслух. — Куда ты клонишь?

— Еще ответь мне, Конан, будет ли опасен Тезиас, когда лишится своей магии?

Варвар не смог удержаться — он рассмеялся Милиусу в лицо.

— Кому может быть опасен жалкий, ничтожный карлик, — проговорил он, отсмеявшись. — Разве что таким же клопам, как и он сам.

Огонек ненависти — или еще какого-то более сильного чувства — на мгновение вспыхнул в выцветших глазах Скучающего Мага. Огонек настолько слабый, что никто его не заметил.

— Итак, если свести на нет волшебство Тезиаса, он не будет опасен, — подытожил Милиус. — Знай же, король Аквилонии: существует средство, способное развеивать чужую магию, от кого бы она ни исходила. Как сильный ветер развеивает дым.

Неожиданно подал голос Пелиас, и голос этот был полон волнения:

— Постой, Милиус, постой! Мне не нравится направление твоей мысли...

Невзрачный старик плутовато подмигнул своему бывшему учителю:

— Но ты же знаешь, почтенный Пелиас, я никогда не отличался узостью мышления!

Конан с изумлением увидел, как расширились глаза Пелиаса. Он никогда еще не видел друга таким испуганным.

— Ты не смеешь искушать нас ЭТИМ, Милиус, — дрожащим голосом прошептал Пелиас. — Сама мысль твоя уже есть неслыханное святотатство!

— Отчего же?! — усмехнулся Скучающий Маг. — ЭТО верное средство. примени его против Тезиаса, и магии Великой Души придет конец!

Тяжелый кулак Конана опустился на подлокотник кресла. Крепкое дерево затрещало.

— Вы прекратите говорить загадками, проклятые чародеи, или нет?! — зарычал киммериец. — И ты туда же, Пелиас! Я когда-нибудь услышу, как называется это таинственное средство, или мне придется пытаться вас?!

Тон его не оставлял никаких сомнений: король не шутит и, если придется, готов исполнить свою угрозу. Неважно как, но готов. Милиус рассмеялся, Пелиас же был мрачнее тучи.

— Он предлагает применить против карлика Светоч Истины, — тихо молвил Пелиас. — Но это безумие!

— Какой еще Светоч? — насторожился Конан. — Говори толком!

— Светоч Истины — это живое воплощение Солнечного Бога Митры, — разъяснил Милиус. — Многие чародеи считают его проекцией Солнца, Ока Митры. Другие говорят, что Светоч Истины — это глаз Митры или даже его душа. Но все единодушны в главном: Светоч Истины суть самый могущественный магический предмет нашего мира, сто крат сильнее Сердца Аримана, Черного Скорпиона, Глаза Эрлика и прочих волшебных амулетов. Как я

уже сказал, его мощь — в способности рассеивать чары, кем бы они ни налагались. Светоч Истины прогоняет магию, и вещи предстают такими, каковы они есть в действительности. Воин остается воином, но могучий волшебник становится обычным человеком. Оживленный некромантией мертвец возвращается в могилу, призрак рассеивается, а к человеку, закрепощенному гипнозом, возвращается разум. Вот почему этот божественный талисман носит имя Светоч Истины.

— Потрясающе! — воскликнул киммериец. — Это как раз то, что нужно!

— Ума не приложу, как столь бредовая идея могла родиться в мозгу нормального человека, — пробормотал Пелиас, с откровенной неприязнью косясь на Милиуса.

— Мой почтеннейший учитель и друг опасается препятствий, которые неизбежно встанут на пути желающего заполучить Светоч Истины.

— И он имеет наглость называть ЭТО «препятствиями»! — возмутился старый чародей. — Выкрасть божественный амулет из дворца самого Митры — ЭТО он называет «препятствиями»!

Милиус отрицательно покачал головой.

— Во-первых, не выкрасть, а позаимствовать на время. Во-вторых, не из дворца Митры, а всего лишь из Страны Небесного Народа; а это разные вещи.. Ну так как, хотите вы победить Великую Душу?! Если хотите, отправляйтесь за Светочем Истины!

Конан молчал, уставившись глазами в серебристый пол. Сердце его неистово колотилось. Вон как оно обернулось! Он был лучшим вором в Аренджу-не, столице воров; он был самым отважным воином, способным вырвать сокровище из клыков самых непредставимых страшилищ. Он прошел через все. Едва услышав, что представляет собой Светоч Истины, он сразу понял: амулет такой силы добыть будет

непросто! Внутренне он был готов отправиться на край света, сразиться с целой армией жутких тварей, наконец, просто выкрасть этот Светоч из охраняемого демонами и наглухо запечатанного нечеловеческой магией ларца. Но позариться на «живое воплощение» Митры, самого могущественного и почитаемого бога хайборийцев, — это было чересчур даже для него! Для него, которого после всех его подвигов называли лучшим воином Митры!

— Только так ты сможешь покончить с Великой Душой, — вещал между тем маг-искуситель. — Карлик Тезиас неугоден Митре; Солнечный Бог только возблагодарит тебя, когда ты справишься с ним.

— А отчего сам Митра, такой великий и могучий не покарает карлика?

Милиус театрально воздел руки ввысь.

— Разве мы, смертные, способны постичь замыслы Истинного Бога? — в голосе Милиуса зазвучала плохо скрытая издевка. — Возможно, он желает, чтобы это сделал ты?! Разве случайно среди всех жителей Земли именно ты, Конан-киммериец, осмелился бросить вызов Великой Душе?!

— Не соглашайся, Конан, у меня дурное предчувствие, — выговорил Пелиас, но было поздно: король уже принял решение.

— Где лежит твоя Страна Небесного Народа? Что-то я не слыхал о такой.

— Разумеется. Она находится за Гранью Заката. Там, где отдыхает Солнце, хранится Светоч Истины. Смертным людям туда хода нет.

Заметив торжествующую усмешку на лице Пелиаса, Скучающий Маг поспешил добавить:

— Я проведу тебя, Конан, в Страну Небесного Народа. И поможет мне в этом сей замечательный медальон, который ты столь вовремя позаимствовал у Брахо.

Киммериец не стал выяснять, каким образом Милиус собирается проникнуть в запретный для смерт-

ных мир. Он просто встал, поправил меч на поясе и спросил старого волшебника:

— Как, идешь со мной, Пелиас?

Подарив Милиусу очередной уничтожающий взгляд, Пелиас тоже поднялся и протянул Конану руку.

— Я не могу бросить тебя одного в этой безумной авантюре. Погибать, так вместе. А может, и вправду что-нибудь получится.

— Тогда по рукам!

Встал и Милиус. Он поднял с пола серебристый медальон, затем сказал:

— Когда вы намерены отправиться?

— Как только ты сможешь нас провести, — ответил Конан.

— Сейчас уже глубокая ночь, — напомнил Пелиас.

— В Стране Небесного Народа царит вечный день. Ведь это царство Солнечного Бога, — улыбувшись, возразил Милиус. — Идемте за мной.

Милиус привел их в округлый грот. В гроте ничего не было. Все те же голые гладкие стены, покрытые светящимся порошком.

— Встаньте позади меня и ждите, — велел Скучающий Маг. — Я сообщу, когда вам можно будет идти.

Милиус подошел к дальней от входа стене, Конан и Пелиас встали у него за спиной. Обхватив медальон руками, Милиус стал шептать заклинания. Волшба продолжалась довольно долго; серебристый медальон вибрировал в руках мага. Наконец из него в стену беззвучно ударил яркий белый луч. Стена мгновенно исчезла. Из образовавшегося портала хлынул ослепительный солнечный свет. Конан и Пелиас невольно зажмурили глаза. Если бы они стояли спиной к свету, а лицом к Милиусу, они, может быть, заметили бы, что ПОЗАДИ выплывших, невыразительных глаз Скучающего Мага как будто просвечивают очи совсем другого, совершенно непохо-

жего на Милиуса человека. Но Конан и Пелиас не могли видеть этого.

— Пора, — сказал Милиус. — Идите вперед и не оборачивайтесь.

Взявшись за руки, Конан и Пелиас вошли в полосу ослепительного света. Вошли — и исчезли из поля зрения Милиуса. Еще минуту он молчал, а затем сказал, обращаясь к серебристому медальону:

— Вот и славно. Надеюсь, ты простишь мне весь этот глупый маскарад, мой преданный друг. Мы снова вместе, и это главное. А те двое... Я просто обязан был отправить их в рай! Разве они этого не заслужили?! Разве можно придумать лучший конец для великого воина и великого волшебника...

Сказав такие слова, Милиус повесил медальон на свою шею и двинулся прочь. Вовсе не случайно он приказал Конану и Пелиасу идти вперед, не оборачиваясь. И вовсе не случайно в обители Скучающего Мага совершенно отсутствовали лампы и свечи. Потому что серебристые стены, равномерно освещавшие все вокруг, начисто подавляли тень. Но ослепительный, невозможно яркий свет, льющийся из портала, был сильнее. И Милиус, повернувшись к portalу спиной, сразу увидел свою тень. Вернее, он увидел сразу ТРИ тени, наложенные как будто одна на другую: первая была огромной, размытой, вторая по очертаниям напоминала фигуру самого Милиуса, третья же тень была маленькой и девственно черной. Гримаса неизбывной горечи и страдания исказила лицо невзрачного старика.

— Опять! — еле слышно прошептал он. — Когда же это кончится?..

— Никогда, — был ему ответ, и человек с тремя теньями хорошо знал, КТО отвечал ему.

Не оборачиваясь, Милиус судорожным взмахом руки затворил портал; на том месте, через которое в Страну Небесного Народа ушли Конан и Пелиас, снова возникла глухая и гладкая стена. Вместе с ос-

лепительным светом исчезли тени. Милиус облегченно вздохнул, зябко передернул плечами и запахнул серо-серебристый халат. Медальон с пирамидой тихо звякнул на груди хозяина.

Глава пятая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ГОРАХ

— Этого не может быть. Потому что не может быть никогда, — прошептал Джейк Митчелл.

— Глупый человек! — насмешливо молвил Тезиас. — Как ограниченно мыслишь ты! Неужели так трудно постичь неизбежное?

Когда фиолетовая дымовая завеса разверзлась, обнажив внутренности шарообразного дворца, Джейк не смог сдержать возгласа изумления. И не удивительно: здесь, в построенном инопланетянами Зачарованном Городе, он обнаружил интерьер человеческого мира! Широкая парадная лестница поднималась на второй этаж, с потолка свешивались огромные хрустальные люстры, стены были украшены богатой лепниной и барельефами прославленных персонажей человеческой истории — истории, которая еще не состоялась. Были здесь большие, во весь рост, изображения героев древнегреческих мифов и воителей Рима, Александра Македонского и Юлия Цезаря, Чингисхана и Ивана Грозного, Наполеона и Джорджа Вашингтона, многих других известных в далеком Будущем людей.

Тезиас величественно провел рукой по окружности дворца. Интерьер мгновенно переменился. Королевское великолепие уступило место сухому функциональному стилю. Джейк увидел знакомые внутренности богатой загородной виллы, какая в его родном мире могла бы принадлежать человеку со среднегодовым доходом в миллион долларов. Новое движение руки карлика — и перед взором американ-

ца возникли интерьеры огромной космической станции — такие показывают в обожаемых Джейком фантастических боевиках...

— Этого не может быть, — повторил Джейк. — Зачем тебе надобно меня дурачить, Великая Душа?

Тезиас рассмеялся и легко подтолкнул Джейка вперед.

— Никто тебя не дурачит, американец. Это — Живая Энергия. Она может принимать любые формы. И я здесь — не композитор, а, скорее, дирижер. Я повелел Живой Энергии считать из твоего подсознания архитектурные образы, запечатленные в твоей памяти, и воспроизвести их. Живая Энергия способна воссоздать все, что угодно! Так как, где бы ты хотел жить — в королевском дворце, в доме магната или на борту космической станции?

— Пожалуй, я предпочел бы королевский дворец, — приосанившись, проговорил Джейк. — Как-то привычнее, ведь я теперь аквилонский монарх, хотя и в изгнании.

— Добро. — Тезиас снова прочертил рукой по воздуху, и интерьер великолепного королевского дворца возвратился на место. — Да будет так!

Карлик первым поднялся по мраморной лестнице. Неожиданно обернувшись к шествующему позади него американцу, он высокопарно произнес:

— Я дарю этот дворец тебе, Конан Аквилонский. Пока ты верен своему богу, этот дворец будет верен тебе. Если же ты нарушишь свою присягу, он станет твоим врагом.

Джейк отвел глаза.

— А где ты будешь жить, Великая Душа?

— О нет, только не здесь, — иронически заметил Тезиас. — Жилища богов гораздо выше дворцов королей! Помнишь то кольцо, что опоясывает Стержень на высоте двести метров над этим дворцом? Ты еще назвал его «командным пунктом». Вот там я буду жить. Никто, кроме меня, не смеет войти туда!

И он исчез. Только что стоял рядом с американ-

цем — и вдруг пропал. После всего увиденного Джейка это не удивило. Великая Душа телепортировался куда-то — только и всего. Пожав плечами, король Аквилонии в изгнании приступил к осмотру своего нового дворца.

Они встретились снова через несколько часов. Злой, уставший и полный разнообразных, большей частью неприятных, впечатлений, Джейк вышел из дворца. Тезиас стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди.

— Смотри, американец, какая красота! Где еще увидишь такое?!

Солнце медленно поднималось из-за далеких гор. Лучи дневного светила нежно ласкали кроны могучих сосен. Девственный лес окружал Зачарованный Город со всех сторон. Мягкий желтоватый свет его живых огней соперничал по яркости с солнечным, но был как будто гораздо добрее и приятнее.

Однако Джейк не был настроен восхищаться красотами природы. Подойдя к Тезиасу, он фамильярно ткнул самозванного бога пальцем в грудь.

— Я кое-что скажу тебе, Великая Душа. Есть парочка-тройка вопросов, на которые я хотел бы получить немедленный ответ. Вопрос первый: в этом дерьмовом городе есть хоть кто-нибудь живой? Поясняю. Раз я король, мне полагаются слуги, не находишь?! И второй вопрос: пить и жрать мне что-то надо, как ты думаешь?!

— Прости, я и забыл, — наморщил лоб Тезиас. — Ведь ты — обычный человек!

— Ну да, я обычный живой человек, а не такой, как ты, задница, который не спит, не пьет, не ест, а питается энергией из Космоса! Вторые сутки я капли воды в рот не брал! Ничего не ел уже двое суток! Ты, что ж, и дальше собираешься кормить меня впечатлениями?! Я обошел весь этот дерьмовый дворец вдоль и поперек. Здесь нет ни ванной, ни кухни. Здесь нечего выпить и пожрать! Ничего

себе королевский подарочек! Ты хочешь, чтобы я издох от жажды и голода?!

Последние слова американец прокричал прямо в ухо карлику.

— Хорошо, хорошо, — сказал Тезиас. — Что-нибудь придумаем.

— Ты давай думай быстрее, а не то я тебя самого слопаю, хоть ты и карлик.

Для пущей убедительности своих слов Джейк схватил Тезиаса за отворот облегающего мехового костюма, в который всегда был закутан карлик. И тут же отпустил, взвизгнув от пронзившей все тело адской боли. Его словно током ударило.

— Не смей прикасаться к богу своими грязными лапами, — грозно прошипел карлик. — Я сказал, придумаю — значит, придумаю.

— Наколдуй хотя бы воду, а, — жалобно молвил американец, опасливо косясь на карлика.

Кивнув, Тезиас пробормотал какое-то заклинание. Земля под ногами едва заметно вздрогнула, а карлик обхватил голову руками.

— Что это?.. Как такое случилось?.. Я не могу... Нет, нужно попробовать еще... — разобрал Джейк из несвязного бормотания Великой Души.

Тезиас снова произнес заклинание, закрыл глаза и сделал пасс рукой. Земля затряслась сильнее — Джейк едва устоял на ногах. Над Зачарованным Городом поднялись клубы пурпурно-фиолетового дыма; некоторые «здания» невдалеке рассыпались в ничто. Сам Тезиас рухнул на землю. Стеная от боли, карлик сжался в комочек и извивался по земле, точно улитка.

Лишь когда конвульсии карлика стали затихать, Джейк осторожно приблизился к нему и заглянул в глаза. Огромные агатовые зрачки были полны ужаса и боли. Джейк помог Тезиасу встать на ноги.

— Что случилось? Ты не можешь наколдовать мне воду?

Великая Душа с горечью смотрел на него, словно

дивясь тому, как человек может быть столь непонятлив. На бледном, белее свежего снега лице карлика появились слезы. Едва слышно он произнес:

— Гораздо хуже. Я НИЧЕГО больше не могу наколдовать... Мои созидательные способности разрушены. Разрушены! Я не в состоянии НИЧЕГО сотворить! НИЧЕГО материального — только призраки и миражи! Это катастрофа...

— Ну и что? Большинство людей ничего не может сотворить — и никто не считает это катастрофой!

— Но я же бог! — протестующе воскликнул Тезиас. — Я бог! Мне положено быть Творцом! Даже самый захудалый маг способен наколдовать сосуд с водой. А я — не могу! Мои созидательные способности блокированы. И я знаю почему! Моя сила, моя власть, все мое могущество, врученные мне Стражем Земли, что-то изменили в моем мозгу. Они разрушили мои творческие функции. Наверное, они поломали что-то еще. Не знаю...

— Скажи, а ты можешь разрушить крепость или убить человека на расстоянии?

Тезиас недоуменно посмотрел на Джейка и отстранился.

— Вне всякого сомнения. Я в состоянии превратить в пыль целый город за одну секунду. Столько же времени мне потребуется, чтобы утробить тысячу человек на другом конце света.

Джейк просиял.

— Чего ж ты мучаешься?! Ты будешь богом не созидания, а разрушения!

Великая Душа с обидой отвернулся. Помолчав, он сказал:

— Нет, американец, злобных богов и без меня хватает. Как и добрых... У меня есть Мечта, Джейк. Я хочу основать новую расу людей. Людей, способных нести в себе крупицы Великого Космического Знания. Людей, которые не будут убивать друг друга ради богатства, власти и женщин. Богатством они

будут наделены с рождения; это богатство — Знания, другого богатства я не признаю. Власть им тоже не нужна; она будет принадлежать мне — я лучше других сумею ей распорядиться. Что до женщин — женщины в мире, который я создам, утратят свой романтический ореол. Это будут машины для продолжения рода, и лишь до тех пор, пока я не создам новые, более совершенные и производительные.

— Ты безумец, если хочешь создать ТАКОЙ мир, — прошептал Джейк; его веселость как рукой сняло. — Это будет самый скучный мир, какой только можно представить... Никому еще не удавалось переделать человека.

— А мне удастся! — фанатично воскликнул Тезис; слезы на его глазах высохли, и они снова обрели свой обычный магнетический блеск. — Мне удастся, я это знаю! Ты прав, к дьяволу созидательные функции! Оставим их Митре! Я и без них могущественнее любого бога! Я повелеваю стихиями — не только земными, но и космическими. Я способен воплощаться в различных формах, причем в нескольких одновременно. Я в совершенстве владею телепортацией и телекинезом. Я в состоянии внушить людям все, что захочу, и от моего гипноза им нет спасения! Я могу проникать в сознание и подсознание человека, разгуливать по лабиринтам его памяти, познавать его сокровенные тайны; лишь читать мысли на расстоянии я почему-то не властен... Видишь этот Стержень, Джейк?! Сегодня ночью я поднимался на смотровую площадку, что лежит на высоте пятнадцати миль над уровнем моря. Там особое сгущение энергии. Оно позволяет моему телепатическому взору обозревать любые миры! Любые местности, страны, континенты, дворцы и храмы снаружи и изнутри! Я могу видеть целые страны как на ладони, усилием мысли приближать и отдалять изображение. Я видел далекую Аквилонию — всю целиком, она уместалась на моей ладони. Затем я увеличил изображение; я видел все! Я узрел даже волшебное

Сердце Аримана, сердце аквилонского королевства, хранимое жрецами Митры в тайном подземном храме! Ничто не может укрыться от моего всевидящего ока! Никто не в силах противостоять мне!.. Разве не обязан такой человек, как я, править миром?! Это мой долг и мое призвание!

— Ты не человек, — неслышно прошептал Джейк, неотрывно взирая на карлика округлившимися от ужаса глазами. — Ты непонятное существо, опасное для всего живого. Фонтанелли был прав, а я, дурак, не послушал его...

Тезиас поправил кудрявую шевелюру. Волна непослушных волос качнулась назад, обнажив огромный, непропорциональный тщедушному тельцу, нависающий над лицом лоб. Карлик вскинул руку — из указательного пальца вырвалась тонкая голубая молния — и устремилась к далекой горной вершине. Спустя мгновение раздался взрыв, и ледяная шапка взлетела в воздух. Снежная пыль, искристым облаком нависшая над лесом, играла в лучах восходящего солнца ослепительными блестками. Джейк произвольно попятился; ужас, внушаемый ему карликом, возрастал с каждой минутой.

— Видишь, как красиво, — улыбнулся Тезиас, щурясь на снежное облако. — Природа податлива, и, не будь в этом мире глупых и ничтожных созданий, именуемых людьми, он, наш мир, право, не был бы так плох. Я обязательно изменю его, можешь мне поверить. Я исполню свою божественную миссию... Но это будет потом. А теперь... а теперь отправимся на охоту!

— На охоту? — недоуменно спросил американец. Жажда и голод после «беседы» с Великой Душой как-то незаметно улетучились.

— Ну, конечно! Ты добудешь себе пропитание, а я исследую свои владения.

— «Черный коршун» неисправен, — угрюмо напомнил Джейк.

— Ерунда! По моему слову любая груда металла поднимется в воздух. Заводи свой вертолет!

С тяжелым сердцем Митчелл включил зажигание. Однако приборы показали полную готовность к полету. Лопасты послушно набирали обороты.

— Что еще за чертовщина? Опять твои фокусы, Тезиас?

— Само собой разумеется. Эта прекрасная машина более не нуждается в твоём примитивном топливе; я подключил ее непосредственно к энергетическому полю Стержня. Где бы ни был «Черный коршун», он будет получать энергию отсюда, из Зачарованного Города.

Джейк пожал плечами; так было даже лучше. Вертолет поднялся над городом. Неожиданно Митчелл уловил в своем мозгу непрошеную, совершенно спонтанно возникшую мысль: ему захотелось запустить в Стержень парочку ракет. А может быть, и все ракеты. А потом добавить из гранатомета. И из огнемета. И из танковых пушек бабахнуть. Разнести этот проклятый инопланетный Стержень к чертовой матери!!! Призвав всю силу своей воли, американец прогнал коварную мысль прочь.

— Это Горы Серых Обезьян, — сказал Тезиас, указывая на поросшие лесом холмы на юго-востоке. — Край, где не ступала нога человека. Места там глухие, дикие. Летим туда.

— Что ты знаешь о Серых Обезьянах?

— О, это ужасные создания! Огромные человекообразные чудовища, гораздо больше гориллы. Они не лазают по деревьям, а живут в темных пещерах меж скал. Поедают все, но человечина — излюбленное их лакомство.

— Ну и за каким дьяволом мы летим туда?

— Я хочу, чтобы ты убил для меня хотя бы одну Серую Обезьяну... Неужто струсил?

— Вот еще, — Джейк нервно облизал губы. — Скажи только зачем?

— Серая Обезьяна — грозный противник. Ко-

нан-варвар не раз сражался с подобными созданиями. Если хочешь занять его место, ты должен победить чудовище в битве.

— Стало быть, ты, задница, решил устроить мне экзамен?! Ну и сволочь же ты! А если тварь растерзает меня?

Тезиас только развел руками: мол, такова судьба.

— Я прикончу для тебя эту обезьяну, — процедил американец. — Вот только напьюсь и что-нибудь съем.

Карлик хитровато покачал пальчиком.

— Не-е-ет, друг мой Джейк, так дело не пойдет. Конан сражался с Серой Обезьяной, будучи в худшем состоянии, чем ты сейчас. Изволь сначала победить врага, а потом уж пируй!

Джейк ничего не ответил, а только плотно сжал губы. Пять минут спустя карлик приказал спускаться. Вертолет приземлился на большую поляну, с трех сторон окруженную лесом; с четвертой стороны ее ограничивала разломленная пополам скала.

— Выходи и сражайся, — тоном, не допускающим возражения, распорядился Тезиас. Бросив на карлика злобный взгляд, Джейк выбрался из вертолета.

Посередине поляны лежал скелет. Ошметки плоти еще сохранились на ребрах. Большие же кости были вскрыты; кто-то высосал из них мозг. Череп, слишком большой для человека, смотрел на Джейка пустыми глазницами.

— Фу ты, срань господня, — поморщился американец.

Схватив череп, он запустил им в скалу. Череп разлетелся на мелкие кусочки. Из расщелины послышался низкий протяжный рев. Джейк попятился.

Стуча себя лапами по волосатой груди, из расщелины выбиралось кошмарное чудовище — живописный персонаж крутых фильмов ужасов, которых вдоволь насмотрелся Джейк в своем мире. Оно было на две головы выше богатыря-американца и значи-

тельно шире в плечах. Лапы не уступали размерами ногам слона. А глаза чудовища были маленькие и красные. В них полыхал огонь вечного голода. Серая Обезьяна, предвкушая обильную трапезу, медленно ковляла к человеку.

Окажись на месте Джейка Конан, он тотчас обнажил бы свой широкий и длинный меч. Но Джейк был не киммерийцем, а американцем. Джейк вырос в мире, где, как он считал, все решала Ее Величество Пуля. Поэтому он выхватил свой любимый браунинг и, недолго думая, дал один точный выстрел. Пуля попала прямо в сердце. Громадная обезьяна тяжело повалилась на землю.

— Только и всего, — усмехнулся американец.

«Нет, так не пойдет, — пронесся в его мозгу насмешливый голос Тезиаса. — Этак и ребенок сумеет. Где твое геройство, богатырь? Покажи, на что способен».

Джейк с ужасом узрел, что убитая им обезьяна поднимается на ноги. Пятно крови на ее груди исчезло. Чудовище, раздвинув лапы и ощерив пасть в зловещей гримасе, снова двинулось к человеку.

— Ах, ты так?! Ну так получай, орангутанг-переросток!

И Джейк разрядил в монстра всю обойму. Он прекрасно знал, что не способен промахнуться с расстояния десяти метров. Но пули, все как одна, проносились мимо обезьяны. Выбросив пистолет, Джейк схватил гранату, которую всегда носил на поясе, и выдернул чеку. Внезапно граната, в секунду раскалившись, струйкой расплавленного металла стекла на землю. А обезьяна была уже в пяти шагах от человека.

«Дерись честно, — услышал Джейк глумливые наставления Тезиаса. — Покажи, на что способен».

Джейк ощутил, что его правая рука сжимает рукоятку меча. И точно — тяжелый двуручный меч, широкий и длинный, как будто приглашал его в бой. Раздумывать, откуда у него взялся меч и настоящий

ли он, было некогда. Джейк размахнулся и рубанул Серую Обезьяну снизу вверх. Огромный кулак монстра легко отбросил меч. Другая лапа чудовища потянулась к шее человека.

Американец проворно отскочил в сторону, в последнюю секунду избежав смертоносного удара. Разъяренный зверь бросился за ним. Неожиданно упав на спину, Джейк рубанул обезьяну по ногам. Хлынула кровь, монстр, качнувшись, неуклюже повалился на землю. Длань чудища схватила Джейка за правую лодыжку. Американец взвыл от ужасной боли. Тем не менее, ему удалось вывернуться лицом к раненому зверю и вогнать меч в глотку монстра. Несмотря на это, обезьяна сдавила его ногу смертельной хваткой.

Вытащив меч из глотки зверя, Джейк ударил снова, пытаясь отсечь голову. С третьей попытки ему это удалось. Монстр, даже лишившись головы, еще некоторое время бился в агонии. Громадная лапа по-прежнему сжимала лодыжку американца. Джейку никак не удавалось перерубить ее мечом. Тогда он подтянулся к своей ноге и обеими руками изо всех сил принялся раздвигать заострившиеся пальцы мертвой обезьяны. Длинные когти царапали кожу, но ему все-таки удалось освободить ногу. Однако сил встать и идти уже не было.

— Ну что, Дерьмовая Душа, закончен твой экзамен?! — тяжело прохрипел Джейк.

Вместо ответа Тезиаса он услышал новое рычание, на этот раз оно подступало со всех сторон. Еще три гигантские обезьяны вышли на поляну и заковыляли к нему.

— Эй, Тезиас, мы так не договаривались, — мертвая от подступившего к горлу страха, просипел американец. «Не всегда бывает так, как договаривались, — ответил ему голос карлика. — Будь готов к неприятным сюрпризам!»

Взвыв от боли и отчаяния, Джейк попытался встать. Прыгая на одной ноге, он побежал к скале.

Конечно, он мог направиться к «Черному коршуну», но там его наверняка поджидала бы какая-нибудь новая пакость карлика. Великой Душе отчего-то непременно нужно было, чтобы он сразился с этими гориллами-переростками. Ну что ж...

Став спиной к скале, он выставил вперед длинный меч. Обезьяны, не обращая внимания на труп сородича, перли на человека. Как только первая тварь приблизилась на расстояние удара, Джейк молниеносным движением, сделавшим бы честь любому фехтовальщику, снес ей голову. Затем он метнул меч во вторую обезьяну, резко развернулся и, цепляясь сильными пальцами за уступы, вскарабкался на невысокую скалу. Раздосадованные бегством добычи, обезьяны полезли за ним; лазать по горам было их стихией. Не дожидаясь, когда отвратительная морда поравняется с его ногами, он столкнул ей навстречу огромный камень. Тем временем третья обезьяна уже взобралась на скалу и готовилась растерзать человека здоровенными волосатыми лапами. Оружия у Джейка не было. Отведя обе руки назад, он точным движением съездил обезьяне в пах. Руки прошли сквозь пустоту! Увлекаемый силой инерции, американец свалился со скалы и потерял сознание.

Очнулся он уже в вертолете. Тезиас сидел рядом. Превозмогая боль во всем теле, Джейк потянулся руками к карлику. Сейчас он мечтал только об одном — поскорее прикончить своего истязателя. Электрический шок вернул Джейка к реальности.

— Какое же ты все-таки дерьмо, — чуть не плача, проговорил огромный американец. — Как же я тебя ненавижу...

— Я обязан был устроить тебе этот экзамен, — серьезно сказал Тезиас. — И ты с честью выдержал его, убив для меня Серую Обезьяну.

— Я убил всех обезьян.

— Но настоящей была только первая. Три другие

были фантомами; я хотел посмотреть на твою реакцию. Я доволен!

— Исцели меня, — прошептал американец. — У меня сломаны все кости. Или, по-твоему, мне это только кажется?!

— Ну, парочка серьезных переломов у тебя имеется. Но учти, не всегда я буду рядом, чтобы исцелять тебя после битв. Еще не время. Ты должен выпутываться сам. Поднимай вертолет.

Все еще не веря своим ушам, Джейк простонал:

— Ты собрался замучить меня, не так ли?! Я не пил и не ел двое суток, меня чуть не сожрали эти проклятые твари, и я еще должен вести вертолет?! Конан-то твой вертолеты не водит!

— Но он и не претендует на аквилонскую корону, — парировал карлик. — Она у него уже есть!

— А если я не справлюсь? Твое дерьмовое божественное величество не боится, что вертолет разобьется и ты вместе с ним?!

— Думай только о себе, — великодушно разрешил Тезиас. — О моей божественной персоне не беспокойся. Я всегда успеваю смыться из любой передраги.

В подтверждение этих слов карлик исчез. Джейк помедлил минут десять, ожидая, что маленький сукин сын вот-вот вернется. Все тело болело, и скоро ожидание превратилось в пытку. В довершение к бедам Джейка из расселины на поляну вышли еще четыре Серые Обезьяны. Они направились к вертолету. Джейк дал по тварям очередь из гранатомета. Две обезьяны разлетелись на куски, две другие успели броситься на землю. «Промазал?!» — с недоумением спросил себя американец. Твари оказались гораздо умнее, чем он думал. Хоронясь среди скал и деревьев, они стали забрасывать «Черный коршун» камнями.

— Это уже не смешно, — пробормотал Митчелл. — Я не позволю, чтобы какие-то мартышки разломали мой вертолет!

Вспомнив еще и о том, что в этом дерьмовом Прошлом, где он очутился по милости Великой Души, негде и нечем пополнить боезапас «Черного коршуна», Джейк поднял вертолет в воздух. Злобные монстры — их было уже более десятка — выбежали из своих укрытий и проводили вертолет яростным воем. Проклиная отборными матерными выражениями бросившего его карлика, Джейк повел машину на юг. Он твердо решил не возвращаться в Зачарованный Город. Он, конечно, понимал, что могущественный карлик, если захочет, достанет его и на краю света.

— Ну и что? — сказал Джейк самому себе. — Вот когда достанет, тогда и поговорим.

...Избушка открылась неожиданно, словно вынырнув из-под склона холма. Была она очень маленькой, почти игрушечной. Из крохотной трубы поднимался дымок. Это могло означать только одно: в избушке живут люди, там есть что выпить и чем закусить. Радостный Джейк еще раз мысленно пожелал карлику послужить обедом для Серой Обезьяны и стал снижаться.

Его ждало горькое разочарование: заветная избушка приткнулась к самому склону холма, и ее со всех сторон обступал густой лес. Джейку захотелось заплакать. Посадить вертолет было абсолютно негде. Пить же и есть хотелось до чертиков! Зависнув прямо над избушкой, Джейк поймал носом струйку дыма, ползущего из трубы. Запах ароматных кушаний превозмог боль. Приказав компьютеру удерживать вертолет в таком положении до возвращения хозяина, американец достал раскладную лестницу, открыл дверцу и раскатал лестницу до земли. Морщась от боли, он начал спускаться.

Не удержавшись, он свалился на крышу избушки. Крыша, сложенная из тонких веточек, укрытых листьями, тут же проломилась под тяжестью огромного тела. Джейк упал на мягкий земляной пол.

Придя в себя, он огляделся. В одной большой комнате, занимавшей все пространство избушки, никого не было. Детская кроватка стояла в углу. У небольшого окошка был столик, в глубине комнаты — печь. На столике стоял кувшин. Джейк с трудом поднялся на ноги, подковылял к столику, взял кувшин. Он был полон какой-то жидкости. Попробовав ее, Джейк возликовал: вода! Запрокинув кувшин, он залпом выпил всю воду.

— У-уф, хорошо-то как! Ну-ка, поглядим, что в печке!

В печке варилось мясо. Вытащив котелок с варевом, Джейк вгрызся зубами в ломоть чего-то напоминающего по вкусу оленину. Мясо закончилось слишком быстро, и тогда Джейк принялся шарить в поисках хлеба. Однако ему удалось найти лишь засохшую корочку такого неаппетитного вида, что он тотчас забросил ее под кровать. И в тот же момент ощутил, как что-то острое и колючее впилося в его задницу.

— Ах ты подлый воришка, отродье Нергала! Ужо я тебя проучу! — раздался сзади низкий хрипловатый голос.

Вскричав от боли и неожиданности, Джейк развернулся. И остолбенел. Противником его был совершенно крохотный коренастый человечек с огненно-рыжей бородой до самых пят. Человечек стоял в дверях, сжимая в руке маленький лук; на поясе его болтался колчан коротеньких стрел. Увидев лицо Джейка, человечек тоже остолбенел.

— Киммериец! — выдавил он наконец из себя. — Это ты, отродье Нергала! Ты изгадил мне всю жизнь, а теперь добрался до моего дома, чтобы сожрать мои припасы! Нет! Не бывать этому! Пусть я погибну, но и ты не уйдешь отсюда живым!

Потрясенный услышанной речью, Джейк едва не пропустил вторую стрелу; она могла попасть ему в сердце.

— Эй, постой, коротышка! — крикнул он, уклоняясь от стрелы. — Я не сделаю тебе ничего дурного! В твоё жилище вторгся я случайно. Я тебя не знаю, и ты не можешь знать меня. Угмонись, давай поговорим.

Однако рыжий человечек только позеленел от ярости.

— Вот паскудство! — возопил он, хватая третью стрелу. — Он, видишь ли, меня не знает! Грязное отродье Нергала! Да чтоб Сет полакомился твоим лживым языком, окаянный варвар! Ужо ты у меня за все заплатишь!

Видя, что заключить мир с агрессивным коротышкой не удастся, Джейк схватил одной рукой миниатюрный столик и запустил им в человечка. Столик придавил того, послышался хриловатый визг, перемежающийся такими витиеватыми проклятиями, что Джейк невольно восхитился. Американец подошел к двери и вытащил коротышку за рыжие патлы. Человечек заплакал — но не от боли, а от бессильной ярости.

— За что же Пресветлый Митра так покарал меня? Почитай, тридцать годков я живу здесь, никому не мешаю. И надо ж было проклятому варвару, отродью Нергала, появиться здесь сызнова! Ох, бедный я, бедный, — причитал человечек.

Американец усмехнулся. Нетрудно было понять, за кого его принимает рыжий коротышка.

— Послушай, парнишка, — добродушно молвил Джейк. — Если ты думаешь, что я — Конан, ты глубоко заблуждаешься. Я — вовсе не Конан. Конан — мой враг. Твой, как я погляжу, тоже. Так отчего нам не быть друзьями?

— Ты подлая киммерийская свинья, — противным скрипучим голосом сообщил Джейку человечек. — Я узнал бы тебя и через сто, и через двести лет. Ты вернулся, чтобы убить меня. Ну давай, режь, пада! Я все равно плюю на тебя. Вот так!

И коротышка смачно плюнул в физиономию Джейку. Вонючая слюна напоминала по вкусу гнилое мясо. Джейка передернуло.

— Ну ладно, маленький засранец, ты сам напросился. Сейчас я буду тебя пытаться.

По-прежнему удерживая человечка за волосы, Джейк оглядел комнату в поисках подходящих приспособлений. В этот момент коротышка, изловчившись, шибанул коротенькой ножкой по подбородку огромного американца. Невольно Джейк выпустил свою добычу. Коротышка бросился бежать.

Даже при сломанной ноге Джейк без труда достиг рыжеволосого человечка. Американец уже собирался заехать засранцу по физиономии, когда его остановил повелительный голос неожиданно материализовавшегося в комнате Тезиаса.

— Вот удача! — восхищенно воскликнул Великая Душа. — Ты поймал гнома, Джейк. Поздравляю!

Внимание пойманного гнома сразу же переключилось на новый персонаж. Оглядев черную фигуру карлика с головы до ног, гном пробурчал:

— Вот так невидаль! Ты из какого племени будешь, уродец?

Тезиас от души расхохотался.

— Я твой новый бог, добрый гном! Я — Великая Душа, повелитель этого мира!

Теперь рассмеялся гном.

— Вот балда, — прокрипел он, обращаясь к Джейку, но указывая на Тезиаса коротким и толстым пальцем. — Как будто я не знаю здешних богов! Боги — это Митра, Иштар, Эрлик, Сет, Ариман, Нергал... ну еще есть, я всех не упомяну. Этот явно не из их числа, чтоб мне сдохнуть! Правда, Конан?

— Ну довольно, — сказал Тезиас. — Твоей болтовни мы еще успеем послушаться. А теперь отвечай на мои вопросы.

И хотя Тезиас больше ничего не сказал, гном, послушно поклонившись ему, затараторил:

— Меня зовут Алвари. Я из племени гномов.

Тридцать с гаком годков тому назад меня угораздило попасть в плен к этому верзиле, Конану. Он заставил меня привести его к Золоту Гномов. Золото он, падла, не получил, но все мои родичи сбежали из-за него, оставив меня одного. С тех пор я и живу здесь, в этой избушке. Я — последний гном на Земле.

— Последний гном... — задумчиво проговорил Тезиас. — А куда же делось твоё племя, Алвари?

— Не могу знать, — горестно отвечал гном. — Ушло оно в иной мир или, может быть, в иное время... Я так по ним тоскую.

Минуту Великая Душа смотрел на беднягу Алвари тяжёлым пронизывающим взглядом. На широком лбу гнома появилась обильная испарина. В нависшей тишине Джейку показалось даже, что Алвари перестал дышать.

— В иное время... Хорошо. Я понял, — молвил Тезиас и, обращаясь к американцу, добавил: — У тебя будут отменные слуги, король Аквилонии, это я тебе обещаю. И пища, достойная короля. Гномы, согласно легендам, приносят счастье... А теперь пора возвращаться домой, в Зачарованный Город.

— Может быть, ты все-таки исце... — начал Джейк, но осекся: он уже был исцелен. На теле не осталось ни единой царапины, и он чувствовал себя прекрасно.

— Бери гнома и возвращайся во дворец. Я буду ждать вас.

Сказав это, Тезиас исчез. Сцапав в охапку присмившего гнома, Джейк вскарабкался по лестнице к вертолету. Забравшись в кабину и кинув Алвари на приставное сиденье, Джейк обернулся к нему, поднял указательный палец и, глядя прямо в кошачьи глаза коротышки, внушительно изрек:

— И если ты ещё хоть раз назовёшь меня, Джейка Митчелла из Джорджии, нынешнего короля Аквилонии, варваром, верзилой, Конаном или прочими непочтительными словами, я вдоволь оттащу тебя за рыжие патлы. Усек?

Глава шестая

ПРИНЦЕССА ЗМЕИНАЯ РУКА

Успешное бегство из Склепа Принцев обернулось для Тхутмертари жестоким разочарованием. Она ощущала себя в положении раба-гладиятора, которого принуждают до конца сражаться за жизнь, а затем, когда, как кажется ему, все битвы уже позади, вдруг приходит смерть, ужасная и неотвратимая...

Бегство от божественного Чипуа-Акая оказалось лишь началом ее испытаний. Преисподний Мир, где она очутилась, был совершенно незнаком принцессе. Более того — он был ей враждебен. Потеряв счет времени, обессиленная волшебница брела по бесконечным извилистым тропам, надеясь пробраться в иные места, где, как она полагала, ее встретят прежние приятели из мира демонов. Надеждам этим, как видно, не суждено было сбыться. Беглянку преследовали, невзирая на ее ранг и прошлые заслуги перед Повелителем Тьмы. Острые камни, подпрыгивая, с особым удовольствием впивались ей в ноги, адские растения тянули к ней свои ядовитые щупальца, огромные мухи-вампиры, обитающие глубоко под землей, целым роем кружили над головой, выбирая момент, когда можно будет напасть на измученную старуху и выпить ее еще теплую кровь.

Но совсем уж доконали ее огненосные рыбы из серного озера. Озеро лежало в маленьком кратере; чтобы миновать его, принцессе нужно было пройти по узенькой тропинке, едва заметной у кромки воды. Как только она прошла четверть пути, спокойное — до того — озеро вдруг вспенилось и забурлило. На поверхность всплыли кошмарные создания, более смахивающие на ящериц, чем на рыб. Толстое туловище, покрытое пепельной чешуей, заканчивалось длинным змеиным хвостом. Свиное рыло «рыб» несло на себе коротенький хобот. Приподняв с помощью хвоста свою тушу над водой и выдвинув хобот, огненосные рыбы стали плевать сгустками

какой-то расплавленной массы. Стараясь не свалиться в озеро, где она мгновенно изжарилась бы, Тхутмертари побежала дальше, уклоняясь от огненных комочков. На ее счастье, огненосные рыбы были плохими стрелками; огненный дождь пока не задевал ее. Стружки пламени падали впереди и позади нее; она видела, как шипит и плавится под ними камень...

Тхутмертари не заметила, как серное озеро осталось позади. Она выбралась на небольшое плато, возвышающееся над местностью. Шатаясь, она подошла к обрыву и осмотрелась. Везде, куда доставал ее взгляд, тянулись безжизненные каньоны цвета запекшейся крови. Повсюду их испещряли небольшие серные озерца, подобные тому, где жили огненосные рыбы. Какие ужасные создания обитают в тех озерах, волшебница понятия не имела. Над миром нависало пурпурно-рдяное небо, лишенное светила, облаков и ветров.

Волшебница обреченно вздохнула. В этом мире не выживет даже она. Здесь не было воды, еды, и, главное, она не знала, какие опасности подстерегают ее уже в следующее мгновение.

Впрочем, скоро она получила исчерпывающий ответ на свой последний вопрос. Откуда-то сверху послышалось гроыхание тяжелых перепончатых крыльев. Вскинув голову, Тхутмертари увидела стаю гигантских летучих мышей, которая неслась прямо на нее.

— О, нет, — в отчаянии простонала волшебница. — Только не махарпии!

Это был конец. Махарпии, демонические существа, отдаленно напоминающие летучих мышей, могли убить одним своим криком. Достаточно единственного вопля махарпии, чтобы душа покинула тело и отправилась терпеть вечные муки. Не дожидаясь, когда махарпии разорвут тишину Преисподнего Мира своим смертоносным клекотом, Тхутмертари бросилась вниз с обрыва. Однако разбиться о

камни не было ей суждено. Еще в полете, едва понимая, что происходит, она почувствовала, как острые когти впиваются в ее спину. Затем последовал пронзительный вопль махарпии, и Тхутмертари провалилась в бездну небытия.

Сознание возвратилось к ней внезапно. Она полностью владела своим телом. Не понимая, как такое могло произойти, принцесса открыла глаза. Местность вокруг нее была совершенно иной. Она стояла на большой поляне правильной прямоугольной формы. Слева росли могучие безлистные деревья с желтой корой. Справа текла бурная река; вода была ярко-красной. Позади нее раскинулась пустыня — обычные для подобных мест пески ржаво-гнилостного цвета. Этот Преисподний Мир был ей хорошо знаком.

Впереди же нее высилось колоссальное, размером с десятиэтажную башню, изваяние Великого Змея Сета. У основания статуи на корточках сидело маленькое сморщенное существо, похожее на обезьянку, но со слоновыми ушами и крупной лысой башкой. Едва заметив существо, Тхутмертари ахнула и, не произнеся ни слова, повалилась ниц.

— А, это ты, моя маленькая Тху, — неторопливо проворковало существо. Голос был скрипучий и свистящий, точно говоривший страдал ангиной и одышкой одновременно. — Я ждал тебя. Поднимись, мне нужно кое-что тебе сказать.

Не смея поднять глаза, Тхутмертари прошептала: — Быть может, я сплю?! Ты ли это, Мудрейший? Как могло так случиться, что я, ничтожная раба Сета, стою сейчас перед тобой, а не корчусь в муках во владениях махарпий?

Мудрый демон Люф — а это и вправду был он, самый древний демон Ада, старший советник Сета, — сказал:

— Махарпии — мои давние друзья. Они исполня-

ли мою волю. Встань же, моя маленькая Тху, и внимай мне!

Тхутмертари, до глубины души потрясенная столь неожиданным поворотом событий, поднялась с земли. Люф продолжал:

— Я не напрасно зовусь Мудрейшим. Когда предки стигийцев еще ходили на четвереньках, а Землей правили люди-змеи, я уже был так же стар, как и теперь. И уже тогда я предвидел твое будущее, моя маленькая Тху. Ты должна была родиться, чтобы разрешить вековечный спор Добра и Зла. Предчувствуя свой скорый конец, я дерзнул несколько приблизить твое появление на свет.

Волшебница попыталась что-то возразить, но повелительное движение длани дряхлого демона остановило ее.

— За меня не тревожься, моя маленькая Тху. Жизнь моя действительно близится к концу, но прежде, чем я присоединюсь к пантеону своих предков, пройдет еще не одна тысяча лет. И я хочу прожить остаток жизни в мире, где вновь, как и на заре нашего рода, будет владычествовать Зло. Вот почему пятьдесят восемь лет назад я устроил так, чтобы у короля Ментуфера появилась дочь, в жилах которой текла бы человеческая кровь, гонимая змеиным сердцем. Все это время я внимательно наблюдал за тобой, моя маленькая Тху. Ты стала именно такой, какой тебе предназначено было стать. И я доволен. Я вижу в тебе и вокруг тебя то, чего пока не видишь ты сама. Сегодня ты — жалкая беглянка, вся Стигия готова преследовать тебя по пятам, чтобы на веки вечные уничтожить саму память о тебе. Но я уже вижу, как восходит твоя Великая Звезда...

Дряхлый демон замолчал, по-видимому, собираясь с силами, чтобы продолжить свою речь. Тхутмертари же, воспользовавшись паузой, недоуменно спросила:

— О чем ты, Мудрейший?

— Моя маленькая Тху, ты желаешь отомстить

всему миру, не так ли? — ответил Люф вопросом на вопрос. — Когда мир будет лежать у твоих ног, ты сумеешь это сделать... Послушай, я расскажу тебе истинную историю земного мира. Правдивую историю — ее миллионы лет хранили и накапливали демоны моего рода, — а не те убогие бредни, которыми потчует нас Владыка Сет...

— Ты богохульствуешь, Мудрейший! — ужаснулась волшебница.

-- Ничего, мне многое позволено, — осклабился мудрый демон. — Итак, когда-то на Земле безраздельно властвовало Мировое Зло. Каждый из демонов моего рода живет по три-четыре миллиона лет, но те времена застали лишь очень далекие мои предки. И вот, когда уже казалось, что Силы Зла разорвут планету на части, из Бескрайнего Космоса спустились на Землю неведомые мыслящие существа. Они были не просто сильнее нас — они были всесильны! Звездная магия, которой они владели, загнала создания Мрака глубоко под землю, в Преисподние Миры, где они по сию пору и пребывают. Именно так возник Ад. Пришельцы, однако, не имели намерения вовсе погубить нас. Они установили закон так называемого Великого Равновесия, когда силы Добра и Зла взаимно уравнивают друг друга. Символом же и хранителем звездной магии был оставлен на нашей планете Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде. Миллиард лет уже возвышается Пирамида Мира посреди застывшего океана, вдали от обитаемых краев, а внутри ее живет дух планеты, Страж Земли. Он вечен, и мощь его безгранична. Однако он почти не вмешивается в дела суетного мира. Кто и как правит на Земле, ему глубоко безразлично...

— Я слышала об этом Страже, — проговорила Тхутмертари. — Он как-то связан с карликом Тезиасом.

— Да, это так. Тезиасу первым удалось проникнуть в тайную обитель Абсолютной Мощи, и Страж

Земли щедро одарил его звездной магией. Так стал Тезиас Великой Душой... Мошь, которой повелевает Великая Душа, несопоставима с твоей, пойми это. В открытом столкновении твои шансы против него ничтожны. Я вижу, ты уже успела убедиться в этом.

Волшебница подавленно кивнула. Мудрый демон продолжал:

— Итак, есть светлые боги, предводительствуемые проклятым Митрой, и есть темные боги — их возглавляет Великий Змей Сет. Вот две стороны, которые обречены вести вечную борьбу. И есть третий, тот, самый могущественный, кому по силам в мгновение ока уничтожить любого небожителя или всех богов сразу, но кто никогда не сделает этого, ибо обязан блюсти Равновесие. Но Равновесие — слишком коварная штука! Появление Великой Души спутало карты всем игрокам мирового театра. Овладев звездной магией, Тезиас без труда стал властелином мира. Страж Земли не помешал ему. Это означает, что хранитель жизни еще более отдалился от дел подлунного мира, что ему безразлично, победит ли кто-нибудь в вековой войне Дня и Ночи, а если победит, то кто. Он не помешал Тезиасу — он и нам не станет мешать! Поэтому у нас, сил Мрака, впервые за миллиард лет появляется шанс восстановить свою власть над обитаемым миром. Силы Света и Тьмы должны наконец выяснить свои отношения. Настает миг решающей битвы. Она произойдет не здесь, в Преисподнем Мире, и не в Стране Небесного Народа, где правит проклятый Митра. Решающее сражение свершится в мире людей, и не боги, а простые смертные решат его исход. Боги Света и Тьмы выставляют своих лучших бойцов. Проклятый Митра и другие солнечные боги выдвигают Конана, сына киммерийского Крома. Сет и все силы Мрака выставляют на бой тебя, моя маленькая Тху... Ни Тот-Амон, ни любой другой современный чародей не обладает такой внутренней силой и волей к побе-

де, как ты. Я верю в твою Великую Звезду, моя маленькая Тху!.. Верю, ты одержишь верх над Конаном, и на Землю вновь опустится Вечная Ночь. Сет выползет из Преисподней и будет владеть миром. Да, я верю в это!

Принцессу била нервная дрожь. Она всегда верила в то, что рождена не случайно, а согласно воле своего темного бога, чтобы быть его орудием в мире людей. Но выступить в решающем поединке Сил Света и Тьмы — это было свыше самых дерзких ее ожиданий!

— А Тезиас? — промолвила она. — На чьей стороне будет сражаться он?

— Да, Тезиас... — медленно проскрипел демон. — Он третий игрок в этой решающей схватке. Поэтому схватка будет не совсем обычной... Силы, об истинной природе которых мы можем только гадать, выдвигают Тезиаса, Великую Душу. Он, без сомнения, твой враг, моя маленькая Тху. Он гораздо сильнее и тебя, и Конана, вместе взятых. Но ты можешь перехитрить его... Существует одна страшная Тайна; о ней ведают только Великие Боги да я. И еще этот несообразительный варвар Конан, невольно ставший нашим орудием. Он даже не представляет, что за Тайна ведома ему! Я не волен открыть ее; тебе самой надлежит выведать у Конана эту страшную Тайну Великой Души и воспользоваться ею. Скажу лишь одно: боги нашего мира жестоко отомстили карлику, дерзнувшему возвыситься над ними! С моей подачи, разумеется. Тот, кто овладеет этой Тайной, и победит в решающей схватке. Если это будешь ты, моя маленькая Тху, ты станешь сильной, сильной настолько, что это даже невозможно сейчас представить, и Сет будет доволен тобой, как ни одним из смертных за многие миллионы лет...

Тхутмертари низко поклонилась дряхлому демону.

— Я выполню твою волю, о Мудрейший!

— Не волю, а пророчество! — сурово заметил Люф. — Не один я, но все силы Мрака миллионы лет дожидались тебя, даже не подозревая об этом! Ты должна исполнить свою миссию; другого шанса у нас уже не будут. Ты должна быть дерзкой и бесстрашной, хитрой и коварной, умной и беспощадной, чтобы одолеть врагов и добиться своего. И все, что тебе предназначено, ты должна совершить в одиночку, никто — ни животные, ни люди, ни демоны — не будут помогать тебе. Напротив, твои бесчисленные враги будут пытаться изничтожить тебя. А ты — ты не можешь бегать от них, если они стоят на пути твоей миссии; ты должна побороть их умом и дерзостью... Только одним я могу помочь тебе. Возьми!

Костлявая серая лапа вложила в ладонь принцессы два причудливо изогнутых ключа. Кольцо одного из них изображало солнечный диск, кольцо другого — клубящееся облако иссиня-черного тумана.

— Это Ключ Света и Ключ Тьмы, — сказал демон. — Мой род хранит эти ключи с того самого дня, когда силы Тьмы были заключены в Преисподней. Погружаясь в пучины Ада, демоны в последний момент успели сотворить эти ключи. В них воплощена вся сила древнейшей магии Мрака. Ключ Тьмы открывает дорогу в Ад; только так сможешь вернуться сюда, когда это будет необходимо.

— Портал, ведущий в Преисподний Мир, я открываю обычным заклинанием Скедоса, — пожала плечами волшебница. — Никакие ключи мне для этого не нужны!

— Чтобы возвратиться в Ад из Страны Небесного Народа, Отворяющего Заклинания Скедоса недостаточно, — рассердился Люф. — Там, во владениях проклятого Митры, вся наша черная магия — не более чем пустые слова.

— О, Великий Сет! — единственная рука принцессы схватилась за горло. — Ты, что же, Мудрей-

ший, хочешь, чтобы я отправилась в Страну Небесного Народа?! Я — в вотчину Солнечного Бога?!

Люф, с осуждением глядя на Тхутмертари, покачал головой:

— Конан-киммериец не раз сражался против ужасных детей Мрака в цитаделях Зла. Твердыни безымянного Ужаса не страшат лучшего воина Света. Почему же ты, претендующая на роль лучшего воина Тьмы, боишься вступить на территорию врага?! Да, такого еще не было, чтобы темный воин проник в твердыню Солнечного Бога. И это славно — значит, тебя там никто не ждет.

— Чтобы проникнуть в Страну Небесного Народа, я должна использовать Ключ Света, а чтобы выбраться оттуда — Ключ Тьмы?

— Верно, моя маленькая Тху. В Стране Небесного Народа ты встретишь Конана. Ты знаешь, что нужно делать. Но прежде... прежде приведи себя в порядок. Одно дело я, старый и дряхлый демон, совсем другое — здоровый варвар.

Волшебница густо покраснела. С ее высохших бледных губ слетели слова, прозвучавшие подобно шипению змеи.

— Не тревожься, Мудрейший Люф. Конан узрит прежнюю принцессу Тхутмертари. И даже краше. Ни один мужчина не устоит передо мной.

Люф улыбнулся — насколько вообще позволял улыбаться его облик. Сотворив обеими лапами знак змеи, он торжественно изрек:

— Ступай же, моя маленькая Тху! Я буду внимательно наблюдать за тобой. Иди и добудь себе милость Отца Сета! Я благословляю тебя...

— Да будет так, согласно воле Вечного Отца! — воскликнула Тхутмертари и распростерлась на земле.

Когда она снова встала, дряхлого демона уже не было. А исполинское изваяние Великого Змея взирало на нее огромными красными зрачками, полны-

ми надежды. Волшебница низко поклонилась гигантской статуе.

— Ты будешь править миром, — обещала Тхутмертари Сету. — А я обращаю людей в твоих рабов. Да будет так!

Час или два спустя глубоко под землей, — там, где столбы черного базальта, на которых стоит Великая Пирамида Кеми, граничат с одним из верхних Преисподних Миров, — разверзся портал, и безобразная однорукая старуха проскользнула в окутанный мраком коридор. Еще несколько шагов сделала она по этому коридору, затем с силой толкнула неприметную дверь, казавшуюся темным провалом даже на фоне иссиня-черного камня. Дверь нутужно закрипела, и Тхутмертари беззвучно выругалась. Вот что значит не пользоваться своим тайным убежищем четверть века!

Впрочем, вряд ли кто ее слышал. Только такой самовлюбленный болван, как Тот-Амон, может серьезно полагать, будто ему известны все катакомбы и лабиринты Великой Пирамиды! Дорогу в тайные апартаменты принцессы-жрицы знала только она сама. Мастера, которые выдалбливали их в этих подземельях, были принесены в жертву Сету сразу по окончании работ.

Тайные апартаменты Тхутмертари состояли из двух смежных покоев. В первом, внешнем, возвышался алтарь Сета. Здесь волшебница приносила жертвы змеиному богу и занималась чародейскими изысканиями. В комнате поменьше она хранила свои наряды и колдовские приспособления, а также отдыхала.

Тхутмертари неспешно прошлась по комнате, высекла из пальца искру и зажгла огромную, высотой в человеческий рост, свечу, сделанную из жира собственноручно замученных ею девственниц. Свеча эта никогда не выгорала. Зловещий красноватый свет осветил чертог.

Воистину, за четверть века здесь ничего не изменилось! Принцесса приблизилась к алтарю Великого Змея, потрогала холодный камень. Ох, как давно не лилась по нему свежая человеческая кровь! Кровь была обязательным компонентом истинной черной магии. Именно такая магия нужна была сейчас Тхутмертари, чтобы принять прежний облик.

Принцесса задумалась. Конечно, она могла бы выбраться из своего жилища и подкараулить в каком-нибудь коридоре одинокого послушника. Правда, в эту часть Великой Пирамиды простым послушникам ход закрыт. Здесь можно встретить лишь посвященных жрецов Сета. Тхутмертари знала: даже в нынешнем своем состоянии, будучи увечной и ослабленной, она наверняка справилась бы с большинством чародеев Черного Круга, если сумеет напасть неожиданно. Однако план был чересчур рискованным: прежде чем погибнуть, любой мало-мальски опытный колдун сумеет поднять тревогу. Пока же Тхутмертари не имела желания встречаться с Тот-Амоном и его коллегами по Черному Кругу. Поразмыслив так, волшебница приняла единственно верное решение: она принесет в жертву Сету СЕБЯ.

Разумеется, она не собиралась умирать. Принести себя в жертву Сету не значило погибнуть. Это означало отдать себя всецело во власть бога, избавиться от всего человеческого, что еще оставалось в ней, и обрести то, чем соизволит одарить ее Великий Змей — если соизволит. Принесение в жертву богу самое себя требовало высочайшего напряжения всех сил и недюжинного искусства владения черной магией. Только избранные чародеи самого высокого ранга рисковали прибегать к подобному колдовству, да и было это очень, очень давно.

Волшебница сбросила изорванное платье — еще то самое, в котором она сражалась с карликом в Замке Синих Монахов, — и взошла на алтарь. Длинный и острый стальной кинжал медленно вытянулся

из указательного пальца ее единственной руки. Высохшие губы зашептали тайные заклинания, древние уже в те времена, когда на месте пустынь Стигии плескалось доисторическое море. Пламя черной свечи заколебалось. Недрогнувшей рукой Тхутмертари приблизила кинжал к своему горлу и перерезала сонную артерию. Алая кровь хлынула вниз неудержимым потоком. Превозмогая слабость и боль, принцесса продолжала шептать заклинания. Кровь стекала на алтарь, и магическое изображение Сета дрогнуло и начало вибрировать, вначале медленно, а потом все быстрее и неистовей. Наконец черная свеча потухла, а Тхутмертари, потеряв сознание, пала на алтарь.

Но даже после этого на алтаре продолжали происходить зловещие преобразования; истинный их смысл способен был постичь лишь тот, кто всего себя без остатка отдал служению Тьме и понимал толк в нечестивых обрядах. Изображение Сета шевелилось, над телом поверженной принцессы завис кровавый туман. Ее пролитая кровь с шипением впитывалась в колдовской камень алтаря. Фигура волшебницы с каждой минутой утрачивала человеческие очертания; через час на алтаре лежала бездыханная кобра. Рдяный туман, сгустившийся в облако над нею, внезапно пролился кровавым дождем. Изображение Сета в последний раз дернулось и замерло. Зато черная свеча зажглась вновь. В ее красноватом свете, ставшем вдруг нестерпимо ярким, было видно, как распростертая на алтаре кобра стремительно превращается в женщину. В молодую женщину неопишуемой, божественной красоты.

Не приходя в сознание, двигаясь, как лунатик, ведомая одной лишь своей и Великого Змея магией, она сошла с алтаря и выпрямилась во весь рост. Это была высокая девушка с такими совершенными формами, что они казались неестественными для живого человека; это была как будто ожившая скульптура, изваянная неким божественным масте-

ром. У девушки была нежная золотистая кожа; роскошные мягкие волосы, ниспадающие бесчисленными волнами до самой талии, также были чистого золотого цвета. Большие округлые полушария высоких грудей напоминали два огромных спелых яблока. При этом у девушки была неимоверно узкая, изящная талия и упругие, округлые бедра. Точеные длинные ноги, совершенные линии тела, абсолютная симметрия правильных черт лица еще более подчеркивали неестественность или, если угодно, неженственность божественной красоты девушки. Это была дьявольская, нечеловеческая красота.

Тхутмертари медленно подняла длинные ресницы. Глаза цвета чистого сапфира были большие и пронзительные; они приковывали взгляд и уже не отпускали. Стальная, нечеловеческая — в прямом и переносном смысле слова — воля таилась в них. Волшебница подошла к зеркалу. Цветущая двадцатилетняя девушка без левой руки.

Принцесса нахмурилась. Сет возвратил ей божественную красоту — ту красоту, которую славили безумные поэты, терпевшие адские муки по ее, Тхутмертари, воле. Наверняка бог одарил ее еще чем-нибудь, но вот о руке не позаботился.

Тхутмертари снова приблизилась к жертвеннику и произнесла заклинание. На алтаре возникла небольшая ядовитая змея — рыжий аспид. Не обращая никакого внимания на злобное шипение аспиды, волшебница схватила змею и, не прекращая шептать одной ей ведомые заклинания, резко приложила хвост аспиды к обрубку левой руки. Дикая, кошмарная боль пронзила все ее тело. Человеческая плоть сопротивлялась чужеродному вторжению. Обильный пот заструился по прекрасному телу. Визжа от боли, Тхутмертари продолжала проталкивать аспиды вперед, точно сращивая его со своей плотью.

Это волшебство удалось ей тоже. Отдышавшись, она вернулась к зеркалу. Теперь у девушки были две руки, обе совершенно одинаковые и обе изумитель-

но прекрасные. Тхутмертари повертела кистью правой руки — ноготь на указательном пальце тотчас превратился в длинный стальной кинжал. Ага, это волшебство осталось с ней! Затем принцесса попробовала левую руку. Получив мысленный приказ хозяйки, кисть вновь обретенной руки обратилась змеиной головой; с желтых зубов потекли капли яда. Тхутмертари расхохоталась, обнажив ослепительные жемчужные зубки.

— Вот здорово! Значит, я теперь могу еще и кусаться! Интересно, что я могу еще?

Движимая скорее наитием, чем точным знанием, она подошла к черной свече и... сунула золотые кудри в огонь! Пламя, мгновенно пробежав по волосам, любовно обхватило все тело. Тхутмертари почувствовала лишь приятное тепло, точно она окунулась в ванну с тонизирующими снадобьями. Волшебница восхищенно прошептала:

— Я превратилась в Огненную Деву!

Она хорошо понимала, что это значит. Огонь — главный враг созданий Тьмы. И в то же время огонь — главное оружие богов. Огнем карают ослушников могущественные боги. И если Князь Тьмы одарил свою верную рабу Магией Огня — это знак его высшей милости, наибольшего благоволения. Теперь огонь не страшен ей, он — ее союзник и друг.

Похожая на пылающий факел, низко склонилась принцесса-жрица перед алтарем темного бога.

— О, я благодарю тебя, Отец Сет, — благоговейно промолвила она. — Я исполню свою миссию и тем оправдаю твое доверие...

Она встала с колен, прошептала тайные слова, неизвестно как пришедшие ей на ум — и огонь исчез. Тхутмертари никогда еще за пятьдесят восемь лет своей жизни не чувствовала себя такой могучей и полной сил. Казалось, ей достаточно выйти на поверхность — и весь мир тотчас падет к ее ногам. Нет, нет, нельзя! Она вспомнила поучения мудрого

Люфа. Чтобы победить, она должна быть дерзкой и бесстрашной, хитрой и коварной, умной и беспощадной; только так одолеет она бесчисленных врагов.

— Да, я буду такой, — прошептала принцесса.

Она прошла во вторую комнату. Не для того, чтобы отдохнуть — отдых ей был не нужен. Здесь хранился ее гардероб. В молодости она придавала огромное значение символам и антуражу. Вот, все ее одежды тут, в неприкосновенности, ждут свою хозяйку. Созерцание гардероба оживило в ее памяти события давно минувших дней, когда люди пугались одного ее имени, когда ее могущество уступало лишь ее безнаказанности. Вот Костюм Кобры — в нем она участвовала в торжественных обрядах. Вот Покрывало Ночи — надевая его, она совершала свои набеги, жадно хватая любые жертвы; в качестве таковых сегодня могли выступать дикари-кушиты, а завтра — заносчивые стигийские аристократы. И, наконец, Хламида Сета — в ней Тхутмертари приносила жертвы своему богу...

Но все это темное великолепие не подходило для нынешнего случая. Ныне она — воительница, объявившая смертельный бой всему миру. Поразыслив немного, она надела широкую набедренную повязку из человеческой кожи с разрезами и узким поясом; на желтом фоне, под цвет ее телу и волосам, были изображены ужасные змееподобные ящеры, пытающие мужчин и насилующие женщин. Тхутмертари кокетливо повела бедрами. Повязка несколько не ограничивала движения; кроме того, казалось, что ящеры на повязке движутся, а люди корчатся в страшных муках. На ноги она надела мягкие кожаные туфельки золотистого цвета, сшитые из того же материала, что и набедренная повязка; загнутые носки изображали оскалившихся и изготовившихся к нападению кобр. Груды она прикрыла специальными чашечками, которые имели форму ухмыляющихся человеческих черепов; розовые соски соблаз-

нительно выглядывали из зубов каждого черепа подобно маленьким язычкам. На голову Тхутмертари водрузила свою любимую корону, которую сама же и сочинила: корона была выполнена в форме золотой змеи, обвивающей кольцами огромную черную жемчужину. В прошлом кровавую красавицу-жрицу называли «черной жемчужиной Сета»; пора напомнить всем, что это означает!

— Вот так, прекрасная Тхутмертари — ничего лишнего, — самодовольно прошептала она.

Волшебница сладко потянулась; тело ее стало гибким, точно лишенным костей, и во всем слушалось хозяйку. Взгляд принцессы упал на старую картину, висевшую в глубине покоя. Неизвестный художник изобразил семью короля Ментуфера в тот недолгий миг, когда все ее члены были вместе. Вот сам король — рослый и мускулистый красавец, испещренный шрамами, заработанными в бесчисленных сражениях. Рядом его старший сын Ктесфон — стройный юноша с умными и ясными глазами. По другую сторону от Ментуфера — сама Тхутмертари; художнику так и не удалось передать все совершенство ее внешнего облика. Она держит на руках своего маленького братика Джосера — ему лет пять, не более. Тут же, конечно, присутствовал и сам верховный жрец Тот-Амон; картина была написана еще до его изгнания Ментуфером. Еще на полотне были две женщины, известные стигийские красавицы, но здесь, подле Тхутмертари, казавшиеся уродинами, — мать и жена кронпринца Ктесфона. Два последних персонажа уже отправлены ею к Сету, остальные — Ктесфон, Тот-Амон и Джосер — вскоре присоединятся к ним...

Тхутмертари усмехнулась: Тот-Амон полагает ее погибшей, король Ктесфон и думать о ней забыл, а принц Джосер, если вообще жив, вряд ли помнит старшую сестру... Ну что ж, тем хуже для них!

Волшебница достала Ключ Света. Он сам повернулся в ее руке. В мрачное подземелье хлынул не-

удержимый поток яркого солнечного света. По-прежнему лучезарно улыбаясь, Тхутмертари смело шагнула навстречу Свету Митры.

Глава седьмая

В СТРАНЕ НЕБЕСНОГО НАРОДА

Один лишь короткий миг Конан и Пелиас пребывали в полосе ослепительного света. Свет этот был подобен мраку непроглядной чернильной ночи; глаза самопроизвольно закрылись, отказываясь воспринимать его. Но вот они распахнулись снова, и Конан вскрикнул от восторга; старый маг потрясенно покачал головой.

Мир, в котором они очутились, не походил ни на один из миров, виденных королем и чародеем ранее. Солнечный диск, вдвое больше обычного, располагался в самом центре небесного свода. От него отходили лучи — сначала толстые, широкие, как аорты, затем эти широкие лучи разветвлялись на артерии, и последние окутывали ясное лазоревое небо, подобно изящной паутинке, исчезающей где-то за горизонтом. Воздух был тих, чист и прозрачен. Ни тумана, ни ветра; видно было так далеко вокруг, что орлиный взор Конана мог, наверное, заглянуть за самую кромку небес. Люди стояли на безбрежном лугу; диковинные травы, источая чарующий и успокаивающий аромат, благоговейно тянулись к гигантскому солнцу. Далеко-далеко виднелись какие-то постройки, настолько крошечные, что, казалось, они были воздвигнуты лилипутами.

— Мы попали в рай, — мечтательно проговорил Пелиас. — Имели ли мы право вторгаться сюда?

Конан встряхнул густой вороной гривой, сбрасывая оцепенение.

— Поздно стенать об этом, Пелиас. Мы прибыли сюда по делу. В путь!

И они двинулись по направлению к постройкам.

Говорить не хотелось; окружающее их великолепие отбивало всякую охоту поминать суетное. Так шли они часа два, а может, все три или четыре, ибо гигантский солнечный диск, точно приклеенный, неотрывно смотрел на путников из самого сердца небесной паутины своих лучей. Понятия времени здесь не существовало; ничто за часы путешествия не изменилось в этом мире. Постройки, к которым шествовали люди, не становились ближе; Конан заметил только, что они — чистейшего беломраморного цвета.

Они шли еще очень долго, совсем утратив счет времени. Любой человек давно свалился бы уже наземь от усталости. Но Конан и Пелиас не чувствовали ее, как будто сама природа здешнего мира подпитывала их силы. Не чувствовали они ни жажды, ни голода — только успокоение. Безбрежный луг, диковинные травы, ни души крутом, дивная солнечная паутина над головой... Что может быть прекраснее?

Конан внезапно остановился.

— Это колдовской мир, — сказал он, борясь с наваждением. — Мы так можем идти тысячу лет и никуда не придем.

Пелиас тоже остановился и посмотрел на короля.

— Это Страна Небесного Народа, мой друг. Раз она так называется, значит, какой-то народ здесь живет. По-моему, мы должны позвать кого-нибудь.

— Не по правилам это, — вздохнул киммериец. — Я рассчитывал подобраться вон к тем домикам и сперва поглядеть, кто здесь за хозяев. Но, клянусь Кромом, похоже, до них дальше, чем до неба. Ладно, Пелиас, так и быть, сыграем в открытую.

Конан сложил ладони у рта и во всю мощь своей богатырской глотки воскликнул:

— Эй, есть здесь кто-нибудь? Встречайте гостей!

Призыв тотчас возымел действие. Еще секунду назад перед Конаном и Пелиасом никого не было, а теперь здесь стояли семь фигур. Когда и, самое глав-

ное, КАК они возникли, понять было совершенно невозможно.

Внезапно возникнув перед пришельцами, обитатели здешнего мира, однако, не взяли на себя труд произнести приветственную речь. Они молчали. Это были не люди. Создания ростом чуть повыше Конана и на голову выше Пелиаса были одеты в облегающие белые костюмы, подчеркивающие каждый изгиб идеально сложенного человекоподобного тела. На тонких шеях сидели большие, похожие на яйца головы, лишенные волос. Губы были бесцветными, равно как и ресницы и брови. Добрые круглые глаза были девственно белыми, еще белее, чем кожа. Гениталии у созданий отсутствовали, и определить их пол было невозможно. Все семеро были точными копиями друг друга.

Молчание затягивалось. Создания недвижимо стояли перед двумя пришельцами в одинаковых позах, скрестив руки на груди. Пелиас вышел вперед и с достоинством поклонился существам.

— Привет вам, обитатели Небесного Мира, — сказал он нетромо. — Не соблаговолите ли поведать пришельцам, где мы в настоящий момент имеем честь пребывать?

Пелиасу ответило одно из созданий.

— Вы находитесь в Стране Небесного Народа, смертные. Как вы вторглись сюда, мы постичь не можем. Есть только один способ существам человеческого рода попасть во владения Светоносного Митры; вы воспользовались не им.

— Что же это за способ? — спросил Конан.

Добрые лучистые глаза печально взглянули на него. Конану вдруг стало невыносимо стыдно, и он сам не понимал почему.

— Этим путем от века в век проходят люди, дабы обрести вечный покой в объятиях Светоносного Митры. Лишь самые достойные могут льстить себя надеждой заслужить последнюю милость Солнечного Бога.

— Я так и знал! Мы угодили в рай, — вымолвил Пелиас.

— Да, иногда люди так зовут это место, — согласилось существо. — Может ли не быть раем небесный мир, где обитает сам Светоносный Митра?!

Существа как по команде воздели руки к небу. Разгадка главной сущности этого мира внезапно посетила разум Конана. Гигантское солнце, зависшее посреди небесной паутины, — это и есть сам Пресветлый Митра! Великий Солнечный Бог, более всех других небожителей почитаемый хайборийцами! Конан со священным трепетом бросил взгляд на небо.

— Еще никому из смертных не удавалось пройти в Страну Небесного Народа вашим путем, — сказала существо. — Почему вы сделали это?

— Нас привел к вам долг перед миром, перед тем миром, где люди поклоняются Солнечному Митре, — проникновенно молвил чародей. — Меня зовут...

— Нам ведомы ваши имена, Конан и Пелиас! В своем мире вы были достойными людьми. И хотя вы поклоняетесь иным богам, Крому и Иштар, вы могли бы рассчитывать на последнюю милость Великого Митры. Много славных подвигов совершил воин Конан, и они были угодны Митре. И ты, кудесник Пелиас, оставив нечистое чернокнижное ремесло, обратил свои глубокие волшебные познания в добрые дела. Но ведь ваше время еще не пришло! Почему же вы осмелились явиться к Митре в столь ранний час?

— Мы прибыли к вам по делу, — заметил Конан, решив, что лучше будет выложить все как есть. — И присоединяться к Митре вовсе не намерены...

— Сюда по делу не прибывают! — с неожиданной пылкостью возразило существо. — Ибо отсюда нет возврата! Всяк объявившийся здесь остается в Стране Небесного Народа навсегда!

Как будто студеной водой окатили рассудок Конана. Навсегда???

— Из Страны Небесного Народа не возвращаются, — терпеливо повторило существо. — Вы ворвались в наш мир незванными гостями. Мы не знаем, что с вами делать. Мы приглашаем вас на Большой Совет. Он, и только он определит вашу судьбу.

Люди не успели ничего возразить. Лут и небо с солнечной паутиной пропали; Конан и Пелиас очутились на небольшой арене. В зале амфитеатром располагались ряды, на алебастровых скамьях сидели десятки совершенно одинаковых белых существ. Зал увенчивал высокий купол. Мягкий, ровный свет исходил от маленькой, такой же девственно белой, как и глаза существ, жемчужины, парящей в воздухе под самым куполом.

— Вы присутствуете на Большом Совете Небесного Народа, Конан и Пелиас, — разнесся под сводами зала бархатный голос. Понять, какое из существ говорит, было решительно невозможно. У всех были одинаковые лица, одинаковые фигуры и одинаковые голоса. Это сводило Конана с ума. Голос тем временем продолжал:

— Конан и Пелиас, вы дерзко вторглись во владения Пресветлого Митры, не испросив на то его разрешения. Вы — святотатцы. Поэтому Митра не может принять вас к себе. Что делать с вами, мы не знаем. Поэтому вы должны стать одними из нас.

— Какого дьявола! — опешив от подобной несправедливости, вскричал Конан. — У вас здесь что, Совет или Судилище?! Позвольте нам хоть слово сказать! Мы можем все объяснить...

— Твои уста оскорбляют обитель Митры! Большой Совет уже принял решение.

Сердце Конана болезненно сжалось. Он вовсе не жаждал превращаться в белых бесполох созданий, а то, что это очень даже возможно, он уже чувствовал.

— Послушайте же! Ну что случится, если мы скажем, зачем явились в вашу страну?! Мы пришли за Светочем Истины...

— И вы получите его. Как все мы, — невозмутимо произнес голос.

— Нет, вы не поняли! Мы пришли, чтобы забрать Светоч Истины в человеческий мир! Там он нужен!

Только теперь среди белых созданий возникло нечто напоминающее смтение. Голос задрожал, и в нем зазвучали интерес и изумление.

— Вы пришли, чтобы забрать Светоч?! Но ведь это невозможно!

— Послушайте же меня, Небесный Народ! — горячо воскликнул Конан. — Нам он нужен не для себя, не нашей прихоти ради, не для власти и не для богатства. Только с его помощью мы можем остановить нашего врага, гнусного карлика Тезиаса.

— Вы должны были слышать о нем, — добавил Пелиас. — Он возомнил себя новым богом. Он хочет обратить людей в рабство, а сам стать господином. Разве этот карлик — не враг Пресветлого Митры?!

— Имя карлика Тезиаса известно нам, — произнес голос. — Это нехороший человек. Но ваша вражда с ним не касается Митры. Солнечный Бог выше ее. Исконный и вечный враг Пресветлого Митры — злобный Сет, Древний Змей, Повелитель Мрака. Со служителями его темного культа надлежит вам бороться, пока вы не уничтожите всех его тварей из отдаленных миров Вселенной, откуда Сет призывает их на горе людям. Скажите нам, поклоняется ли Сету ваш карлик Тезиас?

— Нет, не поклоняется, — бросил Конан, но бархатный голос не дал ему сказать что-либо еще. На киммерийца обрушился целый шквал вопросов, на которые он принужден был отвечать.

— Совершает ли он человеческие жертвоприношения Змею Вечной Ночи либо иному темному богу?

— Нет.

— Совершает ли он нечестивые таинства, относимые к черной магии?

— Нет.

— Принуждает ли других людей к поклонению Сету, богу Зла?

— Нет.

— Воздвигает ли капища, храмы и алтари во славу нечестивого божества?

— Нет.

— Грезит ли о возвращении Сета в мир из Бездны, куда Древний Змей был низринут Солнечным Митрой?

— Нет.

— Вот видите! Вы сами признаете: ваш карлик Тезиас не есть слуга Сета, Змея Вечной Ночи. Поэтому он не может быть врагом Солнечного Митры.

— Да кто вы такие, чтобы определять, кто враг Митре, а кто не враг?! — взорвался Конан. Дурацкая логика бесполох созданий доводила его до бешенства.

— Мы — избранные слуги Светоносного, Народ Небес. Когда люди умирают, их души являются нам, и мы решаем, кто из умерших достоин вечного успокоения в лоне Пресветлого Митры.

— Так у вас не рай, а чистилище, — с вызовом заметил Конан. — Клянусь Кромом, я не предполагал, что у Митры такие безмозглые слуги! Я рад, что Митра — не мой бог.

— Твои плохие слова не трогают нас, — прозвучал голос. — Эманации Светоносного Митры несут только Добро. Тьме и Злу нет места в Стране Небесного Народа. Но твои слова показывают, что ты, Конан из Киммерии, недостоин стать одним из нас. Вместо того чтобы сражаться с порождениями Древнего Змея Сета, истинного Повелителя Мрака, ты предпочел выступить врагом ничтожного карлика. Более того, ты усугубил свои преступления, вступив в пагубный альянс с черной волшебницей Тхутмертари, которая суть верная слуга злобного Змея. Только твои прежние заслуги, Конан из Киммерии, не позволяют нам отнести тебя к сонму врагов Светлого Митры... Что же касается тебя, Пелиас из

Кофа, вина твоя огромна, равно как и твое бесчестие...

— В чем же оно? — изумился чародей.

— Ты не узнаешь нас, — печально молвил бархатный голос. — А между тем мы всегда по первому зову спешили к тебе на помощь! Верные нашему договору, мы помогали тебе девять раз и помогли бы снова, если бы ты столь бесчестно не обманул наше доверие, явившись в Страну Небесного Народа незванным гостем!..

— Скричи! — с натугой выдохнул ошарашенный Пелиас. Это были скричи! Только глаза — белые, лучистые, добрые — объединяли бесполох человекоподобных созданий с могучими крылатыми тварями, друзьями волшебника. Теперь уже бывшими друзьями...

— Да, скричами зовемся мы, когда сбрасываем наш истинный облик избранных слуг Митры и на крыльях любви спускаемся в мир людей, — подтвердил голос.

— Значит, все-таки есть выход из Страны Небесного Народа! — воскликнул Конан. — Ведь вы пользуетесь им!

— Чтобы посещать Землю, необходимо быть скричем, — возразили существа. — А скричи — это мы, слуги Митры.

— Итак, Конан и Пелиас, вы недостойны стать одними из нас, — постановил Большой Совет. — Ваше время предстать перед Митрой тоже еще не пришло. Но и оставаться в Стране Небесного Народа вы не можете. Поэтому вы будете развоплощены. Таков наш приговор...

— Ваш суд — несправедливый суд! Кро-о-ом!!!

Боевой клич Конана разнесся под сводом зала Большого Совета. Небесный Народ опешил. Никто из скричей не сдвинулся с места даже тогда, когда Конан, выхватив из ножен верный меч, бросился на трибуны, рубя существ направо и налево.

Однако он успел сделать не более пяти взмахов

своим огромным мечом. Внезапно все скричи разом исчезли; в зале остались только Конан и Пелиас. Там, где работал меч Конана, не осталось ни крови, ни разрубленной плоти — на голых алебастровых скамьях не было ничего.

— Как ты полагаешь, мне удалось убить кого-нибудь из них? — обернулся Конан к Пелиасу.

— Вряд ли, — сухо заметил тот. — Слуги Митры бессмертны, судя по всему.

— Ну и дерьмо же они! — проворчал варвар. — Ишь чего надумали — развоплотить нас! Кстати, а что это значит?

Пелиас уныло глянул на друга.

— Бедный варвар! Так ты не знаешь? От нас не останется ни тела, ни души. У нас отнимут и жизнь, и посмертие. Мы исчезнем, и все тут.

— Проклятье! Тогда чем они лучше Сета?! Тот хоть не прикидывается добряком! Ну и что же нам теперь делать? И почему мы только не спросили у Милиуса, как выбраться отсюда?!

Старый чародей подошел к Конану и положил худощавую руку на могучее плечо.

— Не было никакого Милиуса, — молвил он тихо.

— Не было? Как это не было?!

— То есть был, конечно. Кто-то ведь провел нас сюда. Но это не мой ученик. Я вообще не знаю никакого Милиуса. Я даже не представляю, откуда он взялся.

— Что?! Ты же сам мне рассказывал! Он, мол, твой первый ученик. И про темные армии ты мне рассказывал... Как он колдунов в обычных людей превращал...

— Все это морок, — устало молвил Пелиас. — Только здесь я понял это. Причудливая мешанина из правды и лжи. Все, что видели мы, — правда. И айкины с черной гривой, и жилище в горах, и призрак моего двойника, и этот Милиус — все это

было на самом деле. Вот только не знаю я его! И кто он может быть, я тоже не знаю...

— Зато я знаю! — взревел Конан, яростно вращая глазами, точно разыскивая неведомого врага. — Карлик это был, Тезиас! Его рук дело, яснее ясного! Его, подлеца, почерк! Голову нам, гад, заморочил, да и отправил черт-те куда!.. А может, эта дерьмовая Небесная Страна нам тоже только кажется?! — варвар в бешенстве топнул ногой.

— Увы, мой друг, увы! Слуги Митры всамделишные. И приговор нам вынесли не понарошку.

— А ты-то все это откуда знаешь?

Чародей указал глазами наверх — туда, где под куполом плавала белая жемчужина.

— Вот он, Светоч Истины. Кто бы ни был этот Милиус, про Светоч нам истинную правду сказал. Штука эта действительно рассеивает магию и проясняет разум. Благодаря ей я прозрел.

Киммериец с любопытством глазел на Светоч.

— А почему я ничего не чувствую?

— Ты не волшебник, а воин. Чтобы Истина просветила твой разум, Светоч должен располагаться предельно близко к твоему сердцу.

— Отлично, — усмехнулся Конан. — Я тоже хочу очиститься от колдовского морока. Ты не забыл, Пелиас, зачем мы сюда приперлись?

Волшебник всплеснул руками:

— Неужели после всего, что с нами приключилось, ты все еще надеешься похитить Светоч?!

— Именно после всего, что с нами приключилось, Пелиас.

— Но ведь скричи могут в любой момент вернуться!

— Плевать. Я не намерен развоплощаться даже по прямому повелению самого Пресветлого Митры!

Тон, которым Конан произнес эти слова, явственно свидетельствовал, что уважение варвара к главному хайборийскому божеству после знакомства

с его избранными слугами существенно поубавилось.

Из-за пояса Конан вытащил моток крепкой веревки с небольшим крюком на конце. Раскрутив веревку, он бросил крюк вверх. Здесь нужно сказать, что купол зала не был сплошным; в самом центре его находилось небольшое отверстие, через которое в помещение заглядывал истинный лик Светоносного Митры. Когда крюк Конана понесся вверх, показалось, что он летит напрямик в лик Солнечного Бога. Тем не менее крюк благополучно зацепился за крышу здания. Подергав для верности веревку, Конан принялся быстро взбираться по ней. Когда он очутился вровень с плавающей в пространстве жемчужиной, метнулась его рука — и пальцы киммерийца схватили Светоч Истины. Обомлевший чародей взирал на все на это со страхом. Но ничего не случилось, и Конан благополучно спустился вниз, сжимая в руке Светоч Истины.

— Всего-то и делов, — брезгливо поморщился король, демонстрируя магу белую жемчужину. — Пошел и взял. Нерадивые слуги у тебя, Пресветлый Митра. Так-то они хранят твой талисман!

Только прозвучали его слова, трибуны амфитеатра снова заполнили скричи. Пелиас глухо застонал; на лице его появилось выражение обреченности.

— Конан из Киммерии и Пелиас из Кофа! — загрохотал могучий хор Небесного Народа. — За преступления, совершенные вами против Светоносного Митры, Солнечного Бога мира людей, как-то: уклонение от битвы с Сетом, Змеем Вечной Ночи; самочинное вторжение в Страну Небесного Народа и дерзкое посягательство на живое воплощение Пресветлого Митры, Светоч Истины, — Большой Совет Небесного Народа приговаривает вас к развоплощению. Да свершится немедленно кара сия!!!

И скричи, все, как один, разом протянули руки к осужденным. Конан и Пелиас ощутили сначала легкую слабость, затем головокружение. Смерть разво-

площением в самом деле казалась доброй, как и все в Стране Небесного Народа, — осужденные король и чародей просто медленно и спокойно засыпали. Чтобы никогда более не проснуться вновь.

Но даже теперь бунтарская натура Конана отказывалась признать поражение. Крепко сжав двумя пальцами Светоч Истины, он поднял его над головой. Как видно, и здесь Милиус оказался прав: Светоч рассеивал не любые чары, а только чуждые ему; могущественная же и таинственная магия Небесного Народа была для него родной. И Конан засыпал.

Внезапно глаза его, готовые вот-вот закрыться, заметили какое-то движение в самой вышине, у купола. Казалось, на лилейно-солнечном лице Светоносного Митры вдруг появилось странное пятно вызывающе желтого цвета. Раздался высокий, пронзительный свист, похожий на шипение бросающейся в атаку змеи. Золотистый извивающийся комок стремительно съехал вниз по веревке киммерийца. Рядом с Конаном и Пелиасом возникла молодая, почти полностью обнаженная девушка ослепительной красоты.

— Тхутмертари!!! — в один голос вскричали король и чародей.

Сонную магию скричей точно рукой сняло. А сам Небесный Народ в ужасе замер, глядя на арену. Большие глаза добрых созданий еще более округлились; не созданные для лицедейства, они выражали высшую степень смятения. Тхутмертари же, точно кошка, ловко приземлившись на точеные сильные ноги, выгнула спину, взмахнула роскошными золотыми волосами; полные рубиновые губы раскрылись — и принцесса просто-напросто зашипела на скричей. Ее руки и волосы извивались, точь-в-точь как щупальца безвестного чудовища из иного мира...

Психическая атака увенчалась полным триумфом. «Очевидно, — со злорадством подумал Конан, — для безмозглых созданий второе за один день вторжение в их запретную страну, да еще вторжение их

злейшего врага, явилось совершеннейшим кошмаром». «Очевидно, — подумал он, — эти беспольные бестии горазды только склонять других к борьбе против Древнего Змея и его злобных слуг. Когда же враг Митры является в их цитадель собственной персоной, они сами просто делают ноги».

Конан не ошибся в Небесном Народе. Вместо того чтобы сурово покарать одну-единственную волшебницу, скричи сочли за лучшее смыться. Только скамьи опустели, Тхутмертари прекратила свой змеиный танец и с поистине королевским достоинством обратилась к Конану:

— Итак, киммериец, тебе не кажется, что нам пора убираться отсюда?! Порождения проклятого Митры всего лишь напуганы. Скоро они вернутся и погубят нас. Итак, ты со мной или против меня?

«Вот это да!» — Конан не уставал восторгаться дерзостью и стремительностью Тхутмертари, ее волей и натиском. Конечно же, он с ней, с девушкой божественной красоты — против безмозглых, беспольных, бесчеловечных тварей с их слащавой добротой! Скричи возжаждали развоплотить его — Тхутмертари пришла, чтобы его спасти. Что же до таких абстракций, как извечная борьба Света и Тьмы, они всегда были бесконечно далеки от бесстрашного воителя-варвара... Мудрый Пелиас же, напротив, как ужаленный отскочил от Тхутмертари и воскликнул:

— Не слушай ее, мой добрый друг! Прочь, кошмарное создание Сета! Изыди!!!

Конан колебался. Не обращая внимания на проклятия чародея, принцесса быстро проговорила:

— Старик невменяем. Твари Митры скоро вернутся, чтобы погубить нас. Я могу вывести тебя отсюда. Ты нужен в мире людей. Итак, Конан, ты идешь со мной?!

— Да, клянусь Кромом! — гаркнул киммериец. Пелиас схватился за голову.

— Одно только слово, — прошептала Тхутмертари. — Обещай, как только выберемся отсюда, рас-

сказать мне всю правду о карлике Тезиасе. Все, что сам о нем знаешь. ПОЛНУЮ историю твоей борьбы с ним.

— Это еще зачем?

— Тезиас — мой лютый враг! — пылко воскликнула волшебница. Золотые пряди бушевали подобно штормовому морю. — Я не успокоюсь, пока не погублю его. Я хочу знать о своем враге все! ВСЕ! Разве это странно?!

Король задумался. Само по себе это, конечно, не странно, но вот почему она вдруг...

— Ну же, варвар, решайся! — гневно топнула точеной ножкой Тхутмертари. — Обещай, или ты погибнешь!

— Но ведь и ты погибнешь с нами!

Золотоволосая красавица только рассмеялась ему в лицо, демонстрируя совершенное презрение к подобной перспективе. Два сильных чувства сражались в душе Конана — восхищение принцессой и желание во что бы то ни стало свернуть эту прекрасную шею. Разумом понимая, что долг принуждает его выбрать второе, он уже знал, что выберет первое. На трибунах снова возникли скричи. Теперь их большие добрые глаза излучали холодную решимость.

— Хорошо, я обещаю! Ну, выводите же нас отсюда!

— Нет, мало! Клянись киммерийской клятвой!

— Клянусь кровью Крома, я расскажу тебе все, что знаю о Тезиасе сам!

Ослепительная торжествующая улыбка озарила лик Тхутмертари. В руке ее появился Ключ Тьмы. Она повернула его — и ничего не произошло! Нет, скорее, произошло, но совсем не то, что она ожидала: волшебство скричей разом обрушилось на дерзкую троицу. Уже проваливаясь в океан беспомощности, киммериец услышал отчаянный вопль Тхутмертари:

— Конан! Конан! Твой амулет, Светоч Истины... Он мешает мне!

Последним усилием воли варвар крепко сжал в

ладони белую жемчужину. Другой рукой он подхватил бесчувственного Пелиаса. И тоже провалился в бездну небытия.

Глава восьмая

ТРИ ЖЕЛАНИЯ И ОДНА ВОЛЯ

Высокий трон в форме пирамиды возвышался в глубине небольшого зала. Рядом с тронном стоял огромный американец в роскошном красном камзоле, вышитом аквилонскими львами; в вороних волосах его блестел золотой обруч. Маленький человек, облаченный во все черное, так что из мехового костюма выглядывало только мертвенно-бледное лицо, восседал на серебристом троне. Над головой его играл нимб из крохотных лазоревых молний. Недалеке от трона испуганной кучкой сгруппировались четыре десятка махоньких рыжеволосых человечков — двадцать кражистых упитанных мужичков и двадцать аккуратно одетых женщин.

— Я вызволил вас из сумрака иных времен, гномы, — говорил Тезиас. — Моя божественная сила вернула вас в Хайборийскую эпоху; с тех пор как вы покинули ее, миновало немногим более трех десятилетий. Зачем — спросите вы. Я отвечу. Ваше золото меня не интересует, равно как и прочее ваше имущество. Отныне вы будете жить в принадлежащем мне Зачарованном Городе. Все вы отныне — слуги мои и аквилонского короля.

Вперед выдвинулся тучный, сердитый гном. Выбросив в протестующем жесте толстую руку, он изрек:

— Не бывать тому, колдун! Ты вероломно пленил нас, это правда. Мы в твоей власти. Но гномы — свободный народ! В услужение к тебе мы не пойдем никогда, слышишь, колдун!

Гномы одобрительно закивали. Тезиас понимаю-

ще улыбнулся, вальяжно закинул ногу за ногу и проговорил:

— Отныне вы будете называть меня Великая Душа! Властью, данной мне всемогущим Стражем Земли, я повелеваю вам, народ гномов, стать моими и аквилонского короля слугами. Сим налагаю я на вас Заклятие Верной Службы. Да будет так, клянусь Великим Космическим Знанием!

— Я бы мог всего этого не говорить, — плутовато подмигнул он Джейку. — Нет ничего проще заклинать гномов!

Как по команде, все гномы безмолвно опустились на колени и припали к стопам Великой Души.

— Вашим вождем я назначаю гнома Алвари. Он не покидал наш мир и хорошо подготовлен к своей новой роли.

Алвари встал с колен, приосанился. Еще раз поклонившись хозяину, он спросил:

— Каковы обязанности гномов, Великая Душа?

Тезиас спустился с трона, подошел к Алвари. Рыжий человечек доставал карлику только до пояса.

— Вы обязаны содержать сей дворец в чистоте и порядке. Вам надлежит ухаживать за мной и Джейком, а также готовить ему и себе еду; я в человеческой пище не нуждаюсь. Вы можете бывать в любой части дворца, кроме моей лаборатории. Запрещается вам также забираться в мои верхние апартаменты в Стержне.

— И подходить ближе, чем на тысячу ваших шагов, к «Черному коршуну», — добавил Джейк из-за спины Тезиаса.

— Да, — согласился тот. — Если вы будете прилежно исполнять свои обязанности, я буду милостив к вам. Если же кто-нибудь из вас будет халтурить или, того хуже, своевольничать, я отдам его на корм Серым Обезьянам. А если я замечу, что кто-либо из вас попытается бежать из Зачарованного Города, — Тезиас скорчил свирепую гримасу, — я сожгу отступ-

ника в его собственной коже. Последнее и к тебе относится, Джейк Митчелл.

Гномы в ужасе попятились; Джейк же едва подавил ярость. Последней своей угрозой карлик ставил его на одну доску с ничтожными гномами! Джейк уже дал себе зарок прикончить зловещего карлика при первой же возможности, и теперь вся задача заключалась только в том, чтобы ее отыскать.

— Свободны, — лениво бросил Тезиас, и притихшие гномы гурьбой вылетели из тронного зала. Карлик заложил руки за спину и неслышными шагами прошелся по залу.

— Нет, они не любят меня, — грустно молвил он. — Они меня не любят...

— А за что им тебя любить? — подал голос Джейк. — Ты закабалил их. Разве тот, кто стоит на коленях, способен полюбить стоящего прямо?

— Никто не любит меня, — вздохнул Тезиас. — Да, я поставлю людей на колени, но ведь не себя ради! Ради их же блага! Я дам им Знания, научу пользоваться ими, научу жить по-настоящему! Они меня не понимают, вот почему не любят... А Брахо — Брахо искренне любил меня! Как мне не хватает тебя, мой верный магистр! Я должен обязательно оживить его и остальных, Джейк...

Джейку этого хотелось меньше всего. Если здесь появятся Синие Монахи, шанс прикончить карлика, и без того слабый, исчезнет совсем. Брахо, этот цепной пес карлика, следил за ним, Джейком, как за преступником, — еще там, в Замке Синих Монахов. И вот — оживить!

— А зачем тебе монахи, — подчеркнуто безразличным тоном вымолвил Джейк. — Слуг-то у тебя теперь и так достаточно.

— Никто не любит меня, — не слыша Джейка, повторил Тезиас. — Ведь и ты не любишь своего бога, американец, не правда ли? Мечтаешь избавиться от меня, верно?

Огромный американец похолодел. Тезиас ведь

сам проболтался, что не способен читать чужие мысли. Так откуда же?

Карлик стоял спиной к нему на расстоянии всего двух шагов. Внезапно рука Джейка метнулась к поясу; в золотых ножнах там висел украшенный самоцветами стальной кинжал. Пара мгновений потребовалась бывалому рейнджеру, чтобы выхватить кинжал, подскочить к Тезиасу и всадить оружие в спину карлика, точно в сердце. Все это произошло в мертвой, сверхъестественной тишине; Джейк слышал, как колотится его собственное сердце... Еще он услышал глухой лязгающий звук, когда его кинжал проник в грудь Тезиаса — так сталь царапает о закаленное стекло. Джейк отпрянул. Великая Душа неспешно оборотился к нему. Из груди карлика торчало лезвие кинжала. Ни единой капли крови не пролилось на черный мех его костюма.

— Где оно? — Джейк не нашел ничего лучшего, кроме как высказать вслух свое изумление.

— Ты имеешь в виду сердце? — печально проговорил карлик. — А его там нет. Разве я не говорил тебе об этом?

— Где же оно?

— Валяется где-то. Наверное, в Замке. Оно мне больше ни к чему. Во мне ведь мало от человека осталось.

Магнетические агатовые фонари нашли глаза Джейка. Ноги американца подогнулись, и он упал на колени. Тезиас же слегка приподнялся над полом — глаза Джейка и глаза Тезиаса встретились на одном уровне. «Я погиб», — пронеслось в мозгу бывшего рейнджера.

— Ты хотел избавиться от меня и попытался сделать это, не откладывая. Почему? Мы знакомы всего неделю; за это время я произвел тебя в короли, осыпал милостями, поставил рядом с собой. Ты же попытался убить меня. Почему, Джейк?

— Ты нарушил наш договор, — просипел американец. — Ты взял меня на службу в качестве акви-

лонского короля, помнишь? Какой же я теперь король? Король — Конан, а не я! Ты издевался надо мной и истязал меня; ты меня унижал на каждом шагу. О моих чувствах ты подумал? В своем мире я был командиром лучшего отряда наемников; меня разыскивала полиция пятнадцати стран. Меня окружали большие деньги, красивые женщины и преданные парни; с ними я готов был идти на смерть. Ты разрушил всю мою жизнь. От нее ничего не осталось, и я ничего не получил взамен. Я для тебя — такая же игрушка, как и все остальные люди... Может, такую тварь, как ты, действительно нельзя убить, — но я должен был хотя бы попытаться! Не для этого дерьмового мира — плевать я на него хотел! — а для себя, понимаешь?! Чтоб не быть совсем уж скотом...

Пронизывающий взгляд отпустил его. Минуту или две Тезиас молчал. Затем карлик сказал:

— Я мог бы испепелить тебя, американец. Или превратить в бессловесную тварь, как этих жалких гномов. Или хотя бы подвергнуть пыткам для остротки. Любой бог, волшебник или владыка на моем месте так и сделал бы. Но мне ты нужен таким, каков ты есть.

Стальной кинжал медленно выплыл из груди Великой Души и возвратился в золотые ножны на поясе Джейка. Рана затянулась. Тезиас неторопливо прошел к своему трону. Еще не веря, что буря миновала, американец поднялся на ноги. Воссев на трон, Тезиас продолжил:

— Я допускаю, что в чем-то отклонился от нашего договора. Поэтому ты волен высказать мне свои пожелания. Чего бы ты хотел сейчас? Правдиво выскажи все своему богу, и, может быть, ты получишь желаемое.

— Первое. Мне нужна работа. Слоняться по дворцу и ловить ворон — это не по мне. Обещал посадить меня на трон Аквилонии — будь добр, посади. Королем я хочу быть не здесь, среди гномов, а в

Тарантии, среди людей. Второе. Мне нужны женщины. Я — здоровый мужчина, а не воскресший мертвец, как ты. У меня неделю не было женщин! Так не пойдет, Великая Душа. Ты же не заставишь меня трахать этих крошечных гномьих телок! Это второе. И третье: раз ты бог, раз ты сумел вызвать в свое сраное Прошлое меня, будь так добр, вызови сюда всех моих ребят! Ты — бог, ты не должен воевать с людьми, они ведь все равно слабее тебя. Не твое это дело, пойми! Хочешь воевать — воюй с богами, а с людьми я сам справлюсь. О'кей?

— Это все? — невозмутимо произнес Тезиас после некоторого молчания.

— Да, все.

— Я исполню твои желания, американец. Все три! Но мне нужно время. Посадить тебя на престол в Тарантии проще простого; однако такое дело подготовить надо. Насчет женщин тоже не беспокойся. Сложнее всего призвать в наш мир твоих наемников... Да, это будет хорошая задачка для меня! Но ничего, я разрешу ее. А ты пока подожди. Обещаю, все решится в несколько дней. Да будет так! Теперь ступай. Мне нужно побыть одному.

На этот раз Джейк поклонился карлику совершенно искренне, не скрывая радости. А поклонившись, легкой походкой вышел из тронного зала. «Еще никогда неудавшееся покушение на жизнь владыки не заканчивалось такими милостями с его стороны, — думал Джейк. — Странная все-таки тварь этот карлик, чертовски странная...»

Спустя три часа после объяснения с Джейком Тезиас стоял на смотровой площадке колоссального Стержня. Отсюда, с высоты пятнадцати миль, он обозревал планету.

Преодолев расстояние в сотни миль, взор Великой Души проник в покинутую цитадель Синих Монохов. Стальными идолами посреди своего чертога по-прежнему высились его верные слуги. Тезиас

стиснул зубы; расколдовать монахов он был обязан, в этом состоял его долг — не только перед ними, но и перед самим собой.

И потому принялся он разыскивать Книгу Судеб. Его телепатическое зрение, тысячекратно усиленное космической магией Стержня, позволяло видеть сквозь стены даже с такого огромного расстояния. Два часа стоял Тезиас на смотровой площадке, сканируя каждый уголок Замка Синих Монахов. Книги Судеб в Замке он не обнаружил.

Конан-киммериец утащил ее — это было очевидно. Воистину, в уме варвару не откажешь! Киммериец прекрасно знал, что никто, кроме Великой Души, не в силах воспользоваться Книгой. И варвар похитил ее — лишь для того, чтобы не дать своему врагу перевести вторую часть Заклинания Стали и вернуть Синим Монахам жизнь!

Значит, следовало отыскать Конана и отобрать у него Книгу. Подавляя усталость, Тезиас терпеливо исследовал обитаемый мир. Десятки тысяч людей представляли перед его взором — но среди них не было Конана! Нигде не обнаружил он и Книгу Судеб. Отказываясь признать ТАКУЮ неудачу, Тезиас обратил свой взор на Ханарию, город в королевстве Хорайя, где возвышалась Золотая башня чародея Пелиаса. Может быть, Конан возвратил Книгу Судеб Пелиасу, как сделал уже однажды? Но Пелиаса в Золотой башне тоже не оказалось. Настроение карлика совсем упало.

Затем он обыскал каждый дюйм в Тарантии, аквилонской столице. Конана не было и там. Тезиас проник в сознание спящей королевы Зенобии и понял, что та ничего не знает ни о Книге, ни о том, где пребывает ее супруг. На подъезде к Тарантии карлик приметил небольшой отряд, ведомый генералом Просперо. Внимательно обследовав багаж генерала и его спутников, — а вдруг варвар передал Книгу Судеб своему военачальнику? — Тезиас убе-

дился, что столь необходимой ему вещи у Просперо тоже нет.

Подкрепившись немалой порцией космической энергии, Великая Душа обратил свой телепатический взор на Серые Равнины. Возможно, Конану не удалось спастись от посланного им, Тезиасом, смертоносного ржавого тумана? Если варвар погиб, что маловероятно, Тезиас узрит его душу в мире мертвых. Однако и там карлик ничего не обнаружил, и это его не удивило: его враг Конан — не такой человек, чтобы сгинуть в каком-то тумане...

Собрав в кулак всю свою божественную мощь, Тезиас сотворил сложнейшее Заклинание поиска. Он приказал информационным потокам, обтекающим Землю, привести его взор к Книге Судеб, где бы она ни находилась. Минуло еще три часа; Тезиас провел на смотровой площадке Стержня почти целый день. Заклинание поиска не работало. Это могло значить только одно: Книга Судеб в подлунном мире отсутствовала.

В изнеможении Тезиас привалился к дымчатой поверхности Стержня. Такого поражения он не терпел со времен своего ученичества у Пелиаса. Книгу Судеб увели у него из-под носа — именно в тот момент, когда она была более всего необходима. Где она теперь? Где, наконец, Конан и Пелиас? Куда они могли деться?

Страшная догадка пронзила мозг Великой Души. А не надумали ли его враги отдать Книгу Судеб Митре?! Если так, она сейчас в Стране Небесного Народа, а туда, как видно, звездной магии Стержня хода нет. Тогда Книга Судеб потеряна для Великой Души — или же он, Тезиас, должен идти войной на Солнечного Бога. Что ж, может статься, когда-нибудь армия Великой Души и будет штурмовать Обитель Богов. Но не сейчас: пока Тезиас к этому не готов.

Поэтому он вынужден был смириться с поражением. Его божественная интуиция подсказыва-

ла ему, что причина неудачи гораздо прозаичнее: кто-то просто... перехитрил его! Его, Великую Душу! Исчезновение Книги Судеб — всего лишь чья-то шутка. Ну что ж, хорошую шутку он оценить сумеет! Как и по достоинству вознаградить шутника. Эта же интуиция подсказывала ему: Брахо и другие монахи еще вернутся к жизни. Нужно подождать; разгадка ребуса придет сама собой. Телепатический взор Тезиаса возвратился в Замок Синих Монахов. Стальные истуканы недвижимо стояли на своих местах. Одарив Брахо последним «прости», Тезиас покинул смотровую площадку Стержня и телепортировался в тронный зал.

Там его уже ждал Джейк. Американец хотел что-то сказать, но, обнаружив, в каком настроении возвратился карлик, промолчал.

— Мне не удалось оживить Синих Монахов, Джейк. И, боюсь, в скором времени не удастся... — сумрачно промолвил Великая Душа. — Я подозреваю, проклятый варвар где-то спрятал Книгу Судеб! Где-то там, где я ее не могу отыскать. Но он глубоко заблуждается, надеясь так меня остановить! Он всего лишь отдалает неизбежное! Я обязательно отыщу Книгу Судеб и оживлю моих верных монахов!.. А покуда это не произошло, я исполню три твоих желания, американец. Начнем, пожалуй, с первого. Сначала узнаем, какая нынче погода в стольной Тарантии...

...В тот самый миг, когда Тезиас, восседая на серебристом троне во дворце посреди Зачарованного Города, произносил эти слова, где-то в Нижнем Мире, одном из многочисленных владений Великого Змея Сета, разверзся портал. Из портала хлынул поток слепящего солнечного света, рожденного самим Митрой. Вослед свету из Рая в Ад, из Страны Небесного Народа в Преисподний Мир ввалилась весьма любопытная троица: огромный, могучий богатырь с налитыми силой мускулами и здоровенным

мечом на поясе, высокий худощавый старик аристократической наружности и молодая девушка неотразимой красоты, как будто целиком изваянная из золота. Все трое были в бессознательном состоянии. На их счастье, мир, в который они попали, был необитаем. Иначе первые смертные, исхитрившиеся явиться живыми в Страну Небесного Народа и, избежав развоплощения, такими же живыми уйти от суда скричей, стали бы легкой добычей прожорливых демонов...

...Еще спустя некоторое время об успешном возвращении Конана и Пелиаса из Страны Небесного Народа узнал тот, кто послал их туда, и это знание не прибавило ему оптимизма. Больше того: оно ввергло человека, называющего себя магом Милиусом, в состояние, близкое к панике.

— Этого не должно было случиться, — беспрерывно шептал он, нервно прохаживаясь по своим покоям и лихорадочно размышляя, что бы еще предпринять, чтобы исправить положение, не преступив при этом Границы.

Наконец он принял решение — единственно верное, как ему казалось. Мгновенно переместившись в Замок Синих Монахов, туда, где в безмолвии стояли стальные истуканы, он напряженной походкой подошел к идолу Брахо. Факелы, горевшие на стенах мрачного чертога, оставляли за ним троящуюся тень, но он не обращал на нее внимания.

Он снял со своей шеи серебристый медальон и возвратил его магистру. Затем двойные глаза сотворили мысленный образ Брахо и приготовились дать энергетический импульс стальному истукану. Но не успели. В мозгу человека, явившегося, чтобы пробудить Синих Монахов от заклятого сна, разнеслось:

— НЕ СЕЙЧАС. НЕ ТАК. И НЕ ТЫ.

Гримаса неизбывной горечи и боли превратила невзрачный лик старика в чудовищную маску.

— Будь ты проклят, Страж! — нечеловеческим

голосом вскричал невзрачный старик — и исчез. Серебристый медальон с пирамидой остался висеть на шее стального истукана...

...А еще через час ничем не примечательный старик объявился в тайных покоях Тот-Амона, верховного жреца Сета и главы колдунов Черного Круга. Тот-Амон встретил его широко раскрытыми от изумления глазами.

— Ты?!! — только и мог вымолвить он.

— Тхутмертари жива, — коротко сказал человек в серо-серебристом плаще.

— Невозможно! — вскричал Тот-Амон. — Божественный Чипуа-Акай...

Не дав главе Черного Круга договорить, невзрачный старик показал ему внутренности Склепа Принцев. Тот-Амон едва не свалился в обморок; человек с тремя тенями вынужден был поддерживать его.

— Она бежала, — сказал старик, прокрутив в мозгу Тот-Амона соответствующие картинки. — Сейчас она находится в... — он показал где. — С ней Конан-варвар и колдун Пелиас.

— Я уничтожу Тхутмертари, а Конана с Пелиасом возьму в плен и принесу в жертву Отцу Сету, — прокрипел Тот-Амон.

— Нет!!! Никакого плена! Ты уничтожишь всех! И как можно скорее — время работает против меня!

Тот-Амон отрицательно покачал головой и вызывающе скрестил руки на могучей груди.

— В качестве платы за услугу, которую я оказал тебе, ты сделаешь это, — жестко проговорил старик.

— Какое ты вообще имеешь право мне приказывать? — не сдавался Тот-Амон. — Кто ты есть? Само существование твоё противоречит всем законам природы и магии...

— Законам, известным тебе!

— А ты — тебя вообще не должно существовать!

— Однако ж я существую. Итак, ты исполнишь мою просьбу или...

— Или?

— ...Или можешь подыскивать себе другого бога.

— Нет!!! — возопил Тот-Амон; он и представить себе не мог, что его незванный гость зайдет так далеко. — Ты не посмеешь! Равновесие Мира окажется под угрозой!

— Оно уже трещит по швам, и не тебе, злобному колдуну, заботится об его сохранности, — с горечью заметил человек с двойными глазами. — Если ты промедлишь, Равновесие вовсе рухнет! Как и твоя империя, Тот-Амон. Итак, выбирай!

— Ты не посмеешь, — прошептал колдун, но в голосе его уже не было прежней уверенности.

— Посмею, — заверил главу культа невзрачный старик в серо-серебристом плаще. — За дело, Тот-Амон.

Старик исчез, а волшебник Тот-Амон, помедлив мгновение, вскрыл себе вену и, набрав в ладонь достаточно крови, принялся втирать ее в змеинный перстень, сверкавший на его пальце.

— Притвори очи свои, магическая змея, — севшим от волнения голосом заговорил он. — Закрой их в лунном блеске и отвори в черной бездне. Всех, кого видишь там, призови ко мне, о магическая змея Сета!

Особыми, колдовскими движениями втирая собственную кровь в изумрудные зеницы перстня, он шептал тайные слова заклинания, настолько древнего, что сам Великий Змей Сет был еще молод в пору его рождения. Кошмарные черные тени стали вырисовываться за спиной Тот-Амона, и было их много, и не способны были они внушить ничего, кроме безотчетного ужаса.

— Своей кровью заклинаю я вас, Слути Перстня! — замогильным голосом провещал Тот-Амон. — Найдите тех, кто проник в ваш мир незванными гостями! Найдите и убейте! Убейте смертью, какой еще не ведал свет! Убейте, убейте, убейте!!!

Когда кошмарные тени сгнулись, отправившись

выполнять повеление колдуна, он в изнеможении рухнул на пол своего покоя. Из вскрытой вены продолжала сочиться алая, как у всех смертных людей, кровь...

Глава девятая

УЖАСЫ И СОБЛАЗНЫ ПРЕИСПОДНЕЙ

Глаза открывались тяжело, как створки проржавевших за тысячи лет ворот. Сознание возвращалось медленно, капля за каплей. Конан чувствовал, что владеет своим телом не полностью; кровь нехотя возобновляла свой бег по могучему организму.

Они лежали все рядом — Конан, Пелиас и Тхутмертари. Едва очнувшись, стигийская волшебница первым делом устремила свою левую руку к горлу старого чародея. Превозмогая слабость, киммериец перехватил ее. Рука принцессы оказалась холодной. Тхутмертари взвизгнула и обернулась к нему.

— Что ты делаешь, варвар?

— А ты? — грозно спросил киммериец.

— Отпусти меня, слышишь? Мне больно!

Вместо этого Конан резко дернул волшебницу за руку и привлек к себе. Рука, которую он держал, была не только холодной, но и неестественно гибкой, как будто в ней не было костей.

— Что с твоей рукой, красавица? Карлик вроде сжег ее.

— Отросла, — угрюмо бросила Тхутмертари. — Отпусти по-хорошему, киммериец.

— Послушай меня, стигийка. Если ты хоть раз еще приблизишься к Пелиасу, я срублю твою прекрасную головку. Ладь?

Взгляд свирепой львицы, готовой тотчас растерзать обидчика, зажегся на миг в синих очах Тхутмертари и тут же потух. Обворожительно улыбнувшись Конану, принцесса проговорила:

— Ну что ты! Я ничего не сделаю твоему другу.

— Не верь ей, — подал голос Пелиас. — Ведьма мечтает отомстить мне за Птейон.

— Какой ты злопамятный, старик, — сердито отмахнулась принцесса. — Как будто у меня больше дел нет, кроме как мстить выжившим из ума чародеям! Я, между прочим, вытащила вас обоих из лап небытия, а оно пострашнее смерти! Может быть, вам хочется обратно, к вашему славному Митре? Тьфу! — и Тхутмертари изобразила знак змеи.

Конан отпустил ее руку, поднялся, помог встать Пелиасу.

— Ну, довольно, — сказал он принцессе. — Куда ты нас завела?

Люди осмотрелись. Здешний мир вовсе не напоминал Страну Небесного Народа. Низкие своды пещер, извилистые ходы, уводящие во тьму, черные стены. На стенах — скользкие гусеницы, испускающие тусклый красноватый свет. Слабый зловонный ветерок и глухой далекий рокот, доносящийся из-за стен. Душно и холодно одновременно.

— Подземный лабиринт, — улыбнулась Тхутмертари. — Как славно вновь очутиться во владениях Отца Сета!

— Мы в Преисподнем Мире, Конан, — просто-на-просто Пелиас. — В одном из многих. Там, за этими стенами, кипит огненное море. Там — горнило Ада! Там обитают создания, которым нет имени на человеческом языке...

— Слова волшебника исполнены мудрости, — не без лукавства заметила золотоволосая красавица. — Если хочешь выбраться отсюда, исполни прежде свое обещание.

— Какое такое обещание? — нахмурился Конан.

— Ты забыл кровавую киммерийскую клятву?! О боги, верните ему память! Ты обязался рассказать мне историю твоей борьбы с карликом Тезиасом.

— Не делай этого, мой друг, — прошептал Пелиас. — Я чую подвох!

Конан легко отстранился от старика.

— Я поклялся кровью Крома, — сумрачно возразил он. — Давай, принцесса, выводи нас из своего лабиринта, а я, так и быть, расскажу тебе историю карлика.

— Молю тебя, Конан! — воскликнул Пелиас.

— Оставь, чародей! Она и так почти все знает. Что случится, если я поведаю ей о своих подвигах?

— Одно только слово, — молвил волшебник, видя, что умолять упрямого варвара бесполезно. — Где Светоч Истины?

Конан разжал руку — белая жемчужина светилась на его ладони. Тхутмертари непроизвольно попятилась.

Дальнейшие действия Пелиаса показали, что в дерзости и стремительности старый колдун не уступает ни герою-варвару, ни прекрасной стигийской принцессе. Морщинистая рука чародея с быстротой молнии схватила с ладони Конана амулет Небесного Народа. Одновременно другая рука с неестественной для старика силой ударила по виску киммерийца. Конан покачнулся; падая, он только успел прошептать:

— Но почему, Пелиас?..

— Прости, друг, — пробормотал колдун, но киммериец его уже не слышал.

Коварство старого чародея по отношению к другу-варвару стало совершеннейшей неожиданностью для принцессы. Когда же она оправилась от изумления, Пелиас уже стоял перед ней, сжимая в вытянутой руке Светоч Истины. На тонких губах его играла многозначительная ухмылка, не предвещавшая Тхутмертари ничего хорошего.

— Ну что, продолжим, змеиная принцесса? На сей раз я не связан клятвой, данной твоему венценосному братцу!

Резким броском Тхутмертари выдвинула вперед правую руку. Но кинжал, длинный и острый, не возник из ее указательного пальца. Тогда она устремилась к чародею свою вторую, змеиную руку; рука

безвольно повисла, не желая превращаться в ядовитого аспида. Тхутмертари опешила. Пелиас же, по-прежнему сжимая в одной руке амулет Небесного Народа, другой рукой обнажил небольшую кривую саблю, прятанную в складках его широкого плаща.

— И никакого волшебства, — торжествующе проговорил колдун, заноса над девушкой иззубренный клинок.

Тхутмертари быстро произнесла несколько защитных заклинаний — из числа тех, что всегда берегла на крайний случай. Верные заклинания не действовали! С ужасом поняла она, что вся ее магия бессильна против старого Пелиаса, — тому, в чьих руках Светоч Истины, волшба не страшна. А Пелиас и не думал колдовать, надеясь, как видно, уничтожить знаменитую волшебницу с помощью крепкой стали. Ей оставалось только одно — бежать. Но Тхутмертари была не только могучей волшебницей, почти не знавшей поражений. Она была гордой принцессой Стигии; не в ее характере было показывать спину врагу. Не стала она и нападать на Пелиаса; она знала: рука старого колдуна не дрогнет, и его давний спор с прекрасной дьяволицей будет наконец завершен.

Единственного взгляда вверх оказалось достаточно ей, чтобы выбрать решение и начать действовать. Пронзительный змеиный свист вырвался из ее уст. А сабля Пелиаса уже неслась к ее груди. Внезапный шум, исходящий с потолка, отвлек внимание колдуна. Вместо того чтобы разить врагиню, Пелиас остановил бег своей сабли и поднял голову. Первый камень ударил его по лбу, затем лавина мелких камней накрыла Пелиаса. Чародей в один миг оказался погребенным под курганом мелких камней, обрушенных с каменных сводов пещеры свистом змеиной принцессы.

Она же не только успела отскочить от камнепада, но и потянула за собой распростертого по земле Ко-

нана. Ни один камень не коснулся ее изумительной золотистой кожи. Она торжествующе глянула на курган, ставший могилой старого колдуна.

— И никакого волшебства, — глумливо передразнила она Пелиаса. — Дома и стены помогают!..

Амулет Небесного Народа завалило вместе с чародеем. Впрочем, Светоч Истины не был нужен Тхутмертари; более того, он был ей опасен. А тот, кто на самом деле был нужен ей, лежал рядом и понемногу приходил в себя. Увидев рядом с собой неврединую волшебницу и каменный курган, он сразу все понял.

— Эх, Пелиас...

— Говорю тебе, колдун рехнулся, — молвила принцесса. — Испытания, выпавшие на вашу долю, сломили старика. Ему бы дома сидеть, вино потягивать, а он, видишь ли, возжелал приключений! Тебя убить хотел — да как он посмел!

— Надо откопать его, — промычал Конан, вставая. — А вдруг он еще жив?

— Нет! — воскликнула девушка. — Пелиас мертв! Скорее бежим отсюда; я чувствую опасность!

В подтверждение ее слов из тьмы показались красные глаза. В неясном багровом свете Конан приметил, что твари походят на гигантских слизней; все тело их, однако, было покрыто длинными, извивающимися отростками.

— Твой Сет подослал их? — рыкнул киммериец, снова хватая принцессу за руку.

— Глупец! Это местные! Они здесь живут. Их привлек шум обвала. Бежим, или эти создания сожрут нас!

Девушка юркнула в какой-то тоннель, увлекая за собой Конана. Хмурясь, — он не прочь был пощупать тварей мечом, а не бежать при первой опасности, — киммериец все же последовал за девушкой.

Они долго бежали по ветвистому подземному ходу, пока наконец не попали в огромную пещеру, посредине которой плескалось озеро. Озеро и дере-

вья, растущие вокруг него, производили впечатление вполне нормальных; в них не было ничего адского. К озеру спускалась широкая полоса чистого золотистого песка. Выпустив руку Конана, Тхутмертари побежала к озеру. На ходу срывая с себя то немногое, что составляло ее одежду, она с разбега нырнула в прозрачную, отливающую небесной голубизной воду.

— Эй, ты чего... — только и успел вымолвить озадаченный король.

Не слыша его, девушка весело плескалась в хрустальной воде. Конан вдруг ощутил в себе страстное желание забыть обо всех своих проблемах — о проклятом карлике, о коварно предавшем его друге, о том, наконец, где он находится и как выбираться отсюда, — страстное желание сорвать с себя оковы одежд и присоединиться к прекрасной принцессе. Эта внутренняя борьба отразилась на его лице. Тхутмертари по пояс высунулась из воды и рассмеялась, заразительно и звонко.

— Ну, что застыл, как истукан, могучий варвар?! Смелее, иди ко мне! Смой всю грязь прошлого! Давай же! Или ты боишься?! А может, ты стал евнухом?! Докажи, что ты мужчина!

Лукаво подмигнув Конану, обольстительница простерла руки в призывающем жесте. Капельки хрустальной воды играли на золотистой коже подобно бриллиантам. Розовые соски на полных округлых грудях соблазнительно смотрели на киммерийца. В ясных сапфировых очах пылал вызов. Принцесса была похожа на богиню красоты, восставшую из океана в первые мгновения сотворения мира — разве что была еще прекраснее.

Разум Конана более не мог сопротивляться желанию, пронзившему всю его плоть. Рыча, он устремился к принцессе, отмечая свой путь по золотистому песку обрывками королевского платья, которое он даже не снимал, а срывал с себя. Когда он окунулся в воду, на нем оставалась одна лишь набед-

ренная повязка. Вода оказалась студеной, как море у скал Ванахейма. Казалось невероятным, как Тхутмертари умудряется плавать в такой ледяной воде, не чувствуя холода. Но этот и многие другие вопросы даже не возникли в голове Конана. Страсть всецело поглотила его разум. Конан плыл к манящей его прекрасной девушке и, кроме нее, ничего не видел и не ощущал. Он был похож не на человека, а на дикого, свирепого льва, который после долгих лет воздержания наконец увидел обольстительную самку. Он не вспомнил о Зенобии, дожидаящейся своего мужа в Тарантии. Разумеется, он не думал и о том, КТО его соблазнительница. Он видел перед собой только девушку божественной красоты, приглашающую его к любви — и ничего больше. Можно ли осуждать его за это?!

И они сошлись в безумном танце любви. Гибкие пальцы Тхутмертари сразу освободили его от набедренной повязки. Хрустальные брызги летели во все стороны, в яростное рычание варвара вплетались пронзительные стоны прекрасной принцессы. Огонь страсти, казалось, впитал разум обоих. Они плескались в хрустальном озере, меняя позы, сжимая друг друга в пылких объятиях, и были неразделимы, и не видели ничего и никого, кроме друг друга.

А на резвящихся в хрустальной воде любовников из кустов озадаченно поглядывало маленькое сморщенное существо, похожее на обезьяну, но со слоновыми ушами и большой лысой башкой. Умные глазки выражали сложную гамму чувств — от недоумения до восхищения.

— Страсть Света и Тьмы, — бормотал Люф, именуемый Мудрейшим. — Кто бы мог подумать...

Он долго ждал, а буйству страсти, казалось, не будет конца. Когда же все-таки пришло успокоение, могучий варвар и прекрасная девушка выбрались из ледяной воды на теплый золотистый песок. Грудь Конана вздымалась, он не мог отвести от Тхутмертари восхищенного взгляда.

— Ты самая великая волшебница, какую я только знал в жизни, — хрипло проговорил Конан. — Ты самая великая королева... королева любви...

— Я знаю, — обволакивающим, певучим голосом молвила Тхутмертари. — А теперь ты расскажешь мне о Тезиасе...

И Конан рассказал. Лежа на теплом золотистом песке, обнимая прекрасную молодую женщину, вознесшую его на самую вершину блаженства, он рассказывал обо всем, что знал сам. Слова лились из его уст с непривычной для варвара гладкостью; был он многословен и ничего не пропускал. Глаза принцессы неотрывно смотрели на него и точно впитывали каждую крупницу сказанного. Он поведал ей о внезапном появлении Пелиаса в Тарантии во время бала, пересказал историю ученичества карлика, поведенную старым чародеем. Рассказал о своей первой схватке с Тезиасом в Бельверусе — тогда карлик еще не был Великой Душой. Честно рассказал и о том, как Тезиас, неожиданно для всех обретя облик бога-фантома, в считанные минуты овладел Тарантией и вынудил с позором бежать аквилонского короля. Рассказал о скричах, неведомых существах, доставивших Конана, Пелиаса и Хадрата в Стигию, к Птейону Проклятому. Подробно рассказал он о своих приключениях в стране песков и пирамид: о темном жреце Тотоакре, об ужасном демоне Морате-Аминэ, Пожирателе Душ, о ловушке, устроенной дерзкой троицей для Великой Души, и о таинственном, необъяснимом спасении карлика от смертоносных объятий могущественного демона. Не пропустил он ни смерть, ни счастливое воскрешение Пелиаса, ни свой визит в заколдованную пещеру неведомого Хьяхья, могучего и не в меру прожорливого пришельца со звезд, превращенного Стражем Земли в мыслящее озеро. Поведал он принцессе и о том, какое страшное оружие против карлика вручил ему Хьяхья — Ромб Яхкунга, вечную темницу для

души. О многом рассказал Конан, а принцесса внимательно слушала его, не перебивая.

— И вот с Ромбом Яхкунга воротился я в Бельверус, во дворец короля Тараска, где обитал карлик, — говорил Конан. — Вдруг шум и грохот потряс дворец; где-то рядом дрожала земля. Я выскочил наружу и увидел мощный голубой луч, льющийся с небес. Это Тезиас-фантом пробивал стены заколдованной Пелиасом могилы, чтобы добраться до своего человеческого тела. Понятное дело, я решил: пусть себе снова станет человеком; обычного-то человека прикончить куда проще, чем фантома, — никакой Ромб Яхкунга не нужен. Я устремился в подземелье вслед за Тезиасом. По дороге я прикончил какого-то дьявольского зверя, которого Тараск держал в одном из своих казематов. Затем настиг карлика — прямо у его хрустального гроба. Это уже был человек, и я поразил его мечом. Однако он, пес, не умер, а, отбросив свое мертвое тело, снова обратился в фантома. Он так бы и прикончил меня — нечистой силушки у самозванного бога, надо признать, хоть отбавляй, — но, видать, что-то сломалось в его завихренных мозгах. Он завопил от боли, а я, не будучи дураком, взял и накрыл его Ромбом Яхкунга. Вот и все!

— Так карлик погиб? — подала голос Тхутмертари.

— Ага. Как миленький растворился в белом кристалле. Напоследок сказал мне: «Я вернусь». А я чего-то не придавал значения его словам, думал, бахвалится, собака, перед смертью. Знал он, что ли, что вернется?! И, поди ж ты, ожил! Мне нужно было сжечь его поганое тело, а я — видать, Нергал помутил мне рассудок — положил коротышку обратно в хрустальный гроб. Ну, понятное дело, его проклятые монахи — чтоб им еще десять тысяч лет простоять стальными истуканами — до гроба-то и добрались!

— А Ромб Яхкунга? Что ты сделал с ним?

— Я выбросил его в море Вилайет. Думал, все, сгинула навеки Великая Душа. Ан нет, и туда добра-

лись Синие Монахи. Видать, выловили они Ромб — ну и вернули в тело. А вот как они оживили карлика — это уж я не знаю, не по моей части; скорее, по твоей.

— Расскажи мне о том звере, которого ты убил в бельверусском подземелье. Что это была за тварь?

— Почему я знаю. Здоровенный такой зверь, размером с хорошего коня. Клыки точно кинжалы. А туловище, лапы и башка — как у льва или тигра, только раза в два больше. Буркалы, ясное дело, красные. Как называется, не знаю. Этот демон стоял у меня на дороге — ну, я его и порешил... Кстати, если бы не этот самый Ромб Яхкунга, он бы меня порешил, а не я его.

— Так ты убил демона Ромбом Яхкунга? — стараюсь скрыть неожиданную дрожь, спросила Тхутмертари.

— Ну, да. Этот камешек, точно вампир, выпил его душу, или что там у него вместо души. Я вообще-то струхнул малость, думал, все, конец Ромбу. Раз он душу выпил, больше ни на что не пригоден. Так, обычный камешек. Но хвала неведомым богам, которые сотворили этот камешек, душу карлика он сожрал тоже — и не подавился!

Далее Конан рассказал принцессе о событиях, случившихся после загадочного воскрешения Великой Души; часть этих историй она уже знала сама. Рассказывал Конан по-прежнему подробно и увлеченно, не замечая, как меняется выражение лица Тхутмертари. Он и не ведал, что волшебница теперь слушает его вполуха, ибо то, что жаждала она узнать, он ей уже рассказал... Больше она его ни о чем не спрашивала, и он, закончив свое повествование, вдруг дернулся и погрузился в сон. В тот же момент дряхлый демон Люф, прятаясь в кустах на берегу озера, исчез, унося с собой мстительную и торжествующую ухмылку на бескровных обезьяньих губах.

Тхутмертари же, блестяще выполнившая первую часть пророчества своего мудрого наставника, по-

прежнему смотрела на храпящего у кромки воды богатыря. Откуда ему, скудоумному варвару, было знать, в КАКОЁ озеро завлекла она его! Колдовское озеро — имя ему было Тахо-а-Тахан, что означает Страсть-и-Забвение, — способно было развязать язык любому человеку получше самых изощренных пыток, ибо колдовская аура древнего озера действовала наверняка. Волшебница знала, куда вести своего спутника! Она смотрела на Конана; ясные сапфировые глаза смеялись, а на прелестных рубиновых губах играла победная улыбка.

— Наслаждение, которое ты подарил мне как мужчина, — ничто в сравнении с блаженством, какое вскоре познаю я по причине твоей беспробудной глупости, мой драгоценный варвар, — глумливо прошептала золотоволосая красавица. — Если твой Пресветлый Митра — тьфу! — не мог отыскать воина поумнее для Последней Битвы, разве имеет он право противостоять Великому Отцу Сету?! Нет, не имеет! Ты, варвар, — лучший воин Света — ха! Да погаснет Свет, рождающий таких глупцов!

Тхутмертари радостно, от души рассмеялась. Лучший воин Света, каким представлял Конана Мудрейший Люф, был ныне в полной ее власти. Он выдал ей Тайну — страшную тайну, дающую власть над миром, даже не подозревая об этом! И, выдав ее, заснул как младенец. Представится ли более подходящий случай для Последней Битвы? Никто ведь не говорил, что Битва означает честное сражение по всем правилам воинского искусства... Улыбаясь, Тхутмертари вытянула из пальца длинный стальной кинжал. Убить сейчас, убить вот так — спящего, одурманенного, нагого — разве может будущая королева и верховная жрица измыслить для врага смерть более коварную и достойную себя?!

— Прощай, мой глупый варвар! Ты мне больше не нужен...

Волшебный кинжал был уже у горла спящего богатыря, когда рука принцессы вдруг остановилась.

Тхутмертари неожиданно поймала себя на мысли, что ей вовсе не хочется убивать Конана. Не потому, разумеется, что они были близки, и, конечно же, не из чувства благодарности — это чувство, равно как и совесть, было неведомо прекрасной принцессе. Нет, она не хотела убивать Конана вовсе не поэтому.

— Если я убью его сейчас, это не будет Последней Битвой. Это вообще не будет битвой, — вслух размышляла она. — Он умрет от моей руки, клянусь Сетом. Но не сейчас. Когда я буду на вершине своего могущества, я сражусь с ним и одержу победу... К тому же он мне может еще пригодиться. Когда Конан проснется, он не будет помнить ничего, что было здесь, на озере Тахо-а-Тахан. Он не вспомнит ни наши страстные игры, ни даже свой рассказ. А значит, он ничего не заподозрит... Поживи еще, варвар!

Приняв такое решение, Тхутмертари оделась, — нагрудные чашечки, пояс и туфельки заняли положенные им места, — и стала ждать пробуждения Конана.

...А Конану тем временем снился сон. И был он настоящим кошмаром. Конан узрел себя... прикованным к алтарю Великого Змея Сета. Мимо алтаря проходили люди, и все они с ненавистью и осуждением глядели на него, Конана. Людей этих он не знал, но ясно было, что принадлежат они к самым разным народам. Были здесь шемиты, туранцы, стигийцы, кушиты, зембабвийцы, гирканцы, кофитяне, аквилонцы, аргосцы, немедийцы, зингарцы, пикты, заморанцы, асиры, ваниры, гиперборейцы, вендийцы, кхитайцы, уттарийцы, камбийцы — все, кто населял подлунный мир. Были здесь и киммерийцы, они тоже с ненавистью взирали на своего родича. Были здесь и представители других народов, которых Конан не мог узнать, — возможно, то были легендарные лемуры, антилийцы и обитатели загадочного континента Му. Все эти люди были мертвы. Мертвецы стройными колоннами проходили мимо

прикованного к жертвеннику Конана и проклинали его.

Потом он увидел своих близких и друзей: Зенобия, Конн, Просперо, Троцero, Паллантин, Пелиас, Публио, Декситей — они тоже шли мимо алтаря и тоже проклинали его. Тела его мертвых друзей носили на себе явные следы самых изощренных пыток — пыток, которые не может выдержать ни один человек.

Шествие продолжали ужасные чудовища, уродливые демоны из глубин Ада. Они, напротив, чему-то сильно радовались, гоготали, их мерзкие рыла скалились в злобных ухмылках, а поравнявшись с Конаном, глумливо выражали ему свою признательность. В отличие от людей, демоны, несомненно, были живы.

Следом за демонами шли скричи. Да, самые настоящие скричи, избранные слуги Митры, обитатели Страны Небесного Народа. Они были закованы в колючие цепи, и каждый шаг стоил им непредставимых мучений. Даже теперь их добрые круглые зеницы, лишённые зрачков, излучали не боль и ненависть, а только горечь, презрение и немой укор — настолько сильные, что Конан не мог их выдержать. Но почему-то не в силах он был и отвернуться, а потому по-прежнему был принужден смотреть в лучистые глаза побежденных слуг Пресветлого Митры...

Диковинное шествие закончилось. В вышине тускло мерцало солнце, и его свет с каждым мгновением становился все слабее и слабее. На солнце поползла чернильная тень, сотканная словно из колыхающей мги. Тень сгущалась, и прикованного к жертвеннику Конана накрывала волна ледяного холода Вселенской Бездны. Когда Мрак полностью поглотил солнце, у Конана открылось какое-то второе зрение. Посреди чернильной тьмы он рассмотрел гигантский силуэт чудовищного змея, который спускался с небес. Повелитель Мрака представал перед ним в своем истинном обличье. Конан забил-

ся в цепях, но не смог пошевелить даже пальцем, не смог даже опустить веки, ибо холод Вселенской Бездны неумолимо превращал его в глыбу льда. Но прежде он узрел, как внезапно возникающая будто бы из ничего прекрасная Тхутмертари приближается к алтарю. Она была совершенно обнажена; в золотистых волосах сверкала не ее любимая диадема с черной жемчужиной и не древняя корона правителей Стигии, а некая громадная тиара, изображавшая весь земной шар в объятиях чудовищной рептилии — той, чья сущность проявлялась теперь за спиной девушки. На среднем пальце правой руки Тхутмертари сиял змеинный перстень, символ верховной власти владыки Черного Круга. Глаза девушки были не синими, а желтыми с вытянутыми зрачками, как у змеи. Внезапно осознав, ЧТО происходит, Конан закричал — но из могучей груди вырвался лишь тоскливый, прощальный стон. А Тхутмертари, подойдя к нему, с чарующей застывшей улыбкой на точеном бесстрастном лице вонзила острые жемчужные зубки в грудь Конана. Спустя мгновение в ее зубах уже билось сердце последнего человека Земли; потоки свежей крови киммерийца заливали ее и его грудь. Почему-то Конан все еще не умирал. Он видел, как его вырванное сердце выплывает из зубов Тхутмертари и та преподносит это сердце в жертву спустившемуся на Землю богу. Великий Змей пожирает сердце Конана, и только теперь все вокруг проваливается в Бездну...

С ужасным криком Конан проснулся. Мгновенно вскочив на ноги, киммериец кинулся к Тхутмертари, намереваясь задушить ее голыми руками. Бросок его был стремителен и неотразим; огромные ручищи варвара сомкнулись вокруг тонкой шеи девушки. Только змеинная гибкость и нечеловеческая быстрота реакции спасли принцессу от верной смерти. Чудом выскользнув из стальных тисков киммерийца, Тхутмертари отпрыгнула назад.

— Стой, где стоишь! — повелительно воскликну-

ла она, затем голос волшебницы сорвался на визг: — Ты чуть не убил меня, проклятый варвар! Почему? Ведь я спасла тебя!

— Прости, — хмуро проговорил Конан, успокаиваясь. — Мне привиделся кошмар. И в нем была ты.

— Неудивительно, — натянуто улыбнулась Тхутмертари, но приблизиться к Конану не решилась. — Ведь мы в Преисподнем Море, а здесь во всех снах торжествуют кошмары... Так ты не будешь больше нападать на меня?

— Не буду. Если ты не дашь мне повода. И если быстро выведешь меня из этого поганого гадюшника.

— Прямо в таком виде?

Тут Конан обнаружил, что совершенно наг. Лоскуты походного королевского костюма широкой дорожкой змеились по золотистому песку, отмечая дорогу к воде.

— Кто это сделал? — грозно спросил киммериец, заранее зная, каков будет ответ.

— Ты сам, — невинно молвила волшебница. — Тебе так не терпелось искупаться.

Конан встряхнул головой. Он ничего не помнил — ни как попал сюда, ни что здесь делал. Очевидно, стигийка не врёт, ведь навряд ли он позволил бы кому-то раздеть себя против своей воли. Подобрал пояс и кое-какие лоскуты, он соорудил себе подобие набедренной повязки. Меч и ножны валялись рядом; Конан подобрал и их. Принцесса внимательно наблюдала за его действиями.

— Что здесь было, стигийка?

— Мы искупались, только и всего, — пожала плечами Тхутмертари. — А еще ты исполнил свою клятву и поведал мне о карлике. Прямо скажу, повесть твоя не произвела на меня впечатления. Я ожидала услышать большее. И ради чего только я старалась?!

Она сказала это с таким искренним презрением, что Конан поневоле перевел разговор на другую, более приятную для него тему. Жизненный опыт

указывал ему, что в воде можно не только купаться, а на песке — не только отдыхать. Особенно в компании такой прелестницы, как Тхутмертари.

— А больше ничего не было?

Ответить волшебница не успела. Губы ее внезапно задрожали, в сапфировых очах появилось выражение смертельного ужаса. Такой принцессу Конан еще не видел. Рука ее, дрожа, показывала на что-то за спиной короля. Киммериец мгновенно развернулся и тоже обомлел.

По всему периметру озера сквозь деревья и кусты проступали кошмарные силуэты. Более всего подходили они на облака пульсирующего мрака. Если что живое и могло быть сравнимо с ними, то только кракены и спруты, обитающие в мрачных морских пучинах. Но никакие демоны вод не могли излучать такую чудовищную ауру злого могущества, как эти облака чернильной тьмы, наступающие на людей.

— Демоны-тени, — с трепетом промолвила волшебница. — Самые жуткие создания Тьмы! От них нет спасения! Мы погибли...

— Ну уж нет! — воскликнул Конан, обнажая меч.

— Глупец! — с презрением обреченного на смерть усмехнулась золотоволосая принцесса. — Сталь их не берет!

— А магия?

— Какая магия?! — Тхутмертари опустила на песок, немигающими глазами взирая на приближающиеся кошмарные тени. — Они сами сотканы из древней магии! Чтобы победить их, нужна поистине божественная сила! У меня нет такой... Да и, потом, их слишком много! Говорю тебе, мы погибли...

Тхутмертари еще хотела добавить, как обидно ей умирать после всего, что она здесь узнала, умирать, так и не исполнив своей миссии, которую раскрыл ей мудрый Люф. Но воздержалась, ибо Конан, отчего-то усмехнувшись, рывком поднял ее с колен. В ясно-синих глазах его играло странное пламя;

любой из друзей, соратников могучего варвара тотчас признал бы по этому неистребимому блеску в глазах: «Конан что-то задумал!»

— Сотканы из магии, говоришь?! Их возьмет только божественная сила?! — тряс он Тхутмертари. — Ты можешь найти дорогу обратно? Туда, где завалило Пелиаса?

Волшебница недоуменно взирала на него. Демон-тени были уже в десяти шагах от людей.

— Да, могу... Ну и что?

— Веди! Да поживее! — приказал Конан.

И они снова бросились в лабиринт извилистых пещерных тоннелей. Позади раздавались завывания взбешенных демонов-теней. Кошмарные создания неумолимо настигали короля и волшебницу. Им, теням, ведь не нужно было блуждать по пещерным коридорам — они свободно проходили сквозь стены. Щупальца чернильного мрака все ближе подступали к людям. В одном месте демон-тень даже преградил Конану и Тхутмертари дорогу. Для верности киммерец рубанул демона мечом. Крепкая сталь беспрепятственно прошла сквозь колышущуюся плоть кракеноподобной твари и лишь поцарапала черный камень лабиринта. Демон-тень злобно расхохотался; щупальце коснулось запястья киммерийца, и тот ощутил обжигающее прикосновение самого первоизданного холода, что таится в глубинах Вселенной. Нечто подобное уже происходило с ним: три года назад, накануне битвы при Валькии, «межзвездный скиталец», подосланный ахеронским магом Ксальтотуном, полностью парализовал варвара, едва коснувшись его запястья. Как видно, «межзвездный скиталец» Ксальтотуна и этот демон-тень были одной породы. Но на этот раз демон, похоже, только игрался: Конан не свалился навзничь, как тогда, а только почувствовал, что рука, сжимающая меч, более не подчиняется ему. Отчаянно взвизгнув, Тхутмертари увлекла Конана в боковой тоннель; демон-тень, точно играясь, не спеша преследовал

их. А с других сторон надвигались все новые и новые призраки...

Вот и навал камней, где похоронен Пелиас... Нет никакого навала! Камни разбросаны, и Пелиаса тоже нет! Однако гадать, куда делся старый колдун (или его труп), было некогда. Глаза Конана стремительно обыскивали все вокруг. В неясном красноватом свете Конан надеялся отыскать то единственное, что может спасти им с Тхутмертари жизнь. И не находил! Довольный вой демонов-теней раздавался уже со всех сторон; твари сумели-таки окружить беглецов. В отчаянии король пнул камни ногой.

— Конан, смотри! — вскрикнула Тхутмертари, хватая его за руку.

Он увидел ЭТО мгновением ранее. Прямо на каменном полу пещерного лабиринта лежал огромный черный перстень; Конан видел такой у Пелиаса. Да, конечно, это был перстень Пелиаса — и в то же время не он. Что-то изменилось в нем. Киммериец проворно подхватил черный перстень и внимательно всмотрелся в него. Не обращая внимания на демонов, — они уже, казалось, могли достать человека длинными щупальцами, — Конан изучал перстень. Раньше он выглядел как обычное кольцо, но теперь... Теперь он походил на огромный черный глаз, прикрытый роговой пластиной века. Конан слегка надавил на веко — и оно, точно раковина моллюска, раскрылось, обнажив в сердцевине огромного перстня... нет, не моллюска, но большую, девственно белую жемчужину — ее невозможно было не узнать!

Конан торжествующе рассмеялся. Быстро надев перстень с вправленным в него Светочем Истины на указательный палец левой руки, он ткнул им в ближайшего демона.

— Ну, тварь, как тебе понравится ЭТО?!

Твари ЭТО не понравилось. Очень даже не понравилось. Чистые солнечные лучи, исходящие от сияющей жемчужины, пронзили колышущееся облако мрака тонкими белыми нитями. Демон-тень не

успел даже взвизгнуть; с шипением — так выпаривается обыкновенная вода, угодив в пламя костра, — извивающееся облако чернильной тьмы растворилось под лучами Светоносного Митры.

А Конан, ободренный первым успехом, уже спешил навстречу другим демонам.

— Вот вам божественная сила! Получайте!!!

И результат повсюду был одинаков: сотворенные с помощью древней магии демоны-тени растворялись в воздухе, погибая под лучами могущественного амулета Небесного Народа. Кракеноподобные создания Тьмы, бестелесные мерзкие твари, которых сама волшебница Тхутмертари почитала неуязвимыми, — все погибли от лучей белой жемчужины, воплощавшей в себе божественную мощь Солнечного Бога.

Когда с демонами было покончено, ликующий Конан обернулся к волшебнице. Та стояла невдалеке, прижавшись к каменной стене. Она с трепетом взирала на черный перстень с жемчужиной Митры, что сверкал на персте Конана. Похоже, она страшилась ее не меньше, чем демонов-теней. Конан приблизился к ней.

— Как, нравится?! Может, и ты развеешься по ветру подобно своим друзьям из Ада?

— Нет!!! — истерично воскликнула девушка; на ней не было лица от суеверного страха. — Я живая, я не развеюсь!.. Молю тебя, убери! Он лишит меня волшебной силы!

— Ну и что? Ты мне нравишься и так! Чего хорошего быть ведьмой?

— Нет!!! Нет!!! Нет!!! Ты не понимаешь! Я превращусь в...

— Остановись, варвар! — прозвучал за спиной Конана тихий, но властный голос.

Король мгновенно развернулся, по привычке целясь мечом в источник голоса. Но едва развернувшись, рассмеялся и убрал меч. В трех шагах от него на корточках сидело маленькое, ростом ему по коле-

но, существо со слоновыми ушами и большой плешивой головой. Инстинкт подсказывал киммерийцу, что такое создание не способно причинить ему вред. Ему — с верным мечом в правой руке и амулетом Небесного Народа на пальце руки левой.

— Ты кто, обезьяна?

— Если ты уберешь Тхутмертари или отнимешь у нее волшебную силу, кто выведет тебя в Верхний Мир, варвар? — проскрипело существо.

— Почему я должен слушать тебя, тварь?

Однако дряхлый демон Люф не собирался отвечать на вопросы Конана. У Мудрейшего были свои ответы на незадаанные вопросы.

— Демонов-теней послал против вас верховный жрец Тот-Амон, — сообщил Люф. — Торопитесь. Не мни, варвар, что Светоч Истины поможет тебе во всем. Здесь, в Нижнем Мире, есть нечто пострашнее демонов-теней. Вы, Конан и Тхутмертари, выберетесь отсюда только вместе. Или не выберетесь вовсе.

Проговорив это, мудрый демон попросту исчез. Озадаченный Конан слегка нажал на ободок черного перстня. Веко затворилось, скрыв белую жемчужину. Тхутмертари облегченно вздохнула.

— Кто была эта обезьяна? — хмуро спросил у нее киммериец.

— Перед тобой предстал тот, чьими устами говорит сама мудрость Вечной Ночи, — туманно молвила волшебница. И Конан, как ни старался, больше не смог ничего разузнать.

— Ладно, пошли, — сказал он в конце концов. — Выводи нас в Верхний Мир. И, клянусь Кромом, если до полудня я не увижу своими глазами солнечного света, ты, подружка, навсегда лишишься своей волшебной силы!

Хотя понятие «полдень» в Преисподнем Мире не значило ровным счетом ничего, Тхутмертари не стала спорить, а лишь согласно кивнула. Она думала о том, сколь правильным было ее решение сохранить Конану жизнь: если бы не варвар и его Светоч

Истины, освященный божественной мощью ненавистного ей Митры, ее, могучую волшебницу, безжалостно растерзали бы демоны-тени. «Вы, Конан и Тхутмертари, выберетесь отсюда только вместе. Или не выберетесь вовсе», — сказал мудрый Люф, ее наставник. Сказал, вероятно, не только для Конана, но и для нее, Тхутмертари. Чтобы она знала: они, лучшие воины Света и Тьмы, пока нужны друг другу. Он — ей, а она — ему.

Об этом думал сам мудрый Люф, дивясь, как все-таки затейливо распорядилась Судьба: лучший воин Света спасает адепта Тьмы от кошмарных созданий Мрака, посланных верховным жрецом Великого Змея Сета. Спасает с помощью могущественного амулета, дерзко похищенного из Страны Небесного Народа — из-под самого Ока Светоносного Митры...

...Об этом же размышлял и маг Милиус. Невольный вмешаться в происходящие события лично — он уже и так действовал в опасной близости от Границы — человек с двойными глазами снова отправился в Кеми.

— Посланные тобой существа погибли, — без лишних предисловий сообщил он Тот-Амону.

Владыка Черного Круга потрясенно заморгал глазами, однако оспаривать сведения незваного гостя не решился.

— Мне не удалось взять их силой, — проговорил Тот-Амон. — Я возьму их хитростью. Сначала погибнет Тхутмертари; без нее Конану и Пелиасу ни за что не выбраться из Преисподних Миров. Рано или поздно демоны растерзают их.

Маг Милиус нетерпеливо кивнул. Три его тени безмолвно колыхались в тусклом свете змеевидных бра.

— Действуй же, Тот-Амон. И помни о каре, которая ждет тебя в случае провала.

С этими словами Скучающий Маг покинул логово Тот-Амона.

А сам верховный жрец застыл, точно каменное изваяние, и как будто перестал дышать. Необходимость вынуждала его прибегнуть к сложнейшему колдовству, к такой высшей магии, какая ведома лишь немногим чародеям подлунного мира; естественно, Тот-Амон принадлежал к числу таковых. Эта волшба требовала величайшего мастерства, полной отстраненности и абсолютного сосредоточения. Тот-Амон, хотя и являлся одним из сильнейших магов своего времени, не владел искусством телепортации. Та сфера магии, в которой он был докой, просто не понимала, что это такое телепортация. Тот-Амон не мог, подобно Милиусу, мгновенно преодолевать любые расстояния, не мог моментально переносить свое тело из одной точки пространства в другую. Все же владыка Черного Круга был обыкновенным земным магом, а не тем, кем в действительности являлся называющий себя Милиусом. Поэтому, чтобы переместить свое тело из Кеми в Луксур, из Великой Пирамиды в тайный каземат, что размещался глубоко под парадным храмом Сета, Тот-Амон должен был обратиться за помощью к своему темному богу.

Сила Сета незримо вливалась в бронзовокожее тело верховного жреца. Вокруг Тот-Амона образовалось облако фосфоресцирующего зеленоватого газа. Облако уплотнялось, а плоть колдуна, напротив, как будто растворялась в нем. Этот процесс продолжался несколько минут; наконец ядовито-зеленое облако, закрутившись во внезапно возникшем вихре, сошло на нет. Так волшебник Тот-Амон покинул свою обитель в Великой Пирамиде Кеми.

Еще долго его астральный дух блуждал по бесконечным лабиринтам Космоса — там, где Великий Змей проложил эфирные дороги для своих верных слуг, владеющих Тайным Знанием. На пути Тот-Амона встречались жуткие существа, обитающие во

Вселенских Безднах; в их очах пылало пламя вечно-го голода. Множество страшных созданий вставало у него на пути, но Тот-Амон не боялся их, ибо знал, что ни один из подданных Сета не причинит ему вреда, пока божественная милость Князя Тьмы пребывает с ним. Кошмарные твари, отведя свои пылающие буркалы, покорно пропускали следующий одному ему ведомым путем астральный дух чародея.

Расстояние от Кеми до Луксура Тот-Амон преодолел за два часа.

Фосфоресцирующее сияние ядовито-зеленого цвета возникло в странном узилище. Небольшая комната напоминала каменный мешок. Она была непостижимым образом вырублена внутри гигантского гранитного монолита. В этой комнате не было ни окон, ни дверей, ни люков, ни светильников, ни решеток. Со всех шести сторон — только гладкая поверхность черного гранита. Лишь с помощью могущественной магии можно было проникнуть сюда. Здесь, в крошечной тьме заколдованного каземата, Тот-Амон содержал Атотмиса, бывшего жреца Сета и возлюбленного принцессы Тхутмертари. Здесь содержалась и она сама — до того, как Тот-Амон, на свою беду, отважился освободить ее. Атотмис же оставался в заколдованной темнице; ему и наносил ныне визит владыка Черного Круга.

Изумрудное облако, в центре которого стоял Тот-Амон, осветило каменный мешок. Узник — долговязый тощий человек в изорванной черной тунике — сидел в углу темницы. Пребывая в заколдованном каземате долгие годы, Атотмис, как любой нормальный человек, испытывал потребность в воде и пище. Ни того ни другого здесь не было. Только чары Тот-Амона не позволяли узнику умереть. Атотмис испытывал ужасные физические и душевные страдания, но могущественный маг зачем-то подерживал огонек жизни в его изнуренном теле. Ни покончить с жизнью, ни, тем более, бежать из заколдованной темницы Атотмис не мог. Судьба воз-

любленного принцессы Тхутмертари всецело находилась в руках Тот-Амона.

Сейчас Атотмис равнодушно глядел на явление своего мучителя. Периодически Тот-Амон посылал своего астрального двойника в эту камеру, чтобы вдоволь поиздеваться над пленником; в этом развлечении колдун находил особую прелесть. А что еще можно ожидать от верховного чародея Черного Круга?!

— Приветствую тебя, Атотмис! — низким, звучным голосом молвил Тот-Амон.

Узник молчал. Бесцветные глаза его, привыкшие к абсолютной тьме, болезненно щурились на тусклый зеленоватый свет; для них этот свет был слишком ярким.

— Рад видеть тебя в добром здравии, — усмехнувшись, продолжал маг. — Хочешь ли ты на волю, Атотмис?

Узник вздрогнул от этих слов. Хотел ли он на волю?! О, это было самым заветным желанием Атотмиса! Перед этим желанием отступала даже страсть к мщению Тот-Амону. Ради того, чтобы выбраться из заколдованной темницы, Атотмис готов был на все. Вот только знал он, что истязатель никогда ничего не делает просто так. Жалость неведома жрецам Великого Змея. Поэтому Атотмис спросил:

— Что тебе нужно, Тот-Амон?

— Я отпущу тебя на волю, Атотмис. Ты получишь полную свободу. За это ты убьешь принцессу Тхутмертари.

Узник не смог сдержать ярости. Собрав воедино все свои силы, Атотмис вскочил на ноги и кинулся на колдуна. В ответ Тот-Амон сделал небрежный пасс рукой, и узник был отброшен обратно к стене.

— Да, ты убьешь свою возлюбленную принцессу, — жестко проговорил маг. — Только так ты сможешь обрести свободу. Иначе я буду держать тебя в этом каменном склепе еще тысячу лет.

— Ты не проживешь столько, проклятый колдун! — прохрипел Атотмис.

— Возможно. Моя судьба — в деснице Отца Сета. Но, если я умру, кто освободит тебя, Атотмис?! Никто! Подумай об этом. И еще знай: твоя прекрасная принцесса изменила тебе!

Атотмис пренебрежительно повел костлявыми плечами. В кругу стигийского жречества плотская измена не считалась таким уж страшным преступлением; измена своему темному богу — вот грех, страшнее которого невозможно было себе представить. Извращенное сладострастие Тхутмертари было общеизвестно; Атотмису нужна была только ее любовь, и он знал, что она-то, любовь жестокой принцессы, по-прежнему принадлежит ему.

— И ты даже не желаешь знать, с кем изменила тебе твоя возлюбленная?! — откровенно потешаясь, спросил Тот-Амон. — С киммерийцем Конаном, заклятым врагом нашего Вечного Отца!

— Лжешь!

— Посуди сам, зачем мне лгать, благородный Атотмис?! Тхутмертари отдалась варвару по своей воле. Она давно забыла о тебе. Зачем ты ей нужен? Сколько уже она разгуливает на свободе, а ты томишься здесь один. Разве это справедливо?! Убей ее — и ты свободен! Клянусь Сетом!

Узник стиснул зубы. Боль предательства возлюбленной толкала его на сделку с Тот-Амоном. Долгожданная свобода маячила так близко! Скажи только «да» — и незримые двери заколдованной тюрьмы распахнутся перед ним...

— Нет, — сказал Атотмис. — Я не пойду на сделку с тобой, Тот-Амон. Ты обманешь меня, я знаю. Отец Сет поощряет коварство и предательство. Как только я убью принцессу, ты покончишь со мной, колдун.

Тот-Амон оглушительно расхохотался.

— Я вижу, годы не притупили твоей хваленной проницательности, Атотмис! Но пусть для тебя это

будет слабым утешением. Ты все равно убьешь Тхут-мертари, хочешь ты того или нет. Смотри!

И колдун простер к Атотмису окольцованный змеиным перстнем палец. Из глаз магической змеи к горлу Атотмиса устремились два изумрудных луча. Узник захрипел. На горле его возникли крохотные дырочки, как при укусе вампира, и из них начала сочиться кровь. Кровь эта, однако, не стекала вниз, а, двигаясь по изумрудным лучам, точно по трубочкам, перетекала в зеницы магической змеи. Змея-перстень словно выпивала кровь узника — выпивала на расстоянии. Атотмис с ужасом взирает на это действо, не в силах даже пошевелить конечностями; члены его онемели — Тот-Амон оставил ему только зрение, чтобы узник мог видеть все сам.

А видеть было что. Пока магическая змея выпивала кровь Атотмиса, колдун шептал одному ему ведомые заклинания, делал замысловатые пассы свободной рукой. И вскоре в темнице рядом с ним, как раз между изумрудным облаком, где скрывался маг, и распростертым по стене Атотмисом, возник кто-то третий. Или что-то. Темная бесформенная масса напоминала не то рослого, грузного человека, не то гигантскую обезьяну, какие водятся в горах на северо-западе Гиркании, не то демона из глубокого ночного кошмара. Вот магическая змея выпила всю кровь Атотмиса, однако бывший жрец по-прежнему пребывал в сознании. Он знал, что колдовство Тот-Амона не даст ему умереть, даже если от него останется один только голый скелет.

Закончив кровавую трапезу, змея-перстень обратила свой взор на материализовавшегося в каземате демона. Снова зажглись зловещим изумрудным светом глаза, и кровь, выпитая у Атотмиса, потекла из очей магической змеи в тело демона. С трепетом обескровленный узник наблюдал, как под взглядом змеи-перстня бесформенная масса обретает знакомые черты — его черты, Атотмиса!

Вскоре превращение было завершено. Перед

колдуном стояли два Атотмиса: человек — если то, что осталось от узника, еще можно было назвать «человеком», — и демон, обретший полное сходство с возлюбленным знаменитой волшебницы.

— Отправляйся и убей принцессу Тхутмертари, — повелел демону Тот-Амон.

Лже-Атотмис коротко кивнул и исчез. Настоящий Атотмис скорбно застонал. Торжествуя, глядя на него, колдун заметил:

— Твоя возлюбленная не заподозрит подмены. Этот демон убьет ее. А ты... ты останешься здесь! Ха-ха-ха! Прощай, несчастный Атотмис!

Смеясь, Тот-Амон растворялся в изумрудном облаке. Собрав немногие оставшиеся у него силы, Атотмис воскликнул вслед колдуну:

— Тхутмертари отомстит за меня! Она покончит с тобой, Тот-Амон...

На этом силы узника истощились, и он впал в забытие. Он уже не видел, как внезапно помрачнел владыка Черного Круга, торопливо покидая заколдованный каземат...

Глава десятая

ВРАТА В ВЕРХНИЙ МИР

Злобное багряное небо пульсировало и трепетало над головами Конана и Тхутмертари. Смрадный ветер доносил далекие стоны и всхлипы, которые, казалось, могли пробудить мертвеца. Король и принцесса шли по извилистой горной тропе. Слева высилась скала из черного мрамора, гладкая и отвесная, справа лежала глубокая пропасть, и в этой пропасти кипело огнедышащее море. Его горячие ядовитые испарения поднимались вверх, обжигая тело и затрудняя дыхание.

Люди были в пути уже несколько часов. Если в Стране Небесного Народа Конан ощущал умиротворяющие и подкрепляющие токи светлого мира

Митры, то здесь все вокруг дышало злом и ненавистью. Как будто сама здешняя атмосфера — эти черные камни, это огненное море, этот лишенный солища пунцовый небосвод, этот душный зловонный воздух, — точно незримый вампир, выпивала жизненные соки могучего киммерийца. Стыдясь признаться себе в этом, Конан чувствовал, что силы его на пределе. Обычно он мог без труда прошагать по земле целый день, да еще и ночь в придачу, но тут, в Нижнем Море, он вряд ли продержался бы более пяти-семи часов.

Тхутмертари же, напротив, с каждым шагом двигалась все увереннее. Незримые потоки магического эфира, отнимающие силы у Конана, похоже, только насыщали ее новой мощью. Киммериец все больше задавался вопросом, человек ли она. Наконец он высказал свои сомнения вслух.

— Я человек, — серьезно сказала Тхутмертари. — Я служу Сету. Почему же тебя удивляет, что в его владениях я чувствую себя, как дома?!

Соблазнительно поведя бедрами, золотоволосая красавица прибавила шаг. Внутренне чертыхаясь, Конан устремился вдогонку. Даже здесь, в Преисподнем Море, он не мог допустить даже мысли, что женщина окажется сильнее его.

Горная тропа оборвалась внезапно. Очередной поворот — и перед людьми уже расстилась небольшая пустыня темно-рдяного песка. Невдалеке, за пустыней, в багровой дымке просматривались очертания какого-то гигантского черного замка.

— Нам туда, — указала на замок Тхутмертари. — Там Врата в Верхний Мир.

Но Конан не слышал ее, ибо зрелище, которое обнаружил он в этой пустыне, всецело поглотило его внимание. Киммериец застыл, как стена, ибо его отныне переполняли только два человеческих чувства — ужас и отвращение, — отвращение, равного которому он не испытывал никогда.

Пустыня была обитаема. На склоне каждого бар-

хана, на бесчисленных, хорошо утоптаных тропинках кипела адская жизнь. Казалось, ожили персонажи жутких картинок, испещривших широкий пояс волшебницы. Повсюду змееподобные прямоходящие ящеры, огромные и ужасные, пытали и насиловали людей, которых злая судьба забросила в это нечистое место. Все люди были обнажены и окровавлены. Стоны женщин и вопли мужчин были едва слышны из-за незатишающего воя, визга, кваканья, гоготанья, сопения и свиста сотен адских тварей. Невдалеке от Конана пять ящеров одновременно насиловали красивую молодую женщину. То, как они это делали, способно было лишить рассудка любого здорового мужчину. Нижняя часть туловища женщины представляла собой сплошное кровавое месиво. Один из ящеров, оттесненный собратьями, рассерженно зарычал, и тогда его сосед, чтобы освободить побольше места, легким движением длинного змеящегося хвоста просто перерубил ноги несчастной. Нечеловеческий стон женщины — кричать она уже не могла — только подбодрил демонов. Они с удвоенной энергией стали пихать в нее свои ненасытные члены.

Конан чувствовал, как первобытная ярость неотвратимо закипает в его сердце, прогоняя прочь ужас и отвращение. Он уже знал, что не покинет этот проклятый мир, пока эти адские создания — все до одного! — не будут уничтожены, безжалостно и быстро. Как это сделать, он не знал. А когда воин не знает ответа на какой-либо вопрос, за него все решает верный клинок. Сжимая тяжелый меч в вытянутых руках, Конан сделал шаг вперед.

— Стой, дурак! — вскричала позади него Тхутмертари. — Их же сотни здесь!

Однако доводы здравого смысла не доходили более до сознания варвара. Покончить со злом, уничтожить мерзких демонов, удовлетворяющих на людях свою грязную похоть, — вот все, о чем он сейчас мечтал.

— Я убью их всех, — тихо проговорил варвар, выбирая себе первого противника. Ящеры по-прежнему не обращали на него никакого внимания.

— Не позволю!!! — воскликнула принцесса и, ловким приемом заломив Конану руку, повалила его на горячий песок. А сама бросилась вперед, к ящерам.

Конан тут же вскочил, намереваясь удержать ее, но было уже поздно. Золотоволосая принцесса уже захватила инициативу в свои руки. С ее уст срывались какие-то свистящие, шипящие и воющие звуки, не имеющие ничего общего с человеческой речью. Все демоны, как по команде, оставили свои жертвы и обратили полные вожеления буркалы на прекрасную волшебницу. Очевидно, она говорила на языке, который эти ящеры хорошо понимали. Один из них, самый здоровый и уродливый, ответил ей. Понять что-либо по интонации или жестам Конан не мог. Разговор Тхутмертари с вожаком демонов продолжался около минуты, затем безобразная тварь перевела свои красные буркалы на Конана и указала на него длинной лапой. Решив, что пришел его черед вступить в игру, Конан, издав громовой киммерийский клич, бросился на демона. Сильные руки Тхутмертари вновь удержали его. Ящеры не проявляли никаких признаков агрессивности.

— Я договорилась с ними, — сообщила принцесса Конану. — Они согласны пропустить нас к Вратам. Взамен мы должны сделать им КЗА.

— Что еще за КЗА?! — остолбенев от подобного поворота событий, спросил варвар. Он подозревал самое худшее.

Тхутмертари просвистела что-то на языке демонов, и вожак, глумливо осклабясь, подковылял к одному из мужчин, распростертых на песке, поднял его, точно пушинку, и наглядно продемонстрировал, что значит «сделать КЗА».

Этого для Конана было довольно. Крепкая сталь ослепительной молнией рассекла воздух, и в сле-

дующий миг башка ящера-вожака уже катилась по багровому песку.

— Получайте свое КЗА, твари! — рычал Конан, кроя череп второму ящеру.

Меч работал с немислимой для смертного человека быстротой. Когда ящеры опомнились от неожиданности, Конан уже покончил с пятью их сородичами. Тхутмертари, в первые мгновения атаки киммерийца попытавшаяся снова удержать его, вскоре поняла тщетность «мирных переговоров» и тоже ринулась в бой. Если бы Конан мог отвлечься от своей битвы и увидеть то, как она это сделала, он, наверное, немало удивился бы.

Едва осознав, что схватка с ящерами неизбежна, Тхутмертари произнесла всего лишь одно слово и с силой взмахнула золотыми волосами. В тот же миг вся ее фигура запылала ярким пламенем, и ящеры в испуге шарахнулись от Огненной Девы.

Но они оказались неплохими противниками, эти уродливые змееподобные монстры. Оправившись от шока, они сотнями напирали на Конана со всех сторон. Скоро киммериец сменил тактику; теперь он не нападал, а отбивался, вращая меч по широкому кругу. Пока ему удавалось держать демонов на достаточном расстоянии, а они, судя по всему, дорожили своей грязной жизнью. Но как долго могло продолжаться подобное противостояние? Заметив наглые ухмылки, появившиеся на мордах ящеров, Конан разгадал их замысел: до предела вымотать его, а затем, когда силы человека иссякнут, вырвать из его рук меч и силой заставить строптивца сделать им гнусное КЗА.

«Ну уж нет! Лучше я сам себя убью», — решил Конан. Но пока он мог еще сражаться и пошел на прорыв. Стремительно орудуя мечом, он уложил еще с десяток проклятых тварей. Однако когти чудовищ успели проделать немало кровавых борозд на его спине. Торжествующие ухмылки не исчезли с рож демонов; твари откровенно потешались над его во-

инскими потугами. Внезапно он понял, что прорыв не имеет здесь никакого смысла: куда бы он ни «прорвался», тут всюду Ад, и его обитатели рано или поздно обязательно настигнут его.

Что же оставалось? Только умереть?!

— Тхутмертари!!! — яростно закричал Конан, но ответом ему стал лишь издевательский вой обступивших его бестий.

Принцесса не слышала его? Или она уже погибла? Или бежала? А, может быть, она и эти гнусные твари теперь заодно?! Как скоро, однако, ей удалось с ними столкнуться! Может, они теперь где-то поблизости вместе делают свое гнусное КЗА?! С нее станется... Так или иначе, волшебница не спешила к нему на помощь.

Конан слабел. Предчувствуя близкий конец врага, ящеры, подобно зрителям на гладиаторском бою, гоготали все громче и все более сужали круг, внутри которого размахивал мечом варвар.

Неожиданно демонический хохот смолк. На землю легла чудовищная тень. Только что буркалы ящеров пялились на Конана, теперь же они глядели в небо. В небе же происходило нечто настолько ужасное, что сотни здоровенных ящеров вдруг испуганно заверещали и, топча друг друга, с душераздирающими воплями бросились во все стороны. Среди этих воплей Конан мог отчетливо разобрать лишь два слова:

— Крахат-Кравал! Крахат-Кравал! Крахат-Кравал! — вопили демоны.

Когда демоны разбежались и Конан бросил взгляд на небо, ему стало дурно. Единственным желанием его было оказаться где угодно, только подальше отсюда, и он почти пожалел, что демоны не растерзали его. Ибо змееподобные ящеры были, по всей видимости, живыми существами, в их жилах текла настоящая кровь, и их можно было убить человеческим оружием. То же, что заполнило собой небо, даже отдаленно не напоминало человеческое

существо, и сверхъестественный страх перед ним оказался сильнее мужества Конана.

В низком небе безмолвно парило самое кошмарное создание, какое только мог лицезреть человеческий разум. Колоссальная медузоподобная туча состояла как будто из одних только клыкастых пастей. Не было ни туловища, ни конечностей, ни даже глаз. Зато бесчисленные пасти неистово содрогались и тянулись к земле, преследуя убегающих ящеров. И хотя медузоподобная тварь опускалась совершенно безмолвно, ящеры отчаянно зажимали головы лапами, словно слух их раздирал некий неслышимый человеком звук, издаваемый тварью.

— Крахат-Кравал! Крахат-Кравал! Крахат-Кравал! — беспрестанно вопили ударающие демоны.

Конан увидел Тхутмертари. Волшебницу облекал плотный огненный кокон, но и она стояла на коленях, ожесточенно трясая головой и зажимая руками уши. Сил бежать у нее, по-видимому, уже не было. Клыкастая пасть медузоподобного существа тянулась к ней.

— Как бороться с подобным существом? — стучало в мозгу Конана. — Мечом его не возьмешь, это ясно. Вряд ли поможет и магия — иначе волшебница Тхутмертари давно бы к ней прибегла. Чтобы остановить такую кошмарную тварь, нужна поистине божественная мощь... — Божественная мощь?! Ну как же он мог забыть!

Слегка надавив на веко черного перстня, Конан резко выбросил вперед руку. Лучи Светоча Истины озарили багряную равнину. Кошмарная тварь в вышине мгновенно съежилась и превратилась в... человека! А человек этот, неловко болтая конечностями, свалился на рдяный песок в пяти шагах от Конана. Изумлению киммерийца не было предела. Кошмарной тварью, распутавшей сотни здоровенных ящеров, оказалась старый чародей Телиас!

Кряхтя и охая, старик приподнялся на одном колене и недовольно воскликнул:

— Клянусь алебастровыми бедрами Иштар, Конан, неужели так трудно было обождать еще немного?! Я бы и сам спустился! А так ты, друг мой, ногу мне сломал!

Все еще изумляясь, Конан опасливо приблизился к Пелиасу и для верности дотронулся мечом до стариковской груди.

— Это и в самом деле ты, Пелиас?

— Я, я, кто же еще? Ты знаешь какого-нибудь другого чародея, кто стал бы тебя здесь спасти?! Помоги мне лучше встать... О, боги, боги, ради чего я сохранил для варвара амулет Небесного Народа?! Чтобы он меня им же и поразил?! О, боги, боги, как коварны вы!..

— Объяснись толком, чародей, — потребовал Конан, когда Пелиас наконец поднялся. — Где ты пропадал все это время? И как тебе удалось прикинуться этой тварью?

Пелиас нетерпеливо отмахнулся и сперва внимательно оглядел местность. Ящеров нигде не было видно, равно как и людей, над которыми демоны измывались. Чуть поодаль приходила в себя Тхутмертари; увидев ее живой, чародей досадливо скривился. Обнаружив, что опасность, исходящая от ящеров, миновала, он в двух словах сообщил королю о своих приключениях.

— Она, эта змея стигийская, сделала так, чтобы я погиб под завалом. Но не так-то просто погубить старика Пелиаса! Когда я выбрался, вас уже след простыл. Я отыскал Светоч Истины и разогнал им местных демонов. А затем я подумал, что ты наверняка вернешься за ним. Тогда я достал свой старый черный перстень, вправил в него белую жемчужину, Светоч Истины, да так, чтобы его можно было пускать в ход по желанию владельца. Я вижу, ты уже освоил, как с ним управляться. — Конан кивнул. — И еще я наложил заклятие, чтобы перстень смог взять только ты, и никто более. Сотворив заклятие, я отправился тебя искать. Я опасался, что эта сука

стигийская одурманит и убьет тебя. Хвала богам, я поспел вовремя. Думается мне, она была в сговоре с этими ящерами-демонами.

— Как ты смеешь, презренный старик! — в сердцах воскликнула принцесса. — Я сама едва не погибла!

— Однако ж я спас и тебя, — парировал чародей. — Клянусь Иштар, ради того, чтобы выжил Конан, я вынужден был это сделать.

— Ты прикинулся Крахат-Кравалом, — с невольным восхищением проговорила девушка. — Ловко, ничего не скажешь!

— Эти ящеры были призваны Сетом из отдаленнейшей Вселенной. Там, где их родина, управляет кровожадный бог Крахат-Кравал, — пояснил Пелиас. — Для этих ящеров нет никого страшнее. Человеку, обладающему моим уровнем магического мастерства, ведом облик этой твари. Приложив изрядные старания, я сумел принять обличье Крахат-Кравала. А эти пустоголовые ящеры, как видно, решили, что их кровожадный бог явился за ними в нашу Вселенную! Гениальная идея, не находишь, Конан?!

Конан не мог сказать, что способ, с помощью которого Пелиас защитил его от ящеров, пришелся ему по нраву. Он на дух не переносил даже безобидную магию, а тут такое... Нет, довольно, он по горло сыт всякой волшбой! Один вопрос, правда, еще беспокоил его.

— А где все люди... ну, те, которых пытали демоны?

— Как где? — недоуменно молвила Тхутмертари; недогадливость варвара порою поражала ее. — Их забрал Сет! Теперь они мучаются в другой Преисподней.

Конана передернуло.

— Мне следовало вспомнить о Светоче Истины, как только мы с тобой, принцесса, пришли сюда, — мстительно заявил киммериец.

— Ни в коем случае! — возразил старый чародей. — Благодарю богов, что не сделал этого! Ящеры из отдаленной Вселенной суть живые твари, а не порождения магии. Свет Митры не способен причинить им вреда. А вот я со своей волшебной уже вряд ли помог бы тебе. Думать надо, мой государь, что, где и когда полезно бывает... Да, кстати, ты лучше прикрой веко перстня, ибо с открытым Светочем Истины нам нипочем не пройти через Врата в Верхний Мир.

Хмурясь, Конан выполнил пожелание волшебника. Одно лишь сказал он, обращаясь и к Пелиасу, и к Тхутмертари:

— Клянусь Кромом, как хорош был бы мир, не будь в нем вас, проклятых чародеев!

Пелиас и Тхутмертари, заклятые враги, но коллеги по ремеслу, не сговариваясь, рассмеялись.

— Ну ладно, проклятые колдуны, раз уж мне от вас никуда не деться, показывайте ваши Врата. Пора выбираться отсюда. По мне, так лучше год проторчать рабом на туранской галере, чем полчаса в этом пакостном змеюшнике. Того и гляди, те хвостатые парни поймут, что их надули, и вернутся за своей добычей.

Больше подгонять чародеев Конану не пришлось, и спустя некоторое время, потраченное на переход через пустыню, троица уже стояла перед воротами громадного черного замка.

— Что-то не нравится мне здесь, — вздохнул Пелиас. — Где мы выйдем на поверхность?

— Не знаю, — с искренностью прирожденной предательницы молвила Тхутмертари. — Где-то выйти все же лучше, чем оставаться здесь. Не так ли, Конан?

Король мрачно кивнул. Громада черного замка навевала на него самые неприятные воспоминания. От подобного места добра не жди!

— Ну, где твои Врата, принцесса? Эти?

— Да. Когда я сотворю заклинание, быстро прыгайте вперед.

— Я буду следить за тобой, ведьма, — пообещал ей Пелиас. — Обманешь — пеняй на себя!

Тхутмертари равнодушно пожала плечами и вышла вперед, к воротам. Конан и Пелиас встали у нее за спиной.

Но едва прозвучали первые слова заклинания, волшебница осеклась. Даже со спины Конан заметил, как побледнела золотокожая красавица. В воротах, которые обозначали вход в Верхний Мир, стоял человек. Король мог поклясться, что еще мгновение тому назад его там не было. Человек был высок и худ, одет в черную тунику. Судя по цвету кожи и резким чертам лица, — чистокровный стигиец.

— Кого это ты наколдовала? — спросил Конан, наклоняясь к уху девушки.

— Это не я, — пролепетала та. — Это Атотмис, мой возлюбленный...

И она бросилась навстречу Атотмису, а он — навстречу ей. Но еще быстрее был Конан. Не успели сомкнуть объятия разлученные злой судьбой любовники, а тяжелый меч Конана уже исполнил свою кровавую песню. Сверкнуло отточенное лезвие, и голова Атотмиса отделилась от тела.

— Ты... ты... ты убил моего возлюбленного! — пронзительно вскричала принцесса. — Ты умрешь!!!

Однако прежде, чем стремительный кинжал вытянулся из ее пальца, чтобы поразить сердце Конана, прозвучал громовой голос старого колдуна:

— Смотри на него, дура! Конан спас твою ничемную жизнь!

И точно: труп Атотмиса на глазах превращался в бесформенную окровавленную массу. Отрубленная башка демона с ненавистью скалилась на людей. Принцессу трясла крупная дрожь: потрясение, которое она испытала, было слишком велико. Могучая волшебница плакала, словно маленькая девочка. Не выдержав подобного зрелища, Конан обнял ее. Аро-

мат прекрасного девичьего тела ударил ему в голову. Чтобы защитить эту божественную красоту, он, не задумываясь, снова рискнул бы своей жизнью.

— Это был демон, посланный Тот-Амоном, — немилосердно вещал между тем Пелиас. — Я узнаю почерк верховного колдуна Черного Круга. Только Тот-Амон умеет повелевать подобными тварями. Этот демон впитал в себя кровь Атотмиса и приобрел его облик...

— Помолчи, Пелиас, — тихо, но выразительно произнес король.

Старый волшебник с укоризной посмотрел ему в глаза. Мысль Пелиаса была понятна и без слов: зачем ты спас эту ведьму? Зачем, зачем, зачем???

Так стояли они втроем у Врат, а на рдяном песке бесформенной массой валялись останки подосланного Тот-Амоном демона.

Эту картину воочию наблюдал человек с двойными глазами, называющий себя магом Милиусом. Если бы ярость, досада и горечь, бушевавшие внутри его, могли выплеснуться наружу, они, без сомнения, испепелили бы весь мир. Испепелить весь мир Милиус, впрочем, не пытался, ибо, как никто другой, хорошо представлял, чем с неизбежностью закончится такая попытка. Напротив, он желал спасти мир. И терпел фиаско: все его попытки устранить опасность руками Тот-Амона завершились полным провалом. Следовательно, в дело придется вступать ему самому. Как это ни прискорбно. Он пройдет этот путь до конца. И тогда... Тогда либо он победит и Тхутмертари с Конаном и Пелиасом исчезнут навсегда, либо... Об этом не хотелось думать. Граница так условна... Как можно знать, перешел он ее или нет?! Времена меняются, меняется и Граница Дозволенного...

Поразмыслив так, человек с тремя глазами решил прибегнуть к самому гуманному способу спасения мира — вернуть беглецов в Страну Небесного Народа.

да, на суд скричей. Пусть избранные слуги Солнечного Митры сами определяют, какой судьбы заслуживают похитители Светоча Истины.

— Этого будет достаточно, — сказал именующий себя Милиусом и немедленно приступил к исполнению своего замысла.

Тхутмертари решительно отстранилась от Конана. Она была сильной женщиной; минутная слабость уже прошла, и стигийская принцесса была готова к новой борьбе.

— Ты заплатишь мне за Атотмиса по отдельному счету, Тот-Амон, — поклялась она, и тон, которым она произнесла эти слова, заставил содрогнуться Конана и Пелиаса — столько было в нем неподдельной ненависти и злости.

Слезы высохли; принцесса приготовилась продолжить свою волшбу, прерванную появлением демона. Внезапно мир как будто растворился вокруг людей. В один безмерно краткий миг странное облако слепящего многоцветного сияния, возникшее из ниоткуда, накрыло их. Разверзся портал, и непонятная сила потащила Конана, Пелиаса и Тхутмертари вовнутрь — туда, где сквозь сполохи ослепительного света проглядывало небо, испещренное солнечной паутиной, и где Око Митры, втрое больше обычного, освещало благостную Страну Небесного Народа... Люди отчаянно закричали; Пелиас и Тхутмертари принялись колдовать, Конан обнажил Светоч Истины... Все тщетно. Сила, влекущая их в портал, напоминала по своей мощи неуправляемый океанский поток, втиснутый в узкое ложе горного ручья; их жалкие потуги противостоять этому всепоглощающему потоку не значили ровным счетом ничего. Сам воздух плавился, когда мощь Светоча Истины сталкивалась с неведомой магией, влекущей людей к порталу — но божественная мощь Митры, вложенная в амулет Небесного Народа, как видно, была ничтожна против этой неведомой стихии...

А потом все кончилось. Сразу, в единый миг. Конан, Пелиас и Тхутмертари рухнули на землю у Врат. Слепящее многоцветное облако исчезло без следа.

— Ты перешел Границу, джан!!! — гроыхал в мозгу Милиуса всемогущий глас, который на самом деле даже голосом-то и не был вовсе. — Ты перешел Границу, джан!

— В чем я провинился перед тобой, проклятый Страж?! Я всего лишь пытался предотвратить те ужасы, которые ниспоследуют вместе с возвращением этих людей в Мир! Она знает Тайну! Мир не заслуживает подобной участи! Я, а не ты — истинный хранитель Великого Равновесия!

— Что ты знаешь о Великом Равновесии, джан?! Нельзя предотвратить то, что должно произойти! Оно произойдет, как бы ты ни старался.

— Нет! Нет!! Нет!!!

— Оно произойдет, глупый ты джан. Твоя человеческая сущность продолжает играть с тобой злые шутки. Ты ничего не добился, только сделал Историю еще более увлекательной. Из-за твоих происков носитель туземного разума овладел Светочем Истины. Ты хотя бы понимаешь, чем это чревато?!

— Бесчувственная машина, как я тебя ненавижу! Почему ты не даешь нам жить так, как мы хотим?!

— За всех не говори. Ты представляешь лишь самого себя, да и то по странной прихоти Повелевающих Судьбой. Зачем только они сохранили тебя?! В их замыслы даже я не могу проникнуть.

— Вот и отцепись от меня, проклятый Страж! Ты слишком много себе позволяешь! Не в твоей власти развоплотить джана!

— А я и не пытаюсь. Но ты перешел Границу, и я назначу тебе кару. Твои любимые люди иногда называют это домашним арестом. Ты понял меня?

— Никогда!!! Ты не сделаешь этого! Что же будет с Миром?!

— Не беспокойся за Мир, джан. Мир переживет свою судьбу; о его спасении позаботятся другие. Те,

кому жить в нем предназначено природой. Его коренные обитатели. Ты же будешь только наблюдать. Лишь когда люди сами обратятся к тебе, ты сможешь им помочь.

— Нет! Никогда! Отпусти меня, проклятая машина!.. А-а-а...

— Отправляйся домой, джан.

— Что это было? — Конан встряхнул густой черной гривой, как делал всегда, когда необходимо было прогнать прочь дурманные ощущения и сбросить пелену наваждений. Случившееся с ним и его спутниками не походило на «обычный» кошмар, — а уж по части всяческих кошмаров он сам, да и Пелиас с Тхутмертари были доками.

— Не могу знать. Нечто такое, что стократ превосходит даже божественную мощь Светоча Истины, — с дрожью в голосе молвил маг.

— Как думаешь, принцесса, не Тот-Амон ли наслал на нас это... это... — Киммериец затруднялся подобрать подходящее определение для той субстанции, которая на них напала, — это облако? Или, может быть, сам Сет?

Волшебница тоже казалась притихшей и испуганной.

— Пусть мои слова покажутся тебе странными, Конан, но я скажу: в Хайбории нет богов, которые могли бы сотворить такое! И мне... — Тхутмертари замялась, — мне не хотелось бы встретиться с тем, кто вызвал это облако!

Пелиас согласно закивал. Указав Конану на черный перстень, он проговорил:

— Погляди, мой король, — Светоч Истины теряет силу!

И правда: огромная жемчужина, до нападения неведомого многоцветного облака сияющая девственной белизной, теперь приобрела серовато-землистый оттенок. По-видимому, схватка с неизвест-

ной субстанцией оказалась непосильным испытанием для амулета Небесного Народа.

— Мы должны как можно скорее выбраться на белый свет, — продолжал Пелиас. — Только под солнцем, Оком Митры, Светоч Истины восстановит прежнюю мощь!

— Торопись, принцесса. — Конан подтолкнул Тхутмертари. — Давай отворяй свои Врата или, клянись Кромом, следующей напасти мы уже не переживем.

Однако на сей раз их больше ничто не потревожило. Тхутмертари, собравшись с силами, правильно произнесла все необходимые заклинания, и Врата в Верхний Мир разверзлись. Огромные черные ворота, казавшиеся выкованными из вороненой стали, бесшумно раздвинулись. За ними колыхалось дымчатое марево. Все трое одновременно шагнули вперед — и на миг провалились в незримую бездну, в которой, казалось, не было даже воздуха. Но еще через мгновение они уже стояли не на багряной равнине Преисподнего Мира, а посреди громадного чертога, по всему периметру которого пылали яркие факелы. Еще в чертоге находились бронзовокожие бритоголовые люди в простых черных туниках; они плотным кольцом окружили вновь прибывшую троицу. Этих людей было по меньшей мере два десятка.

Вперед вышел могучий гигант с ястребиными чертами лица и, поглаживая змеинный перстень, проговорил:

— Рад приветствовать вас в Великой Пирамиде Кеми, господа!.. Взять их!

Последняя фраза Тот-Амона, как легко было догадаться, адресовалась стигийским жрецам, и те не заставили своего господина повторять приказ дважды.

Следующие события развивались настолько стремительно, что человеческий язык не в состоянии рассказать о них с должной динамикой: это нужно видеть.

Итак, Конан и его спутники, выйдя из Нижнего Мира через Врата, очутились не где-нибудь, а в ка-
такомбах Великой Пирамиды Кеми. Там их уже под-
жидал Тот-Амон со своим воинством, сплошь состо-
ящим из посвященных жрецов Сета и чародеев
Черного Круга.

Угодив в очередную ловушку, варвар не утратил
мужества. По команде Тот-Амона стигийцы броси-
лись на вновь прибывших, но Конан напал первым.
Точно разъяренный тигр, он, не видя ничего вокруг,
кроме черных туник и бритых черепов стигийцев,
устремился в атаку. Он вовсе не стремился доказать
Тот-Амону, как ошибочно и самонадеянно со сторо-
ны того все время пытаться взять киммерийца
живым. Нет, он просто сражался — и убивал.

И все же не ему, Конану, суждено было сыграть
заглавную роль в этом страшном импровизирован-
ном спектакле, что разыгрывался в самом сердце
тайной цитадели змеепоклонников. Прежде чем меч
Конана коснулся шеи стигийского жреца, исступ-
ленный крик Тхутмертари перекрыл собой все
остальные звуки. И был этот крик исполнен такой
силы, от него веяло такой нечеловеческой волей и
таким злобным торжеством, что начавшаяся было
схватка вмиг затихла, и все разом обернулись к един-
ственной в этом чертоге женщине. А слова ее и дей-
ствия, следовавшие за ними, точно громом пора-
зили Конана.

— Я поклялась доставить тебе Конана, Тот-
Амон! — воскликнула золотоволосая красавица. —
Я сдержала свое слово! Вот он, Конан-киммериец,
живой! Возьми же его, Тот-Амон!!!

Конан помертвел от ужаса. Но не страх за свою
жизнь был тому причиной. А осознание того, что
прекрасная его спутница, которую он много раз спа-
сал от верной смерти и которая точно так же спасала
его, вдруг предала его. Причем предала с таким изо-
щренным коварством и с таким отчаянным искусст-
вом, что если бы среди предателей всех стран и вре-

мен проводились турниры, то Конан безо всякого сомнения присудил бы Тхутмертари главные призы.

Но это было всего лишь начало ее страшного бенефиса. Только прозвучали слова предательства, левая рука принцессы, неестественно изогнувшись, превратилась в маленькую ядовитую змею, рыжего аспида. С немыслимой быстротой зубы аспида впились в запястье старого чародея Пелиаса; волшебник завопил от боли и, покачнувшись, свалился на мраморный пол.

— Это тебе за Птейон, старый колдун! Я отомстила тебе! Корчись в муках, Пелиас, — Сет ждет тебя!!!

От победного демонического смеха злодейки в жилах Конана застывала кровь. Все происходящее казалось жутким сном: вот падает Пелиас, его верный, преданный друг. А убийца тем временем срывает с себя нагрудные чашечки и, выкрикивая что-то на свистящем змеином языке, закручивается в непристойном и омерзительном танце.

С начала сольного спектакля Тхутмертари минуло не более полуминуты. Первым от шока очнулся Тот-Амон, и его реакция тоже несказанно поразила Конана. Не обращая никакого внимания на киммерийца и умирающего колдуна, владыка Черного Круга визгливым, неожиданно тонким голосом, полным ужаса и отчаяния, завопил, обращаясь к своим жрецам:

— Скорее убейте ее! Убейте, или она уйдет!!!

Должно быть, смысл непристойного танца волшебницы был хорошо понятен ее коллегам по нечистому ремеслу. Полностью игнорируя Конана, стигийские колдуны, выставив вперед свои смертоубийственные «черные ладони Сета», — на прочую волшбу просто не было времени, — с яростными криками метнулись к Тхутмертари.

— Поздно!!! — новый взрыв победного хохота потряс огромный чертог. В миг, когда «черные ладони Сета» готовы были коснуться ее роскошного тела, Тхутмертари, Огненная Дева, вспыхнула ослепи-

тельным факелом магического пламени. Вспыхнула так, что жрецы, обступившие ее, в одну секунду превратились в серый пепел; сгорели даже кости. А волшебница, не выпуская из рук свои нагрудные чашечки, стремительно провела ими по воздуху, словно бы разрезая его. Тотчас возник кроваво-огненный вихрь, и Тхутмертари закружилась в нем. Огненные языки ее длинных золотых волос метались, как щупальца некоего кошмарного чудовища из Иной Вселенной...

Внезапно осознав, что злодейка вот-вот исчезнет, киммериец, позабытый всеми, наконец очнулся от оцепенения. С ревом устремился он к огненному кокону, окружавшему принцессу. Еще немного, еще полшага — и голова гадины покатится к его ногам.

Тхутмертари опять опередила его. Верно, это был ее день — или ночь?! С адским хохотом сорвав с себя пояс, она бросила его в Конана. И киммериец узрел, как широкий пояс Тхутмертари, испещренный жуткими сценами из жизни злобных ящеров, сам — на лету! — превращается в огромного живого ящера, ростом раза в два выше Конана.

— Пожелайте мне удачи, Конан и Тот-Амон! Я не прощаюсь с вами; еще свидимся! — с издевкой воскликнула принцесса. Еще мгновение — и кровавый вихрь поглотил ее, а потом пропал и он.

— Не-е-ет!!! — взорвался нечеловеческим воем Тот-Амон. Все еще не веря, что волшебница снова ускользнула от него, верховный жрец стремительным пассаом нацелил глаза магической змеи на то место, где еще секунду назад стояла Тхутмертари. Два изумрудных луча вырвались из очей магической змеи. Едва не задев киммерийца, они обрушились на чудовищного ящера, брошенного злодейкой против Конана, и уничтожили гигантскую рептилию.

Конан огляделся. В чертоге, кроме него, оставались Тот-Амон и шестеро его жрецов; неподалеку на холодном полу стонал Пелиас. Мгновенно подскочив к другу, Конан пал на колени:

— Прости меня, если можешь, Пелиас... Я обязательно выгашу тебя отсюда!

— Никогда! — раздался повелительный голос Тот-Амона; титаническим усилием воли повелитель Черного Круга совладал с собой. Теперь перед киммерийцем стоял прежний Тот-Амон — злобный, сильный, всегда уверенный в себе враг. В зеленых очах его пылало бешеное пламя.

— Уж тебя-то я не упущу, — прокричал предводитель черных магов. — Умри же, во имя и во славу бессмертного Сета!

Многословие всегда подводило Тот-Амона. Конан ловко уклонился от новой атаки изумрудных молний, и они поразили стигийского жреца, который, на свою беду, подбирался к киммерийцу сзади.

— Ах, так ты хочешь побегать, собака-варвар?! — пьянея от охотничьей ярости, возгласил Тот-Амон. — Ну что ж, беги! Священный огонь Сета все равно настигнет тебя!

Бесперывные атаки изумрудных молний, испускаемых змеей-перстнем, не давали Конану возможности подобраться к Тот-Амону поближе. Король вынужден был проявлять чудеса акробатики, ежесекундно ускользая от верной смерти. Пока что ему это удавалось, и магические лучи только плавили мрамор за его спиной или поражали самих стигийских жрецов.

Вдруг Тот-Амон вскрикнул. Странный белый огонь лизал его ноги. Нитка белого огня тянулась от руки Пелиаса. Пока Тот-Амон гонялся за Конаном, умирающий маг не терял времени даром, творя заклинания, и теперь пришел на помощь другу. Тотчас забыв о варваре, Тот-Амон, вопя от боли, бросился вон из чертога; за ним тянулся дымящийся шлейф беловатого огня. Вскоре вопли верховного жреца затихли в отдалении. Оставшиеся в живых стигийцы также кинулись наутек.

Конан не стал преследовать их, а снова бросился к Пелиасу.

— Я умираю, друг мой, — такими словами встретил его старый маг. — Не пытайся помочь; ядовитая змея все-таки укусила меня... Если бы не мое искуство, я уже был бы мертв.

Неудержимые слезы катились по суровому, испещренному шрамами лицу варвара. Он крепко сжал в объятиях умирающего старика.

— Это я убил тебя, Пелиас... Ты ведь предупреждал меня! Какой же я...

— Не кори себя, государь, — великодушно молвил маг. — Я знаю, ты еще отомстишь за меня.

— Воистину отомщу, клянусь кровью Крома! Следующая моя встреча со стигийской ведьмой станет для нее последней! Или мне не жить на белом свете!

Со стороны донесся топот множества ног. Конан с тоской оглядел мрачный чертог. Как отомстит он за Пелиаса, если здесь, в змеиной цитадели, придется принять ему свой последний бой?!

Слабеющая рука мага стиснула его запястье.

— Беги, мой благородный друг, — страстно прошептал Пелиас. — Светоч Истины укажет тебе дорогу к свободе. А я — я задержу стигийцев. Пусть змеепоклонники узнают: даже умирая, старый Пелиас кое на что способен!

— Я не забуду тебя, Пелиас! — молвил Конан и, оставив умирающего мага посреди мрачной пещеры, устремился прочь.

Когда толпа разъяренных стигийских жрецов, предводительствуемых самим Тот-Амоном, ворвалась в зал, Конана там уже не было. А старый колдун Пелиас готов был начать последнюю в своей долгой жизни магическую схватку.

Глава одиннадцатая

БЕГСТВО ИЗ КЕМИ

Амулет Небесного Народа тускло мерцал на персте Конана. Наверное, он и вправду вел киммерийца. Даже природный инстинкт, неизменно подсказы-

вавший варвару верное направление во всевозможных лабиринтах, тут, в катакомбах Великой Пирамиды, был бессилен. Древними, очень древними были эти камни, эти бесчисленные проходы и ловушки, эти сужающиеся и расширяющиеся коридоры, арки и залы. Конан уже однажды бывал здесь, когда разыскивал «сердце» своего королевства — волшебное Сердце Аримана. Но тогда на свободу его вывела ожившая мумия древнего стигийского жреца; сейчас же он был один.

И все же Светоч Истины, потерявший почти всю свою силу в неравной схватке с неизвестным чудовищем, похожим на многоцветное облако, у Врат в Верхний Мир, — он, Светоч Истины, знал дорогу к Солнечному Свету. Он торопился скорее познать тепло лучей Митры, ибо они единственные способны были возратить ему божественную силу. И Светоч Истины, как верно предугадал Пелиас, вел Конана по древним катакомбам; жуткие тени, обитающие в них, в ужасе шарахались прочь: даже лишенный своей магической силы, амулет Небесного Народа был страшен порождениям Тьмы.

Светоч Истины вел Конана к свободе самым коротким путем. Несколько раз в узких коридорах встречались люди. Но Конан, подобно стреле, выпущенной из быстрого боссонского лука, проносился мимо, а те, кто осмеливался заступить ему дорогу, падали с разрубленными черепами. Стремительность варвара не позволяла врагам применить против нечестивца магию. И Конан мчался по темным лабиринтам, моля богов лишь об одном: поскорее увидеть свет солнца. Когда же он видел его в последний раз?..

Вот и выход; два стражника, охранявшие не приметную дверь, не успели даже изумиться неожиданному явлению полуобнаженного богатыря — меч Конана отправил стигийцев в царство Сета. Киммериец облегченно вздохнул: над землей занимался рассвет. Первые лучи пока еще нежаркого солнца

разгоняли ночную мглу. Серебристой лентой вилась с востока на запад могучая река Стикс. Вдалеке, на западе, виднелось море. Чуть севернее, на утесах в дельте Стикса, возвышались черные стены города Кеми.

Под ласковыми лучами рассветного солнца ожил Светоч Истины. Вспыхнув мириадами крохотных искорок, огромная жемчужина, вправленная в черный перстень Конана, обрела прежнюю яркость и девственную белизну.

Итак, Свет Митры вернул силу могущественному амулету Небесного Народа, который сейчас принадлежал Конану. Слишком много событий произошло за последние часы и дни; киммерийцу необходимо было время, чтобы осмыслить их, выстроить новые планы и подготовиться к их осуществлению. Главное: он был жив, похищенный амулет и верный меч были с ним, как всегда, готовые сражаться на стороне Света...

Глухой рокот, приближающийся из глубин Великой Пирамиды, заставил Конана вспомнить, где он находится. Из проклятой страны змеепоклонников необходимо убираться, и чем скорее, тем лучше. А как еще можно выбраться из черного Кеми, если не на попутном корабле?! Киммериец в душе был даже рад, что поблизости нет ни одного мага, который мог бы с помощью чар доставить его на корабль. К Нергалу магов, колдунов, жрецов и волшебников! Пусть Повелитель Мертвых сожрет их со всеми их чарами! У Конана, живого человека, есть ноги, и они его никогда не подводили. Не подведут и теперь. Смачно плюнув напоследок в нависшее над дверью бронзовое изваяние Великого Змея Сета, варвар изо всех сил бросился к гавани.

Он летел словно птица, не разбирая дороги. Редкие прохожие, большей частью крестьяне и рыбаки, спешащие в этот ранний час на работу, в страхе шарахались от живого снаряда. Стрелой влетел Конан на узкие улочки Кеми. Петляя меж отвесных

стен устремленных к небесам домов и башен, он бежал к набережной. Колесница, подвозившая надменного вельможу с ястребиным лицом, случайно преградила ему дорогу. Конан остановился лишь для того, чтобы одним могучим ударом кулака разнести в щепки разукрашенную колесницу. Чернокожий возница и вельможа-стигиец, чья физиономия мигом утратила высокомерное выражение, поцеловали лбами мостовую.

А Конан мчался дальше, мечом и кулаком сметая любые преграды на своем пути. Крепкие ноги не знали усталости, когда от их работы зависела жизнь киммерийца. Взлетев на набережную, Конан сразу приметил то, что было ему нужно. Из устья Стикса в Западное море величественно выворачивал большой галеон с флагами Аргоса на стройных мачтах. Не раздумывая, кто и куда плывет на корабле, Конан решительно бросился в воду и поплыл вослед аргосскому галеону.

Устье Стикса кишмя кишело гигантскими крокодилами и водными змеями, способными без труда проглотить взрослого человека. Но змеи после ночных трапез были ленивы, а крокодилы — слишком неповоротливы, чтобы поймать резво плывущего человека. Тех же обитателей Стикса, кто приближался к варвару на недопустимое, с его точки зрения, расстояние, он угощал мечом или кулаком. В воде Конан действовал столь же проворно и точно, как на суше.

Его заметили. Сначала он ощутил, как вокруг него в воду падают стрелы. Вывернув голову, Конан увидел целый взвод стигийских лучников, стреляющих по нему с берега. Король только усмехнулся: стигийским лучникам ой как далеко до его боссонитов! Стрелять из лука — не занятие для тех, кто лижет чешую змеиному божеству. Здесь нужно умение, а его, как видно, не хватало стигийцам.

Конана заметили и с корабля. Возбужденные люди столпились на палубе и что-то кричали ему,

указывая на стигийский берег. Не слушая их, киммериец, нагнав наконец галеон, быстро взобрался на высокую корму. Только теперь он позволил себе оглядеться и отдышаться.

Вокруг него с мечами, алебардами и пиками стояли крепкие, богато одетые воины — все, как один, с гербом Аргоса на шлемах. Они не были моряками. Моряки же, тоже необычно чистые и ухоженные, происходили из разных народов, населявших материк. Были здесь высокие, худые зингарцы, курчавобородые коренастые шемиты, сутулые, жилистые кофитяне и даже низкорослые кхитайцы; но больше всего было самих аргосцев. Все это Конан разглядел в одну секунду, а уже в следующую секунду рослый, разукрашенный толстяк слегка ткнул мечом в его вздымающуюся грудь.

— Отвечай, кто ты такой, несчастный оборванец? — грозно спросил разукрашенный толстяк. — Отвечай немедленно, или ты умрешь!

В иные времена подобные вопросы, задаваемые Конану таким тоном, неизбежно влекли за собой мгновенную смерть наглецов и невежд. Однако в своем нынешнем положении король готов был стерпеть и не такое. Не бросаться же с мечом на хорошо вооруженных и, по всему виду, опытных воинов, а их на этом корабле могло быть не меньше сотни! Не принимая в расчет моряков. Нет, нужно уладить дело миром. Тем более что он не в Мессантии, где еще можно было позволить себе устроить небольшую разборку с аргосскими корсарами, а в двух полетах стрелы от черного Кеми, мрачной цитадели стигийцев. А насколько он, Конан, знал стигийцев и главаря их колдунов, Тот-Амона, эта темная братия сделает все, чтобы не дать ему уйти. А ему нужно, очень нужно уйти!

Поэтому киммериец только развел руки в примиряющем жесте и располагающим тоном заговорил:

— Я Конан, король Аквилонии, спасаюсь бегст-

вом от стигийских колдунов. Могу ли я быть гостем на вашем судне, господа?

Ответ Конана вызвал приступ бурного смеха у обступивших его аргосских воинов. Рослый толстяк, напротив, побагровел от гнева.

— Шутить вздумал, собака?! Ты — король Аквилонии? Тогда я — Хануман, обезьяний бог!

«Оно и видно», — подумал киммериец, но вслух сказал совсем другое:

— Я король Аквилонии. Посмотри на мою корону, если не веришь.

И он приподнял спутанные волосы, чтобы показать толстяку золотой обруч на своей голове. Но короны на голове не оказалось! Когда же он потерял ее? Может быть, в Стране Небесного Народа? Или в проклятом озере, куда его завлекла предательница-стигийка? А может, во время схватки с ящерами у Врат? Так или иначе, аквилонской короны при нем не было.

По сигналу рослого толстяка аргосские воины наставили на пришельца мечи и алебарды.

— Ну довольно, оборванец, — сказал разряженный толстяк. — Ты изрядно повеселил нас. Называй свое имя или так и умрешь безымянным.

— Постойте, ваше сиятельство, — молвил вдруг стоящий рядом с толстяком офицер; все то время, что Конан находился на борту галеона, этот офицер внимательно вглядывался в его лицо. — Постойте, монсеньор граф. Я, кажется, знаю, кто этот человек. Он и вправду Конан, но не аквилонский король, а известный вожак барахских морских разбойников, что бесследно исчез много лет тому назад.

Аргосцы изумленно зашумели. Конан тем временем внимательно рассматривал лица моряков, с интересом взирающих на забавную сцену — верно, такое нечасто встретишь в однообразной морской жизни! Он искал среди них своих старых знакомых по пиратскому ремеслу, тех, с кем он мог бы поднять бунт против этих разряженных франтов.

Нет, напрасно: среди матросов ни одной знакомой рожи...

— Конан-корсар, значит, — нахмурился граф. — Это меняет дело. Кто же не знает Конана-корсара! Стало быть, мы должны доставить этого негодяя в Мессантию, чтобы наш справедливый суд определил достойную ему кару.

Такой поворот событий тоже некоторым образом устраивал Конана: ничего, если придется добираться до аргосской столицы в кандалах; сейчас главное — убраться из Стигии, а уж по дороге к виселице он как-нибудь сумеет освободиться...

Однако не все аргосцы готовы были терпеливо считать дни до справедливого суда. Чей-то визгливый голос прокричал:

— Вздернуть его на рее, вот и вся недолга! Слишком много чести для грязного пирата дышать чистым воздухом Мессантии!

Конан поневоле усмехнулся: уж он-то знал Мессантию как свой дом. Еще можно поспорить, кого больше в аргосской столице: отпетых негодяев, собравшихся там со всех краев света, или добропорядочных граждан. Что же до воздуха, то даже во дворце короля Мило он никогда не бывает так чист, как в далеких горах туманной Киммерии...

Граф отрицательно покачал головой:

— Даже с самыми отъявленными головорезами, к числу которых, несомненно, принадлежит этот негодяй, мы обязаны поступать по закону. Поэтому Конан поедет с нами до Мессантии. Эй, кто-нибудь, несите сюда кандалы!

— Ну а теперь я хотя бы могу знать, как называется корабль, что ты за птица и какого рожна твоя посудина ночевала в Кеми? — хладнокровно осведомился Конан.

— Ты, пес, стоишь на палубе галеона «Быстрый Сокол». Я — граф Олтарио, посол короля Мило в Стигии, — чванливо ответил толстяк. — Уже несколько лет между Аргосом и Стигией царит мир.

Чтобы упрочить его, я провел переговоры с королем Ктесфоном в Луксуре и верховным жрецом Тот-Амоном здесь, в Кеми. Нашими стараниями переговоры увенчались впечатляющим успехом. Мы заключили договор о дружбе, и теперь я везу богатые дары Его Святейшества Тот-Амона своему королю.

Киммериец не выдержал и рассмеялся в лицо графу Олтарио.

— Вот уж не думаю, что король Мило настолько выжил из ума, чтобы дружить со стигийцами, а тем более принимать подарки от коварного змея Тот-Амона!

— Да как ты смеешь, ты, грязный пират! — взорвался посол, но больше сказать ничего не успел.

Вахтенные забили тревогу: из гавани Кеми вдогонку аргосскому паруснику выходили пять приземистых, длинных и узких черных галер. Это были быстроходные боевые суда стигийцев.

Замешательством аргосцев воспользовался Конан. Проскользнув мимо мечей и алебард, он с ловкостью обезьяны взобрался по канатам на рангоут.

— Стой, грязный пират! — кричал граф Олтарио. — Эй, вы, олухи, ловите его!

Матросы, бросая опасливые взгляды на могучего варвара, с неохотой окружили мачту, где на канатах висел Конан.

— Я бы посоветовал тебе, посол, не гоняться за мной, а ставить все паруса и тикать что есть мочи вон от тех галер, — отозвался Конан.

— Он говорит дело, монсеньор, клянусь Митрой, — подал голос капитан галеона. — Мы должны смыться. Намерения у тех стигийцев далеко не мирные.

— Вздор, Альфицио, вздор! — отмахнулся от капитана посол. — Им нужен только Конан. Эй, вы, лентяи, что стоите?! Живо вяжите пирата! Мы выдадим его стигийцам, и тогда они не тронут нас!

— Монсеньор, это бесчестно! — запротестовал офицер, первым признавший Конана. — Корсар

должен быть судим аргосским судом! Где это видно, чтобы благородные аргосцы сдавались на милость змеепоклонникам?!

Многие аргосцы — воины и моряки — поддержали его слова одобрительным гулом.

— Что?! Бунт?! — задохнулся от гнева Олтарио. — Здесь командую я! Неужели после долгих лет мира и месяцев изнурительных переговоров я допущу, чтобы между Стигией и Аргосом началась война из-за какого-то пирата-варвара?! Нет, не бывать этому!

Другая половина воинов и матросов согласилась: мир со Стигией для Аргоса был крайне важен.

Что важнее: честь или мир? Мнения разделились. Как всегда бывает в таких случаях, лишь новый, убедительный для всех аргумент способен склонить чашу весов в ту или иную сторону.

Легко прыгнув на палубу, Конан смело встал между спорящими.

— Принесите дары, которые Тот-Амон послал вашему королю, — тоном, не допускающим возражений, велел он капитану.

— Эй, ты чего здесь распоряжаешься, грязный пират?! — изумился граф Олтарио, но капитан и еще несколько аргосцев уже вносили на корму большую черную вазу поразительной красоты.

— Это и есть дар Тот-Амона?

Капитан Альфицио кивнул; он принадлежал к «партии колеблющихся».

— Скажи, посол, а ты знаешь, что там внутри, в этом кувшине? — задал свой следующий вопрос Конан.

— Разве позволено нам, верным слугам короля, заглядывать в причитающиеся монарху дары? Сия божественная ваза, сотворенная мастерами древней Валузии, принадлежит королю Мило, и только он может заглядывать в нее! — ответил Олтарио.

— Так ты еще более глуп, чем кажешься на первый взгляд, — заметил Конан. — Трудно подыскать лучшую кандидатуру для козней Тот-Амона!

И прежде чем кто-либо успел что-нибудь предпринять, огромный киммериец взмахнул мечом и вдребезги разнес прекрасную вазу.

Крик ужаса одновременно вырвался из десятков глоток. В осколках вазы копошилась, раздувая ярко-алый капюшон, крупная кобра, несомненно ядовитая. Меч Конана взвился снова, и башка с капюшоном завертелась по палубе.

— Вот подарок, который ваш посол вез королю Мило, — сообщил Конан аргосцам.

Люди потрясенно молчали, осмысливая случившееся. Первым, как ни странно, опомнился граф Олтарио. Резво отпрыгнув к самому борту, он воскликнул, указывая на киммерийца:

— Хватайте его, воины! Это злобный колдун — он хочет поссорить наши страны! Никакой змеи в вазе не было!

Однако незадачливый посол больше не владел ситуацией на корабле. Никто не торопился выполнять его приказ. Но и от Конана люди потихоньку отстранялись: а вдруг и вправду колдун?

— Я такой же колдун, как и все вы, — невозмутимо произнес киммериец. — А вот Тот-Амон — колдун высшего разряда. Он служит Сету, Змею Вечной Ночи. Тот-Амон — злобный и коварный маг. Он подложил в вазу кобру, чтобы она убила вашего короля. После смерти Мило стигийцы разожгли бы в Аргосе гражданскую войну, а под шумок захватили бы его. Вот что было бы, не разруби я эту проклятую вазу и не убей змею!

Граф Олтарио собирался что-то возразить, как вдруг дернулся, изо рта его потекла кровь, и посол, не удержав равновесия, свалился за борт: меж лопаток у него торчала черная стрела. Еще несколько стрел просвистели над палубой галеона.

Пока все разбирались с «подарком» Тот-Амона, стигийские галеры подошли на расстояние полета стрелы. Как видно, те, кто руководил атакой на посольский галеон, и не помышляли о мире.

— Вот вам ответ: ваш посол мертв, а стигийцы атакуют! — вскричал Конан. — Позволим ли мы змеепоклонникам перестрелять нас или отправим их на корм акулам?!

Оглушительный рев готовых к смертельной схватке людей был ему ответом. И хотя экипаж посольского галеона ничем не напоминал команду пиратского корабля, Конан, услышав этот рев, сразу почувствовал себя в родной стихии. Люди, окружившие его, готовы были сражаться до конца. Чтобы защитить свою жизнь. Чтобы отомстить коварным стигийцам за задуманное ими подлое убийство мудрого и справедливого короля. Наконец, потому, что аргосцы на посольском галеоне в какой-то мере чувствовали себя обязанными биться до последней капли крови против проклятых змеепоклонников. Здесь, в море, тоже по-своему решался вопрос: кто возьмет верх — светлый Митра или злобный Сет?!

После гибели посла Конан естественным образом принял на себя командование кораблем. Он приказал поставить все паруса, но слабый юго-западный ветер не способен был придать судну должную скорость. Черные галеры стигийцев быстро догоняли галеон. Бритоголовые лучники забрасывали палубу «Быстрого Сокола» стрелами, гребцы старались изо всех сил, а специальные абордажные команды ждали своего часа.

— На твоей посудине можно найти лук со стрелами? — обратился Конан к капитану Альфицио.

Светловолосый статный аргосец сокрушенно покачал головой.

— Это всего лишь посольский корабль.

— А они? — киммериец указал на аргосских воинов.

— Вооруженная свита посла. Они здесь для удержания пиратов, а не для схваток в море.

— Стигийцев надо не утращать, а убивать, — отрезал Конан. — Бьюсь об заклад, на этой посудине нет даже простенькой катапульты!

— Катапульты нет, это правда, — сказал Альфицио. — Но в трюме есть балластные камни. Я думаю, если их выбросить за борт, «Быстрый Сокол» пойдет быстрее.

Конан расхохотался — невольный каламбур бедняги-капитана насмешил его — и хлопнул Альфицио по плечу.

— Эй, парни! — гаркнул киммериец. — Тащите сюда ваш балласт, да поживее! Мы найдем ему лучшее применение.

Стигийские галеры были уже совсем близко. Конан различал горящие фанатичной ненавистью глаза врагов. Низкобортные черные галеры казались маленькими по сравнению с громадой «Быстрого Сокола», но это были боевые суда. Стигийцы численно превосходили людей Конана по меньшей мере раза в три. По тому, как стигийцы готовились к abordажу, король понял, что Тот-Амон окончательно отказался от попыток взять его живым. Черные галеры посланы, чтобы покончить с ним любой ценой. Ну что ж, сурово усмехнулся киммериец, посмотрим, кто кого!

Два здоровенных матроса с трудом втащили на ют огромную глыбу песчаника. Конан оценивающе оглядел камень и удовлетворенно хмыкнул. Вложив меч в ножны, он подошел к камню, потянулся, обхватил его могучими руками — и поднял глыбу над головой! Вдох восхищения вырвался из сотни глоток.

Тщательно рассчитав свои силы, Конан размахнулся и выбросил камень в море. Огромная глыба, точно снаряд, выпущенный из гигантской пращи, преодолела расстояние в десять метров и рухнула прямо на нос ближайшей галеры. Треск ломающегося дерева смешался с отчаянными криками стигийцев. Первая галера была выведена из строя; не пройдет и нескольких минут, как она затонет.

Команда взорвалась восторженными воплями. Каждый норовил похлопать Конана по плечу и вы-

разить ему свое восхищение. Между тем стигийцы на остальных галерах разразились разъяренным ревом; на киммерийца неслись самые отборные проклятия, какие только могут исходить из уст змеепоклонников.

— А говорите, у вас нет катапульты, — рассмеялся варвар. — Ну что стоите, шелудивые псы?! Живо тащите сюда весь балласт! Или вы хотите, чтобы стигийцы взяли вас на abordаж?!

Между тем четыре галеры стремительно приближались. Стрелы непрерывно сыпались на палубу «Быстрого Сокола» и уже находили свои жертвы. Конану стало ясно, что abordаж не избежать.

— Готовьтесь к бою, вишивые псы! — гаркнул он на аргосцев, словно перед ним было не воинство законного короля, а сборище пиратов. — Не давайте им перелезть через борт! Предупреждаю: если хоть один змеепоклонник испачкает своими внутренностями палубу моего корабля, того, кто пропустит его, я лично отправлю в пасть Нергала!

Воины и моряки заняли места у бортов, готовые встретить атаку стигийцев. Бросив еще два камня, — они, к несчастью, лишь чуть ободрали обшивку черных галер, не причинив вреда их боеспособности, — Конан сам встал за штурвал. В тот же момент abordажные крючья зацепились за борта галеона. С воплями и проклятиями стигийцы полезли на галеон. Конан резко крутанул штурвал. Заскрипели канаты и паруса, качнулись мачты. Могучий корабль, разворачиваясь, легко разорвал abordажные веревки и навалился бортом на одну из галер. Раздался треск и вопли. Стигийцы — те, кто уже карабкался на борт галеона, равно как и остававшиеся в галере, — попадали в воду. Невдалеке замелькали треугольные плавники. Усмехнувшись, — начавшийся день обещал морским хищникам богатую поживу, — Конан выправил руль.

Оставшиеся три галеры уже зацепили abordажные крюки за борт «Быстрого Сокола». Аргосцы от-

чаянно отбивались, стараясь не пропустить на палубу ни одного врага. Конан, возвратив штурвал рулевому, обнажил верный меч и тоже ринулся в бой.

Он подоспел вовремя: волна стигийцев, одетых в легкие доспехи, опрокинула незнакомых с тактикой морского боя аргосских воинов. Рубя мечами направо и налево, стигийцы быстро переломили ситуацию в свою пользу. Отряд смуглокожих воинов спешил навстречу Конану. Он, варвар, имевший наглость сбежать из самой Великой Пирамиды, нужен был стигийцам — аргосские же воины и моряки были просто мелкими препятствиями на пути вершителей священной воли Великого Сета.

Так полагали стигийцы — и заблуждались. В то время как Конан столкнулся с основным отрядом бронзовокожих, в тыл стигийцам ударили матросы. Вооруженные кто мечом, кто топором, а кто и просто железной цепью, они оказались куда проворнее и сильнее расфуфыренных воинов посла. Бой уже кипел на всей палубе галеона. Меч Конана кружился в извечном кровавом танце, срубая все на своем пути. Головы, руки и внутренности врагов обильно покрыли палубу всюду, где ступал огромный киммериец. Тяжелый и длинный меч в его руках напоминал суеверным стигийцам не обычное орудие убийства, а стремительную серебристую змею, разящую мгновенно и жестоко.

Первая атака стигийцев захлебнулась, но в оставшихся трех галерах было еще немало свежих воинов, которые могли решить исход боя. С ними нужно было что-то делать. И Конан внезапно спрыгнул в одну из галер — напрямик в лапы стигийцам. Ошеломленные подобной наглостью, змеепоклонники опомнились лишь тогда, когда Конан, точно Бог Смерти, прошел по всей галере, кося громадным мечом человеческие тела. В другой раз киммериец первым делом освободил бы гребцов, — как правило, это были рабы, а невольники всегда жаждали отомстить своим жестоким хозяевам. Но здесь, на

военных галерах, освященных Сетом, даже гребцы были правоверными змеепоклонниками, фанатично преданными своим жрецам. Прикованные к скамьям, они все же норовили ударить Конана веслом по ногам. Поэтому киммериец мог рассчитывать лишь на мощь своего клинка.

И меч делал свою работу — алая кровь не успевала стекать с широкого лезвия. Раны, наносимые Конану, были пока незначительны и неопасны; слишком быстро он двигался, чтобы обычный человек мог поразить его. Обычный — да. Даже поглощенный жаркой схваткой, Конан краем глаза обнаружил, что на соседней галере одетый в черную тунику жрец, — по всему виду, главный здешний предводитель, — делает какие-то загадочные пассы обеими руками. Внезапно жрец прокричал какое-то слово — не то заклинание, не то проклятие — и меж рук его возник сгусток зеленого огня. Разгадав, что произойдет следом, Конан проворно кинулся в воду и нырнул как можно глубже. Над его головой раздался взрыв; черная галера разлетелась в щепки. Промедли он хотя бы секунду — и Тот-Амон мог бы с полным основанием торжествовать победу.

Оглушенные взрывом, акулы не сразу сообразили, какая лакомая добыча плавает рядом с ними. Пока они приходили в себя, киммериец всплыл и зацепился за борт галеона. Оглядевшись, он не смог сдержать гримасу злобного торжества. Как видно, стигийский жрец переусердствовал. Колдовской огонь, которым он собирался спалить Конана, не только уничтожил третью галеру, но и перекинулся на судно, где находился сам жрец. Неудачливый колдун сейчас корчился в пламени вызванного им же самим огня. Галера была объята пламенем. Стигийцы, отчаянно вопя, бросались в воду, чтобы плыть к последней оставшейся целой галере. А там, в воде, их поджидали ненасытные акулы.

Однако пламя угрожало перекинуться и на галеон. Стремительно вскарабкавшись на ют, Конан

оценил обстановку. К радости его, команда «Быстрого Сокола» побеждала, тесня врагов обратно к бортам. Стигийцы, как это и подобает народу древнему, гордому и фанатичному, оказывали ожесточенное сопротивление. Команда встретила возвращение Конана торжествующим ревом и усилила натиск. Когда клинок киммерийца снова присоединился к мечам и топорам аргосцев, змеепоклонники не выдержали и, побросав свое оружие, попрыгали за борт. Некоторым удалось попасть на свою галеру, другие же угодили прямоком на завтрак акулам. Но Конан вовсе не считал, что первым повезло. Подхватив новый «балластный» камень, он с силой перекинул его через борт «Быстрого Сокола». Глыба упала в самую середину последней черной галеры, и из пробойны хлынул целый столб воды. Команда галеона разразилась торжествующими криками. Морская битва была выиграна.

Конан бросился к противоположному борту. Так и есть: огонь с горящей галеры начинал лизать обшивку «Быстрого Сокола».

— Эй, вы, акулый корм! — рявкнул киммериец. — Все сюда! Мы горим!

Под его руководством люди потушили пожар. Свежий ветер наполнял паруса. Позади в покрасневшей воде еще барахтались стигийцы, но акул было куда больше.

— Мертвецов — за борт. Палубу вымыть, пока кровь не засохла. Доложить, сколько людей осталось, — коротко и ясно приказывал Конан.

Когда люди принялись выполнять его команды, к киммерийцу подошел капитан Альфицио. Правая рука аргосца была перебита и держалась фактически на одних сухожилиях. Альфицио был бледен от потери крови.

— Конан, из-за тебя мы все чуть не погибли, — глухим голосом сообщил Альфицио. — Многие уже не увидят огней Мессантии. Но те, кто остался жив,

будут до конца своих дней молить за тебя Митру, Прощу тебя, будь нашим капитаном!

— Хорошо, — киммериец хмуро оглядел рану Альфицио. — Ступай, пусть лекари перевяжут тебя.

Кивнув, Альфицио ушел.

Спустя некоторое время офицер, первым признавший Конана, — его звали Цезарио, — доложил:

— Потери среди воинов — шестьдесят семь человек из ста десяти. Тринадцать тяжело ранены. Среди матросов потери меньше — сорок девять человек из ста пятидесяти.

— Что ж, неплохо! Значит, у нас полторы сотни наберется.

— Потери врага уточняются, — добавил Цезарио.

— А чего их уточнять, — осклабился киммериец. — Сколько ни было — все там! — он указал на морскую гладь. — Скажи, а пленных не взяли?

— Никак нет, капитан. Змеепоклонники дрались до последнего.

Конан вздохнул.

— Да, дерутся они как черти, надо отдать им должное. Я вообще удивляюсь, почему нам удалось так легко уйти!

— Ты... вы полагаете, что это было легко?! — поперхнулся Цезарио, незаметно перейдя с «ты» на «вы». — Мы едва не погибли, и... и если бы не вы, сэр, змеепоклонники, несомненно, одержали бы верх! Так, по-вашему, мы еще легко отделались?!

— Послушай, парень, — киммериец сердито ткнул пальцем в заляпанный кровью камзол. — Если ты думаешь, что перед тобой Конан-корсар, ты прав только на одну десятую. Я еще и Конан-вор, Конан-наемник, Конан-грабитель, Конан-генерал и так далее. И, между прочим, все еще король Аквилонии, веришь ты в это или нет. Я сражался со стигийцами раз сто, не меньше. Сражался за них и против них. Приходилось мне сталкиваться и с Тот-Амоном. До последнего времени он был самым главным моим врагом. Правда, с некоторых пор, — Конан на се-

кунду замялся, — врагов у меня прибавилось. Но Тот-Амон остается Тот-Амоном. Так что, парень, можешь отрубить мне руку, если он еще хотя бы раз не попытается настигнуть наш корабль! Поверь, мне хотелось бы ошибиться, но, клянусь кровью Крома, похоже, этот стигийский пес не уймется, пока я сам не отправлю его в царство Нергала! Или Сета; пусть уж боги зла меж собой разбираются...

И, словно в подтверждение слов киммерийца, сверху раздался тревожный крик вперёдсмотрящего:

— Парус! Я вижу парус!

— Где? — гаркнул Конан.

— На юге!

Стрелой взлетев на рангоут, Конан увидел парус и сам. Вернее, три паруса: один, посредине, большой и черный, и два других, алых, поменьше.

— Проклятье! Это опять стигийцы, — пробормотал он.

Глава двенадцатая

ЧЕРНЫЙ ФРЕГАТ

Погоня приближалась со сверхъестественной быстротой. Казалось, корабли-преследователи не плывут по морю, а летят по воздуху. Вскоре Конан уже мог внимательно рассмотреть их. Возглас невольного восхищения вырвался из его могучей груди.

Впереди, гордо развернув черные паруса, — на каждом из них был изображен огромный золотой змей со щупальцами, — неся здоровенный фрегат. Это был настоящий военный фрегат — подобные махины Конану ни разу не доводилось видеть на просторах Западного моря. Такие делали только мастера-искусники на верфях Вендии. Как этот красавец оказался в руках Тот-Амона, можно было только гадать. В высоких бортах виднелись специальные отверстия для катапульта. На фрегате их было, по оценке Конана, не менее полусотни. Высо-

кую палубу заполняли десятки лучников. От черного фрегата веяло такой грозной и зловещей мощью, что отважные аргосцы, только что одержавшие яркую победу над превосходящими силами врага, жалкой кучкой сгрудились вокруг Конана.

— Красиво идут, черти! Как пить дать, они потопят нас, клянусь костями Нергала, — ответил Конан на невысказанный вопрос окруживших его людей.

— Что же нам делать? — с дрожью в голосе молвил Цезарио.

Киммериец задумчиво поглядел на преследователей, затем обернулся к своей команде. Одного взгляда на посеревшие лица было ему достаточно, чтобы понять, какое решение зреет в умах испуганных моряков. И он поспешил взять инициативу в свои руки.

— Вы спрашиваете, что вам делать?! Сделайте то, что хотят стигийцы! Выдайте меня им!

Общий возглас изумления граничил с радостью. Только Цезарио воскликнул:

— Неужели вы согласны сдать змеепоклонникам, капитан?!

Конан усмехнулся; в сапфировых глазах появился странный блеск.

— Ну, сдать не сдать, а потолковать с ребятами, что столпились вон на тех шлюпах, мне придется!

Занятые лицезрением красавца-фрегата, люди только теперь заметили, КТО составляет команду двух других кораблей, сопровождающих огромный фрегат. Крики ужаса потрясли галеон: на этих шлюпах не было живых людей, а вместо них роль матросов и воинов исполняли СКЕЛЕТЫ! Скелеты осмысленно двигались, у них были длинные мечи и луки с полными стрел колчанами.

— Клянусь Митрой, это демоны! — завопили сразу несколько глоток.

— Слушайте, вы все! — мощный рык Конана заставил паникеров замолкнуть хотя бы на время. —

Все, что от вас требуется, это махать руками, вопить и просить о пощаде! Я вижу, вам, наложившим в штаны, это будет нетрудно сделать. Все прочее оставьте мне!

Аргосцы ошарашенно смотрели на варвара — уж не рехнулся ли их новый капитан?!

— А вы, капитан? Что вы задумали?

— Что задумал, то и задумал, — свирепо рассмеялся киммериец. — Если у меня получится, вы сами это увидите. Если нет — незачем вам тогда знать. Ну, начали!

И не дожидаясь, пока ошеломленная команда поднимет гвалт и начнет молить стигийцев о пощаде, он разбежался и... прыгнул в воду!

Прыгнул — и поплыл навстречу судну со скелетами. Тотчас вода вокруг него вспенилась от десятков посылаемых скелетами стрел. Кем бы ни были эти жмурики при жизни, лишившись ее, они стреляли не в пример лучше своих живых хозяев. А может быть, их стрелы вела магия. Очень скоро Конану предстояло это выяснить, а пока он глубже нырнул и поплыл под водой. Стрелы по-прежнему вспарывали волны, но не могли причинить варвару вреда. Через некоторое время он увидел днище трех кораблей: одно огромное, точно брюхо морского чудовища, и два поменьше. Подплыв под днище ближайшего к нему шлюпа, Конан с силой ткнул его мечом.

Даже в воде звон стали был оглушительным. Верный клинок не только не смог пробить днище лодки, но даже не проделал в нем трещину. «Дерево скреплено магией», — подумал киммериец и усмехнулся; все, что нужно было знать ему об этом судне, он уже знал. Оставалось только действовать.

Конан стремительно всплыл из-под днища. Команда скелетов встретила его появлением злобным гиканьем. Конан, даже не пытаясь ухватиться за борт шлюпа, резко выбросил вперед руку. Но не меч был в ней. На персте ослепительно сверкала чудесная белая жемчужина, Светоч Истины! Воздух на-

полнился шипением. Скелеты не успели даже испугаться. Создания, умершие много веков тому назад и оживленные злой волей некроманта, в одну секунду превратились в то, чем повелела им быть природа — в недвижимую грудку костей.

Однако шлюп был настоящим. Он не развалился под лучами могущественного амулета. «Что ж, это мне только на руку», — решил Конан. Запрыгнув в шлюп, он резво пробежал мимо неподвижных костей и скрылся в небольшой каюте.

Основные силы стигийцев на фрегате, нужно признаться, недолго сожалели о гибели команды скелетов. Из специальных люков выдвинулись катапульты, и град камней понесся к шлюпу, где находился Конан. Секундой ранее киммериец выскочил из каюты; меч висел у бедра, а в руках уже был превосходный лук с оперенными стрелами. Прежде чем камни с фрегата грохнулись на шлюп, киммериец закрыл черное веко, скрыв амулет Небесного Народа.

Да, долгие годы, проведенные им рядом с всевозможным чародейством, многому научили его! И теперь он сполна использовал эту науку, чтобы перехитрить врагов и спасти свою жизнь. Когда черное веко перстня скрыло Светоч Истины, чары, придающие остову шлюпа прочность каленой стали, вновь обрели свою силу. Огромные камни, пущенные катапультами фрегата, не были в состоянии пробить магическую защиту и причинить шлюпу повреждения. Ловко увертываясь от них, Конан бросил взгляд на груды костей. Как он и предполагал, скелеты не ожили. Ведь, чтобы снова заставить скелет двигаться, нужны воля чародея и время для наложения нового заклятия. Конан не сомневался, что там, на фрегате, есть такой чародей и что он, этот чародей, сейчас не теряет времени даром, торопясь поскорее оживить своих жмуриков.

Итак, если Конан промедлит, груды костей снова обратятся в ходячие скелеты, которые, без сомне-

ния, растерзают его. Чтобы не допустить этого, он должен будет снова пустить в ход Светоч Истины, и ходячие скелеты превратятся обратно в груды костей. Но тогда падет и защитная магия, придающая шлюпу колдовскую прочность, и первый же камень, выпущенный с фрегата, превратит лодку в щепки.

Новый план родился в голове варвара. Он направил свой шлюп прямо наперерез второй лодке, огибая громадный фрегат с кормы. Не только камни, но и стрелы сыпались вокруг него сплошным дождем. Одна из них оцарапала ему бедро, другая ранила в руку. Превозмогая боль, Конан вел свой шлюп на таран. Сблизившись со вторым шлюпом, он с ужасом узрел, что команду того составляют не скелеты, как это виделось издалека, а некие человекоподобные твари со звериными мордами, как будто состоящие из одних лишь костей. За несколько секунд до столкновения Конан бросился в воду. Послышался жуткий грохот — так сталкиваются две громадные грозовые тучи — и Конан обнаружил, что большая часть звероловцев оказалась в море. Как он предполагал, эти твари не умели плавать и с резвостью топора шли ко дну. Сбылось и другое его предположение: второй шлюп, как и первый, был защищен чарами. Столкнувшись друг с другом, оба судна не получили даже малейших повреждений. Зато противоборствующие чары породили взрыв колдовского огня. Меж шлюпами вспыхнуло пламя. Неспособное повредить остову, оно пожирало рангоутные постройки обеих лодок.

Взобравшись на борт первого шлюпа, Конан снова обнажил Светоч Истины. Это стало его тройной ошибкой. Во-первых, пламя, которое он принял за колдовской огонь, оказалось вполне обычным; оно не потухло под лучами Светоча. Во-вторых, звероловцы не погибли, подобно скелетам. Значит, это были живые существа. Кто знает, из какой Преисподней Тот-Амон призвал этих тварей, но, во всяком случае, они, увы, не были плодом магии.

И, в-третьих, когда возгорелся амулет Небесного Народа, пала магическая защита, хранившая крепость шлюпа, и первый же камень с фрегата превратил его в щепки. Конан снова оказался в воде.

Голова раскалывалась от боли — несколько досок, прежде чем разлететься в разные стороны, прогулялись по ней. Чтобы прийти в себя, киммериец вынужден был нырнуть, на плаву прикрывая Светоч Истины веком черного перстня. В душе варвар клял последними словами амулет Небесного Народа: на этот раз «помощь» Светоча едва не стоила киммерийцу жизни. А может, это было суровое напоминание Солнечного Митры: не используй мой божественный амулет где попало и когда попало?!

Так или иначе, Конан чувствовал, что силы его на исходе. Все тело было в ранах и порезах. Самый страшный его противник — громадный черный фрегат, полный жрецов и вооруженных до зубов воинов, грозно надвигался на него, как сама неудержимая Смерть. Конан потерял верный меч, и только лук со стрелами да коварный Светоч Истины были в его руках. Любой другой на месте киммерийца давно уже обессилел бы и пошел ко дну. Но жажда жизни, никогда не оставлявшая варвара, толкала его вперед, к новой схватке с могущественным противником. Присмотрев прямо над собой днище второго шлюпа, Конан всплыл на поверхность.

Его взору предстало на редкость живописное зрелище. Зверолоуды метались по узкому судну, спасаясь от огня, и отчаянно вопили. Паруса давно сгорели, в днище была пробоина — она открылась в тот момент, когда Конан обнажил Светоч Истины, — и через эту пробоину шлюп заполняла вода. Проверив, хорошо ли прикрывает черное веко перстня магический амулет, Конан запрыгнул в лодку. Орудия голыми руками, он повыбрасывал немногих оставшихся в живых зверолоудей в воду. Завидев его, стигийцы на фрегате разразились гневными воплями и проклятиями. На Конана вновь обрушился ливень

стрел и град камней. Спрятаться от них на горящем шлюпе было невозможно, и варвар, уже в который раз, бросился в воду. Злость, ярость и отчаяние распирали его. С проклятым фрегатом нужно было кончать, или Тот-Амон добьется своего!

А как один человек, израненный и обессиленный, может в одиночку бросить вызов неуязвимому морскому колоссу, забрасывающему его стрелами и камнями? Как, если не с помощью магии? Только огнем! Обыкновенным, а не колдовским огнем, тем огнем, которым людей одарили когда-то легендарные Древние Боги. И Конан, хоронясь за бортом полузатопленного шлюпа, достал из колчана длинную оперенную стрелу, поджег ее, зарядил горячей стрелой лук и выстрелил по фрегату.

Он целился не в черную обшивку, наверняка защищенную могучей магией. И не в командующих на корабле жрецов — они, как обычно, первым делом окружали себя тройным кольцом отражающих чар. Нет, он стрелял в то, что горит на любом корабле лучше всего и быстрее всего сгорает. Он стрелял в паруса. И попал! Первая же стрела Конана поразила главный парус фрегата. Особое удовольствие киммериец получил от того, что стрела вонзилась в самую морду изображенного на парусе гигантского золотого змея.

— Получай, Сет!

В одно мгновение парус вспыхнул и сгорел; огонь перекинулся на другие паруса. Море застонало от панических воплей; еще несколько секунд спустя пылал, казалось, весь огромный корабль.

Но что это?! Огонь вдруг погас, а черные паруса с золотыми змеями взвились вновь! Теперь стигийцы на корабле ревели от радости, и от их крика у Конана звенело в ушах. Какая недобрая магия погасила праведный огонь и подарила змеепоклонникам новые паруса?! Не помня себя от ярости и отчаяния, Конан одну за другой посылал во фрегат горящие стрелы. Рука его была тверда, но лишь пер-

вые три стрелы достигли цели; остальные сгорели еще в полете. Вероятно, проклятые чародеи, засевшие на фрегате, умудрялись как-то уничтожать их. Быстро же они научились, проклятые змеепоклонники!

В очередной раз черный фрегат оделся в новые паруса. Стрелы у Конана закончились. На корабле стигийцев запели горны. Развернувшись носом к полузатопленному шлюпу, нацелив на киммерийца огромный бронзовый таран в виде рогатой головы уродливой рептилии, черная громада фрегата понеслась вперед. Еще несколько мгновений — и она разнесет в щепки лодку, а человека размажет в кровавую жижу. Звериной воли к жизни Конана хватило лишь на то, чтобы, чуть надавив на черное веко, вновь обнажить божественный Светоч Истины. Так, глядя в ослепительные бездны амулета Небесного Народа и вручив свою судьбу Митре, Конан потерял сознание.

Очнулся он на палубе «Быстрого Сокола». Полуденное солнце, Око Митры, словно смеясь, щекотало ему глаза. Конан огляделся. Вокруг возбужденно переговаривались аргосцы. Его тело стягивали веревки... Нет, то были не веревки, а целительные повязки. Значит, он не пленник, а по-прежнему капитан.

— Вина!.. — хрипло простонал Конан.

Ему подали вино. Крепкий аргосский напиток дал варвару силы говорить.

— Где он?

— Ты имеешь в виду стигийский корабль, капитан? — вперед выдвинулся Цезарио. — Он ушел.

Конан поперхнулся вином. Кувшин со звоном разбился о палубу.

— Ушел?.. Как это — ушел?! Что ты мелешь?!

— Он ушел, клянусь Митрой! Уж и натерпелись мы страху, мой капитан! — остальные аргосцы согласен закивали. — Мы видели, как это черное чудо-

вище несется к твоей лодке. Ну, думаем, сейчас он тебя раздавит, а потом возьмется за нас! Некоторые уже собрались прыгать за борт; уж лучше попасть на обед к акуле, чем погибнуть от нечистых чар змеепоклонников, говорили они. А я — я решил: что бы ни случилось, я не уйду. Хотел сам увидеть, как принял смерть доблестный Конан! Вдруг вижу: твоя лодка, капитан, плывет прочь, а этот ужасный черный корабль — чтоб ему разбиться о рифы у Кровавых Островов! — возьми да и поверни назад. Только мы его и видели! Ушел на юг, чтоб ему!..

Киммериец, насколько позволяло ему лежащее положение, покачал головой. Чтобы стигийцы убралась несолоно хлебавши? Нет, такое невозможно!

— А вы не заметили, может, кто их спугнул? Чудище какое морское или там магия всякая, а?

— Не-е-ет, — дружно замычали аргосцы. — Ничего такого не было! Просто развернулся и ушел на юг. Если б было что-нибудь эдакое, мы бы точно это видели.

— А тебя, капитан Конан, наверное, дельфин спас, — предположил один из матросов. — Дельфины, они ведь тоже слуги Пресветлого Митры. Хорошему человеку дельфин всегда придет на помощь.

Конан скептически промолчал. В эту версию он мало верил. Тысячи хороших людей гибли в море на его глазах, но он что-то не припомнит, чтобы кого-то из них спасали дельфины. Нет, здесь нечто иное!.. «Ладно, — решил Конан, — путь до Мессантии неблизкий, и он, да будет на то воля Крома и Митры, еще успеет об этом поразмыслить. Об этом и о многом другом — слишком часто в последние дни на его пути вставали загадки, а вот явных отгадок не было ни одной!..»

— Ну и дьявол с ним, с этим фрегатом, — сказал Конан вслух. — Будем надеяться, он нас больше не потревожит. Курс — на Мессантию! И отнесите меня в каюту; вашему капитану охота поспать!.. Шевелитесь, псы! Не то я расскажу вам, где и как мне

пришлось спать в последний раз — тогда уж вы точно попрыгаете за борт и будете молить Пресветлого Митру, чтобы он вернул тот черный фрегат!..

А несколькими часами ранее на черном фрегате стигийцев происходило вот что.

На капитанском мостике стояли трое: высокий статный человек в золоченой кольчуге с отмеченным шрамом лицом, его помощник, выполнявший обязанности капитана корабля, и рослый, аскетического телосложения жрец в черной тунике до пят; на бритой голове последнего темнела черная диадема в форме извивающейся змеи.

Жрец небрежно махнул рукой, и стрела, пущенная из полузатопленного шлюпа, сгорела в воздухе.

— Все, это у него последняя, — сказал колдун. — Мы достаточно развлеклись с этим варваром. Пора заканчивать представление. Святейший Тот-Амон не любит ждать.

— Слушаюсь, ваше священство, почтенный чародей Хапет-Ра, — проговорил адмирал и, обращаясь к капитану, приказал: — Курс — на шлюп, Ратмес!

Капитан Ратмес, отдав честь жрецу и адмиралу, кинулся исполнять приказ. Фрегат развернулся и пошел на таран.

— Ну вот и все, сейчас я раздавлю тебя, Конан-киммериец, — со злобным торжеством проскрежетал колдун. — Смотри, адмирал Ксептах.

— Вряд ли я позволю тебе сделать это, малопочтенный Хапет-Ра, — спокойно произнес из-за спины жреца тихий, исполненный необъяснимой силы голос.

Колдун и адмирал мгновенно обернулись. На капитанском мостике, оперевшись спиной о мачту и скрестив руки на груди, стоял маленький человечек, с ног до головы укутанный в черные меха. Под огромным, выдающимся вперед лбом горели магнетические агатовые глаза.

— Ты кто такой? — задохнулся изумленный чародей. — Откуда ты взялся?!

— Я — бог Великая Душа. У меня свои планы на счет Конана. Проще сказать, он еще не вернул мне все свои долги. И я не допущу, чтобы какие-то змеепоклонники прикончили Конана раньше срока!

Бронзовое лицо Хапет-Ра побагровело.

— Бог один — это Владыка Сет, Змей Вечной Ночи! Силою, врученной им мне, ничтожному его слуге, я повелеваю: умри, дерзкий карлик!

Колдун выбросил обе руки вперед; сноп огня рванулся к карлику и спалил мачту. Адмирал Ксептах испуганно попятился. Невредимый карлик стоял в прежней позе; отсутствие видимой опоры не доставляло ему неудобств.

— Ты действительно ничтожный слуга Змея, Хапет-Ра, — невозмутимо молвил карлик. — Вот и оставайся змеем до конца дней своих!

Из глаз фантома вылетели две тонкие черные молнии, и они ударили в грудь колдуна. Хапет-Ра моментально превратился в небольшого пятнистого питона. Не удержав равновесия — в этот момент огромный фрегат вдруг начал резкий разворот — питон свалился вниз с капитанского мостика. Адмирал Ксептах, дрожа от ужаса, упал на колени. Однако магнетические очи карлика заставили его поднять глаза.

— Корабль разворачивается и возвращается в Кеми, — сообщил карлик едва живому от суеверного страха адмиралу. — Капитан Ратмес полагает, что ты отдал ему такой приказ. Смотри, не разочаруй его.

— Но что я скажу Тот-Амону? — осмелился спросить Ксептах. Гнева владыки Черного Круга он боялся не меньше, чем могущественной магии этого неведомого карлика.

— Ты скажешь Тот-Амону правду, — отрезал карлик. — Ты скажешь ему, что бог Великая Душа забрал Конана себе. А в качестве доказательства сво-

их слов представишь то, что осталось от чародея Хапет-Ра.

Промолвив это, призрак Великой Души просто растаял в воздухе. Спустя пару секунд голова карлика возникла вновь — только голова! — и бледные губы тихо прошептали:

— Если же ты посмеешь послушаться меня, капитан Ратмес представит Тот-Амону в качестве доказательства то, что останется от тебя, адмирал Ксептах.

Затем карлик исчез окончательно.

Глава тринадцатая

ВРАГИ ГОТОВЯТСЯ К БИТВЕ

Внешне жизнь в Зачарованном Городе текла согласно утвержденному Великой Душой порядку. Гномы добросовестно выполняли свои обязанности, и Тезиас не предъявлял к ним никаких претензий. После отбытия Джейка карлик вообще как будто перестал замечать заклятых им рыжих человечков. Он не нуждался в их услугах, а они, волею Великой Души заключенные в Зачарованном Городе, обслуживали себя сами. Он жил своей жизнью, они — своей.

Гномы уютно устроились в многочисленных палатах королевского дворца. Беззаботные человечки быстро свыклись со своим новым положением. Иногда они не видели хозяина часами, а бывали дни, когда он не показывался вовсе. Чем занимается карлик в своих тайных апартаментах, гномы боялись даже гадать. Периодически с вершин гигантского Стержня доносились гулкие раскаты грома, сверкали лазоревые молнии. В небесной вышине рождались и исчезали таинственные вихри; сияние, окутывавшее Стержень, становилось то меньше, то, напротив, интенсивнее, и временами казалось, что колоссальная колонна, пронзающая купол небес, горит магическим пламенем. В эти часы гномы пря-

тались во дворце, забившись под столы и кровати, и дрожали от страха. Они не молились: в этом нечистом месте Светлый Митра их все равно не услышит. А потом происходило самое ужасное: жуткий карлик с перекошенным от гнева, бледным, как у покойника, лицом обходил покои дворца. И хотя Тезиас еще ни разу не причинил вреда своим гномам, они были уверены: могущественный карлик вот-вот испепелит кого-нибудь из них!

Гномы не знали причин плохого настроения хозяина, а если бы знали, вряд ли поняли бы его. Между тем Тезиасу было от чего прийти в отчаяние. Ведь свои победы он воспринимал как должное, а поражения, наоборот, вводили его в шок. А они, поражения, следовали одно за другим.

Сначала Тезиас не смог отыскать Книгу Судеб. Единственное средство, способное вернуть жизнь верным монахам, было утрачено. Попытки призвать в Хайборийский мир наемников Джейка Митчелла оказались безрезультатными. Заклинание Времени почему-то не работало. Тезиас выкачал в свой мозг всю информацию о наемниках из головы Джейка, из памяти компьютера, установленного на «Черном коршуне», — и все напрасно! Каждого человека из отряда Митчелла он знал в лицо, знал, как того зовут, где обитает, какие имеет привычки и навыки. Он знал о них все — но эти люди оставались в далеком двадцатом веке, а он здесь, в Хайбории, за пятнадцать тысячелетий до их рождения!

Между тем Джейк не уставал подначивать его, и каждая новая неудача все более бесила самоуверенного карлика. Он уже испробовал все пути, но проклятое Заклинание Времени не хотело на него работать! Неужели Джейк Митчелл и профессор Фонтанелли, мир праху его, так и останутся единственными Гостями из Будущего?! Кто знает, ведь они очутились в Хайборийской эпохе чисто случайно...

А еще Тезиаса угнетало одиночество. Бог Великая Душа был одинок, как ни один другой бог на

свете. Его окружала сплошная стена ненависти и страха, и вовсе не было любви. Джейк Митчелл люто ненавидел его и ждал только случая, чтобы повторить покушение. Гномы так боялись его, что для иных чувств в их маленьких душах просто не оставалось места. Даже гостеприимная и успокаивающая аура Зачарованного Города не могла поколебать той гнетущей тоски, которая неумолимо овладевала Великой Душой...

Ему нужны были Синие Монахи. Нужна была их искренняя любовь, их преданность; он, в конце концов, просто нуждался в их обществе. Синие Монахи были, в некотором роде, его детьми, и он, как их отец, с болью и горечью вынужден был смотреть, как стоят они в своем Замке безмолвными стальными истуканами. Он с нетерпением ждал их возвращения, но время шло, а Книга Судеб как будто сгинула навсегда. Каждый день Тезиас поднимался на смотровую площадку Стержня и обыскивал Мир теплепатическим взором. Все напрасно!..

Лишь сегодня удача улыбнулась ему. Удача предстала в облике Конана, варвара из Киммерии. Тезиас никогда не предполагал, что лицезрение его злейшего врага доставит ему столько радости! Конан жив, а это значит, что он, Великая Душа, сумеет выудить у хитроумного варвара, где тот спрятал Книгу Судеб. Ради этого Тезиас спас киммерийца от верной смерти; но даже когда он вернет Книгу, и тогда Конан не достанется змеепоклонникам! У Великой Души насчет Конана свои планы, от которых пока рановато отказываться...

Конечно, действовать нужно крайне деликатно и осторожно, чтобы киммериец ничего не заподозрил. Он, проклятый варвар, не для того спрятал Книгу Судеб, чтобы Тезиас легко мог забрать ее обратно. Нет, ради возвращения сокровища придется попотеть! Лобовая атака тут не пройдет. Варвар слишком силен; он не выдаст свою тайну ни под пыткой, ни под гипнозом. Тезиас попытался незаметно прощу-

пать память киммерийца, когда тот спал. К великому изумлению карлика, его телепатической магии не удалось даже «постучаться» в подкорку спящего Конана. И виной тому была странная штукавина, которую варвар носил на пальце. Внешне она походила на большой черный перстень, но когда киммериец слегка нажимал на него, черная заслонка отодвигалась, открывая огромную снежно-белую жемчужину. Укладываясь спать, варвар всегда обнажал жемчужину. С изумлением Тезиас обнаружил, что вблизи этой жемчужины не действует НИКАКАЯ магия! Уж не то ли это тайное оружие против него, Великой Души, за которым киммериец отправился неизвестно куда и неизвестно как?! Уж не тот ли это легендарный Светоч Истины, амулет Небесного Народа, воплощение Солнечного Митры?! Если так, пожалуй, рановато было радоваться внезапному возвращению Конана! Варвар вернулся в Мир с действительно грозным и могучим оружием... Одного лишь не учел киммериец: магия никогда не была единственным оружием Великой Души. Магия — лишь следствие; причина же — сверхчеловеческий разум Великой Души, а его, этот разум, никакой Светоч Истины отнять не сможет! Ум, хитрость и изобретательность — вот, что противопоставит Тезиас божественному оружию киммерийца. И победит! Книга Судеб окажется в руках нового бога Хайбории, и верные Синие Монахи вновь будут дышать воздухом подвластного Великой Душе мира!

— Я отпускаю вас, профессор, — коротко сказал Скучающий Маг.

Он сидел в уютном, серебристого цвета кресле, кутаясь в серо-серебристый халат; кабинет Милюса заливал ровный серебристый свет, излучаемый светящимися стенами покоя. Напротив Милюса стоял дух профессора Фонтанелли, и дух этот внешне ничем не отличался от живого человека.

— Вы отпускаете меня?! — ошеломленно пере-

спросил дух. — После всех этих ужасных дней и ночей, когда я умолял вас вернуть мне свободу, а вы даже не хотели меня слушать, — вы отпускаете меня?! Как это понимать, сэр?!

— Обстоятельства изменились, дорогой профессор, — сухо отметил Милиус. — Вам нечего больше делать здесь, в моей обители. Вы должны исполнить свой долг.

— О каком долге вы говорите? Я знаю только один свой долг в этом несчастном мире, куда меня забросила судьба. Я должен помешать карлику Те-зиасу в исполнении его зловещих замыслов!

— Я говорю о том же, — видя, как седые брови профессора поползли вверх, Милиус продолжал: — Конан и Пелиас погибли. Теперь только вы в состоянии остановить карлика.

— Погибли?! Я вам не верю!

— Увы, увы, я говорю чистую правду. Можете поглядеть сами, как это случилось, — и Милиус предъявил Фонтанелли неопровержимые доказательства гибели короля и волшебника. — Как видите, я не лгу.

Дух профессора горестно вздохнул.

— Вы с самого начала хотели их погубить, не отрицайте. Почему?

— Вам этого не понять, — после тяжелой паузы промолвил Скучающий Маг. — Я не желал этим людям зла. К сожалению, и Конан, и Пелиас — всего лишь пешки в жестокой игре богов. А боги коварны, бессердечны и капризны! Им дела нет до страданий и страстей людских. Боги мелочны и мстительны. Конан должен был умереть, чтобы Тайна, сулящая Миру зло и потрясения, каких он не видывал, ушла вместе с ним в могилу. К сожалению, Конан погиб слишком поздно.

— Я не понимаю вас, — проговорил дух Фонтанелли. — Объяснитесь.

— Ничего я не буду вам объяснять, профессор. Даже для ваших ученых мозгов правда стала бы не-

выносимым испытанием. Скажу лишь, что я намеревался чуть-чуть подправить Историю. В случае успеха я сохранил бы миллионы невинных жизней. Мне не дали этого сделать.

— Кто? Боги?!

— Считайте, что они. Больше я ничего не могу сказать.

От слов Милиуса веяло такой искренней, непритворной горечью, что Фонтанелли поневоле опустил глаза.

— Мой бог гораздо добрее и гуманнее, — молвил он скорее для себя, чем для Милиуса.

— Ваш бог еще не родился! — вдруг взорвался Скучающий Маг. — Тринадцать тысяч лет пройдет, прежде чем на Землю ступит истинный бог! Тринадцать тысяч лет смуты, страха и варварства! Тринадцать тысяч лет я буду умолять их послать мессию в этот грешный мир!

Фонтанелли отшатнулся; ему показалось, что выцветшие, невыразительные глаза старика как-то странно изменились, и на профессора одно мгновение глядел не Милиус, а совсем другой человек!

— Что вы такое говорите, сэр?! Кого вы будете умолять?! Кто вы, наконец?!

— Я сказал вам лишнее, — успокаиваясь, молвил Скучающий Маг. — Когда вы выйдете отсюда, вы ничего не будете помнить.

— Пусть так, но я хочу знать, кто вы! Вы не маг, как Пелиас! И не ученый, как я! Ведь ученый всегда что-то ищет, что-то изучает, задается вопросами и старается отыскать на них ответ. Вы же — вы ничего не ищете, мастер Милиус, или как вас там! Вы только имитируете поиск! На самом деле вы все знаете заранее!.. Вы дурите людям голову магическими амулетами, медальонами, волшебными часами и прочей ерундой! Но ведь они вам не нужны, не так ли?! Вы хотите казаться слабее, чем есть на самом деле! Зачем? У меня есть... хм... гипотеза, с позволения сказать. Желаете знать какая? Отвечу. Вы — не чело-

век! Я давно это подозреваю. Разве я не прав?! Кто вы — бог?! А может, вы представляете Высший Разум?! Скажите же, я вам поверю!

Милиус устало улыбнулся.

— Не напрягайте свою фантазию, профессор. Вам все равно ее не хватит. К тому же в свое время вы сами все узнаете.

— В таком случае я отказываюсь подчиняться вам, — твердо заявил дух. — Вам придется принуждать меня. А вы ведь не любите принуждать, верно?! Вы желаете, чтобы вашу волю исполняли добровольно!.. А кстати, почему бы вам самому не сразиться с Великой Душой?! Не знаю, кто вы, но ставлю сто против одного, что в ваших силах прихлопнуть карлика одним мизинцем!

— Я не могу. По разным причинам. Главным образом потому, что я под домашним арестом.

— Вот как? И кто же вас арестовал?

— Он, — и Милиус показал, кто. — Видите ли, Он не желает, чтобы я вмешивался в происходящее. Поэтому я могу действовать только через вас.

— Каким же образом?

— Вы получите человеческое тело. Я отправлю вас в Зачарованный Город, где обитает Великая Душа. Тезиас пытается вызвать в Хайборийскую эпоху наемников из отряда Джейка Митчелла. Ваша задача — помешать ему. Кто вас послал, он знать не будет.

— А если он вытянет из меня информацию под гипнозом? Если он проникнет в мою память?

— В вашей памяти он меня не найдет.

— А я? Я буду помнить вас?

— Когда вам нужно будет меня вспомнить, вы вспомните.

— Ну хорошо, — помолчав, произнес профессор. — Будь по-вашему. Я отправлюсь в Зачарованный Город и помешаю Великой Душе призвать из Будущего наемников Джейка. Но взамен — взамен вы скажете мне, кто вы такой. Или я отказываюсь!

— Будь проклято ваше любопытство, Фонтанелли! Вы что — ребенок?!

— Я ученый, — не без гордости заметил дух. — И я хочу ЗНАТЬ.

Воцарилась долгая, томительная пауза. Наконец Скучающий Маг промолвил:

— Хотите знать? А повредиться в уме не боитесь?

— Жизнь ученого — одно сплошное безумие, — отвечал профессор. — Меня всегда считали сумасшедшим. Я не боюсь.

— Сдаюсь, профессор, сдаюсь! И только лишь потому, что через минуту вы меня забудете. К сожалению, я не могу показать вам свой истинный облик. По техническим причинам, так сказать. Вы увидите, каким я был... э-э-э... до определенных событий! Вы готовы?

— Я готов. Показывайте.

И Милиус показал.

Несколькими секундами спустя невзрачный старик в серо-серебристом халате приводил в чувство седовласого профессора. Руки Фонтанелли тряслись, глаза вылезали из орбит; доктор с трепетом таращился на Милиуса.

— Вы! Это были вы! Вы!! Вы!!!

— Да, это был я, — ласково молвил Скучающий Маг. — Вернее, та моя часть, которую вы смогли увидеть.

— Боже мой! Боже мой... Не могу поверить! Что угодно, только не ЭТО! Значит, все наши старания напрасны?!

Милиус ничего не ответил, а в следующее мгновение Фонтанелли уже ни о чем и не спрашивал. Повинуясь мысленному импульсу Скучающего Мага, он покинул дом с серебристыми стенами. Путь профессора лежал в Зачарованный Город. Не прошло и секунды, как он оказался там.

А ничем не примечательный старик, заключенный Стражем Земли под домашний арест, плутовато

усмехнувшись, сообщил своему вечному надзирателю:

— Вряд ли, конечно, почтенный профессор помешает Великой Душе, но уж помочь — точно поможет!

Всемогущий Страж ничего не ответил джану. Ибо тот не перешел Границу Дозволенного.

Волшебник Тот-Амон на коленях стоял перед гигантским изваянием своего темного божества. В таком положении он пребывал уже более четырех часов. Тело затекло, кровь как будто перестала струиться по жилам. Тот-Амон молился и размышлял, размышлял и молился.

Ибо никогда еще со времени своего изгнания и утраты Кольца, символа его власти над Черным Кругом, могучий чародей не был так близок к краху. Его власть в Стигии была беспредельна, но Тот-Амон не хотел обманывать себя: ныне эта власть непрочна, как колосс на глиняных ногах. Ибо власть не любит неудачников. А неудачи преследовали Тот-Амона буквально по пятам.

Сначала появился дерзкий карлик, бросивший вызов Сету. Тот-Амон не смог с ним справиться; словно в насмешку над владыкой Черного Круга, это сделал его злейший враг Конан. Затем карлик загадочным образом восстал из могилы, и тогда Тот-Амон допустил главную свою ошибку — выпустил дьявола на волю. Вернее, дьяволицу, которая сто крат опаснее любого дьявола. Еще более она опасна тем, что поклоняется тому же богу, Великому Змею Сету, и неизвестно, на чьей стороне в итоге окажется божественная милость... Прочь, прочь! Тот-Амон усилием воли отогнал дурные мысли. Не пристало ему, верховному жрецу Сета, сомневаться в милости своего бога! С кем же еще пребывает божественная милость, как не со мной, Тот-Амоном?! Плохо ли я служил тебе, Отец Сет?!

Бог молчит. Неудивительно: чтобы бог ответил,

его верный раб должен преподносить победные дары. Лучшим таким даром могла бы стать кровь проклятого варвара Конана. Ведь киммерийский пес был почти в его, Тот-Амона, власти! Дьяволица сама привела своего нечаянного дружка в Кеми — зачем она сделала это, кстати?! Вопросы, вопросы... Тот-Амон не знал ответов на них. Конан ушел из его рук, выбрался из самых глубин Великой Пирамиды и сумел бежать! Бежал из Кеми, бежал от погони, бежал, бежал, бежал... Это не просто вызов. Это пощечина. Посщечина даже не ему, верховному жрецу Тот-Амону, а самому Сету, Князю Тьмы. Это удар по богу, который он, Тот-Амон, пропустил. А боги не любят получать пощечины. Они сурово карают нерадивых рабов своих...

Дерзкий карлик снова встал у него на дороге. Силен самозванный бог, ничего не возразишь! Даже сила змеинного перстня не смогла превратить почтенного чародея Хапет-Ра, одного из лучших магов Черного Круга, обратно из питона в человека. Еще одна пощечина верховному жрецу и его темному богу!..

О, Всемогущий Сет, дай силы твоему слуге! Дай силы, чтобы противостоять напастям! Врагов много: Конан, Тезиас, Тхутмертари. И они сильны, каждый по-своему. Стоит трону главы культа чуть зашататься, и враги полезут отовсюду, как грибы после дождя. Преданных людей в Стигии раз два и обчелся, тем более среди честолубивых жрецов! Каждый из них алчет свалить Тот-Амона! Не дождетесь: Кольцо Сета со мной, и с ним — моя сила!

Однако враги не будут сидеть сложа руки. Все они на свободе и жаждут погубить Тот-Амона. Они не сдадутся. Не сдастся и он. Верховный жрец Сета еще не выложил всех своих козырей. Не для того он сотни лет изучал самые сокровенные таинства черной магии, убивал, интриговал и обманывал, чтобы теперь, на вершине своего могущества, когда древняя стигийская империя лежит у его ног, всего этого

лишиться! Нет, он еще поборется за свой трон и за милость Великого Сета!

...У каждого истинного мага есть сокровенное, тайное оружие. Такое оружие, к которому маг может прибегнуть только раз в жизни, да и то с величайшими предосторожностями, ибо оно способно легко уничтожить самого мага. Было подобное оружие и у Тот-Амона. Не в земных мирах родилось оно. Совершая опаснейшие полеты в Иные Миры, астральный дух волшебника наблюдал кошмарные существа, обитающие далеко за пределами нашей Вселенной. Эти создания были абсолютно чужды и враждебны всему земному; человеческий разум просто отказывался их воспринимать. Но только не извращенный разум Тот-Амона, человека, отдавшего свою душу Злу и проводящего колдовские медитации в смертоносных ароматах черного лотоса. Тот-Амону удалось установить контакт с некоторыми из таких существ. Много жертв принес он неназываемым тварям из Иных Миров — женщины, новорожденные младенцы, могучие воины, мудрые старики. Он занимался этим всю свою долгую жизнь, ибо всегда знал: наступит момент, когда он будет жизненно нуждаться в услугах подобных тварей. И такой момент наступил. Кошмарные создания, никогда еще не ступавшие по Земле, откликнутся на его зов. Многие из них даже не ведают священного имени Сета, но клятвы, данные ими Тот-Амону, равно нерушимы во всех уголках Сущего. Они придут по его зову. Придут — и расправятся с его врагами.

Первым падет Конан. Существа из Иных Вселенных отыщут его, а потом погубят. Погубят смертью, какой никогда еще не умирал человек. Впитав в себя силу киммерийца, они возьмутся за Тхутмертари. Никакой огонь не поможет ей, и даже сам Сет не сможет уберечь ее от этих созданий, даже если очень захочет. Безымянные твари из Иных Миров впитают и ее силу. Они станут настолько могучи, что проглотят Великую Душу, как змей заглатывает кролика.

Когда все враги Тот-Амона будут устранены, призванные им твари уберутся обратно в свои Вселенные... А если не уберутся? Если им понравится здесь и они возжелают остаться на Земле?! Тот-Амон усмехнулся. Он был одним из немногих смертных, кто хорошо знал, чем заканчиваются подобные попытки. Где-то на юге-востоке, далеко за морем Му, посреди застывшего океана с основания времен высятся Пирамида Мира; обитающий в ней Страж надежно охраняет Землю. Озеро Хьяхья, что запрятано от чужих глаз в мрачной пещере, скрытой водами Стикса, служит лучшим предостережением всем ненасытным пришельцам: Страж Земли не дремлет! Ему, вечному хранителю Великого Равновесия, нет дела до людей и их богов, но саму жизнь земную он бережет свято...

Великое Равновесие вполне устраивало Тот-Амона. Оно не противоречило небесной власти Сета и его, Тот-Амона, власти земной. Вот падут враги — и все будет, как прежде. Как было всегда и как будет всегда.

Тот-Амон поднялся с колен и принялся за работу. Да, это будет самая могущественная волшебба, какую только знал Мир со времен падения Атлантиды! Он, Тот-Амон, сотворит ее! Чтобы хорошо подготовиться к ней, нужны долгие часы, дни и ночи напряженного труда. Нужна величайшая осторожность; в таком деле малейшая ошибка неминуемо влечет самую жуткую смерть. И еще нужны жертвы. Тысячи жертв, человеческих жертв. Что ж, у истинного властелина Стигии не будет с этим проблем. Достаточно только приказать, и жертвы будут. «Вот только с девственницами нынче в Стигии плохо, — вздохнул Тот-Амон. — Значит, опять придется посылать экспедицию в Шем...»

Тараск, король Немедии, спешил к своей новой наложнице Лакшми. Лакшми была не то вендийкой, не то уттарийкой, и подаривший ее Тараску купец

пылко уверял, что девица столь же прекрасна и искушена в любви, как и сама богиня, чье имя она носит. В первом Тараск убедился тотчас же, как только увидел Лакшми. Что же касается второго, проверить это король собирался нынешней ночью.

После возвращения в Бельверус, более напоминавшего позорное бегство, Тараск окончательно потерял контроль над собой. Последние дни он занимался не государственными делами, а сплошь предавался попойкам и любовным утехам. К чему править, если со дня на день ожидается возвращение Великой Души?! Могущественный карлик вернется, чтобы отомстить ему, — в этом Тараск был уверен. Пользуясь безумством короля, придворные вовсю расхищали казну. Столица бурлила; ходили упорные слухи, что Тараск доживает на троне Немедии последние дни. Однако отлаженная столетиями государственная машина работала, и никто как будто не изъявлял желания свергнуть безумного короля.

Впрочем, глас народный не интересовал Тараска. То недолгое время, что отпустил ему Пресветлый Митра перед смертью, монарх собирался провести весело и приятно. Лакшми пришлось как нельзя кстати. Сейчас, сейчас он войдет в свою опочивальню, где уже ждет его прекрасная наложница, отринет полог, повалит ее и забудется в объятиях страсти...

Вот он вошел в свою опочивальню, запер дверь, оторвал полог и... И обмер. У ложа его ждали две девушки. Обе были обнажены, но на этом их сходство заканчивалось. Одна девушка, миниатюрная, с нежной кожей цвета алебаstra и курчавыми вороньими волосами, была подвешена за руки на огромном золотом канделябре. Рот ее был завязан ее же собственными волосами, глаза, напротив, широко раскрыты от ужаса. Увидев Тараска, черноволосая девушка смогла только слабо замычать. Это была Лакшми.

Вторая девушка стояла рядом и казалась продолжением золотого канделябра, на котором висела

Лакшми. Пышные волосы почти сливались с телом, точно выточенным из гигантского золотого самородка. Девушка была высока, на ее идеально очерченном лице блестели ясно-сапфировые глаза. Единственным ее украшением была роскошная диадема, изображавшая огромную черную жемчужину в объятиях чудовищного золотого змея.

— Тхутмертари! — только и смог прошептать Тараск.

Чудесные рубиновые губки растянулись в жуткой змеиной усмешке.

— Ти-и-ише, Тараск, — зашипела золотоволосая красавица. — Я не сделаю тебе ничего дурного. Ты ответишь на несколько вопросов, и я уйду. Если же станешь дурить, ты и твоя девка покинете этот покой трупами.

— Вопросы? Какие вопросы? — пролепетал Тараск. У него не возникло и мысли оказывать сопротивление.

— В твоём зверинце имелась некая тварь ростом с лошадь, но с львиной внешностью и красноглазая, как демоны Преисподней?

— Д-да, б-был т-такой з-зверь, — запинаясь, пробормотал король.

— Где же он теперь?

— Его с-сожгли, п-принцесса.

— Сожгли?

— Н-ну д-да. Вернее, сожгли его труп.

— А труп зверя обнаружили, случайно, не в тот день, когда Конан-киммериец первый раз победил Великую Душу?

— Истинно так, госпожа. Труп обнаружили в разрушенном тоннеле недалеко от пещеры карлика.

Тхутмертари не смогла сдержать довольный смех. «Чему она так радуется?» — успел подумать король, но его уже настиг следующий вопрос волшебницы:

— А теперь скажи мне, как назывался этот зверь!

— С-сурийский тигр, госпожа, если мне не изменяет память.

— Как он звался точно, ты, кусок немедийского дерьма?! — злобно зашипела красавица. И Тараск узрел, как из ее правого указательного пальца вытягивается длинный и тонкий кинжал.

— Сурийский тигр, сурийский тигр, госпожа, точно! — завопил немедиец.

— Точно сурийский тигр?!

— Точно так, клянусь Митрой!

После этих слов Тараска волшебный кинжал слегка полоснул по груди короля. Потекла кровь, но Тараск не смел двинуться с места. Округлившимися от страха глазами он глядел на стигийскую принцессу.

— Не смей при мне произносить этого имени, тварь! Сет — истинный бог!

И Тхутмертари сделала в воздухе знак змеи. Несчастливая Лакшми отчаянно забилась, пытаясь освободиться.

— Клянусь Сетом, это был сурийский тигр, госпожа! — неожиданно бойко отрапортовал Тараск.

— Ну а теперь, ничтожная тварь, ты ответишь мне, откуда у тебя взялся этот самый сурийский тигр! И смотри, подумай хорошо, прежде чем ответить. Если ты соврешь мне, самые страшные демоны Преисподней до скончания времен будут терзать твою жалкую душу, а гнилую твою плоть я сама поджарю на медленном огне! Поджарю — и съем!

Вид принцессы и тон, которым она говорила, не оставлял сомнений: именно так она и поступит. Поэтому Тараск, сглотнув слюну, проговорил:

— Сурийского тигра мне продал маг из Нумалии Лапинус.

— Лапинус, говоришь? А откуда он у Лапинуса?

— От отца, мага Парацельса. Этот самый Парацельс его, зверя этого, и создал. Мастер он был, этот Парацельс, разных демонов из обычных зверей сотворять.

— Тебе это Лапинус рассказал? Или, как его... Парацельс?

— Лапинус, госпожа. Парацельс, да хранит его Мит... да хранит его Сет, уже давно никому ничего не рассказывает. Разве что демонам в Аду...

— Что же с ним случилось? — наигранно удивилась принцесса.

— Сожрал его сурийский тигр! Собственного, значит, создателя взял да и сожрал... А Лапинус, значит, сын его, усмирил зверя заклятиями, да поздно было... В общем, не стал он у себя этого зверя держать и продал мне, значит...

— Лапинус усмирил зверя заклятиями, — завороченно повторила Тхутмертари и, внезапно подскочив к Тараску, расцеловала его. Немедийский король был холодным как лед. Или поцелуи волшебницы были горячи, как пламя?..

— Дорогой ты мой Тараск! — задушевно молвила девушка, лаская немедийца взглядом лучистых синих глаз. — Ты представить себе не можешь, какое счастье для меня слышать твои слова! За одно это я сохраню тебе жизнь... Хотя и не собиралась. Последнее ответь мне: где теперь этот самый Лапинус?

— В могиле, где ж ему еще быть, — вздохнул потрясенный король. — Покончил с собой отравленным кинжалом. Люди говорили, явилось ему какое-то жуткое видение насчет того дьявольского зверя, вот он и наложил на себя руки.

— Могила Лапинуса — где?

— Там же, в Нумалии, в фамильном склепе. Род Лапинуса древний, и все сплошь маги. Маги средней руки, конечно, не такие, как ты, госпожа.

— Спасибо за комплимент, — лучезарно улыбнулась принцесса. Молниеносным движением она взвила вверх правую руку; стальной кинжал, родившийся из ее перста, легко перерезал тонкую шею Лакшми, а также обе руки несчастной. Труп наложницы рухнул на королевское ложе, заливая белоснежную простынь свежей кровью.

— За что?! — вскричал Тараск. — Она вендийка,

она ни слова не знала по-немедийски! Это простая наложница, девушка для развлечений! За что ты ее убила?!

Тхутмертари взяла отрубленную голову Лакшми, окропила свое роскошное тело свежей кровью, затем разбила череп о канделябр и вкусила ее мозги. Тараска вырвало; он едва не потерял сознание.

— Врешь ты все, немедиец, — лениво сказала золотоволосая красавица. — Уттарийка она, а не вендийка! У вендийцев мозги другие, сочнее... А убила я ее потому, что мне нравится убивать. Ты же сам сказал: она — девушка для развлечений. Вот я и развлеклась! А заодно и поела. И мне не нужно для этого никакой причины. Ведь я — «черная жемчужина Сета»! — она указала кинжальным пальцем на свою диадему.

Тараск судорожно кивнул: мол, я все понимаю. ⁷

Облизнувшись, Тхутмертари прошла к пылающему очагу и поставила одну ногу в огонь. Огонь не только не жег ее, но, как будто, ласкал. Тараск смотрел на прекрасную и ужасную волшебницу, не в силах оторвать взор.

— Прощай, немедиец, — сказала стигийская принцесса, залезая в огонь. — Ты мне очень помог. Я этого никогда не забуду. Когда я захвачу власть над миром, обещаю, ты умрешь одним из последних... Да, к слову, прекрати бояться карлика! Скоро он не будет тебе опасен. Бойся лучше меня!

Торжествующе расхохотавшись, она исчезла в огне.

Глава четырнадцатая

ВАРВАР РАЗМЫШЛЯЕТ

Конан возлежал на кушетке на корме «Быстрого Сокола». Галеон ходко шел на север, к Мессантии. Ни стигийцы, ни пираты с Барахских островов, ни чернокожие корсары Южного Берега не прегражда-

ли путь кораблю. Стоял ясный солнечный день, Око Митры ласково пригревало заживающие раны киммерийца, и огромному варвару, воину до мозга костей, меньше всего хотелось сейчас обнажать меч для новой схватки. Впившись взглядом в солнечные бездны магической белой жемчужины, Светоча Истины, он размышлял.

А поразмышлять было над чем. Слишком много в последнее время вокруг него происходило загадочных и труднообъяснимых событий. Конан не любил загадок. Разгадывание ребусов и головоломок он всегда оставлял ученым; он же предпочитал поле брани. Будь его воля, он послал бы к дьяволам все эти загадки и сейчас попросту нежилась бы на солнце или играл в кости с матросами. Однако на сей раз интуиция подсказывала ему: от правильных ответов на головоломки последних дней зависит его жизнь, жизнь его подданных, да и, чего уж там мелочиться, судьба всего мира. По всему видать, слишком могучие силы столкнулись вокруг него в яростном противоборстве. Силы, которые способны раздавить смертного, как скорлупку. Боги, демоны, волшебники — что они задумали? Какие игры ведут? В этом необходимо было разобраться, причем немедленно. Внешнее спокойствие морского путешествия не могло ввести в заблуждение бывалого киммерийца: то была передышка перед колоссальным штормом, который сотрясет мир. И, когда шторм разыграется, он, Конан, должен быть готов этот мир спасти. Как всегда...

Светоч Истины прояснял разум; мысли и воспоминания становились четкими и последовательными. Когда же началась вся эта безумная свистопляска? Когда появился карлик? Нет, так далеко в прошлое углубляться не стоит. Начнем, пожалуй, с Милиуса. Кто он такой, этот загадочный Скучающий Маг? Пелиас считал его первым своим учеником. Оказалось, это было не так. Во лжи своего покойного друга Конан заподозрить не мог. Значит,

Милиус каким-то образом внушил старому колдуну все, что хотел внушить. Но Пелиас — не слабохарактерный мальчик, а сам могучий маг! Однако же его искусство не помогло распознать гипноз.

Чем больше Конан перебирал в памяти эпизоды их встречи с Милиусом, тем более укреплялся в мысли, что кажущийся невзрачным старик разыграл перед ними грандиозный спектакль. Зачем? Конан и Пелиас явились к Милиусу за помощью в борьбе против Великой Души. Теперь Конан полагал, что и сам их визит к Скучающему Магу был ловко подстроен. Милиусу отчего-то очень хотелось, чтобы Конан и Пелиас обратились за помощью именно к нему. И Милиус такую помощь оказал, отправив их в Страну Небесного Народа за Светочем Истины. Все, что говорил невзрачный старик об амулете Митры, оказалось чистой правдой. Вообще правда и ложь переплелись в истории с Милиусом столь причудливо, что этот клубок, похоже, не распутает ни один мудрец. Его следовало разрубить. А чтобы разрубить, нужно знать, кто такой Милиус.

Самое простое объяснение гласило: Милиус — это Тезиас, Великая Душа. Карлик все подстроил. Ведь он большой искусник по части гипноза. Однако спектакль, разыгранный Милиусом, был чересчур сложен даже для карлика, каким того знал Конан. Версия, что Милиус — это Тезиас, была пока единственной, но и она трещала по швам. Если его одурачил карлик, зачем ему было нужно отсылать Конана в Страну Небесного Народа?! Помнится, еще накануне, в Замке Синих Монахов, у Тезиаса насчет Конана были совсем другие планы! Милиус же проявил полный нейтралитет; единственное, что, по всей видимости, было ему нужно — чтобы варвар отправился в небесную страну скричей. Знал ли он, что из Страны Небесного Народа не возвращаются?! Если знал, налицо вполне понятная ловушка: Конан спешит за Светочем Истины — и исчезает навсегда! Ничего не скажешь, элегантный способ избавиться

от киммерийца избрал Милиус! А не проще ли было попросту убить?! Судя по всему, Милиус легко мог это сделать. Однако же не сделал, а предпочел действовать руками «избранных слуг» Митры. Итак, по крайней мере, в одном Конан уже был уверен: Милиус отправил его в Рай, чтобы он остался там навсегда; в этом состоял замысел таинственного мага.

Чем он так помешал Милиусу? Явно не тем, что осталось в прошлом. Скорее, Скучающий Маг хотел предотвратить будущее, пытался помешать ему, Конану, совершить нечто не соответствующее замыслам мага. Уж не пытался ли Милиус таким образом защитить от Конана Великую Душу?! Эта догадка потрясла киммерийца. Она многое, очень многое объясняла! Ненавязчивое устранение Конана с арены стало бы лучшим подарком стремящемуся к мировому господству карлику. Очевидно, возвращение Конана из Страны Небесного Народа со Светочем Истины в руках никак не входило в планы Милиуса.

Планы эти неожиданно расстроила принцесса Тхутмертари. Похоже, ее возвращение в игру стало для всех немалым сюрпризом. Так или иначе, именно она спасла Конана от суда кричей, благодаря ей он вернулся в Мир со Светочем Истины в руках.

Как могло так случиться, что она осталась в живых? Положим, ей как-то удалось добраться живой до Кеми и даже вырваться из лап Тот-Амона. Но какого рожна служительница Тьмы полезла в цитадель Света?! Не иначе как затем, чтобы спасти Конана. Несомненно, она ради этого рисковала своей жизнью. Должна была существовать чрезвычайно веская причина для такого отчаянного, на грани безумия, поступка опытной волшебницы. Ясно, Конан был ей нужен. Можно даже сказать, очень и очень нужен. Для чего? Тхутмертари сама сказала: чтобы он, Конан, поведал ей историю его борьбы с карликом Тезиасом. Иными словами, волшебнице была нужна информация. Ради нее, а не ради киммерийца рисковала она жизнью. В конце концов прекрасная

принцесса предала его. Это могло означать только одно: в период между бегством из страны скричей и предательством она искомую информацию от него получила.

— Разрази меня Кром, что же такого я сказал этой ведьме? — пробормотал Конан.

Инстинкт подсказывал ему: ты, Конан, сказал ей нечто настолько важное, что все остальные мирские заботы кажутся ничтожными в сравнении с ЭТИМ! Но что же?

Он перебрал в памяти каждое слово, произнесенное им в общении с Тхутмертари. Вариантов ответа было много, но разве мог он знать, что в действительности было важно для змеиной принцессы, а что — нет. Разыскивать ее, чтобы расспросить об этом, он не имел желания. Когда Конан ее разыщет, он ее просто прикончит. И никаких разговоров!

Бедный Пелиас оказался прав во всем! Старик говорил, что Тхутмертари убьет его — так оно и случилось. Предупреждал, что предаст — и тут оказался прав. Женщины предавали Конана очень часто; он к этому почти привык. Но никто и никогда еще не предавал его так подло, дерзко и, черт побери, красиво, как это сделала Тхутмертари. Конан легко восстановил в памяти недавние события. Вот он убивает Лже-Атотмиса — демона, подосланного Тот-Амоном, — в очередной раз спасая принцессе жизнь. Следом она предаст его и бросает прямо в лапы ненавистного ей самой Тот-Амона. Где логика в ее поступках? А в том, что какая-то логика была, Конан ничуть не сомневался. Волшебница отлично умела контролировать свои чувства; в каждом ее поступке, несомненно, скрывался особый расчет. Теперь Конан знал: принцесса привела его в логово Тот-Амона СОЗНАТЕЛЬНО. Оказавшись перед лицом стигийских жрецов, Конан рассчитывал, что его прелестная спутница будет сражаться рядом с ним, как и раньше. Ведь Тот-Амон и стигийские колдуны — ее лютые враги! Конан мог ожидать от нее подвоха

в любой момент, но только не тогда! Предательство вполне могло состояться после разборки со жрецами. Однако злодейка не стала ждать. Она предала Конана, убила Пелиаса, а затем попросту смылась, оставив киммерийца в безраздельной власти Тот-Амона!

Конан за свою богатую приключениями жизнь научился неплохо разбираться в мотивах, которыми обычно руководствуются всякие черные маги и жрецы темных божеств. И поэтому был твердо уверен, что поступок Тхутмертари выглядит полнейшей бессмыслицей! Без ложной скромности киммериец полагал, что его персона представляет значительный интерес для служителей Сета. Не раз и не два жрецы чешуйчатого божества норовили принести его в жертву Древнему Змею. Это было заветной мечтой самого Тот-Амона. По всей видимости, Сет остался бы доволен, получи он в качестве жертвы лучшего воина Митры. Так зачем же Тхутмертари нужно было делать столь бесценный подарок своему сопернику Тот-Амону?! Почему, в конце концов, она даже не предприняла попытки прикончить Конана сама?! Тогда бы Сет остался бы доволен ею, а Тот-Амон оказался бы вроде как не у дел...

Может быть, она знала — или догадывалась, — что Конан сумеет уйти из лап Тот-Амона? Если так, ей удалось изрядно скомпрометировать верховного жреца в глазах Сета. Но что было бы, если б Тот-Амон все же захватил Конана и принес в жертву Сету? Конан ведь спасся только чудом! Ответ мог быть только один: и на этот случай у Тхутмертари имелся особый расчет. В чем же он заключался?

Собрав воедино многие нити загадочных приключений, Конан пришел к выводу: предавая его, Тхутмертари уже имела в своих руках такой козырь, который без труда способен был побить все ухищрения Тот-Амона. Убьет ли владыка стигийских чародеев доблестного варвара или тому удастся бежать, ее уже не особенно волновало. Ее козырь в любом

случае был сильнее, и Конан чувствовал, что невольно дал его в руки волшебницы он сам...

— Ради Крома и Митры, что же я натворил?!

Поверхность Светоча Истины подернулась туманом. Не иначе, коварные боги не желают, чтобы он узнал эту тайну. А может, так они наказывают его? Ведь он владел ею, этой тайной, — и передал ее Тхутмертари. Теперь тайной владеет змеиная принцесса... Хотя над морем светило жаркое солнце, киммериец почувствовал, как душа его сжимается словно в ледяных тисках. Он не был ясновидящим, но каким-то особым чувством — даже не инстинктом, нет, — ощущал, что невольно, по недомыслию, совершил ужасную ошибку. Ошибку большую, чем преступление. Коварные боги, как видно, не хотели, чтобы он знал, в чем состоит его вина, но приговор — суровый, беспощадный — уже вынесли. Конан был виновен! Он не знал в чем, но подсознательно был согласен с богами: да, виновен!..

Тут ему вспомнился кошмарный сон у озера в Нижнем Море. Там, во сне, была Тхутмертари. Она была живой и торжествовала победу. Все остальные люди были мертвы. Еще там был Сет, наконец вылезший из Бездны и захвативший власть над Миром. В это трудно было поверить — слишком кошмарным было видение! — но теперь жуткий сон казался Конану почти что вещим. Тот, кто послал его киммерийцу, как будто показывал: смотри, глупец, что ты наделал! Смотри, преступник, каким станет Мир по твоей воле! Смотри, смотри, безмозглый, недогадливый варвар!..

Озеро... Да, там, у озера, все и случилось! События медленно всплывали в памяти под волшебными лучами Светоча. Колдовское озеро... Принцесса, обнаженная и обольстительная, плескается в хрустальной воде... Как она хороша! Прочь все тревоги и проблемы — смелее к ней, в воду, ведь ты мужчина!.. Ледяная вода... Страсть, страсть, страсть... Теплый песок, золотистый, как тело и волосы богини,

что подарила ему блаженство... «Ты самая великая волшебница и королева», — говорит он ей. Она согласна; нужно только рассказать ей о Тезиасе... Да, он расскажет, ведь он обещал, он поклялся кровью Крома... Она слушает, внимает, постигает, задает вопросы... Все, конец длинной повести; забытье, кошмарный сон — вещий ли? — и столь же ужасное пробуждение... Колдовское озеро...

Конан стер со лба холодный пот. Что ж, хотя бы место преступления известно. Тварь завлекла его в колдовское озеро, обольстила и выудила все, что ей было нужно. Всего лишь!..

Почему она не прикончила его там, у озера? Ведь некая тайна, ради которой злодейка рисковала жизнью, уже была ей известна. Тем не менее, она сдержала слово и вывела его к Вратам в Верхний Мир, а затем и провела через них. Означало ли это, что Конан нужен был ей живым?! По всей вероятности да. И она не ошиблась, сохранив ему жизнь: он, дурак, успел после этого спасти ее трижды: от демонов-теней, от кошмарной твари, в которую обратился Пелиас, и от Лже-Атотмиса.

Если исключить Пелиаса, остальные напасти насылал Тот-Амон. За кем охотились демоны-тени? За Конаном или за Тхутмертари? Вероятно, теперь ответить на этот вопрос мог лишь сам Тот-Амон. С Лже-Атотмисом проще — он был послан, чтобы погубить именно ее, Тхутмертари. Следовательно, Тот-Амон считал ее более опасной, нежели его, Конана.

Этот вывод подтверждали и дальнейшие события. Когда злодейка предала киммерийца, Тот-Амон, что самое удивительное, ничуть тому не обрадовался. Напротив, он велел схватить ее. Ес, Тхутмертари, а не его, Конана!.. Варвар невольно почувствовал нечто вроде ревности. До сих пор он считал себя главным врагом владыки Черного Круга и по праву гордился этим. И что же?! Полностью игнорируя киммерийца, Тот-Амон изо всех сил старается

поймать дерзкую волшебницу, им же самим выпущенную из заточения, и вспоминает о Конане лишь после ее исчезновения! Стало быть, не Конан, а Тхутмертари — главный враг Тот-Амона! На физиономии колдуна был написан неподдельный ужас, когда он понял, что мятежной принцессе снова удастся бежать. В этом смысле вся погоня, устроенная им, чтобы поймать Конана, — не более чем жест отчаяния. Поведение Тот-Амона со всей очевидностью убеждало киммерийца в том, что отныне Тхутмертари представляет наиглавнейшую угрозу для верховного жреца Сета. Угрозу более страшную, чем давний противник Сета Конан!..

Однако объединяться с Тот-Амоном варвар не собирался. На свете есть и другие могущественные маги. Вот тот же Милиус, к примеру. Конечно, он, видать, не в восторге от того, что Конану удалось улизнуть из Страны Небесного Народа, но...

Стоп! Конан даже вздрогнул от внезапной мысли. Милиус отправил его в Страну Небесного Народа, откуда нет возврата, чтобы таким образом защитить Великую Душу; это Конан уже вычислил. Но, черт возьми, если бы он, Конан, сгинул в стране скричей, он так ничего бы и не рассказал Тхутмертари! Не выдал бы некую тайну, за которой она охотилась! Может статься, затем Милиус и спровадил Конана в цитадель Митры, чтобы он больше никогда не встретился с Тхутмертари и, соответственно, ничего не смог ей рассказать?! Черт, а если Милиус спасал карлика вовсе не от Конана, а от Тхутмертари?! А может быть, от них обоих? Во всяком случае, принцесса, не знающая тайны, как видно, не была опасна для Великой Души. Милиус не хотел, чтобы она УЗНАЛА.

В таком случае он просчитался, этот загадочный Скучающий Маг! Он недооценил змеиную принцессу. Он, надо думать, не ожидал, что адепт Мрака дерзнет объявиться в цитадели Света и вытащить оттуда Конана. Она это сделала — и победила. Она ов-

ладела тайной и смылась. Что она станет делать теперь, киммериец знать не мог. Одно лишь было ему ясно: Тхутмертари отныне представляет угрозу не только для Конана и Тот-Амона, но и для карлика Тезиаса.

Ну и ну! Кем бы ни был загадочный маг Милиус, своими усилиями защитить карлика он добился обратного: Конан, которого сам Тезиас почитал своим главным противником, вернулся в Мир с амулетом Небесного Народа. И если верны слова того же Милиуса, теперь Великой Душе несдобровать. Вдобавок существует и разгуливает на свободе еще принцесса Тхутмертари и ее тайна, также, судя по всему, не сулящая Тезиасу ничего хорошего.

В голове варвара все окончательно перепуталось. Клубок загадок, который он с таким трудом распутывал, породил еще больше вопросов. Злодейка, предательски убившая его друга, угрожает Великой Душе. Значит ли это, что ему, Конану, самое время принять сторону Тезиаса? Того, с кем он так яростно и бескомпромиссно боролся все последнее время?! Того самого Тезиаса, который уже однажды захватывал власть над миром, изгонял его из Тарантии, превращал в воду его любимую жену, убивал и мучил его подданных, а самого аквилонского короля планировал подменить негодяем из Будущего и превратить в стального идола?! Того самого карлика, который едва не задушил его, Конана, колдовским туманом, а сам смылся вместе с двойником неизвестно куда?! Ну уж нет, с ожившим мертвецом Конан объединяться не станет!

А с Милиусом? Неплохо было бы как следует потрясти этого загадочного чародея! «Я разгадал твои замыслы, коварный маг, — сказал бы ему Конан. — План твой провалился. Я выбрался из Страны Небесного Народа, а Тхутмертари узнала Тайну. Вижу, это тебя не радует. Ну что ж, ты сам виноват! Нужно было честно мне все рассказать: кто ты, чего добиваешься и что тебе нужно от меня. И, если помыслы

твои чисты, клянусь Кромом, я не отказался бы тебе подсобить!.. Так что ты просчитался, маг! И теперь я, а не ты, диктую условия. Выкладывай мне все, что знаешь, а я послушаю. Может статься, мы сумеем сговориться с тобой, Скучающий Маг!..»

Воистину, Милиус мог бы многое прояснить, если не все! Например: кто та облезлая обезьяна, остановившая его, когда он хотел приблизить Светоч Истины к лицу Тхутмертари? Уж не ее ли ангел-хранитель?! Тьфу — конечно же, демон-хранитель! Конан мог поклясться, что уже где-то видел эту тварь. Но где? Вроде бы совсем недавно... Дай Кром памяти! Ну да, он вспомнил ее: это демон Люф — кажется, так зовется эта мартышка. Конан видел Люфа в волшебном Зеркале Лазбекри, когда этот самый Люф беседовал... с Тезиасом! Было это в Бельверусе, и карлик тогда еще не был Великой Душой. О, Кром! Не после той ли беседы все началось?! Ну да, конечно! Тезиас не беседовал с Люфом — он его допрашивал! Одни лишь боги знают, о чем карлику рассказал демон, но минули всего лишь сутки, и Тезиас явился в мир Великой Душой, могущественнейшим магом в облике неуязвимого призрака!.. Стало быть, неспроста Люф интересуется этим делом и неспроста в нем участвует Тхутмертари...

Милиус наверняка знает, что замыслил проклятый демон. «Как ты нужен, Скучающий Маг! Куда ты запропастился? Когда тебе во мне была нужда, ты легко устроил нашу встречу. А теперь, когда ты нужен мне, как я тебя найду?! Я — в Западном море, а ты — в Карпашах. По меньшей мере полмесяца надобно, чтобы мне добраться до тебя. Боюсь, у меня не будет этого времени...»

Конан замысловато выругался. Отчего-то его не покидала уверенность, что Милиус следит за каждым его шагом. Следит — и ничего не предпринимает. Хотя нет... Конан вспомнил многоцветное сияющее облако, которое напало на людей у Врат в

Верхний Мир. Что это было? «Нечто такое, что сто-
крат превосходит даже божественную мощь Светоча
Истины», — сказал об этом облаке Пелиас, и вол-
шебница Тхутмертари была с ним согласна. Совер-
шенно очевидно, что наславший страшное облако
пытался не допустить возвращения людей в Хайбо-
рийский мир. На миг Конан узрел тогда портал, ве-
дущий в Страну Небесного Народа. Может быть, это
скричи с помощью своей магии хотели вернуть бе-
глецов на суд Большого Совета? Вряд ли, ведь тогда
Светоч Истины, по меньшей мере, сохранял бы ней-
тралитет: мощь Митры не воюет против мощи
Митры! Но нет, магический амулет Небесного На-
рода сражался с неведомой стихией! Сражался до
конца, но тщетно. Божественная мощь столкнулась
с чем-то еще более могущественным. Может быть, в
Страну Небесного Народа их пытался запихнуть
этот... как его... Страж Земли?! Тот всемогущий
мозг, который прячется в некой Пирамиде посреди
застывшего океана. Та проклятая тварь, которая ни
за что ни про что наградила ничтожного карлика ко-
лоссальной силой, сделав его Великой Душой. То
бессмертное существо, которое однажды призвало к
себе Конана и предрекло ему победу над Тезиа-
сом — где она, эта победа, хотелось бы знать?! По-
жалуй, такая тварь способна сотворить все, что захо-
чет — хоть самого Нергала запихнуть на суд к
Митре! Тогда тем более непонятно, почему все кон-
чилось, едва успев начаться. Проклятый мозг пере-
думал? Вряд ли... Конан вздохнул. Похоже, придется
признать, что страшное облако наслав не кто иной,
как Милиус. И откуда у Скучающего Мага сила,
превосходящая божественную?! Расспросить бы
его... «Но и без Стража здесь тоже не обошлось, —
подумал Конан. — Видать, Милиус, наславший об-
лако, в самом деле пытался возвратить беглецов в
Страну Небесного Народа. Начал он свою волшбу,
отворил портал — и вот тут-то вмешался Страж! Вы-
ходит, не желает хранитель жизни на земле его, Ко-

нана, погибели. Это приятно. Все остальное — гнусно и отвратительно».

Особенно же отвратительна была неизвестность. Конан ощущал себя в унижительной роли пешки в руках высших сил, задумавших с его помощью выяснять свои отношения. Конан презирал и ненавидел тех, кто пытался им управлять. Боги, демоны или волшебники — он никому не позволит управлять собой! Никому! Даже Стражу, какой бы всемогущий тот ни был. «Ты можешь превратить меня в ничто, но пешкой твоей я не стану», — подумал варвар. Он знал, что Сидящий-в-Пирамиде слышит его мысли, равно как и мысли всех остальных жителей подлунного мира. Что ж, пусть слышит.

Конан задумчиво почесал богатырскую грудь. Кто же, однако, выручил его в последний раз — здесь, в Западном море? Страж Земли? Скучающий Маг? Бог какой — Кром или Митра? Если покопаться, у каждого из них могли найтись свои резоны сохранить жизнь киммерийцу. Впрочем, такие причины могли быть даже у Тезиаса или Тхутмертари... Да ну их всех к Нергалу! Кто выручил, тот и выручил, тому спасибо. Конан со злорадством представил себе, как бесится Тот-Амон, получивший по носу в очередной раз. Это значит, что стигийский колдун занят сейчас подготовкой новой пакости ему, Конану. Ладно, как говорится, не привыкать...

С Тот-Амоном он как-нибудь справится. Ведь справлялся же раньше — как-никак три десятка лет они воюют друг с другом! Справится и с Тхутмертари; дай, Кром, только поймать эту суку-стигийскую. Он уж все ей припомнит: и Пелиаса, и колдовское озеро, и предательство в Кеми. Конан не воевал с женщинами; так велел ему неписанный кодекс киммерийской чести. Однако Тхутмертари была женщиной только снаружи — и какой женщиной! Внутри же это была злобная змея, а со змеями у Конана всегда был разговор короткий. Меч, бросок, удар — и одной тварью Сета на Земле меньше.

Справится он и с Тезиасом, Великой Душой. Даром, что ли, за Светочем Истины таскался, выкрав его у самого Пресветлого Митры, благого бога. «Прости, Митра, так уж получилось! Вот покончу с карликом и сразу верну тебе твой Светоч, не сомневайся!»

Кстати, карлик ведет себя подозрительно тихо. К чему бы это? С тех пор как он убрался из горной цитадели своих монахов, от него ни слуху ни духу. Милиус, Тхутмертари, Тот-Амон, Пелиас, скричи, демоны и люди — все участвуют в схватке, более напоминающей чью-то дьявольскую игру. А Великая Душа — нет. Конан уже достаточно узнал карлика, чтобы понять: беспокойная натура Тезиаса не даст карлику сидеть сложа руки. Великая Душа что-то замышляет! Или уже... А, черт, может, именно Тезиас дергает за ниточки всех игроков, и Конан, Милиус, Тхутмертари, все прочие — всего лишь марионетки в руках Великой Души?! Слишком невероятно...

Как бы Конану хотелось знать, что творится на свете! Не в Обители Богов и не в Преисподнем Мире, а в Хайбории, в мире, населенном людьми. Что делается в Зингаре и Шеме, Немедии и Коринфии, Кхитае и Вендии. Но главное: как там, в Аквилонии, в его столице Тарантии?! Пришлось ли Паллантиду выполнить его поручение? Удалось ли Просперо спрятать Книгу Судеб? О, дорого бы дал Конан, чтобы получить ответы на эти вопросы! Вот тот случай, когда позарез необходим чародей с Зеркалом Лазбекри или, на худой конец, магическим хрустальным шаром! Когда не нужно, всякие колдуны лезут из всех дыр, а теперь... Теперь Конану остается только ждать, когда корабль прибудет в Мессантию. Быть может, кое-что он узнает там. А может, узнает все. Или ничего. В любом случае он вернется в Тарантию. Ибо он — король Аквилонии и обязан в трудную годину быть со своими подданными.

— Так и будет, клянусь Кромом!

«Если опять не произойдет очередное чудо и коварные боги не смешают все мои планы», — добавил он про себя.

Глава пятнадцатая

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

— **А**х, дорогой мой профессор Фонтанелли! Вы не можете себе представить, как я рад видеть вас! Я уж было решил, что вы безвозвратно покинули наш грешный мир. Тем удивительнее было встретить вас... хм... кто бы мог подумать... в моем Зачарованном Городе!

Укутанный в черные меха, Тезиас, заложив руки за спину, с улыбкой на бескровных губах, прохаживался по своей лаборатории. Перед ним, у стены, в мягком, сотканном из Живой Энергии кресле сидел доктор Луиджи Фонтанелли. Казалось, ученый из Будущего всего лишь отдыхает, но то было обманчивое впечатление: магические узы, наложенные на него Великой Душой, не давали профессору двинуться с места. Лицо седовласого ученого выражало разочарование и горечь, граничащие с отчаянием.

— Вы можете мне не верить, дорогой коллега, — продолжал Тезиас, — но я искренне тосковал по вас. Подумать только, — сокрушался я, — мы едва познакомились с уважаемым профессором, лучшим ученым Будущего, — и он вдруг покидает меня! Покидает, пытаясь вдобавок утащить в Серые Земли меня, своего гостеприимного хозяина!

— Вы — негодяй, мистер Тезиас! — воскликнул Фонтанелли. — Я искренне сожалею, что Конану и мне не удалось тогда избавить мир от вас!

— Ценю вашу искренность, доктор, ценю, — тонко усмехнулся карлик. — И вот вы решили, так сказать, повторить свою попытку. Верно?

— Да. Я прибыл сюда, чтобы помешать вам!

— Помешать мне?! — искренне изумился Тезиас. — И как же вы собирались это сделать?

— Ну... не знаю, — смутился профессор.

Тезиас с интересом разглядывал плененного старика.

— Послушайте, доктор, не надо темнить! Если у вас есть какое-то тайное оружие против меня, я все равно, рано или поздно, о нем прознаю. Так что лучше выкладывайте, что вы задумали!.. И скажите мне, где вы пропадали все это время? Как удалось вам восстановиться после смерти? Ведь вы такой же живой, как и я, — карлик лукаво подмигнул профессору. — Кто вам дал новое тело? Как вы узнали, где меня искать? Но, самое интересное, как удалось вам проникнуть в Зачарованный Город?! Ведь он неприступен! Могучие силы, повинующиеся мне, надежно ограждают его от остального мира. Незримые барьеры никого не пропускают в Город против моей воли. Как же вам удалось миновать их, а?

Фонтанелли смущенно молчал. Он и сам не прочь был получить ответы на вопросы, которые адресовал ему Тезиас. Единственное, что он помнил, оказавшись в Зачарованном Городе, — это то, что его долг — помешать карлику. Помешать, помешать, помешать! Как, когда, в чем — эти вопросы возникли в его мозгу только теперь. Поэтому док смущенно молчал, чувствуя себя полным идиотом. Явился к карлику, чтобы помешать ему, — и попался в ловушку, точно глупая мышка!

— Не хотите удовлетворять мое любопытство, — разочарованно протянул Великая Душа. — Печально, печально... Ну да ладно, не будем поминать старое, дорогой друг...

— Я вам не друг!

— Друг вы мне или не друг, а вот служить мне я вас заставлю! — отбросив благодушный тон, заявил Тезиас. — Думаете, я так уж соскучился по вашему обществу?! Соскучился, не скрою! А знаете почему? Мне нужна ваша ученая башка, дорогой профессор,

вот почему! Ведь вы в своем мире были большим докой по части путешествий во времени, не так ли?! Ваши недалновидные коллеги — там, в двадцатом веке — не сумели оценить ваш гений. Я — не они. Я верю в вас, дорогой профессор!

— Я не стану служить злодею.

— Бросьте, бросьте, дорогой профессор! Никакой я не злодей, и вы это прекрасно знаете. Я всего лишь скромный пилигрим судьбы, задумавший сделать мир чуточку лучше, чем он есть. Я не желаю людям зла...

— Вы желаете, чтобы они плясали под вашу дудку!

— А что мне еще остается делать? — развел руками карлик. — Когда вы ставите опыты, к примеру, над крысками, вы же не спрашиваете у этих милых зверюшек, удобно ли им... хи-хи... под гамма-лучами?!

— Какой же вы негодяй!

— Не надо оскорблять меня, доктор. Вы проводите опыты над крысками, а я — над людьми. Вы — ученый, а я к тому же еще и бог. У меня другой масштаб. Чего же тут удивительного?! ...Но мы отклонились от темы. Сейчас меня больше интересует другой проект, дорогой профессор. Это как раз по вашей части. Видите ли, я дал нашему общему другу Джейку три обещания. Первые два я выполнил, а вот с третьим вышла заминка. Видите ли, Джейк хочет, чтобы я вызвал в Хайборию его наемников...

— Негодяй... — прошептал Фонтанелли.

— Послушайте, доктор, вы знаете какие-нибудь другие слова?! Что вы заладили: негодяй, негодяй! Все у вас негодяи: я, Джейк... кто еще? Я не нахожу в идее Джейка ничего предосудительного. Ему хочется видеть вокруг себя знакомые лица. Людей, которым он мог бы доверять и на которых мог бы положиться.

— А вы? Зачем вам нужно это сборище отпетых головорезов? Вы собираетесь ставить на них опыты?

— Не угадали. Человеческого материала для опытов и в моем мире достаточно. Нет, я хочу использовать наемников Джейка Митчелла, так сказать, по прямому назначению!

— Вы... вы хотите натравить эту банду на невинных людей?!

— Снова промашка, дорогой доктор. Напротив, я намерен положить конец Злу, которое пустило свои корни на юге Хайбории. Я брошу армию Солдат Будущего против злобных колдунов-змеепоклонников, осевших в Стигии. Тысячелетнее зло будет раздавлено. А заодно мир узнает, кто отныне его истинный хозяин.

— Я вам не верю! Слышите, не верю! Вы совсем запутали меня! Как я вас ненавижу!..

— Ну, не нужно так волноваться, дорогой профессор. Подумайте о грандиозности нашего проекта! Только представьте: путешествие людей в Прошлое! Признайтесь, ведь это ваша мечта! Всю жизнь вы стремились претворить ее. В ней нет ничего постыдного. Дерзновенность вашей фантазии подчеркивает уникальность вашего гения. Я помогу вам осуществить мечту всей вашей жизни. А вы поможете мне. Вместе мы добьемся успеха.

Фонтанелли долго смотрел на стоящего перед ним карлика. Магические цепи надежно удерживали профессора в кресле. Яростная внутренняя борьба отражалась на лице доктора. Наконец он ответил; в неестественной тишине лабораторной палаты голос его прозвучал как звон башенных часов на его родине, в Италии:

— Я — вас — ненавижу.

Тезиас тяжело вздохнул.

— Значит, не хотите сотрудничать. Не хотите похорошему. Что ж, пеняйте на себя, доктор.

— Вы собираетесь меня пытать? Так знайте, я не боюсь пыток!

— Фи, — скривился Тезиас. — Какой вы, однако,

грубый! Зачем мне вас пытаться? Отнюдь. Вы сами мне все расскажете.

Глаза старого ученого округлились от ужаса.

— У вас ничего не выйдет... — убеждая скорее себя, чем карлика, заявил Фонтанелли. — Я сильный человек. Я выдержу ваш гипноз.

— Но вы всего лишь человек, — доброжелательно улыбнулся Тезиас. — А я, кроме того, еще и бог. Кто из нас, по-вашему, сильнее?.. Итак, мой ученый друг, почему бы вам чуток не поспать? Увидеть сны, а в снах — ваши сокровенные научные тайны... Вы спите, спите, спите... Вам снится сон... Вам снятся люди, путешествующие во Времени... Они нуждаются в вашей помощи... Как вы им поможете?

Рот профессора Фонтанелли, разверстый в беззвучном крике протеста, закрылся, маленькие серые глаза тоже затворились, седая голова поникла — но ясные, полные дерзновенных, фантастических идей мысли плавно потекли в могучий разум Великой Души, гостеприимно распахнувший им свои объятия...

Несколькими часами позже карлик Тезиас уже восседал на серебристом троне, имеющем форму пирамиды. По периметру зала стояли гномы. В их маленьких пухлых ручонках белели какие-то свертки. Гномы испуганно озирались, но, как всегда в присутствии хозяина, вели себя смирно.

Все необходимые приготовления были произведены. Давно отзвучали заклинания, созданы силовые поля, могучая энергия Стержня сконцентрирована для решающего прорыва пространственно-временного континуума. Фигуру Великой Души окутывал сверкающий кокон Живой Энергии. За окнами дворца гроыхали громовые раскаты; многоцветные молнии сыпались, точно ливневый дождь; громада Стержня, пронзающая небеса, слабо сотрясалась; по Зачарованному Городу, залитому мягким желтоватым светом, ползли туманные блики. Неба

вовсе не было видно. Иссиня-черные облака, нависшие над землей, создавали ощущение, будто Зачарованный Город скрыт в бездне циклопической подземной пещеры...

Внезапно подле трона Тезиаса всколыхнулся воздух, и из мерцающего облачка возник Джейк Митчелл. В руке его была недоеденная индюшачья ножка, а с толстых губ стекал жир. В одно мгновение оценив обстановку, американец обратился к карлику:

— Что все это значит, Тезиас?! Какого хрена ты оторвал меня от ужина? Зачем я тебе понадобился? Вроде мы обо всем договорились...

Карлик плутовато сощурился.

— Не хочу, чтобы ты пропустил самое интересное, Джейк. Как насчет третьего твоего желания, не забыл?! Бог держит слово.

— Ты хочешь сказать, у тебя получилось?! — вскричал Джейк, отбрасывая индюшачью ножку и обтирая губы полой бархатного камзола.

— Погляди сам, — с достоинством молвил Тезиас.

И он освободил колоссальные силы, подготовленные для решающего удара по Времени. Земля содрогнулась. В центре тронного зала как будто лопнул огромный воздушный пузырь. Прорыв состоялся. В центре зала возник человек. Женщина. Она была полностью обнажена; Заклинание Времени Тезиаса способно было пропускать в Хайборийскую эпоху только живую плоть. На вид женщине было лет тридцать. Высокая, стройная, она обладала помужски развитой мускулатурой; Джейк Митчелл находил такой тип женщин особо привлекательным. Гладкие белые волосы, коротко подстриженные. Черты лица резкие, выдающие сильную волю и неспокойный характер женщины...

— Аманда! Аманда Лини!!! — потрясенно воскликнул Джейк.

— Джейк?! Это ты... Что ты здесь делаешь? Где я?

Американец одним прыжком подскочил к Аманде и страстно обнял ее. Женщина не дрожала; в ее карих глазах не было страха — было только удивление.

— Я все объясню тебе позже, — прошептал он ей на ухо. — Верь мне, Эми. Пока мы вместе, с тобой ничего не случится.

Аманда кивнула; она была не только подругой и любовницей Джейка, но и первой его помощницей в отряде, которым он командовал. Она верила Джейку безоговорочно. Конечно, он ей все объяснит.

— Ну вот и славно, — потянулся на серебристом троне Тезиас. — Добро пожаловать в Зачарованный Город, дорогая. Надеюсь, тебе тут понравится.

Аманда Линн посмотрела в огромные черные глаза карлика — и уже не могла оторвать от них взгляда. Они притягивали ее, точно магниты. Без слов и доказательств она поняла, что восседающий на серебристом троне карлик — не обычный человек. словно удовлетворившись ее догадливостью, магнетические агатовые очи отпустили ее.

— Здравствуйте, сэр...

— Зови меня Великой Душой, — подсказал Тезиас. — Впрочем, можно просто «босс». Кажется, так у вас принято. Верно, Джейк?

— Это наш добрый хозяин, мистер Тезиас, — буркнул Митчелл. — Именно его мы должны благодарить за то, что очутились здесь.

— Да, конечно, — молвила Аманда, не зная, что ей делать: благодарить или гневаться. Голос у нее был сильный и низкий, с чуть заметной хрипотцой.

— Ну, вот и славно, — повторил карлик. — А теперь, дорогая Аманда, не возражаешь, если гномы оденут тебя?

— Гномы?... Какие гномы?

— Это его слуги, — подсказал Джейк, но она уже сама увидела крохотных опрятных старушек, спешащих к ней со свертками всевозможного женского белья. Пока Аманда подбирала себе наряды, между

Тезиасом и Джейком имел место следующий разговор:

— Что нужно сказать, американец?

— Благодарю. За Амандой последуют остальные?

— Несомненно. Весь твой отряд будет здесь еще до рассвета.

— Фантастика! Как тебе это удалось, Великая Душа?

— Разум, Джейк, разум и еще раз разум! И немного везения. Представляешь, здесь вдруг очутился твой старый знакомый... Угадай, кто!

— ?!

— Луиджи Фонтанелли!

— Но он же погиб!

— Вот и я удивляюсь. Самое любопытное, и он не может ничего объяснить. Я покопался в его памяти, однако не нашел ответа и там. Это весьма и весьма странно. Загадка. Если кто-то вздумал так со мной шутить, то мне не смешно... Так или иначе, док помог мне решить твою маленькую проблему.

— Добровольно?

— Добровольно-принудительно, Джейк. Мои методы гуманны и не дают осечек. Как всегда.

— Где док теперь?

— В моей лаборатории.

— Он может быть опасен.

— Ты предлагаешь уничтожить своего друга?!

— Он больше мне не друг. Док пытался убить меня. Предательства я не прощаю.

— Ты живешь по двойному стандарту, американец. Сам ты готов предать меня в любую секунду.

— Я тебе все сказал, Тезиас. Поступай с доком, как знаешь. Мне наплевать на него.

— Дерьмо ты, Джейк... Ну ладно, пора тебе возвращаться к исполнению своих обязанностей.

— Нет, постой! Я хочу встретить своих ребят!

— Не рыпайся. Когда нужно будет, я тебя им представлю.

— Дай мне хотя бы провести ночь с Амандой!

— Вот как, ночь?.. А что, Зенобия тебя не устраивает?!

— Аквилонская сучка сбежала от меня...

— Что?!!

— Я думал, ты знаешь. Куда ж ты смотришь, самозванный бог?

— Что значит: Зенобия сбежала?!

— Не захотела, сука, со мной трахаться. Огрела меня подсвечником по башке и сбежала из дворца. Не волнуйся, больше ничего не случилось. Она просто исчезла, вот и все.

— Это плохо. Плохо, очень плохо, Джейк! Она раскусила тебя. Ты это понимаешь, болван?!

— Ей никто не поверит. Дикари так боготворят своего Конана, что какой-то шлюхе, будь она трижды королевой, никто не поверит.

— Джейк, Джейк... Ты не устаешь разочаровывать меня. Она — первая ласточка. За ней могут последовать другие. Разве этому я тебя учил?

— Хорошо, я разыщу суку и разберусь с ней. Никто ничего не узнает.

— Не смей! Я сам придумаю, что можно сделать.

— Так я могу остаться на ночь с Амандой?

— Оставайся. Заодно введешь ее в курс последних событий. Пока ты в Тарантии, командовать рядом будет она.

— Есть, босс.

— Приятных развлечений... хи-хи-хи... любовнички! Смотри, о деле не забывай! Ну, пошел! Вечно я должен тебя телепортировать...

Джейк и Аманда, голые и довольные, лежали на огромной кровати в роскошном королевском покое. За стенами по-прежнему грохотал гром, тряслась земля и сверкали молнии, — это неутомимый Тезиас продолжал свою могучую волшбу, — а здесь, в спальне любовников, тишину нарушало лишь дыхание мужчины и женщины.

— Ты довольна? — спросил Джейк.

— Это ты о чем? — игриво молвила Аманда.

— Не дури, детка. Скоро рассвет, и мы должны будем расстаться. Ты хоть понимаешь, в каком дерьме мы с тобой оказались?!

— Да ладно.

Джейк легонько толкнул ее.

— Знаешь, Эми, я ведь не шучу. Все, что я тебе рассказал, — чистая правда. Ты мне не веришь?

— Почему? Верю, я верю тебе, Джейк.

— Мы по уши в дерьме, это ты понимаешь?!

— Брось! Я люблю разнообразие. Оно меня возбуждает. Ты же знаешь.

— Сперва я тоже так рассуждал, — вздохнул Джейк. — Мне казалось, Тезиас — всего-навсего ловкий мошенник. Я не прочь был подыграть ему. Черт меня дери, все оказалось гораздо хуже! Это монстр, который подминает под себя все, что движется, и при этом даже не морщится!

— Ты боишься его? — удивленно произнесла Аманда. Чтобы ее неустрашимый Джейк кого-то боялся — такого она не могла себе представить.

— Я боюсь его, Эми, — содрогнувшись, молвил огромный американец.

— Ты боишься его... — задумчиво протянула девушка. — Значит, мы в полной его власти? Так, что ли? Вроде как рабы?

— Угу. Скорее, как слуги. Мы должны исполнять его волю.

— А убить его... Ты... ты пробовал?

— Ты что, меня не знаешь? — Джейк обиженно отвернулся. Руки Аманды обвили его грудь. — Как только в дерьмовое Прошлое попал, только об этом и мечтаю! Недели тому назад воткнул ему нож в сердце.

— Ну и?!

— Ну и! — передразнил ее мужчина. — Ну и ничего не случилось! Понимаешь, сердца нет у этой твари! Нет его как такового. В буквальном смысле.

Нож обо что-то звякнул, как о металл. Разве его убьешь?! Он ведь уже мертвец!

— Должен быть какой-то выход. Кого угодно можно убить. Нужно только знать как.

— Ах, какая ты умная, Эми! И ты знаешь как? Поделись!

— Пока не знаю...

— Вот и я не знаю.

— Но мы должны что-нибудь придумать!

— Должны...

— Не покидай меня, Джейк.

— Я должен, Эми. Ведь я король.

— Ну тогда иди ко мне, мой король. Давай в последний раз...

— Да, пропади оно все пропадом! Давай!

Невидимые агатовые глаза не покидали их этой ночью. Как истинный бог, Великая Душа хотел быть везде и знать все.

Тоскливо скрипнули ржавые петли. Тяжелая бронзовая дверь нехотя отворилась, пропуская Тхутмертари в чернильную тьму фамильного склепа. Тусклый свет луны не решился следовать за волшебницей в обитель мертвых. Девочка, восьми-десяти лет, в изорванном платье, связанная крепкими пеньковыми веревками, едва слышно всхлипнула. Воспаленные, наполненные застывшим страхом глаза несчастной больше ничего не выражали. Резко дернув маленькую пленницу за спутанные каштановые волосы, принцесса потащила ее за собой в склеп.

Здесь царили могильный холод и зловоние разлагающихся веками трупов. Больно ударившись головой о ступеньку, девочка потеряла сознание. Однако ясно-сапфировые глаза Тхутмертари видели в крошечной тьме так же хорошо, как и при ярком дневном свете. Могильный холод не доставлял неудобств ее роскошному обнаженному телу, и удушающее дыхание склепа не беспокоило ее. Легко спустившись в большой зал, где правильным порядком стояли мра-

морные саркофаги, она отыскала нужный ей гроб. Не прикасаясь руками к мрамору, она тихо прошептала несколько несложных заклинаний. Крышка гроба с ужасным скрежетом поднялась вверх. Взору принцессы предстал неплохо сохранившийся труп рослого мужчины средних лет. Гниение почти не затронуло его. Судя по всему, при жизни это был красавец, да и сейчас, на взгляд волшебницы, он выглядел просто великолепно. По сравнению с мертвецами, с которыми ей приходилось общаться, порою даже очень близко общаться, этот жмурик казался прекрасным принцем.

Тхутмертари встряхнула свою пленницу, точно куклу. Девочка открыла ничего не видящие глаза. Принцесса ухватила ее змеиной рукой за ноги, а второй рукой — той, где располагался кинжальный палец, — перерезала девочке горло. Свежая кровь густой струйкой полилась на грудь мертвеца. Водя телом девочки над саркофагом, волшебница равномерно окропила труп девственной кровью. Когда кровь из маленького тельца перестала течь, Тхутмертари отбросила его за ненадобностью.

Затем она произнесла несколько заклинаний посложнее и сделала над трупом несколько привычных для подобного колдовства пассов обеими руками.

— Лапинус! — негромко позвала золотоволосая красавица. — Откликнись, я призываю твой дух из бездн Ада! Явись в свое земное тело; пусть свежая кровь девственницы оживит твой разум! Демоны, терзающие душу, уйдите прочь! Это говорю я, принцесса Тхутмертари! Во имя Сета Великого и Всемогущего, нашего Вечного Отца, повинуйтесь мне!

Она услышала хриплый разочарованный вой; вскоре он затих вдали. Гнилые глаза мертвеца открылись.

— Лапинус, ты слышишь меня? Ответь!

Рот трупа остался недвижим, но глухой скрежещущий голос донесся до уха принцессы:

— Да, я слышу тебя. Кто ты?

— Я — та, которая призвала тебя из бездн Ада, где демоны терзали твою грешную душу. Я — та, в чьей власти вернуть тебе радость земной жизни или обречь твой дух на вечные муки в самых страшных Преисподних.

— Что тебе нужно?

— Расспросить тебя.

— Спрашивай.

— Зверь, которого создал твой отец, маг Парацельс, сурийский тигр. Ты усмирил его. Как ты это сделал?

Труп издал долгий хныкающий и скрежещущий смех, в котором Тхутмертари почудилась издевка.

— Не шути со мной, Лапинус. Отвечай на вопрос.

— Почему тебя интересует этот зверь, женщина?

— Ты не смотри, что я женщина, Лапинус, — тихо промолвила Тхутмертари, но ее шепот был страшнее самого жуткого крика. — В мире нет некромантов, равных мне по силе. Я повелеваю демонами, которых ты даже не можешь представить в самом кошмарном сне.

— Ты не того пугаешь, женщина-некромант. Я только что из Ада. Я видел демонов. Они истязали меня, и я привык.

— Те демоны покажутся тебе ласковыми котятками, когда ты поближе познакомишься с моими друзьями. Итак, ты будешь говорить?

— Я не верю тебе. Ты стигийка.

— Да, я стигийка, клянусь чешуей Сета! Говори, мертвяк, или я исполню свою угрозу!

Трупный хохот прозвучал снова.

— Ты не сделаешь это, красавица. Я нужен тебе. Я знал, что ты придешь. Мне было видение. Я узнал тебя. Ты — та, кто хочет править миром.

Тхутмертари со злостью закусил губу. Проклятый жмурик оказался крепким орешком. Но ничего, она обязательно расколется! После всего, через что

ей пришлось пройти, не отказываясь же от своей миссии из-за какого-то недоразложившегося трупа!

— Да, я хочу править миром, — прошипела она. — А чего хочешь ты, мертвая тварь?

— А я хочу тебя, красавица! — проскрежетал труп Лапинуса.

Волшебница с трудом сдержала смех. Она ожидала гораздо большего! Все они таковы, эти мужчины, что живые, что мертвые. Как увидят красивую женщину, так и забывают обо всем!..

— Ты много хочешь, Лапинус, — проговорила она. — Я дорого стою!

— Не дороже, чем Тайна, которая сделает тебя Великой, — парировал мертвец.

— И как, по-твоему, мы сделаем ЭТО? Я — живая, а ты — мертвый!

— Не мне тебя учить, — проскрежетал труп.

«Определенно, он неглуп», — отметила Тхутмертари. Словесная пикировка с Лапинусом доставляла ей удовольствие, возбуждала, да и просто была полезна как прелюдия к тому, что стало неизбежным. Волшебница не отличалась брезгливостью, и перспектива совокупления с трупом даже несколько увлекала ее. Она действительно была превосходным некромантом; ей были ведомы особые заклинания, которые заставляли мертвого самца вытворять такое, что живому мужчине просто никогда не придет в голову.

— Ну хорошо, будь по-твоему, — рассмеялась она. — Я согласна. Давай, говори свою Тайну.

Она знала, что он ей ответит. И не ошиблась.

— Нет, так не пойдет. Сначала займемся любовью.

— Ты думаешь, я обману? — притворно оскорбилась принцесса.

— Не сомневаюсь. Иначе бы ты не была самой собой.

— А почему я должна верить тебе? Ты, мертвяк, все от меня получишь, а потом ничего не скажешь.

— Ты себя недооцениваешь, красавица.

Вот теперь Тхутмертари звонко рассмеялась. Золотые волосы разметались по точеному телу. Этот жмурик ей определенно нравился!

Не говоря больше ни слова на человеческом языке, волшебница произвела все необходимые приготовления, а затем освободила труп от полуистлевшей одежды и, соблазнительно приоткрыв пухлые влажные губки, легла на него. Звуки совершенно определенного свойства прервали вековую тишину могильного склепа. А когда они наконец стихли, и двое, получившие наслаждение каждый на свой манер, разлепили объятия, труп Лапинуса произнес:

— Демона, которого создал мой отец, маг Парательс, зовут Сур. Я продал его Тараску, немедийскому королю.

— Тараск сказал мне, что демон сожрал твоего отца.

— Это правда. Сур сделал это, как только открыл глаза.

— Ты сам видел?

— Да. Я ничем не мог помочь отцу.

— Но после ты усмирил демона. Как?

Даже труп почувствовал, как неистово бьется сердце девушки.

— Тебе нужны заклинания, красавица?

— Да, клянусь Сетом! Передай мне их!

Гнилые глаза смотрели на волшебницу с явной насмешкой. Наконец Лапинус изрек:

— А их не было.

Тхутмертари точно громом поразили.

— Что?! Их не было? Заклинаний не было?! Как это — не было?! Как же ты усмирил демона?

Мертвец хохотал долго, точно желая известить волшебницу неведением.

— Говори же, мертвая тварь! Как ты усмирил демона без заклинаний?

— Я его просто усыпил. Усыпил, а потом отвез Тараску. И продал.

Тхутмертари изумленно встряхнула бесчисленными золотыми кудрями. В ТАКУЮ удачу просто невозможно было поверить!

— Так демон не заклят? — переспросила она.

— Я его не заклинал. Отец мой, Парацельс, тоже. Он лишь нарек его. Демон Сур не заклят, красавица. Волшебница грациозно соскочила с труппа.

— Ну и ну, Лапинус! И почему ты только умер?

— Вот поэтому. Чтобы дожидаться сегодняшней ночи. Кому бы я нужен был, рядовой колдун средней руки?! А теперь — теперь я познал любовь с великой королевой Тхутмертари! Разве ради этого не жалко умереть?!

— Ты назвал меня великой королевой. Но я пока всего-навсего принцесса. Тебе было видение?

— Да. Я вижу будущее, моя королева. И я не завижду тем, кто там, наверху, ходит по земле. Пусть лучше они завидуют мне.

— Ты очень умен, маг Лапинус. Наверное, ты знаешь, что станет с тобой после нашей встречи?

— Разумеется, знаю.

— И не страшишься?

— Я готов.

— Ну так получай!!!

— Приветствую тебя, Мудрейший.

— А, это ты, моя маленькая Тху... Ты молодец! Вот теперь ты знаешь ВСЕ.

— Воистину, так. Твое пророчество будет исполнено, Мудрейший. Скажи только, когда я должна начать.

— Шесть дней осталось до полного солнечного затмения. Это — Знак. Когда Око проклятого Митры закроет Луна и сила Сета возрастет многократно, ты должна сотворить Заклятие.

— Я так и сделаю, о Мудрейший Люф.

— Эти шесть дней станут самыми тяжелыми для тебя, моя маленькая Тху. Существуют силы, которые сделают все, чтобы помешать тебе. Берегись!

- Не мне бояться козней Тот-Амона.
- Козни Тот-Амона — не самое страшное, что угрожает тебе. Берегись!
- Я запомню твои слова, Мудрейший.
- Как ты намерена провести эти дни?
- Наведаюсь в Луксур. Меня успели там подзабыть. Я хочу напомнить о себе.
- Это опасно. Ты не можешь рисковать своей миссией, моя маленькая Тху.
- Ну и что?! Мудрейший, ты сам учил меня спешить навстречу опасностям! Быть дерзкой и бесстрашной, хитрой и коварной, умной и беспощадной! Я была такой. И такой останусь, клянусь щупальцами Сета! Я первой нанесу удар. А если погибну — значит, твое пророчество ложно и я не достойна вести силы Вечной Тьмы в Последнюю Схватку! Пусть это станет моим решающим испытанием. Я сама налагаю его на себя. Ты увидишь, на что я способна!
- Я не ошибся в тебе, моя маленькая Тху! В день солнечного затмения взойдет твоя Великая Звезда. Затем Око проклятого Митры вновь осветит Землю, но то будут его последние дни! Его агония! Ибо Миром будешь править ты, во имя и во славу Всомогущего Сета!.. Благословляю тебя, великая королева! Прощай, моя маленькая Тху.
- Прощай, о Мудрейший Люф.

Все девяносто восемь наемников из отряда Джейка Митчелла выстроились у входа в королевский дворец. Это были рослые, крепкие парни, владеющие самыми разнообразными боевыми искусствами, известными цивилизации к концу двадцатого века. Это были люди, готовые на все ради богатства, славы и острых ощущений. Иных людей в своем отряде Джейк Митчелл не держал. Каждый из них был облачен в удобный походный костюм, напоминающий военную форму, к которой они привыкли.

Аманда Линн, единственная женщина в отряде, держала перед ними речь.

— Послушайте, парни! Вам предстоит приключения, о которых вы не могли и мечтать! Вы попали в сказку, ребята! Здесь есть колдуны, которые сами просятся под ваш нож. Здесь есть самые настоящие чудовища — они только и ждут, чтобы вы угостили их очередью из гранатомета. Здесь много красивых дамочек — настоящее раздолье для ваших рук и... и других частей тела. Вы понимаете, о чем я, ребята?! И еще здесь много золота, парни. Оно валяется под ногами! Мир здесь населяют дикари, которые понятия не имеют, что такое пуля. Сумеете ли вы объяснить им это, ребята?! Возьмете ли на себя роль миссионеров?!

Каждую фразу капитанши сопровождал новый взрыв одобрительного хохота. Аманда продолжала:

— Мы служим могущественному богу Тезиасу, который есть Великая Душа. Он наш босс. Если мы будем верно служить ему, он щедро вознаградит нас. Великая Душа повелел мне передать вам следующее. Он считает, что каждый из вас должен быть вооружен так, как сам наш любимый кэп, Джейк Митчелл...

— А кстати, мэ, где Джейк? — раздались голоса.

— Он выполняет особое задание Великой Души. Вы еще увидите его, парни. Так вот, в качестве аванса наш добрый босс мистер Тезиас жалует каждому из вас по «Черному коршуну»!

Наемники разразились восторженными криками.

— Тихо, псы! — прикрикнула на них Аманда. — Вы хотите знать, как такое возможно?! Ведь «Черный коршун» один, не так ли?! А вы помните то пойло, которое изобрел наш друг, старина Фонтанелли?

— Это, что ли, универсальное вещество?! Ну и дерьмо!

— Так вот, ребята, это самое универсальное вещество, по задумке дока, способно копировать все,

что угодно! В нашем мире оно не работало, и знаете почему? Потому что оно мертвое, это самое универсальное вещество! А теперь, парни, оглянитесь вокруг. Все, что вы видите, соткано из Живой Энергии. Из живой, парни! Вы улавливаете, к чему я клоню?.. Она тоже может воспроизводить все, что угодно, и даже лучше, чем дерьмовое пойло старины дока! Эта Живая Энергия тоже подчиняется нашему боссу. Великая Душа дарит каждому из вас вертолет, созданный из Живой Энергии, ребята! Вертолет, который ничем не отличается от «Черного коршуна» Джейка! Вы понимаете меня?! У каждого из вас будет свой «Черный коршун», парни! Не игрушка, а настоящая боевая машина с полным боекомплектом! Ясно, псы?! Отныне мы — непобедимы!

— Я нарекаю вас Отрядом Черных Коршунов, — внезапно прозвучал властительный голос Тезиаса, и девяносто девять наемников разом увидели, как окружающие исполинский Стержень бесчисленно-многоугольные и многоцветные «здания» превращаются в могучие боевые машины, точные копии великолепного Ангела Смерти, первого «Черного коршуна».

— Берите и владейте, — звучал над Зачарованным Городом властительный глас Великой Души, и Солдаты Будущего с трепетом внимали ему. — Берите и владейте, это теперь ваше, мои Черные Коршуны. С вами я покорю мир!

Глава шестнадцатая

КОРОЛЕВСКИЙ СУД МЕССАНТИИ

«Быстрый Сокол» величественно входил в гавань Мессантии. Конан любил этот шумный, веселый, беспокойный город. На его улицах можно было встретить людей любых стран и любых профессий. Высокий, худощавый, светловолосый гипербореец

мог запросто столкнуться на улице с тщедушным узкоглазым кхитайцем; беззаботный подвыпивший зингарец — с мрачным, замкнутым в себе стигийцем; утонченный немедийский аристократ — с размалеванным дикарем из Черных Королевств. Монашки самого строгого поведения спешили по своим богоугодным делам, а из окон борделей им вослед насмешливо поглядывали полутолые шлюхи. Толстобрюхие купцы жили по соседству с отпетыми разбойниками, готовыми за медяк зарезать собственного отца. Ремесленники, работающие от зари до зари, с презрением поглядывали на праздно шатающихся наемников, а те, в свою очередь, — на трудолюбивых мастеров. «Если хочешь увидеть мир, приезжай в Мессантию», — гласила аргосская половица.

Но больше всего в аргосской столице было моряков. Мессантия негласно считалась главными морскими воротами всего Хайборийского континента, и аргосцы особенно гордились этим. Король Мило, равно как и его предшественники, не отличался особой щепетильностью; в гигантском порту Мессантии, похожем на муравейник, можно было встретить и мирную купеческую галеру, и стройную каравеллу иноземного графа, и пиратский карак. Плати пошлину — и чувствуй себя как дома. Никого особенно не интересует, чем ты зарабатываешь себе на жизнь. Главное: в аргосской столице ведай себя смирно, по местным либеральным понятиям, разумеется. Дуэли и драки — не в счет. Но если ты, паче чаяния, оскорбил честь аргосской короны, напал на достойного человека, имеющего связи в высших кругах или, того хуже, прославился кровавыми деяниями, однозначно ставящими тебя вне закона, — твои дела плохи, парень. Аргосское правосудие тяжело на подъяе, но, если оно всерьез за тебя возьмется, не жди пощады!

Конан думал об этом, глядя на приближающуюся гавань, и вспоминал свои прошлые похождения.

Кем ему только не пришлось побывать! По аргосским законам он в равной мере заслуживает смертной казни и богатой награды. Здесь найдется порядочно людей, которые с огромной радостью увидели бы его болтающимся на виселице посреди Ратушной площади. Или людей, готовых щедро заплатить за немедленное исполнение смертного приговора. Или даже людей, мечтающих прирезать великана-киммерийца собственноручно, причем совершенно бесплатно. Людей, которых Конан, положа руку на сердце, рискнул бы назвать своими друзьями, было здесь несравненно меньше.

И все-таки он был рад снова видеть вечерние огни порта, невысокие белые стены, разбросанные вдоль берега кабаки и бордели, где уставший после очередного морского путешествия искатель приключений мог отдохнуть и расслабиться. Киммериец жадно вдыхал соленый аромат мессантийского муравейника; натура прирожденного авантюриста всегда толкала его сюда — здесь, среди таких же, как он сам, разбойников и головорезов, он чувствовал себя в родной стихии. Конан уже успел отвыкнуть от полнокровной жизни матерого морского волка, ведь его страна, Аквилония, не имела выхода к морю. Став королем, Конан навещался сюда, в Мессантию, по случаю, и случаи эти, с завидным постоянством, были весьма неприятного свойства. Чего стоят хотя бы его приключения в Мессантии во время охоты за Сердцем Аримана! Нет уж, сейчас он не может позволить себе рисковать добытым! Необходимый ему камешек, Светоч Истины, уже при нем, и варвар не испытывал желания снова искушать судьбу.

Сначала киммериец планировал незаметно скрыться, затерявшись среди многоязыкой толпы, как только посольский галеон пристанет к берегу. К дьяволам магию, колдунов и демонов! Есть много других способов разузнать, что творится в мире. А где отыщешь больше охотников потрепать языка-

ми и посудачить о том о сем, как не в тавернах аргосской столицы?! А затем — затем снова в путь, в Тарантию, его, Конана, столицу.

Так рассчитывал он поступить. Однако коварные боги, милостиво позволившие ему благополучно доплыть до Мессантии, как видно, сочли его план слишком скучным. Им, коварным небожителям, подавай развлечения! Они любят преподносить людям сюрпризы, а ему, Конану, — в особенности. И вот, едва «Быстрый Сокол» возник на рейде Мессантии, к галеону тотчас подошел сторожевой корабль. На борт поднялись королевские гвардейцы, и капитану было объявлено, что Его Величество Мило, король Аргосский, желает немедленно видеть своего посла в Стигии, графа Олтарио. А поскольку графа Олтарио на галеоне не оказалось, а в качестве капитана гвардейцам предстал Конан, они настояли, чтобы к королю явился именно он, Конан. Поразмыслив немного, киммериец не стал возражать.

Конечно, он, приложив некоторые усилия, мог раскидать гвардейцев Мило и попросту смыться. Но тогда о его план можно будет смело вытирать ноги. Если он сбежит, найдется немало «доброжелателей», которые свалят на него и убийство посла, и провал миссии в Стигии, и кучу других преступлений. За ним будет объявлена настоящая охота. Конан знал, что это такое. От аргосских стражей порядка можно было скрыться только в море, да и то, если очень повезет. Но ему-то нужно было на материк! Аргос у моря только начинался; страна эта была обширна, и до аквилонской границы любая погоня его обязательно настигнет.

К тому же Конан не видел оснований опасаться встречи с королем Мило. Аквилония и Аргос поддерживали добрососедские отношения. Уже в бытность Конана королем, Мило посещал с визитом Тарантию. Граф Пуантенский Троцero, ближайший сподвижник и друг Конана, был также давним другом аргосского монарха. Благодаря той давней друж-

бе, Мило десять лет назад позволил Конану и Троцero собрать на аргосских землях мятежную армию, которая в конце концов одержала победу над воинством безумного аквилонского короля Нумедидеса. В силу всего этого киммериец рассчитывал встретить во дворце Мило радушный прием. А когда аргосский монарх узнает, что Конан спас его от козней вероломного Тот-Амона, может статься, Мило даже в чем-то поможет ему.

Облаченный в парадные одежды морского капитана, Конан в сопровождении аргосских гвардейцев прибыл во дворец. Уже был поздний вечер, но король Мило немедленно принял его. Мило, невысокий плотный старик с роскошной белой бородой, сидел за небольшим овальным столом, а рядом с ним расположились его ближайшие советники. Здесь же были и сыновья короля, Кассио и Ариостро. Конан кратко и сухо, не тратя времени на пышные эпитеты, рассказал Мило о своих приключениях. Разумеется, он начал со своего бегства из Кеми, где, по его словам, у него вышли крупные разногласия с местным духовенством. Обо всем же прочем — о загадочном маге Милиусе, Стране Небесного Народа, Светоче Истины, Преисподних Мирах, принцессе Тхутмертари, демонах и колдунах — он счел за благо умолчать. Мило узнал о подломе заговоре Тот-Амона, услышал парочку нелестных характеристик своего покойного посла, графа Олтарио, и получил вдобавок несколько бесплатных рекомендаций, как следует вести дела со стигийцами. Мило внимательно выслушал киммерийца, а затем, глядя прямо в глаза огромному варвару, отчетливо:

— Не знаю, кто ты: стигийский подсыл, ловко разыгравший перед нами свой гнусный фарс, или тот самый Лев-Амра, кровавый вожак черных корсаров, или же просто подлый мошенник, задумавший заговор против нас. Вот только королем Аквилонским ты, самозванец, никак не можешь быть! Ибо

король Аквилонский Конан, мой царственный брат, да продлит Пресветлый Митра его дни, пребывает в добром здравии и шлет мне из Тарантии богатые дары с приветственным письмом в придачу! Вот оно, полюбуюсь!

Глаза Конана полезли на лоб, когда в пухлых руках Мило он увидел лист красного пергамента, написанный его, Конана, размашистым почерком и скрепленный его, Конана, собственной королевской печатью! А в следующий миг на его, Конана, затылок обрушился мощный удар, и Конан больше ничего не увидел.

Когда он пришел в себя, парадного капитанского костюма на нем уже не было. Облачен он был в грубую полосатую холщовую рубаху, а запястья и щиколотки его стягивали тяжелые кандалы. Рот его был заткнут кляпом, на голове красовался позорный колпак преступника, пойманного с поличным. Никакого оружия при нем, естественно, не было. Но, самое страшное, пока он был без сознания, с него сняли бесценный черный перстень. Где теперь Светоч Истины, добытый с таким трудом?! Конан этого не мог знать. Он яростно замычал, пытаясь вытолкнуть кляп, — тщетно...

— А, вот ты и очухался, грязный негодяй, — услышал он чей-то презрительный голос.

Конан огляделся; глаза ему не завязали. Зал Ра-туши он узнал сразу. Королевский суд Мессантии заседал здесь только по особым случаям. По-видимому, те, кто собрал его теперь, считали случай с Конаном воистину особым. Длинные скамьи были заполнены народом. На возвышении, за трибуной, сидел судья, чуть ниже располагались места для писцов, защиты и обвинения. Однако кроме судьи, здесь были только два писца. Это означало, что суд закончен, и Конана привели в чувство только для того, чтобы огласить ему приговор.

— ...Итак, — говорил судья, — мы выслушали

стороны обвинения и защиты, заслушали показания свидетелей. Достопочтенные граждане Маурицио и Антионе, члены Купеческой Гильдии Аргоса, опознали в подсудимом печально знаменитого в прошлом вора, пирата и разбойника Конана, известного под именем Амра, что на языке чернокожих корсаров значит Лев. Означенный Конан со своей бандой грабил и топил корабли добропорядочных аргосцев, а людей безжалостно пытал и убивал. Имеются неопровержимые свидетельства того, что подсудимый нападал также на наши города и деревни, где творил многочисленные бесчинства и злодеяния...

— Смерть! Смерть ему! Смерть Амре! — раздались возмущенные крики из зала. Судья ударом молотка призвал публику к тишине и продолжал:

— У нас имеются также показания капитана Альфицио с галеона «Быстрый Сокол». По свидетельству достойного капитана, подсудимый обманом проник на посольский галеон, вероломно убил посла, почтенного графа Олтарио, а самому капитану Альфицио, вступившемуся за честь нашей державы, отрубил руку, — зал разразился гневными возгласами. — Затем подсудимый, отстранив законного капитана, захватил управление кораблем. Дальнейшие действия подсудимого показали, что он не просто ловкий, бесчестный авантюрист и гнусный убийца, но и коварный колдун, — вздохи ужаса и изумления в зале. — Капитан Альфицио задает суду закономерный вопрос: как иначе, если не посредством колдовства, один человек может одолеть пять вражеских галер с экипажами хорошо вооруженных воинов?! Факты подтверждают, что означенный Конан разыграл в море близ Кеми хорошо продуманное представление, чтобы войти в доверие к команде «Быстрого Сокола». Когда же это ему удалось, черный фрегат стигийцев, преследовавший наш галеон, повернул обратно в Кеми. По мнению суда, сие неопровержимо доказывает, что подсудимый состоял в сговоре со стигийцами. Силы в Стигии, выступающие против

мира между нашими странами, подослали его, чтобы он убил нашего доброго короля Мило!

Зал взорвался такими воплями негодования, что судье пришлось изрядно потрудиться, восстанавливая порядок. «Смерть стигийскому подсылу! На костер колдуна! Смерть! Смерть! Смерть!» — неслось со всех сторон.

— ...В довершение ко всему, — продолжал судья, когда публика наконец успокоилась, — подсудимый имел наглость явиться во дворец нашего владыки и назваться королем дружественной нам Аквилонии. Между тем истинный король Аквилонии, который по странному совпадению также именуется Конан, жив и сейчас находится в Тарантии; тому представлены неопровержимые доказательства. Суду ясно, что в злодейский замысел самозванца входило не только убийство нашего короля, но и провоцирование большой войны Аргоса с Аквилонией!..

— ...Итак, по мнению суда, обвинению удалось полностью доказать вину подсудимого. Признав неопровержимость представленных суду улик и свидетельских показаний, защита также согласилась с выводами обвинения. А они таковы: подсудимый Конан являет в своем лице известного бандита Амру, стигийского колдуна, подосланного для убийства нашего короля, и подлого авантюриста-самозванца, намеревавшегося спровоцировать войну Аргоса с могущественной Аквилонией!.. Согласно нашим законам, перед вынесением приговора подсудимый имеет право на последнее слово. Однако, учитывая, что подсудимый владеет колдовским искусством и под предлогом произнесения речи в свою защиту может воспользоваться нечистой магией, суд, испросив на то изволение нашего доброго короля, постановил лишить подсудимого последнего слова...

— Правильно! Негодяй не заслуживает милости! Смерть ему!!!

— ...Каждое из доказанных преступлений подсу-

димого заслуживает смертной казни, — говорил судья. — Согласно нашим законам, бандит и головорез Амра подлежит повешению. Авантюрист и самозванец, замысливший цареубийство, должен быть казнен посредством отсечения головы. А колдуна, уличенного в нечестивой магии, полагается подвергнуть публичному сожжению... Однако юридическая практика Аргоса не содержит прецедента, когда бы в одном лице мы имели преступника, заслужившего три разных вида казни. Поэтому королевский суд Мессантии, приговорив означенного Конана к смерти, покорнейше просит Его Величество короля Мило самого выбрать вид наказания. Суд закончен!.. Стража, препроводите осужденного в камеру!

Трижды стукнув молоточком по столу, судья поднялся со своего места. А дюжие стражники подхватили закованного в кандалы киммерийца и потащили его в тюремный подвал Ратуши. Ему вдогонку неслись вопли и проклятия беснующейся толпы. Законопослушные аргосцы выражали так свое полное удовлетворение справедливым приговором матерому преступнику.

В камере было темно и сыро. Бледный лунный свет струился сквозь небольшое окно в потолке, забранное частой решеткой. Узник не метался в цепях, не извивался, пытаясь освободиться, не стонал, даже не пробовал вытолкнуть кляп изо рта. Однако было бы величайшей ошибкой объяснять его поведение покорностью злой судьбе. О, этот сильный человек просто не умел покоряться! Вот и теперь он, не расходуя силы в бесплодных попытках освободиться, занимался единственно тем, что могло принести ему спасение: он ждал. Ждал и думал, как выбраться из передраги, в которую его завела собственная глупость.

Конан не психовал, не ругал последними словами весь белый свет, не проклинал короля Мило и его подручных. Виноват он сам. Его мозгов хватило,

чтобы разгадать многие головоломки последних событий. Он был уверен: все или почти все разгадано им правильно. Однако то ли варвар переутомился в своих мыслительных упражнениях на борту «Быстрого Сокола», то ли просто увлекся, но, так или иначе, он проглядел элементарнейшую ловушку — и, как обязательно бывает в таких случаях, немедленно угодил в нее!

Конечно, проще всего было бы объяснить аргосское судилище чьими-то злыми происками. Если эта догадка верна, лиходей — большой мастер в искусстве придворных интриг и манипулирования правосудием. Или в колдовстве. Некто мог околовать короля Мило, судью, стражников и так далее.

Нетрудно догадаться, кто этот Некто. Положим, одного Мило мог одурачить любой из колдунов Черного Круга. Тот-Амону под силу загипнотизировать несколько человек. Но чтобы так вопили из зала — здесь нужно недюжинное искусство внушения! Конан знал: в мире есть только одна скотина, которая способна околдовать сразу десятки человек, да что там, целый город! Имя ей — Великая Душа. Если все подстроено карликом, нужно признать, он поработал на славу!

И все же киммериец не торопился обвинять Те-знаса. Богатый жизненный опыт приучил его не искать колдовства там, где события могли развиваться своим естественным путем, без вмешательства магии. Вот и теперь: могло ли здесь обойтись без колдовства?!

Конан не хотел лгать самому себе: если и пахло колдовством, то лишь самую малость. В чем его обвинил аргосский суд? Он — Амра, вожак жестоких черных корсаров? Да, он — Амра. Аргосские корабли грабил? Грабил. Хоть много воды утекло с тех пор, но для его преступлений, о которых слагались легенды, не было срока давности. «Могли ли Амру заложить местные купцы, пострадавшие от него в те времена? Могли — и заложили при первом удобном

случае. Достойна ли голова Льва-Амры торчать на колу у Ратуши в назидание всем прочим разбойникам? Достойна», — не без гордости отвечал сам себе Конан.

Еще его объявили колдуном и стигийским подсыллом. Вся команда посольского галеона видела, как он в одиночку разделался с десятками стигийцев. И если победа в схватке с людьми как-то могла быть объяснена великим воинским искусством гиганта-варвара, то как объяснишь его победу над скелетами в стигийском шлюпе? Все видели, как взметнулась рука с черным перстнем и ходячие скелеты рассыпались на груды костей. Ну не колдовство ли?! А что еще мог замышлять коварный стигийский колдун, как не подлое убийство любимого аргосским народом короля?!

Не удивила Конана и измена капитана Альфицио. Из-за Конана капитан лишился руки, утратил власть над своей командой, да к тому же миссия, которую представлял посол, граф Олтарио, с треском провалилась. Альфицио, видать, рассчитывал вернуться на родину героем, — как же, при его, Альфицио, поддержке послу удалось заключить долгожданный мир! — а вернулся жалким калекой. Вся слава доставалась киммерийцу. Во время плавания к Мессантии Альфицио вел себя тихо и тем усыпил бдительность Конана. Но едва ступив на родную землю, аргосский капитан поспешил выложить стражам порядка свою версию морских приключений. Спрашивается, кому должны были верить люди короля Мило: своему преданному капитану или подозрительному чужестранцу, который оказался к тому же знаменитым пиратом Амрой?! Так что и здесь не было, видать, никакого колдовства.

Оно, безо всякого сомнения, присутствовало в третьем обвинении, выдвинутом Конану: он-де самозванец. Старик Мило был настолько любезен, что предоставил киммерийцу возможность самолично убедиться: Конан Аквилонский сидит в Тарантии

и шлет оттуда богатые дары! Письмо и королевская печать были подлинными. «Но, сожри меня Сет, ведь я не писал его, да и не мог писать!» — подумал Конан. Кто же намарал это проклятое письмо? Кто позаботился, чтобы оно «вовремя» попало к королю Мило? Кому понадобилось столь ловко подставлять его, истинного государя Аквилонского?

Объяснений было множество, но интуиция подсказывала Конану самое худшее: пока он, истинный король, путешествовал в Страну Небесного Народа, сражался с демонами в Преисподних Мирах, убегал от стигийских колдунов в Кеми, плавал на посольском галеоне в Западном море, — в это самое время хитроумный карлик, воспользовавшись его отсутствием, сдержал-таки свое обещание и посадил на Рубиновый Трон двойника, своего ставленника! И теперь этот грязный ублюдок, Джейк, восседает на его, Конана, троне, царствует и правит, а затем, ночью, когда ему, грязному ублюдку, надоедает попускать гордыми аквилонцами, он идет в спальню Зенобии и...

Конан забился в бессильной ярости. Будь вы прокляты, коварные боги! Дай только Кром добратся до тебя, распроклятый двойник! Ты пожалеешь, что не остался там, в Замке Синих Монахов, с раскопанным черепом! И до тебя я доберусь, гнусный карла! Тебе, наверное, очень смешно видеть меня здесь, в аргосской темнице, закованным в цепи и приговоренным к смерти! Ловко же ты все подстроил! Торжествуй, пока можешь. Покуда я жив, ты еще не победил, Великая Душа!

Воистину, третье обвинение было самым скверным. Сумей киммериец доказать, что он, Конан, и есть истинный король Аквилонии, от остальных наветов можно было бы кос-как отбрезаться. Владыке могущественной соседней страны больше веры, чем грязному пирату Амре. Да и Мило ни за что бы не стал казнить своего царственного брата Конана, неважно, Амра тот или не Амра. А теперь, из-за этого

проклятого письма, у Мило нет сомнений: он, Конан, — Амра, стигийский подсыл и самозванец впридачу!

Скверно, воистину скверно. Его обложили со всех сторон. Ему никто не верит. Даже слова не дают сказать. Все против него. Враги торжествуют. Тем более надо выбраться отсюда! Выбраться — и показать им всем, как сильно они заблуждаются!.. Интересно, какую казнь выберет для него Мило? С виселицы можно бежать; не создана еще веревка, которая выдержит вес его тела. С эшафота бежать сложнее, но можно попытаться прикончить палача, а потом, воспользовавшись суматохой, скрыться. И то и другое киммериец как-то уже проделывал. Хуже, если его захотят сжечь на костре. Может, настоящий колдун и мог бы уберечь себя от огня. Но Конан — не колдун. Вряд ли огонь пощадит его. Оставалось рассчитывать только на случай да на помощь богов. Если им, коварным небожителям, все еще любопытно, чем закончится сия запутанная история, они не дадут ему умереть... Впрочем, кто их, богов, знает: у них свои причуды и своя, отличная от человеческой, логика...

От горестных дум киммерийца оторвал топот кованых сапог за стеной. Дверь камеры распахнулась. В проеме стоял невысокий молодой человек. Факел, который он держал в руке, освещал богатый золотой доспех, украшенный гербом Аргоса. Светло-каштановые волосы и толстошеекое лицо. Конан изумленно моргнул.

— Я Кассио, наследный принц Аргоса, — сказал молодой человек и добавил, обращаясь к сопровождающим его стражникам: — Оставьте нас ненадолго, господа.

— Никак нет, Ваше Высочество, — промолвил начальник стражи. — Прошу меня простить, но приказ вашего отца, короля, строг. К негодяю не велено никого пускать.

— Приказ распространяется на меня? — ледяным тоном осведомился Кассио. Конан так и не смог по-

стичь науку вот так запросто, без крика и угроз, вгонять в трепет подданных, — а у потомственных принцев это неплохо получалось! Наверное, что-то родовое, королевская кровь... В свете факела было особенно заметно, как побледнел стражник.

— Да, Ваше Высочество, — неуверенно молвил он. — Король...

— С королем, моим отцом, я объяснюсь сам, — отрезал наследник. — Оставьте нас, господа. Вы уже заставили меня повторять дважды.

— Негодай может быть опасен, Ваше Высочество, — пролепетал несчастный стражник в последней попытке переубедить упрямого принца.

— Вы имеете наглость оскорблять вашего будущего короля, сударь, — все тем же ледяным тоном заметил Кассио. — Так вы полагаете, я не в силах справиться с закованным в кандалы пленником?!

Бормоча извинения, начальник стражи поспешил удалиться; его люди последовали за ним. Кассио вошел в камеру и притворил дверь. Конан замычал, показывая глазами вниз, на кляп. Принц склонился над ним и сказал:

— Я думаю, ты говоришь правду. Ты действительно Конан, король Аквилонский. Можешь ли ты это доказать?

Киммериец быстро закивал головой. Как, интересно, этот молокосос собирается получать доказательства, если пленник связан и рот его закрыт?! Вытащи кляп, вот тогда и поговорим! Однако Кассио был умен и осторожен.

— Если ты действительно Конан Аквилонский, то тогда ты должен кое-что знать. Ответь, что ты взял у меня, когда был маршалом повстанческой армии? Золото? — Конан отрицательно замотал головой. — Воинов? — Конан повторил отрицающий жест. — Коней? — Конан утвердительно кивнул.

— Итак, ты попросил у меня коней, — улыбнулся удовлетворенный Кассио. — И я дал тебе их. А сколько? Десять? Пятьдесят? Сто? Двести?

На цифре пятьсот Конан остановил принца. Синие глаза варвара метали огонь. Сколько можно? Или наследник от нечего делать пришел поиздеваться над смертником?! Странно, ведь Конан знал Кассио с хорошей стороны. А может, это вовсе не Кассио? Может, это очередная шуточка гнусного карлы?!

— И последнее, государь, — серьезно проговорил тот, кто назвал себя Кассио. — Эти пятьсот коней — для чего они тебе были нужны? Кого ты посадил на них? Копьеносцев? Рыцарей? Лучников?

«Я посадил на твоих коней лучников из Боссонии, и любой из них с расстояния в сто шагов без труда продырявил бы тебе башку, аргосский принц», — ясно говорили налитые гневом глаза Конана. По-видимому, Кассио понял его.

— Извини мою настойчивость, король Конан, но я обязан был проверить тебя. Теперь можешь говорить.

И он вытащил кляп изо рта киммерийца. Жадно глотая воздух, Конан просипел:

— Я рад, что ты убедился, в чем хотел, принц Кассио. И что теперь?

— Тебе грозит большая опасность, государь! Король, мой отец, не верит тебе. Он велел на рассвете сжечь тебя, как колдуна. Слуги уже готовят костер.

«Проклятье! Представь самое худшее — и оно обязательно сбудется», — мелькнуло в голове Конана, но вслух он сказал:

— Если ты пришел спасти меня, принц, давай, спасай. Понимаешь, мне нельзя сейчас умирать. Никак нельзя! Клянусь Кромом, я бы выбрался сам, если б мог. Вытащи меня, и я навеки твой должник!

Кассио огорченно вздохнул и опустил глаза.

— Мне ничего от тебя не нужно, король Конан. Ты стал моим кумиром еще тогда, когда пошел войной на Нумедидеса. Им ты и остался. Ты великий воин. Я не мог спокойно смотреть, как тебя убивают.

— Так вытащи меня отсюда!

— Не все так просто, государь, — горькие слова

давались Кассио нелегко. — Кроме меня, тебе никто не верит. Ратуша окружена кольцом стражников. Толпы зевак стоят и ждут, когда тебя поведут на костер. Ключей, чтобы отомкнуть твои цепи, у меня нет. Мне удалось пробраться к тебе только потому, что я — наследный принц. Но те стражники, которых я отослал, уверен, уже докладывают обо мне королю. Увы, мой отец не меняет своих решений! Даже если я сумею вытащить тебя из камеры, нас тотчас схватят. Тебя сожгут, а я окажусь изменником.

— Тогда чего же ты пришел?! — с досадой сплюнул варвар. — Сидел бы себе во дворце и грелся бы у камина! И не был бы изменником!

— Не оскорбляй меня, король Конан, — тяжело проговорил молодой принц. — Я не могу освободить тебя, но готов сделать все, что в моих силах. Говори, чего ты хочешь!

Конан ненадолго задумался. Раз нельзя бежать, единственным выходом было убедить аргосцев в том, что он — истинный король Аквилонский, а письмо двойника — подделка.

— Скажи, Кассио, а не мог бы ты доказать своему отцу, что письмо из Тарантии поддельное? Разве я когда писал письма на красном пергаменте? Красный пергамент — для королевских указов; послания же иноземным владыкам короли Аквилонии пишут на голубом пергаменте!

— Я знаю это, государь. Я говорил это своему отцу. Мой брат Ариостро тоже полагает: дело тут нечисто! Однако отец не слушает нас, ведь послание из Тарантии привез его друг граф Пуантенский...

Конан от неожиданности вздрогнул. Тяжелые цепи гулко зазвенели.

— Троцero! Так граф Троцero здесь?! Что же ты молчал? Беги скорее приведи его, принц! Он-то меня узнает!

— Троцero не поспет к казни, государь. Его яхта стоит на якоре не в гавани Мессантии, а у причала на вилле графа.

Киммериец только застонал. Воистину, боги решились подшутить над ним! Троцero имел виллу в двадцати милях севернее Мессантии, близ устья Хорота.

— Я уже послал за Троцero, король Конан. Но он все равно не успеет. Тебя сожгут, а он еще будет в дороге. Если вообще откликнется на мой зов. Ведь он считает, что ты в Тарантии. Я постараюсь отсрочить казнь, но вряд ли у меня что получится. Прости...

— Ладно, чего уж там, — буркнул Конан, и вдруг его осенило: — Принц Кассио, скажи, черный перстень, который был на моей руке, где он теперь?

Наследник удивленно воззрился на киммерийца.

— Перстень сей — в тайнике моего отца. Но зачем он тебе?

— Послушай, Кассио, внимательно послушай, что я тебе скажу. Принеси мне этот перстень. Сделаешь это — спасешь мою жизнь.

По реакции принца Конан понял, что сказал лишнее. Кассио отшатнулся, на лице его отразился испуг.

— Я не понимаю тебя, король Конан. Как этот перстень может защитить тебя? В нем заключены чары? Но ты же — не колдун! Или колдун?!

— Я такой же колдун, как и ты, принц, — терпеливо проговорил киммериец. — А перстень этот и вправду непростой. Если он будет на моем пальце, явится мой друг, волшебник, и спасет меня. Ты понял?

— А этот... этот твой волшебник... он не опасен? С моим народом ничего не случится?

— Клянусь кровью Крома, принц, тебе нечего бояться! — гаркнул Конан; его бесило, что Кассио терял драгоценное время. — Перстень защитит меня, только и всего. А уж твой отец и все остальные сами поймут, как они заблуждались.

Кассио недоверчиво оглядел киммерийца. Ему очень хотелось помочь своему кумиру, но уж больно

подозрительным выглядел способ, которым тот надеялся миновать смерти. От колдовства добра не жди! А вдруг этот перстень не спасет, а погубит?! Или призовет демона, который нападет на людей?! Что же делать?..

Конан снова услышал топот ног.

— Ну, принц, решайся! Помоги мне, ради Митры и Крома! Поверь, от тебя зависит не только моя жизнь! Жизнь и свобода многих людей: аргосцев, аквилонцев, немедийцев — всех! Поверь мне! Принеси перстень!

Кассио задумчиво посмотрел на него, затем поднял кляп, снова засунул его в рот киммерийцу и, не дожидаясь, когда стражники сами войдут в камеру, вышел вон.

Глава семнадцатая

ТВАРЬ ИЗ ЧУЖОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Над оазисом Хаджар полыхала ночь. Именно полыхала — ибо иссиня-черные грозовые тучи, затянувшие звездное небо Стигии, то и дело освещались зловещими сполохами огненно-багряных молний. Волшебник Тот-Амон стоял на плоской крыше своего дворца из черного гранита, больше напоминающего гигантский склеп, и, воздев руки к пульсирующему небу, звучным, гортанным голосом выкрикивал заклинания.

Ветра не было. Тонкие струи красноватого дыма стройно поднимались с земли вверх, к тучам. Все свободное пространство вокруг дворца усеивали свежие трупы. Здесь были мужчины и женщины, дети и старики, но больше всего было юных прекрасных девушек, не успевших познать плотской любви. У всех этих людей Тот-Амон лично вырвал сердце. Дрожащие струи воздуха — эманации душ несчастных, — управляемые могучей магией Тот-Амона, уходили вверх — Туда, Откуда Нет Возврата.

Владыка Черного Круга выглядел уставшим. Казалось, он постарел на десять-двадцать лет. Изумрудные глаза подернулись мутью, щеки запали, горло с трудом воспроизводило звуки нечеловеческой речи. Но он знал, что отступать поздно, а остановиться, чтобы передохнуть, попросту невозможно. Раз уж он решился на подобную волшбу, она должна быть доведена до конца, чего бы это ему ни стоило.

Дрожащие струи воздуха подпитывали небо; интенсивность пульсации возрастала. Постепенно над головой Тот-Амона образовывалось мутное, переливающееся прозрачно-рдяными блестками, пунцовое облако. Оно росло, распространяясь по небу и пожирая плоть иссиня-черных туч. Изнутри облака доносились грохот, потрескивание, шуршание и протяжный, воющий скрип. Вскоре оно заняло полнеба. Трудно описать, на что оно больше было похоже — на гнойный нарыв или кокон неведомого насекомого. Даже Тот-Амону, пресыщенному омерзительными обрядами черной магии, было страшно. Вот с его губ сорвалось последнее, ужасающей силы, заклинание, и громадный нарыв лопнул. Обнажилась Бездна, в которую никогда не смотрели человеческие глаза. Мир всколыхнулся, и тучи песка, тысячелетия громадными барханами лежащие вокруг оазиса Хаджар, взвились чудовищным ветром и понеслись в Бездну. Застонала земля. Трупы жертв, а вместе с ними деревья, вода из черного бассейна с живущими в ней тварями, а также люди, слуги Тот-Амона, влекомые страшной силой, устремились туда же. Но сам дворец, хранимый чарами колдуна, стоял непоколебимо.

Воздев руки к разверстой Бездне, Тот-Амон мысленно прокричал:

— Явись ко мне, Безымянная Тварь из Чужой Вселенной! Прими мои жертвы и приди на мой зов! Исполни клятву, скрепившую наш союз! Явись в мой мир, Безымянная Тварь!

И Тварь из Чужой Вселенной явилась на зов кол-

дуна. Из Бездны возник силуэт Существа — настолько огромного, что даже Великий Змей Сет показался бы в сравнении с ним маленькой змейкой. Это было Нечто, отдаленно напоминающее нетопыря, — но в тысячи, десятки тысяч раз больше и страшнее. Чудовищные перепончатые крылья заслоняли собой полнеба. Туловище, целиком состоящее из копошащейся черной слизи, протянулось на милю, а может, и на все две мили. Уродливая башка величиною с гору была усеяна извивающимися рогами. Глаз у Твари было неисчислимое количество, и все разные — большие, средние, маленькие, совсем крохотные, да к тому же разноцветные. Еще у Твари были лапы — но не такие, как у птицы или летучей мыши, а, скорее, такие, как у гусеницы-многоножки. Лапы вырастали прямо из черной жижи туловища и заканчивались не когтями, а щупальцами-присосками. Как только Тварь из Чужой Вселенной оказалась в земном мире, Бездна снова затянулась иссиня-черными тучами.

Тварь загрохотала. Это было мыслящее, разумное Существо. На своем языке Тварь спрашивала, зачем она понадобилась маленькому существу из Иной Вселенной. И Тот-Амон ответил ей. Он показал Твари три восковые фигурки: одна изображала мускулистого богатыря, другая — золотоволосую девушку, третья — карлика с большой головой.

— Слушай меня, Тварь из Чужой Вселенной, — мысленно прокричал Тот-Амон. — Отправляйся и убей этих людей. Сначала пусть умрет Конан, затем Тхутмертари; последним убей карлика Тезиаса, Великую Душу. Когда они умрут, я больше не буду нуждаться в тебе, Безымянная Тварь.

Тварь поняла его. Клятва, когда-то данная ею этому странному существу, чей астральный дух забрел в ее далекую Вселенную, была нерушима. Взмахнув чудовищными крыльями, громадный нетопырь полетел на северо-запад. Там его ждала первая жертва.

Волшебник Тот-Амон еще долго стоял на крыше своего дворца-склепа, провожая взглядом вызванное им чудовище. Постепенно страх проходил, и к верховному жрецу возвращалась его привычная самоуверенность. Поистине, в сегодняшней волшбе он превзошел сам себя! Невиданное Существо, покорное его воле, исполнит свою клятву. Никто и ничто не сможет остановить подобную Тварь. Враги падут, а земная власть Тот-Амона продлится на долгие десятилетия, а может быть, века.

Проводив Существо взглядом, колдун спустился в свои покои. В тронном зале его уже ждал трясушийся от страха жрец. Что ж, Тварь, которую вызвал его повелитель, заставит трепетать любого родившегося под солнцем! Так думал Тот-Амон. И ошибался — ибо причина страха черного жреца была не в этом. Заплетающимся языком жрец пролепетал:

— Плохие новости из Луксура, Величайший. В главном храме Отца нашего Сета видели принцессу Тхутмертари.

Содрогнувшись всем телом, Тот-Амон рухнул на свой трон. Узнай он эту новость хотя бы часом раньше, порядок жертв Безымянной Твари был бы совсем иным! Теперь же Тварь из Чужой Вселенной не тронет Тхутмертари, пока не разделается с Конаном. И Тот-Амон взмолился Сету, чтобы это произошло как можно скорее.

Конан с тоской оглядывал Ратушную площадь. Если и удалось Кассию как-то отсрочить казнь, то добился он немногого. Солнце уже достаточно поднялось над Мессантией, и толпа, собравшаяся поглазеть на сожжение колдуна, ярилась нетерпеливыми выкриками.

Киммериец был подвешен к высокому столбу, и под ногами его уже лежали сухие ветки и поленья. Рядом, ожидая королевского сигнала, стояли безмолвные слуги с факелами. Сам король Мило взирал на происходящее с широкого балкона Ратуши.

Цепи с Конана не сняли. Не освободили и рот от кляпа. Аргосцы собирались сжечь опасного колдуна, не дав ему ни единого шанса прочесть защитные заклинания.

Конан порыскал глазами в поисках Кассио. Наследного принца нигде не было видно. Может быть, именно в этот момент он вскрывает отцовский тайник и достает оттуда черный перстень? Тогда самое время ему поторопиться. А может, принц застигнут с поличным и сейчас сидит под арестом? А может, Кассио просто струсил или решил не связываться с колдовским перстнем? И Троцero тоже нет...

Король Мило о чем-то переговаривался на балконе со своим младшим сыном Ариостро. Это был еще подросток, но, как говорили, в уме он порою превосходил отца и старшего брата. Вот Ариостро разразился страстной тирадой, жестикулируя и указывая на Конана. О чем он говорил, киммериец слышать не мог — слишком далеко было. В ответ на слова сына король сердито покачал головой и подал знак слугам. Забили барабаны, возвещая о начале церемонии. Толпа присмирела в ожидании самого интересного. Слуги с факелами, чеканя шаг, двинулись к костру.

Случайно глаза Конана и Мило встретились. Мысленно киммериец пожелал аргосскому королю умереть такой же смертью. Мило отвел глаза, но слуг с факелами останавливать не стал. Принц Ариостро горестно покачал головой и отвернулся.

Вдруг чистый взволнованный голос раздался из-за спины варвара.

— Стойте! — воскликнул принц Кассио.

Слуги с факелами в изумлении застыли, не зная, что им делать, а Кассио, стремительно вытянув вверх руку, надел на палец Конана огромный черный перстень. Толпа ахнула. Первым опомнился аргосский король.

— Злодей околдовал моего сына! — отчаянно завопил Мило. — Поджигайте скорее!

Слуги, грубо оттолкнув наследника, разом ткнули горящие факелы в сухие поленья. Но Конан, сумев вывернуть палец с перстнем, так что затрещали кости, успел надавить на черное веко. И в миг, когда первый, еще робкий, язычок пламени коснулся его стопы, открылся миру амулет Небесного Народа. Чистые белые лучи озарили площадь.казалось, на руке Конана зажглось второе солнце... Последующие события лучше всего представить, наверное, устами самого Мило, аргосского короля.

— Он колдует!!! Скорее же убейте его!.. Он... он... Нет! Стойте! Он — король Аквилонии! Он сказал нам правду! Скорее тушите огонь! О, Митра!!! Быстрее! Тушите же!!!

...Вот всегда так бывает — легче сказать, чем сделать. Легче поджечь, чем потушить. Вся площадь, вся толпа, собравшаяся у Ратуши, чтобы поглазеть на смерть колдуна, в едином порыве бросилась растаскивать горящие поленья. Воды ни у кого не было — никто ведь не собирался тушить праведный костер. Пока людям удалось разрушить пылающую пирамиду поленьев, огонь успел изрядно пощипать обнаженные ноги Конана. Киммериец искренне пожалел, что Светоч Истины только проясняет мозги, а вот тушить обычное пламя, увы, не умеет. Выходит, если подумать, порою обыкновенная вода гораздо могущественнее божественного амулета небесного Народа...

Когда Конана наконец сняли со столба и освободили от цепей, король Мило, его сыновья и придворные уже суеились рядом, источая извинения, сожаления и сочувствия.

— Мой великий царственный брат, простишь ли ты меня когда-нибудь?! — жалобно пел аргосский король, и слезы радости и стыда катились по его пышной седой бороде. — Ведь я, старый дурак, едва не сжг тебя! Ума не приложу, как такое могло случиться?! Все виновные будут тотчас обезглавлены! —

прикрикнул Мило, обведя толпу свирепым взглядом.

— Ну тогда поторопись передать власть наследнику, — мрачно пошутил Конан, и полное лицо Мило мгновенно залилось краской, а самые дерзкие даже позволили себе посмеяться над шуткой.

Однако Мило слыл добрым и справедливым королем. Допустив ошибку, он искренне раскаивался в ней, а не рубил головы невиновным. Теперь же, когда виновных было пруд пруди, начиная с него самого, король Аргоса счел за благо замять скандал. Еще раз испросив прощения у своего царственного собрата, Мило велел позвать лекарей и препроводить Конана к себе во дворец.

Но едва приказы были отданы, а процессия с Конаном двинулась в путь, на Ратушную площадь легла гигантская черная тень. Дунул холодный, пронизывающий ветер, поднятый чудовищными крыльями. Вопли ужаса потрясли площадь. Не помня себя от страха, люди бросились врассыпную. Только наследный принц Кассио остался рядом с носилками Конана. В глазах принца варвар заметил изумление, затем немой укор, адресованный ему, Конану, наконец, лютую ненависть. Взметнулся меч, нацеленный в сердце киммерийца, — и Конан в последнее мгновение сумел перехватить руку Кассио.

— Не я вызвал эту тварь, ясно!!! — нечеловеческим голосом взревел Конан. Принц Кассио свалился без чувств; меч оказался в руке Конана.

Киммериец вскочил на обожженные ноги и, превозмогая боль, встал в боевую стойку. Тварь из Чужой Вселенной, парящая над городом, гулко расхохоталась. Смех Существа был подобен грому. Земля затрепетала; древняя Ратушная башня обвалилась, погребая людей под своими развалинами. Повсюду в округе рушились дома. «Если эта Тварь ТАК смеется, что же будет, когда она атакует?» — пронеслось в мозгу Конана. Понятно, он казался неведомому чудовищу ничтожным муравьем, тлей с жалкой трос-

тинкой в руке. А вот как ты, Тварь, посмотришь на Светоч Истины?! И Конан резко выбросил вперед левую руку.

Новый гром демонического хохота потряс Мессантию. Город ходил ходуном; в гавани разваливались в щепки и тонули суда. Тварь из Чужой Вселенной медленно снижалась. Светоч Истины был ей нипочем, ведь она была живая, хоть и родилась безмерно далеко от Земли; амулет же Небесного Народа поражал только то, что создано посредством магии. Безымянная Тварь развлекалась; этот человек, за которым она была послана, дергался в каком-то странном танце, — так казалось ей.

Конан понял, что ему пришел конец. С подобной Тварью невозможно справиться. Видать, коварные боги решили закончить свою дьявольскую игру. Или продолжить, но уже без него. Бежать было бесполезно, сражаться — тем более. Каким-то шестым чувством киммериец осознал, что должен притворить веко черного перстня. Негоже поганить амулет Небесного Народа о гнилую плоть чудовищного демона.

— Прости меня, Митра! — прошептал Конан.

И в миг, когда око черного перстня закрылось, скрыв божественный Светоч Истины, перед Конаном неожиданно возникла призрачная фигура. Была она огромна и окружена сияющим ореолом лучей ослепительного белого света. Ошеломленный варвар завороченно глядел на величественное, обрамленное пышной седой бородой лицо старика. Он даже забыл о Твари из Чужой Вселенной. Во все глаза глядел он на призрачную фигуру, ибо не узнать ее было невозможно, хотя и видел этого старика Конан всего лишь раз в жизни.

— Узнаешь ли ты меня, человек? — прогремел глубокий, наполненный силой, голос.

Конан, прерывисто дыша, хрипло проговорил:

— Да, ради Крома и Митры, я узнаю тебя. Ты — Эпимитреус, пророк, умерший пятнадцать тысячелетий тому назад. Ты — тот, кто начертал на моем

мече знак Феникса. Этот Феникс защитил меня от злобного демона, которого послал Тот-Амон, чтобы погубить меня.

— Правильно, о сын мой. Я сделал это, ибо светлым богам было угодно, чтобы ты продолжил свой жизненный путь. И вот сегодня я снова явился по зову твоего сердца. Светлый Бог Митра, пославший меня в мир людей, не может допустить, чтобы силы Тьмы взяли верх над лучшим из воинов Солнечного Света.

— Ты поможешь мне одолеть эту Тварь? — вырвалось у человека.

— Нет, о Конан. Тварь сия призвана Тот-Амоном из Бездн, над которыми не властны боги. Ты, и только ты нужен ей! Пойдем же со мной, сын мой, я проведу тебя тайными тропами Солнечного Света; Тварь из Чужой Вселенной не тронет тебя.

Конан хотел возразить, но глас старца был исполнен такой нечеловеческой силы и поистине божественного могущества, что киммериец только покорно склонил голову. Высохшая длань пророка взяла его руку, и они вместе шагнули прочь. Туманная дымка на мгновение окутала их. Мессантия пропала, а вместе с ней исчезла и чудовищная Тварь.

Конан оказался в крипте, знакомой ему по первой встрече с пророком Эпимитреусом. Вокруг белого саркофага, где покоился дух пророка, стояли огромные фигуры сказочных птиц, фениксов, с железными клювами и когтями. Их широкие крылья скрывали своды необъятной пещеры. Пророк выпустил руку Конана и сел на саркофаг.

— Ты в безопасности, сын мой, — сильным трубным голосом изрек старец. — А теперь отдай мне Светоч Истины. Он должен вернуться в Страну Небесного Народа.

Глас его был могуч и властен, но киммериец осмелился возразить:

— Постой, пророк, а как же Тезиас, Великая

Душа?! Я ведь взял Светоч не ради себя, а чтобы сразить карлика!

— Ты совершил массу ужасных ошибок, сын мой, — с грустью покачал седой головой Эпимитреус; сияющая аура заколыхалась, и Конану показалось, будто железные фениксы кивают в знак согласия со словами пророка. — Ты вместе со смертным волшебником вступил в запретную для людей Страну Небесного Народа. Затем ты бежал оттуда, воспользовавшись черной магией злобной служительницы Сета, Древнего Змея Тьмы. Ты презрел волю Митры, похитив его божественный амулет. В стране скричей воцарился хаос. Несчастные души стонут в муках; Пресветлый Митра не может принять их к себе, ибо священный амулет Небесного Народа покинул его страну. Вот что наделал ты, сын мой.

Конану стало невыносимо стыдно под пристальным осуждающим взглядом мудрого старца.

— А как же карлик Тезиас? — слабо возразил он.

— Увы, — Эпимитреус вздохнул, — Светоч Истины бессилен против самозванного бога. Тебя ввели в заблуждение, сын мой. Нельзя сотворить Добро путем Зла. Видит Митра, помыслы твои были чисты, и он не держит на тебя гнева. Отдай мне Светоч Истины, и Пресветлый Митра сам займется Великой Душой.

Конан, словно в трансе, безропотно снял с пальца черный перстень и вложил его в сухую ладонь пророка. Тот легко нажал на черное веко, обнажая огромную белую жемчужину. Чистейшие лучи амулета залили чертог. Железные фениксы куда-то пропали; исчез и белый саркофаг. На месте его возник большой серебристый трон в форме пирамиды. Белый титанический силуэт обернулся нескладной темной фигуркой, восседающей на серебристом троне. Смеющиеся черные глаза, — огромные агаты, блистающие на мертвенно-бледном лице, — приветливо глядели на Конана. Глубокий трубный глас сменился голосом пронзительным и звонким.

— Твой Светоч Истины и впрямь настоящий. Он рассеивает даже мою волшбу. Добро пожаловать в Зачарованный Город, киммериец!

Миллионы глаз чудовищного нетопыря изумленно рассматривали стонущую землю. Его первая жертва, крохотное смешное существо с тростинкой в одной руке и белым огоньком в другой, неожиданно исчезла. Значит ли это, что первая часть клятвы исполнена? Тварь из Чужой Вселенной пребывала в раздумье. Волшебник, призвавший ее в свой странный мир, повелел ей убить сначала большого — по его понятиям, конечно, — мужчину, потом — золотоволосую девушку и лишь затем — карлика с крупной головой. Повелел убить! Убила ли она, Тварь, большого мужчину? Нет, не убила. А должна была убить, ибо в этом состояла ее клятва. Значит, нельзя браться за девушку; необходимо прежде всего найти сбежавшую жертву. Где может быть тот большой мужчина? Бесчисленные разноцветные и разновеликие глаза Безымянной Твари разыскивали первую жертву по всему миру. И вскоре они нашли ее — нашли на северо-востоке.

Взрыв над разрушенной аргосской столицей, Тварь из Чужой Вселенной взяла курс на Тарантию. Если бы волшебник Тот-Амон мог увидеть сейчас гигантского нетопыря, он бы без труда обнаружил, что чудовищная тварь чуть уменьшилась в размерах.

Глава восемнадцатая

В ПОГОНЕ ЗА КНИГОЙ СУДЕБ

— Твой Светоч Истины и впрямь настоящий. Он рассеивает даже мою волшбу. Добро пожаловать в Зачарованный Город, киммериец! — приветливо глядя на Конана, сказал карлик Тезиас.

Это было прямое приглашение напасть. Конан

не стал изумляться неожиданному перевоплощению самого почитаемого пророка Света в его, Конана, заклятого врага, карлика Тезиаса. Инстинкт все решил за него. Могучее тело взвилось в стремительном прыжке. Но карлик Тезиас был еще быстрее. Тонкие мертвенные пальцы прикрыли черное веко перстня, когда Конан был уже в воздухе. В следующий миг клинок киммерийца вонзился в сверкающую ауру, окутавшую Великую Душу. Сила отдачи отбросила громадного киммерийца на несколько шагов назад.

А на серебристом троне вновь сидел... пророк Эпимитреус, и черный перстень с заключенным внутри него Светочем Истины перекачивался меж костлявых пальцев старца.

— Ай-яй-яй, — высоким пронзительным голосом глумливо протянул «пророк». — Вот последняя ступень твоего падения, Конан-киммериец. Ты поднял меч на святого старца, посланного самим Митрой! Как несхорошо!..

И «старец» гнусно захихикал, являя собой прямо-таки кричащее и омерзительное несоответствие между внешним обликом и внутренней сутью.

Конан с трудом поднялся на обожженных ногах.

— Ты — не Эпимитреус, — проговорил король скорее для порядка. — Ты — гнусный карлик Тезиас.

— Ну как ты догадался?! — притворно изумился тот и сразу же восстановил свое истинное обличье. Черный перстень призывно играл в маленьких бледных ладошках, точно дразня Конана.

Итак, он все-таки попался. Бросаться с мечом на Великую Душу бессмысленно. Очевидно, тот, как всегда, желает поговорить. Ну что ж, отчего же не поговорить! Тем более кое-какие вопросы у Конана были.

— А ты неплохо поработал, Великая Душа, — приняв насмешливый тон — ох, как его, такой тон, не любят могучие волшебники! — похвалил Конан. —

Ловко ты все подстроил! Надо же, я сам отдал тебе Светоч Истины!

— Ценю твою похвалу, могучий Конан, — приняв игру варвара, улыбнулся Тезиас. — Только старался я не ради этой безделушки. Ни к чему она мне.

И Тезиас, к величайшему изумлению киммерийца, брезгливо выбросил божественный Светоч Истины... в открытое окно!

— Амулет Небесного Народа меня не интересует, — продолжил карлик. — Это тебе он нужен был, чтобы противостоять мне. Как видишь, он тебе не помог. Возможно, я даже верну его Митре — Старику и так теперь нелегко; пускай себе тешится.

— Митра не простит тебя, карла! По-моему, ты перешел все границы, прикинувшись пророком Эпимитреусом. Ведь он святой!

— Да ну тебя, зануда, — игриво отмахнулся Тезиас. — Вот уж не думал, что свирепый варвар станет учить меня святости! А Митру, да и твоего Крома, я не боюсь. Я, видишь ли, порядочно напортачил, мне отступать некуда. Видать, не в силах твои боги покарать меня.

— Не зарекайся, — отрезал Конан. — Кстати, раз уж ты пленил меня, не будешь ли так любезен кое-что прояснить. А то не все концы с концами сходятся.

— Валяй, спрашивай, — вальяжно развалившись на троне, милостиво молвил Великая Душа. — Только позволь мне тебе заметить: я не пленил, а спас тебя. Между прочим, я уже сбился со счета, в который раз я тебя спасаю.

— Вот как, спас? Это от чего же?

— Короткая память у вас, киммерийцев! Про Тварь из Чужой Вселенной забыл? Она не дружить с тобой прилетела. Ей велено было тобою закусить.

— Ха! Неужто я поверю этой брехне? Та Тварь — твой очередной колдовской морок!

Тезиас сокрушенно покачал головой.

— Иногда я поражаюсь твоей пронизательности, варвар, а иногда дивлюсь твоей беспробудной тупости. Ты уж прости за откровенность. Какой же это колдовской морок, когда ты сам вляпал в Тварь Светоч Истины, а она не рассыпалась, а только расмеялась тебе в лицо?!

Киммериец смутился; он об этом не подумал.

— Кто тебя знает, карла, может, ты сам и вызвал Тварь, чтобы подтолкнуть меня в объятия лжепророка!

Великая Душа оскорбленно вскинул густые черные брови.

— Обижаешь, варвар. Сильно обижаешь. Я не знаю с подобными созданиями. И в услугах их не нуждаюсь. Они мне столь же отвратительны, как и тебе. Пророк Эпимитреус сказал правду: Тварь из Чужой Вселенной вызвал Тот-Амон. И она, без сомнения, слопала бы тебя, не приди я на выручку.

— Премного благодарен, — насмешливо раскланялся Конан. — А от стигийского фрегата меня тоже ты спас?

— Само собой разумеется. Кому еще под силу сотворить такое?!

— Тогда зачем тебе понадобилось подстраивать судилище в Мессантии? Развлечься захотелось?!

— Вот тут ты на меня наговариваешь. Сам пося — себя и вини. Я в Мессантии никому мозг не пудрил.

— Ну да... А если б меня сожгли?

— Так ведь не сожгли! Хотя посмотреть весь этот спектакль мне было любопытно. Здорово тебя выручил принц Кассио, а? И безо всякой подсказки с моей стороны. Заметь, к слову, я мог бы утянуть Светоч Истины, когда он лежал в тайнике у короля Мило. Как видишь, Светоч не был тогда мне нужен, равно как и теперь.

— Тогда что же тебе нужно, гнусный карла?

Издевательский тон Тезиаса бесил киммерийца, и варвар с превеликим трудом сдерживал ярость.

Великая Душа внимательно посмотрел на него, словно оценивая, что Конан способен выкинуть дальше.

— У тебя есть нечто, принадлежащее мне, варвар.

— Тебе нужна моя душа, карла? — усмехнулся Конан.

— О, нет, увь, на твою душу я уже давно махнул рукой. К чему мне твоя душа, сам посуди?! Нет, меня интересует нечто иное. Нечто такое, что можно потрогать руками, раскрыть, пролистать, почитать...

— Что же это? — деланно удивился киммериец.

— У тебя моя Книга Судеб, — отбросив ернический тон, серьезно заметил Тезиас. — Я хочу получить ее назад.

— Зачем она тебе?! — расхохотался варвар. — Нечего почитать на ночь? Или ностальгия замучила?

Тезиас не смеялся; слова врага задели его за живое.

— Вот здесь ты прав, киммериец. Мне очень дорога эта Книга.

— Тебе, собака, не Книга нужна, а вторая часть Заклинания Стали, чтобы вернуть к жизни твоих проклятых монахов! — жестко проговорил Конан. — Вот зачем тебе Книга Судеб!

— А хотя бы и так! Я, видишь ли, тоскую по ним. Мне хочется, чтобы Брахо и остальные были здесь, со мной.

— А вот мне почему-то этого совсем не хочется! Неприятные типы они, твои монахи! Пускай лучше постоят в своем Замке стальными идолами!

Карлика передернуло; он выпрямился на троне, скрестив руки на груди.

— Ну ладно, варвар, кончай ломать комедию. Ты прекрасно понимаешь, что рано или поздно я все равно верну Книгу Судеб! Лучше отдай ее по-хорошему. А взамен я оставлю в покое тебя и твое прекрасное королевство. Соглашайся, пока я добрый.

— Мне нет нужды заключать с тобой сделки, гнусный карла. И Книгу ты никогда не получишь, клянусь кровью Крома!

— Получу, обязательно получу, — нервно облизнувшись, проговорил Тезиас. — Я обязан исправить твою ошибку и расколдовать моих верных монахов!.. Где Книга Судеб, Конан? Куда ты ее запрятал?!

— Так я тебе и скажу!

Конан дерзко рассмеялся и наградил Великую Душу длинной и цветистой тирадой проклятий, от которой покраснели бы уши у самого отпетого пирата с Барахских островов. Карлик спокойно выслушал матерщину, а затем вперил в Конана магнетический взор агатовых глаз. Ясные сапфиры Конана выдержали его. Киммериец покрылся холодным потом, но не отвел глаза. Несколько минут, показавшихся варвару столетиями, противники испытывали стойкость друг друга. Глаза не отвел никто. Наконец Тезиас заговорил:

— Ну ладно, варвар, значит, не хочешь по-хорошему?.. Что ж, я не удивлен. Ты — чемпион мира по упрямству. Только напрасно ты тут выпендриваешься. Твоя хваленая стойкость тебе не поможет. А геройство просто некому будет оценить. Я намерен вернуть себе Книгу Судеб, и я ее верну, чего бы мне это ни стоило. А я всегда держу свое слово.

— Собираешься пытаться меня, карла? — сухо осведомился Конан.

— Пытать?.. А почему бы и нет? Мне ведомы пытки, которые даже мертвецу развяжут язык! После таких пыток тебя, мой пока еще мускулистый богатырь, можно будет смело спускать в сортир!

— Ты не будешь меня пытаться, карла, — с наслаждением молвил киммериец. — Ведь ты чистюля, ты хочешь казаться лучше всех этих грязных черно-книжников, так ведь?! Ты возжелаешь изобрести что-нибудь этакое, чтобы я сам тебе сказал, где Книга. Я прав?

Конан с вызовом воззрился на карлика.

— Ты прав, киммериец, — ответил тот. — Я не буду тебя пытаться. А «что-нибудь этакое» я уже измыслил!..

Неожиданно все поплыло перед глазами варвара, и спустя мгновение они с Тезиасом оказались в совсем другом покое. Это небольшая, уютно обставленная комнатка, чем-то напоминающая келью ученого. На мягком диване возлежал благообразный седой человек в черной рясе служителя Митры. Завидев пришельцев, этот человек вздрогнул, с печальной ненавистью глянул на них и отвернулся. Конан, узнав его, только ахнул. А Тезиас, зависнув над мозаичным полом, молвил прежним ерническим тоном:

— Вот, Конан, твой старый знакомый Декситей, верховный жрец Митры. Он неделю как из стольной Тарантии. Он, можно сказать, гостит у меня. Присоединяйся к нему, могучий Конан. Засим я вас и оставляю. Рад был бы поболтать вместе с вами, но мне, увы, недосуг: у богов не так много свободного времени, как думают люди...

С этими словами Великая Душа просто растворился в воздухе.

Некоторое время Конан и Декситей молча смотрели друг на друга. Человек в черной рясе сел на диван, внимательно оглядел грубую холщовую рубашку Конана, — карлик не позаботился о новой одежде для «дорогого гостя», — его обожженные ноги, всмотрелся в его глаза... И недоверчиво хмыкнул. Конан вытянул вперед меч, коснулся им груди старика.

— Почему я должен верить, что ты Декситей? — вот были первые его слова.

— А почему я должен верить, что ты Конан? — парировал тот.

Снова воцарилось напряженное молчание. Люди настороженно разглядывали друг друга. Со стороны сцена могла показаться смешной, но им смешно не было.

— Я полагал, тебе наскучило играть со мной, гнусный карла, — нарушил молчание человек в черной рясе.

— Я полагал то же самое, — отозвался Конан. — Видать, я ошибался. Но ты не беспокойся, второй раз на трюк с Эпимитреусом я не поддамся.

Человек на диване в ужасе всплеснул руками:

— Трюк с Эпимитреусом?! Что ты имеешь в виду?

— Как будто не знаешь! — свирепо ощерился Конан, слегка касаясь мечом черной рясы.

Декситей еще раз внимательно осмотрел Конана. На его умном лице отразилось смятение.

— Ну, чего меня разглядываешь? Что я, танцовщица какая?

Декситей неожиданно улыбнулся:

— Можно, я дотронусь до тебя?

— Это еще зачем? — нахмурился Конан.

— Если я — Тезиас, я могу сделать с тобой все, что захочу, не касаясь тебя, — терпеливо разъяснил Декситей. — Позволь мне дотронуться до тебя.

Конан задумался. В словах человека в черной рясе присутствовал здравый смысл.

— Ладно, трогай, чего уж там, — позволил он, но меч от груди старика не убрал.

Рука Декситея прошла по торсу киммерийца, коснулась ожоговых ран на ногах. Варвар стойко вытерпел боль. Закончив осмотр, человек в черной рясе сказал, глядя в глаза Конану:

— Послушай меня. Кто бы ты ни был, мы с тобой ничего не добьемся, если будем вот так глазеть друг на друга. Если ты карлик, прикинувшийся моим королем, считай, что ты почти убедил меня. Радуйся. Если ты Джейк-узурпатор, не вижу причин что-либо от тебя скрывать. Ты, презренный пес карлика, и сам все знаешь. Но, если ты и вправду мой король Конан, я обязан многое поведать тебе.

— Ты рассуждаешь здраво. Карлик Тезиас тоже так умеет. Я думаю, ты он и есть!

Декситей скорбно вздохнул.

— Вот это ему и нужно. Он хочет, чтобы мы не верили друг другу. Он потешается над нами. Ради одного этого я готов поверить, что ты — истинный Конан.

— А вот я тебе поверить не готов! — отрезал варвар. — Слишком часто карлик дурил мне голову! Все, баста! Я уже умный. И тебе, тварь, я ничего не скажу, и сказки твои слушать не стану. Ты понял меня?!

Вновь возникла пауза, во время которой жрец умоляюще смотрел в глаза своему королю. И в глазах этих видел лед.

— Ну хорошо, — вдруг как-то горестно и обреченно молвил Декситей. — Мои слова тебя не убеждают. Так пусть тебя убедят мои дела!

И старик внезапно бросился напрямиком на вытянутый меч Конана. Ожидавший какого-нибудь подвоха, киммериец тотчас подался назад, но было поздно. Черная ряса окрасилась кровью, по груди жреца расплзалось красное пятно. Декситей свалился обратно на диван.

— Ну, теперь ты мне веришь?!

Конан был потрясен поступком того, кто называл себя Декситеем. Киммериец коснулся пальцем лезвия меча, окропил палец в крови и попробовал ее. На вкус это была человеческая кровь!

— Не может быть, — неуверенно проговорил Конан. — Все это колдовской морок... Ты... ты внушаешь мне себя... Крови нет...

Декситей с тоской посмотрел на короля, а затем глухо произнес:

— У меня очень мало времени, государь. Моя рана смертельна, но с часок я еще проживу. За это время я многое должен тебе рассказать. В Тарантии творится нечто ужасное! Если ты не поверишь мне, можешь выкинуть мой рассказ из головы. Но, покуда я жив, послушай!

У Конана защемило сердце. А если это не кар-

лик, а настоящий Декситей?! Если он, Конан, сам убил друга и соратника?! Вернее, тот добровольно принес себя в жертву ради того, чтобы король узнал правду. Декситей, каким знал его Конан, вполне мог так поступить. «О, Кром, что же я тогда наделал!»

— Говори! — приказал король. — Надеюсь, от твоих слов худа не будет.

И умирающий жрец начал свой печальный рассказ.

Рассказ Декситей

— ...Итак, мой светлый государь, мы проводили тебя на битву с немедийцами. Было это недели три тому назад, а может быть, и более. Вскоре вернулся генерал Паллантид и огорошил нас известием о воскрешении Великой Души и о твоём новом походе против карлика. Мы молили Митру, чтобы тебе сопутствовала удача.

Еще через десять дней прискакал генерал Просперо, и с ним вернулись те, кто выжил после того похода. Просперо сообщил нам, что ты уничтожил злобных колдунов, Синих Монахов, которые прислуживали карлику. Самому злодею удалось бежать, и Просперо заметил, что ты, несомненно, настигнешь и убьешь его. С тобой, по словам генерала, отправился волшебник Пелиас, и это тоже прибавило нам веры в удачу.

А еще спустя несколько дней наши надежды как будто сбылись самым замечательным образом. Целый день шел проливной дождь, грохотал гром, сверкали молнии. Когда же тучи скрылись и открылось солнце, Око Пресветлого Митры, в ворота Тарантии на белом коне въехал человек, ничем не отличимый от тебя, мой государь. С ним явился некий величественный, высокий, седовласый старик; глаза его лучились светом доброго дня. Конан, — не прогневайся, государь, я пока буду называть твоего ничтожного двойника так, дабы не нарушать строй-

ность моего рассказа, — объявил народу следующее. Они с этим стариком, который есть могущественный белый маг, вместе одолели Великую Душу; чародей Пелиас погиб в схватке с карликом. Народ шумно радовался победе и возносил короля. Старик, явившийся вместе с Конаном, был объявлен Верховным Хранителем Аквилонии. Я пытался было возразить, что у Аквилонии, равно как и у других стран, где люди почитают Митру, уже есть свои хранители — это сам Пресветлый Митра и его пророк Эпимитреус. На что мне было отвечено: да, это так, но Митра — бог, и он далеко, а пророк Эпимитреус полторы сотни веков как скончался, и великой Аквилонии нужен живой Хранитель. А он, этот самый Верховный Хранитель, резонно заметил мне, что ни Митра, ни покойный пророк Солнечного Бога не уберегли Аквилонию от порабощения злобным карликом. Он же, этот самый Верховный Хранитель, сумел справиться с Тезиасом — вместе с великим воителем и королем Конаном... Никто больше не задавал вопросов, все пиروвали, празднуя победу над могущественным карликом, а затем Верховный Хранитель отбыл. Конан же остался править в твоём дворце.

Должен признаться тебе, государь, он и его хозяин неплохо разыгрывали свой гнусный спектакль! Роли они знали превосходно. Как я уже сказал, тот Конан ничем не отличался от тебя. Даже мудрый Публио, твой канцлер, ничего не заподозрил. Заподозрила Зенобия! Верно, женская интуиция почуяла подмену! Не захотев спать с королем, королева схватила сына Конна и бежала из дворца. Генерал Паллантид спрятал ее в тайном храме Асуры, как ты и велел.

Итак, тот Конан превосходно играл свою роль. А может быть, это нам всем только казалось, ибо раз в день, к вечеру, в Тарантию являлся этот самый таинственный старик, Верховный Хранитель. Я думаю, ты сразу догадался, кто он такой! Все верили

ему и королю, все возносили их. Возносили так, как возносят обычно лишь богов или святых. Однако верховного жреца Митры обмануть трудно! Подозрения крепили во мне, когда вдруг в мой храм примчался испуганный Просперо. Генерал поведал мне, что случилось. После одного из пиров, когда король был изрядно пьян, он, тот Конан, буквально пристал к Просперо: куда ты, генерал, спрятал Книгу Судеб? Просперо молчал, как ты ему велел. Однако Конан не отпускал его: скажи да скажи, где Книга. Генералу это показалось странным. «Ты же сам указал место, где ее надобно держать, и велел никому о нем не рассказывать, даже тебе!» — изумился Просперо. Король смутился: «Извини, Просперо, я забыл... А вот теперь хочу поглядеть, верно ли ты исполнил мою волю». Генерал испугался, ибо не было еще случая, чтобы король Конан сомневался в нем. Почуввав неладное, Просперо дерзнул проверить короля. Он сказал, где спрятана Книга Судеб, назвав ложное место. Король попался на удочку. Он-то решил, что генерал поведал ему правду. Глаза его заблестели, он оттолкнул Просперо и бросился за Книгой. А генерал тотчас прибежал ко мне и сообщил о случившемся.

Что мне было делать? Я решил спросить Пресветлого Митру, которому служу, чтобы он просветил меня. Не успел я начать молитву перед алтарем Солнечного Бога, как в храме за моей спиной возникли двое. Это были король Конан и Верховный Хранитель Аквилонии. Говорил в основном Верховный Хранитель.

«Нет нужды беспокоить Солнечного Бога по таким пустякам, — с издевкой сказал он мне. — Все, что тебе надлежит знать, ты узнаешь от меня». И он мне рассказал, что задумал, а Лже-Конан стоял рядом и нагло посмеивался. Мне было мучительно и горько сознавать, что карлик и его ставленник живописуют свои прошлые, настоящие и будущие подвиги здесь, в святом храме Митры, оскверняя его и

богохульствуя на каждом слове! Я понял, что мне не жить. Однако у Великой Души были другие планы насчет меня. Он сотворил призрака, точную мою копию. «Знакомься: вот это Декситей, верховный жрец Митры и верный слуга короля Конана. Как и Хранитель Аквилонии, он суть одно из зримых воплощений бога Великой Души!» — объявил мне карлик. Я пытался сопротивляться, но куда там... Я исчез прямо из храма Митры и оказался здесь, в этой келье. Великая Душа провозгласил меня своим почетным гостем. Можешь себе представить, государь, какой «почет» он мне оказывал! А в Тарантии — в Тарантии правит твой злобный двойник, а вместо меня верховным жрецом Митры остался ужасный призрак!.. Как Пресветлый Митра допускает такое?..

Я живу здесь уже неделю; так, во всяком случае, говорит карлик. Я же сбился со счета времени. Со мной обращаются хорошо, но, поверь мне, государь, более странного и нечистого места, чем это, даже представить себе невозможно!

Вот послушай. Я — не узник, а гость. Мне разрешается бывать где угодно. Но куда бы я ни пошел, очень скоро я снова оказываюсь в этой комнате! Она — везде! Я понимаю, это невозможно — но это так!

Тем не менее мне кое-что удалось узнать. Это нечистое место зовется Зачарованным Городом. Где он расположен относительно нашей страны и всего обитаемого мира, я понятия не имею. Здесь не бывает ночи, а город всегда погружен в мягкий желтый свет. Солнце всходит и заходит, как повсюду в мире, но тут, в Зачарованном Городе, прекрасно обходятся и без него. Если бы солнца не было, здесь ничего бы не изменилось.

Карлик не один живет в Зачарованном Городе. Ему прислуживают гномы, которых он вызвал из Бездн Небытия и заклил. А совсем недавно тут появились люди — такие же наемники из Будущего,

как и Джейк Митчелл, Лже-Конан. Он — их капитан. Однако карлик разлучил Джейка и его бандитов. Джейк, то есть Лже-Конан, правит вместо тебя в Тарантии, а его головорезы маются здесь, в Зачарованном Городе. В отсутствие Джейка ими командует некая Аманда Линн, его любовница.

И вот что я тебе скажу, мой государь. Все — и гномы, и наемники из Будущего, и Джейк с Амандой — все они люто ненавидят карлика Тезиаса! Но что могут сделать они против могущественной магии?! Все обитатели, а вернее, пленники Зачарованного Города — в полной власти Великой Души. Я знаю, среди негодяев из Будущего были попытки бегства, но карлик укрыл свою цитадель чем-то вроде защитного купола. Сквозь этот купол невозможно пробиться ни туда, на свободу, ни сюда, в Зачарованный Город. Лишь гномы могут покидать пределы Города, но они надежно закляты и не помышляют о бегстве. Это всего лишь слуги, кроткие и бессловесные. Однако Тезиас зачем-то оставил им разум, и гордые гномы ненавидят его еще пуще, чем ненавидят люди... Что на уме у Великой Души и зачем он призвал негодяев из Далекого Будущего, не знает никто...

— ...Я рассказал тебе все, мой светлый государь, — едва слышно прошептал Декситей. — Вот такие дела творятся... Я умираю. Молю тебя, исполни мою последнюю просьбу!

На Конана было страшно смотреть. Grimаса глубокого страдания не сходила с лица, превратив его в нечеловеческую маску. Соленые слезы струились из глаз по боевым шрамам. Дрожь сотрясала его могучее тело, пальцы конвульсивно сжимались и разжимались. Теперь Конан уже не сомневался. Перед ним — его старый друг Декситей. Декситей, который предпочел умереть, чтобы истинный государь Аквилонии узнал правду.

— Говори, Декситей, — прохрипел киммериец. —

Клянусь Кромом и Митрой, я исполню твою просьбу. Карлик за все заплатит!

Верховный жрец Митры покачал головой:

— Нет, мой король, я не это имел в виду. Я знаю, ты убьешь карлика. Но я умираю, и на пороге смерти Митра позволил мне узреть грядущее... Твоя борьба с Великой Душой будет долгой, о Конан!.. Прости, я не могу раскрыть тебе всего: я и сам многого не понимаю... Моя просьба в другом: государь, когда я умру, разруби мое тело на части! Не дай гнусному карлику оживить меня, дабы использовать в своих грязных целях! Разруби меня на части, прошу тебя! Я не хочу достаться Тезиасу даже мертвым!

Конан крепко сжал холодеющую руку друга.

— Будь спокоен, Декситей. Я сделаю это. Пусть Пресветлый Митра возьмет тебя к себе! Ты это заслужил.

— Не богохульствуй, мой король. В этом нечистом месте Митра тебя не услышит, — слабо улыбнулся Декситей.

С этими словами и блаженной улыбкой на губах он и умер.

Закрыв очи друга, Конан взмахнул мечом. Меч, как всегда, был послушен его воле. Жизнь киммерийца прошла в постоянных схватках. Мечом он брал жизни своих врагов. Тех, кто становился у него на пути. Но никогда еще Конану не приходилось убивать друга. Преданного друга, отдавшего за него жизнь. И убивать ТАК, рубя и кромсая, обращая тело старика в кровавое месиво... Но такова была последняя воля Декситея, и Конан исполнил ее.

Тяжело дыша, он отвел взгляд от останков. Его холщовая рубаха была вся в крови. Конан стащил ее с себя, оставшись в одной набедренной повязке. Никакой одежды в комнате Декситея не оказалось. Однако невдалеке была заметна дверь. Подкравшись к ней, киммериец резко рванул дверь на себя. Она легко открылась. Конан застыл на пороге. Дверь

вела в ТУ ЖЕ САМУЮ комнату Декситя, из которой он только что вышел! И растерзанный его, Конана, клинком труп Декситя лежал на том же диване. Конан обернулся в дверях. Комната Декситя окружала его со всех сторон.

— Будь ты навеки проклят, гнусный карла!!! — точно загнанный зверь, взревел варвар и принялся крушить мечом все, что попадалось под его тяжелую руку.

Конан, король Аквилонский, он же Джейк Митчелл, наемник из Будущего, наслаждался жизнью самодержавного владыки. Сидя на Рубиновом Троне в королевском дворце Тарантии, он милостиво выслушивал подобострастные доклады придворных. Власть опьяняла его. Нежданно-негаданно став королем крупнейшей державы Хайборийского мира, Джейк мало заботился о благе своих подданных. Был он жесток и несправедлив, капризен и заносчив. Если бы разум тарантийцев не был скован гипнозом Великой Души; они без труда обнаружили бы подмену. Истинный Конан слыл мудрым и справедливым королем; Джейк-узурпатор был полной его противоположностью.

Джейк понимал, что своим нынешним положением всецело обязан Великой Душе. Тезиас честно исполнил все его желания. Он посадил Джейка на аквилонский престол, заставил подданных короля поверить в то, что Джейк — это Конан, дал ему женщин и вызвал в Хайборию из Будущего отряд наемников. Однако Джейк не питал благодарных чувств к возвысившему его карлику. Он всецело зависел от воли Великой Души, и это унижительное положение все больше тяготило чванливого насмника. Ненависть к карлику возрастала с каждым его благодеянием. Сначала она казалась маленьким червячком, случайно забредшим в могучий организм Джейка. Теперь же эта ненависть превратилась в огромного змея, грызущего само сердце Лже-Конана. Убить Те-

зиаса, убить любой ценой и во что бы то ни стало — вот какова была ныне заветная мечта американца. Между тем убить карлика оказалось непросто, если вообще возможно. И потому Джейк Митчелл вынужден был вести свою игру и пакостить Великой Душе по мелочам.

Американец давно знал, что столь необходимую карлику Книгу Судеб спрятал Просперо. Джейк сознательно спугнул генерала, чтобы тот был настороже. В тайне от Тезиаса и от Просперо Джейк искал Книгу Судеб сам. Искал не для того, чтобы вернуть ее карлику. Искал, чтобы уничтожить. И пока не находил...

Выслушав доклады придворных, узурпатор отправился на казнь. С его воцарением разбойников и воров стали казнить каждый день. Король самолично исполнял приговор, отрубая головы осужденным. В этом он находил мрачное удовлетворение и давал выход душившей его ненависти к карлику. Каждый раз снося голову человеку, он мысленно представлял на месте казнимого карлика Тезиаса. Вот точно так же он отрубил голову Великой Душе!.. Толпа восторженно редела; одурманенные люди с пеной у рта приветствовали каждый шаг обожаемого короля...

Внезапно гигантская черная тень заслонила солнце. Вскинув голову, Джейк узрел Тварь, пришедшую из дремучих ночных кошмаров. Однако ни в одном кошмаре, ни в одном фильме ужасов, которые он любил смотреть в своем мире, твари не были так велики и омерзительны. Эта черная Тварь, адская помесь нетопыря, многоножки и паука, способна была сожрать весь город. Но узурпатор отчего-то сразу понял, что чудовищную Тварь интересует только он, Джейк Митчелл.

Зачарованная толпа тоже видела громадного нетопыря, зависшего над Тарантией. Люди не разбегались, в страхе закрывая лицо руками, как то было в Мессантии. И не потому, что аквилонцы испокон веку были храбрее аргосцев. Просто люди, собрав-

шиеся на площади перед королевским дворцом, искренне верили, что их любимый король запросто отрубит чудовищную многоглазую башку Твари — как он только что отрубал головы негодяям людской породы. Тварь велика и ужасна — ну и что! Их король — величайший герой всех времен! Что ему, Победителю Богов, какой-то демон! Один взмах окровавленного топора в руках короля Конана — и демон сгинет, точно колдовской морок. Завидев Тварь из Чужой Вселенной, толпа восторженно взревела. Сейчас, сейчас будет самое интересное! Свершится подвиг, который будут воспевать в веках; поэты всего мира сложат о нем баллады. Ну же, король, рази — чего ж ты медлишь?!

А король, вместо того чтобы разить, побелел как полотно, отбросил окровавленный топор и с воплем бросился к главному храму Митры. Ошеломленная публика замерла. Немую сцену разрушил чудовищный хохот Твари. Жертва бежит — как это смешно! Куда же ты, маленькое двуногое существо?! Я ведь все равно тебя настигну!

От громового хохота лопались стекла в домах. Начали рушиться древние стены. Гипноз Великой Души с трудом отступал перед шоком, вызванным позорным бегством обожаемого короля. Но все же отступал! Люди потрясенно хлопали глазами: как, их великий владыка не сразился с демоном?! Что же сделал он? Он бежал! А они? Если уж сам великий Конан бежит, чего же ждут они?! Ждут, когда их сожрет демон?! О, Митра, ведь это не просто демон, а сущий Ужас!!! Ужас! Ужас! Ужас! Спасайся, кто может!..

Джейк бежал, сметая все на своем пути. Он не был трусом, он готов был сразиться с человеком, он мог в одиночку выступить против десятерых, он даже рискнул бы повторить покушение на Тезиаса. Но перед подобной Тварью нечего геройствовать: она этого просто не поймет! Бежать, только бежать!

А Безымянная Тварь неумолимо настигала пер-

вую жертву. Нетопырь снижался, лапы-присоски пока еще лениво тянулись вдогонку королю. Джейк уже чувствовал удушающе-зловонное дыхание за своей спиной. Стрелой влетев в главный храм Митры, он бросился к алтарю.

Разумеется, он не собирался взывать к местному божку, моля о спасении, — Митра, равно как и все остальные тутошние небожители, для Джейка ничего не значил. Просто перед алтарем Митры, словно в насмешку над Солнечным Богом, Тезиас сотворил нечто вроде пространственного люка. Достаточно произнести пароль — «Великая Душа» — и люк открывает стезю в Зачарованный Город. Именно через этот люк приходил и уходил Верховный Хранитель, Аквилоний.

— Великая Душа! — воскликнул узурпатор. И в тот же миг началась телепортация.

Тварь из Чужой Вселенной видела, как первая жертва юркнула в какую-то нору. Величественный храм Митры казался Существому нагромождением небольших белых камней. Глупая жертва, разве можно спрятаться под камнями! Тысячи лап со щупальцами обвили храм и за пару мгновений перетерли его в тончайшую пыль.

Однако среди этой пыли частиц жертвы не оказалось. Была тут разная живая масса: жрецы, послушники, рабочие... Но где большой человек, за которым Тварь послал туземный волшебник?! Он опять сбежал!!!

Безымянная Тварь взвыла, и от ее гневного воя рассыпались еще несколько домов в округе; сам королевский дворец дрожал, готовый вот-вот рухнуть. Взмахнув чудовищными крыльями, — тем вызвав в Тарантии небывалый ураган, — Тварь из Чужой Вселенной понеслась на восток, — туда, куда бежала странная жертва. С каждой минутой Безымянная Тварь все более ослабевала, ибо мощь, влитая в нее жертвами Тот-Амона, истощалась, а волю волшеб-

ника ей выполнить пока не удалось. В Тарантии Тварь из Чужой Вселенной уже была раза в два меньше, чем в оазисе Хаджар.

— Посмотри, что ты наделал! — услышал Конан печальный голос Тезиаса.

Одно мгновение потребовалось киммерийцу, чтобы развернуться и рубануть мечом по башке карлика. Сталь жалобно зазвенела; меч сломался, а варвар был отброшен к стене. Тезиас с укором покачал головой.

— Когда же ты наконец избавишься от своей дурной привычки, киммериец?! Едва увидишь меня, сразу кидаешься с мечом! Куда это годится?!

— Ну погоди, гнусный карла, дай срок, я еще доберусь до тебя, — прохрипел варвар.

— И угрозы свои оставь при себе. Они меня не пугают. Погляди лучше, что ты наделал. Ты убил Декситя! Моего гостя, своего друга! Верховного жреца Пресветлого Митры! Ты его убил, киммериец! И так жестоко! Что с тобой? Не повредился ли ты в уме?

Конан стиснул зубы. Уж лучше бы карлик пытал его!

— Молчишь, — резюмировал Тезиас. — Значит, тебе стыдно. Значит, голос совести еще не умолк в тебе. Может, совесть подскажет тебе вернуть награбленное? Книгу Судеб, к примеру.

Киммериец решил молчать. Пускай гнусный ублюдок упражняется в красноречии. На сей раз Конан не составит ему компанию. Лучше он будет молчать и ждать, когда Тезиас допустит ошибку. А дождавшись, этой ошибкой воспользуется. Так что глумись, карла, пока можешь!

Неожиданно воздух в комнате заколебался, и подле Тезиаса возник второй Конан.

— Джейк! Откуда ты взялся? Тебе полагается быть в Тарантии! Что заставило тебя самовольно покинуть трон? — обиженно нахмурился Великая Душа.

— Тварь... — испуганно пролепетал Лже-Конан. — Кошмарная Тварь напала на меня в Тарантии!..

Как ни было ужасно его положение, Конан так и прыснул от смеха.

— Что... что здесь делает эта свинья?! — ошеломленно воскликнул американец; испуг сменился гневом.

— Конан гостит у меня, разве не видишь, — усмехнулся Тезиас.

— Я лучше думал о тебе, карла, — сказал киммериец. — Ты посадил на мой трон не просто мерзавца и дурака, но и жалкого труса. Погляди, вон у него штаны мокрые.

Рассвирепев, Джейк бросился к Конану. Однако Тезиас встал между двойниками, и его могущественная аура оттолкнула обоих.

— Подождите, — повелительно изрек карлик. — Давайте разберемся. Тварь из Чужой Вселенной охотится за Конаном. И, похоже, ей безразлично, кого из вас, Конанов, лопать. А раз оба вы здесь, в Зачарованном Городе, следовательно, Тварь Тот-Амона летит сюда. Интересное дельце получается, не находите?

— В Зачарованном Городе ей нас не достать, — без должной уверенности проговорил Джейк. — Верно?

— К чему Великой Душе опасаться за свою зачарованную помойку, — насмешливо добавил Конан. — Разве какая Тварь устоит перед божественной мощью гнусного карлы?

— Разумеется, вам нечего бояться в Зачарованном Городе, — молвил Тезиас. — Безымянная Тварь не одолеет силу Стержня. Но она способна разрушить все вокруг — леса, горы, озера. Она может устроить землетрясение. И она, бесспорно, будет караулить вас у границы Зачарованного Города.

— Тогда уничтожь ее, — предложил Джейк. — Докажи всем, что ты сильнее какой-то там Твари!

— Ага, докажи, — согласился Конан. — Мне

тоже будет страшно интересно посмотреть, как ты ее прикончишь, карла. Или она — тебя.

Тезиас звонко рассмеялся; каким-то непостижимым образом его лицо оказалось обращенным и к Конану, и к Джейку, хотя они стояли по разные стороны от него.

— Никому я ничего доказывать не буду. Я в этом не нуждаюсь. И расходовать свои силы на сражение с Безымянной Тварью тоже не буду. Ни к чему это. Есть другой выход.

— Какой же? — спросил Джейк.

— Удовлетворить ее.

Оба двойника разинули рты. Тезиас рассмеялся снова. Первым опомнился американец.

— Правильно, — поспешил заметить он. — Отдай ей собаку-варвара. Это будет мудрое решение.

— Я так не считаю, — сказал Конан. — Пусть лучше Тварь Тот-Амона поживится этим червяком. Признайся, Великая Душа: Джейк ведь разочаровал тебя! Ты думал, он сможет заменить меня. Ха! Он смешон и жалок. Какой из него король? Он тебе не нужен. Отдай его Твари.

— Да как ты смеешь, каналья... — начал Джейк, но Тезиас властным жестом остановил его.

— Поступим так, — решил карлик. — В живых останется тот из вас, кто принесет мне Книгу Судеб.

— Я знаю, где она! — воскликнул американец. — Она у Просперо!

Внешне выражение лица Конана осталось непроницаемым, но Тезиас был великолепным физиономистом.

— Джейк попал в точку, да, киммериец? Ты передал Книгу Просперо, не так ли?

— Я ничего тебе не скажу, карла.

— Вот ты и подписал себе смертный приговор, собака-варвар, — радостно осклабился Джейк.

— Не торопись, американец, — молвил Тезиас. — Ваши судьбы меня интересуют в гораздо меньшей степени, чем Книга Судеб. Уж простите за каламбур!

Итак, Книга Судеб у Просперо. Зачем тогда нужны мне вы оба?

— Просперо не отдаст ее тебе, — заявил Конан.

— Он нипочем не отдаст, — тотчас согласился Джейк. — Тебе нужен я.

— Тебе известно, где спрятана Книга Судеб, американец?

— Я обязательно достану ее! — воскликнул Джейк. — Вот увидишь!

— Ага, значит, ты не знаешь, где она. А вот Конан знает. Но молчит.

— Тем более выдай его Твари! — рявкнул Джейк.

— Мне нравится твоя мысль, американец, — сладко улыбнулся карлик. -- Я только позволю себе чуть-чуть видоизменить ее. Слушай, Конан. Если ты будешь и дальше упрямыться, я выдам тебя Безымянной Твари. А если ты вернешь мне Книгу Судеб, я, так и быть, выдам Твари Джейка. Идет?

— Ах ты грязный ублюдок, — слабо охнул американец, на глазах покрываясь гусиной кожей.

— А ты взаправду выдашь эту мразь Твари, если я верну тебе Книгу? — осведомился Конан.

Книгу Судеб Великой Душе он возвращать не собирался, но поглядеть, как извивается двойник, цепляясь за свою жалкую жизнь, было одно удовольствие.

— Разумеется, выдам, — невозмутимо отвечивал Тезиас. — Клянусь Великим Космическим Знанием! Зачем он мне? Мне нужна Книга Судеб. Я даже отпущу тебя, король Конан. Ты вернешься в Тарантию. Ты прав: Джейк недостойн быть королем Аквилонии.

— Наконец-то ты это понял, — усмехнулся киммериец.

Джейк Митчелл являл собой поистине жалкое зрелище. Будучи сам по натуре предателем, готовым прикончить Тезиаса при первом удобном случае, он никак не ожидал предательства со стороны Великой Души.

— Не верь ему, Конан! — отчаянно возопил Джейк. — Он получит Книгу, а вместо благодарности прикончит тебя! Ты его не знаешь! Этот карлик — монстр похуже той Твари!

Конан от души расхохотался. Этот спектакль в какой-то мере компенсировал все беды и унижения последних дней. Обращаясь к Тезиасу, киммериец произнес:

— Не хотел бы радовать вон того ублюдка; чего он стоит, ты, Великая Душа, похоже, убедился сам. Но все же скажу: от меня ты Книгу Судеб не получишь.

— Собака-варвар блефует, — пролепетал Джейк, окончательно запутавшись.

— Блефует он или нет, а рисковать Книгой я не стану, — задумчиво молвил Тезиас. — Поступим так. Ты, Джейк, возвращайся в Тарантию и ищи Книгу Судеб. Пусть все ищут! Скажи, что та Тварь наложила на город заклятие и что, если не найти Книгу, Тарантия погибнет.

— Ты спятил, карла?! — воскликнул Конан. — Да кто поверит в такую чушь?

— Поверят, все поверят, — успокоил его Тезиас. — Я отправлюсь с Джейком и лично прослежу, чтобы поверили. Когда ты, Джейк, отыщешь Книгу, я сразу заберу ее, а упряма Конана выдам Твари! Торопись: Тварь быстро летит сюда! Если она явится в Зачарованный Город, а ты к тому времени не найдешь Книгу, я выдам Твари тебя, Джейк!

И, не позволив американцу ничего возразить, Тезиас телепортировал его обратно в Тарантию.

— Ловко ты все это прокрутил, очень ловко, — не мог не заметить Конан. — Только этот червяк не отыщет тебе Книгу. Ничего у него не получится.

— Я знаю, — лукаво улыбнулся карлик.

— Знаешь?! — изумился киммериец.

— Конечно, он ее не найдет! Ведь ты хорошо ее спрятал, не так ли?! И я думаю, будет справедливо,

если Книгу Судеб мне вернет тот, кто ее украл. Ты, то есть.

— Я никогда не отдам ее тебе, карла. Клянусь кровью Крома! — отрезал Конан. — Сколько можно повторять! Можешь выдать меня этой проклятой Твари, но Книгу Судеб обратно ты не получишь!

— Как интересно выходит, — проговорил Тезиас, лаская Конана магнетическим взглядом огромных агатовых глаз. — Вы с Джейком оба ненавидите меня и готовы убить, как только сможете. Однако вы оба нуждаетесь во мне, ибо лишь я могу спасти вас от кошмарного чудовища из Иных Миров. Разница между вами лишь в том, что Джейк цепляется за свою жизнь, а ты — нет. Опрометчиво с твоей стороны, очень опрометчиво! А ты не подумал, киммериец: если Тварь из Чужой Вселенной погубит тебя, как сможешь ты отомстить мне?! Наш давний спор не будет завершен! Ты умрешь, а я останусь. Неужели тебя это устраивает?

Конан хранил молчание.

— Ладно, не буду больше увещевать тебя. Поступай, как знаешь. Мне пора в Тарантию. Ты прав, без моего гипноза Джейка, скорее всего, насадят на кол... Кстати, а вдруг мы все-таки отыщем Книгу?

— Скорее вы отыщете свою смерть! — проревел киммериец.

— Значит, думаешь, я не найду Книгу Судеб?.. Ну, тогда завтра ты сам вручишь ее мне. Лично передашь из рук в руки!

— Да что ты мелешь?! — взорвался Конан, но Тезиаса уже и след простыл. Киммериец снова остался один. Карлик не получил от него Книгу Судеб, но одного сумел добиться: Конан был совершенно сбит с толку.

Покинув Конана, Тезиас не телепортировался в Тарантию, а отправился в покои Аманды Линн. Та, используя хрустальную люстру в качестве спортивного снаряда, подтягивалась на сильных мускулис-

тых руках. Делала она это без видимых усилий, точно играясь. Тезиас невольно залюбовался. Заметив в зеркале отражение карлика, Аманда легко спрыгнула с люстры и встала по стойке «смирно».

— Здравствуй, хозяйка Зачарованного Города!

— Приветствую вас, босс.

— Тренируешься?

— Женщина должна держать форму, сэр.

— Молодец. И как себя чувствуешь?

— Великолепно. Позвольте вопрос, сэр.

— Позволяю.

— Вы намерены поручить нам какую-то работу?

Парни стонут от безделья. И они мужчины. Я не в состоянии одна их удовлетворить, даже если бы хотела.

— Понимаю.

— Сэр, ваши Черные Коршуны рвутся в бой!

— Рад это слышать. Несомненно, скоро им найдется работенка. А вот насчет тебя у меня имеется отдельный план. Правда, он тебя вряд ли обрадует. Он расходится с твоими задумками.

— Сэр?!

— Хватит ломать комедию, куколка! Думаешь, я не знаю, что у тебя на уме?

— Я вас не понимаю, босс.

— Прекрасно понимаешь. Ты и твой дружок Джейк задумали прикончить меня, так?!

— Вы ошибаетесь, сэр. Не знаю, как Джейк, но я...

— Но ты чуть-чуть умнее его, не так ли? Он открыто ненавидит меня, а ты умеешь скрывать свои чувства. Ты рассчитываешь ударить исподтишка. Ох, уж эти коварные женщины!

— Вы ошибаетесь, сэр. Я верна вам и вашему делу!

— Я не ошибаюсь, дорогая Аманда. Я вообще никогда не ошибаюсь. Иначе бы я не был Великой Душой. Но даже я по странной прихоти Судьбы лишен того бесценного дара, которым владеешь ты.

— Не понимаю вас, сэр. О чем вы?

— О твоём замечательном телепатическом даре, дорогая мисс Линн! Ты умеешь то, чего не умею я — ты умеешь читать мысли! Мои мысли! Мысли бога!

— Как... как вы догадались?!

— Неважно. Важно то, что у тебя есть, моя прекрасная телепатка. Мне не нравится, когда некто читает мои мысли. Тем более если этот некто готовит на меня покушение... Но сегодня я как раз позволю тебе прочесть мои мысли. Ведь они касаются тебя. Вернемся к моему плану, дорогая Аманда. Как он тебе? Давай, напряги свой телепатический дар! А ну-ка, что у меня на уме?

— Злодей! Подонок! Вонючий карлик!

— Вот, уже лучше! Заводись, проницательная мисс! Я вижу, ты правильно прочла мои мысли. Пришел твой час вступить в игру.

— О-о-о! Нет! Я не сделаю этого!

— Сделаешь, дорогая Аманда. Телепатический дар — это, знаешь ли, не все, что может пригодиться в жизни. Гипнотический дар, дар внушения бывает гораздо полезнее. Я позволю тебе в этом убедиться, моя дорогая Аманда Линн...

Глава девятнадцатая

МАЯТНИК УДАЧИ

Хуже неизвестности может быть только бездеятельность. Конан метался, ломал стены, даже пробовал проломить потолок. Но все пути заканчивались в комнате Декситя. Воистину, это был Зачарованный Город!

В конце концов Конан просто обессилел. Всякий раз, когда ему казалось, что хуже быть уже не может, карлик ловко доказывал обратное. Вот и теперь: голодный, полунагой, с обожженными ногами, киммериец принужден был томиться в бездействии. А в это время... В это самое время гнусный карлик и его

не менее гнусный сообщник разыскивают треклятую Книгу Судеб, и вся Тарантия — его, Конана, столица, — суется у них на побегушках! Часы пущены, песок быстро струится, с каждой секундой уменьшая шансы Конана выбраться живым из этой передряги. Неведомая Тварь из Чужой Вселенной приближается к Зачарованному Городу. Она летит по его, Конана, душу. Карлик прав: не время сейчас умирать! Сколько долгов осталось неуплачено, сколько дел еще предстоит сделать...

Конан не мог припомнить, когда еще на него наваливались столько врагов сразу. Причем не простых людей, а врагов один могущественнее другого. Тезиас, Тот-Амон, Тхутмертари, Джейк, теперь вот эта Безымянная Тварь... А он — один! Никого из друзей поблизости! Никого, на чье плечо можно было бы опереться, никого, кому можно было бы довериться. Пелиас погиб от руки злодейки — по его, Конана, вине. Декситея убил он сам, поверив другу, лишь когда тот был на смертном одре. А где Зенобия, Конн, Просперо, Паллантин, Троцери, Публио? Что с ними? Живы ли еще? Наверное, живы и, как и все его подданные, сами нуждаются в помощи. А он, король, не сумел защитить их!

Что с того, что на руках и ногах нет цепей? В аргосской темнице он чувствовал себя свободнее, чем здесь, в «гостях» у Великой Души. Город зачарован... Что за город? Где он находится? Как выбраться из него? А выбравшись, как добраться до Тарантии? Снова загадки, коварные головоломки... Разгадок на них нет.

Может, боги мстят ему? Может, мстит сам Митра? За то, что украл из Страны Небесного Народа божественный Светоч Истины? Если так, ты, Пресветлый Бог, Владыка Света и Солнечной Справедливости, выбрал не самое удачное время для своей мести! Кабы ты не отомстил сам себе! А может, Светоч Истины уже вернулся к Митре и Солнечный Бог удовлетворен? Проклятому карлику амулет Не-

бесного Народа не нужен. Он был нужен Конану, и Конан его добыл. Добыл — и сам вручил свое оружие врагу! Какая злая насмешка Судьбы! Неужели он и Книгу Судеб сам карлику вручит?! Вздор, какая чушь!.. Он скорее даст сожрать себя Безымянной Твари!..

— Мы что, так и будем здесь стоять, пустоголовый варвар?! — сварливо проговорил низкий хрипловатый голос.

Конан мгновенно вскочил. В дверях выстроилась странная компания крохотных рыжих человечков; самый рослый из них едва доставал киммерийцу до колена.

— Гномы! — изумленно выдохнул Конан.

— Они самые, — прежним сварливым тоном изрек вождь. — Хвала Митре, ты узнал нас, презренный варвар! По мне, так лучше уж тысячу лет проторчать в утробе Нергала, чем одну минуту видеть твою уродливую харю... Узнаешь ли ты меня, киммериец? Я — Алвари, которого ты три десятка лет тому назад надул и бросил одного в Горах Серых Обезьян!

— Еще можно поспорить, кто кого надул, рыжая крыса, — молвил Конан; историю с Золотом Гномов он помнил прекрасно. — Если я тебе так противен, чего же ты явился ко мне?

Алвари злобно сплюнул.

— Я скорее дал бы обрить себя, чем явился бы тебя спасать, варварское отродье Нергала! Но проклятый карлик совсем достал нас! Чтобы гордые гномы подметали этот заколдованный хлев и убирали экскременты за сотней негодяев из один Митра знает какого времени! Где это видано?.. Уж лучше ты, верзила, чем этот карлик. Гадкий, зловредный, поганый карлик!.. Ух, как ненавижу!

— Полностью с тобой согласен, Алвари, — рассмеялся Конан. — Если ты и впрямь Алвари. Кто знает, может ты — Тезиас. Почему я знаю?

Гномий предводитель измерил киммерийца таким уничтожающим взглядом, полным глубокого и

искренного презрения, что Конан едва удержал себя, чтобы не захватить тяжелым кулаком по наглой физиономии.

— Видать, в твоём варварском мозгу всего одна извилина, — прогнусавил Алвари. — Да и та стерлась от времени. Вот это видел, отродье Нергала?

И Алвари показал киммерийцу свою левую руку. На крохотном толстеньком пальце болтался огромный черный перстень с обнаженной белой жемужиной!!! С резвостью кобры варвар кинулся на Алвари. Не успел гном и глазом моргнуть, а Светоч Истины уже сверкал на пальце Конана.

— Вот так-то лучше, ребята! — не скрывая радости, воскликнул Конан. — Вы принесли как раз то, что мне нужно! Теперь я вижу: вы — настоящие гномы.

— О-о-ох! Отродье Нергала! Он украл у нас Светоч Истины! — нечеловеческим голосом взвизгнул Алвари. — Взять его, братцы! Вернем амулет себе! Он — наш!!!

— А ну всем стоять!!! — прогремел киммерисц.

Гномы в ужасе отпрянули.

— Вы что же, рыжие мартышки, думали, что я оставлю эту штуку вам?! Я, который ради нее тыщи раз рисковал жизнью, сражался в Раю и в Аду, бился с магами и демонами! Нет уж, она моя, клянусь Кромом! И я перегрызу глотку каждому, кто попробует отобрать ее у меня!

Угроза подействовала. Старый гном с длинной бородой прошептал на ухо Алвари:

— Это зверь, сущий зверь, а не человек. Он не остановится ни перед чем. Помнишь, как тогда, у подземного озера?

Алвари кивнул. Стараясь сохранить лицо, гномий вожак торжественно изрек:

— Так и быть, верзила, пускай амулет Небесного Народа покамест у тебя побудет. Мы не возражаем.

— Ну, вот и славно, — улыбнулся Конан, с увлечением разглядывая Светоч Истины. Видать, уда-

ча — что маятник; теперь она качнулась в его сторону. Да, с этой штуковиной можно еще кое о чем побеседовать с Великой Душой!

— Скажите мне, гномы, как Светоч Истины попал к вам?

— Он позвал нас, — благоговейно молвил Алвари.

— Позвал?

— Ну да. Гномы — чувствительный народ, не то что вы, тупоголовые варвары. Кроме силы, у нас есть еще голова, а в ней — ум. Мы чуем силу Митры на расстоянии. Светоч позвал нас, и мы его нашли. А когда нашли и отворили веко, сила Митры развеяла Заклятие Верной Службы, наложенное на нас презренным карликом. Теперь мы снова свободны!

Гномы восторженно загоготали, радуясь сему факту.

— Погодите праздновать победу, — остудил их пыл Конан. — Мы во владениях карлика. Это ведь Зачарованный Город, так?

Гномы разом сникли.

— Ты прав, верзила, чтоб тебя сожрал Сет. И чары этого города не разрушить даже Светочу Истины. Звездная магия сильнее земной...

— Ну ладно, ребята, давайте по порядку. Где этот самый город находится?

— В Горах Серых Обезьян, чтоб одной из них ты пришелся на обед.

Конан огорченно присвистнул. Далековато от Тарантии будет! Одно хорошо: в обитаемом мире, а не в какой-нибудь мифической стране за Гранью Заката.

— Как отсюда выбраться, знаете?

— Мы-то знаем, но наша дорога — не про твою честь, киммериец!

— Ты дело говори, мартышка, а я уж сам разберусь, что к чему.

— Карлик дал нам ход из Зачарованного Города. Но им могут воспользоваться только гномы.

— А если Светоч Истины разрушит чары карлика?

— Тогда из Зачарованного Города никто не выберется — ни ты, ни мы.

— Почему?

— Почему да почему! Не знаем! Невозможно! Те верзилы, ну, которые из Будущего, пытались, но у них ничего не вышло.

— А как пытались?

— По-всякому. И пешочком, и даже ход под землей рыли. Не вышло. Разве что только по воздуху...

— Как это — по воздуху? — удивился Конан. — Эти люди умеют летать?

Алвари постучал костяшками пальцев по башке.

— Ты, варвар, еще глупее, чем я думал, — сообщил он свое мнение Конану. — Они, люди эти, летать не умеют. Но у них есть механические птицы, вертолеты называются, которые умеют летать.

— Так что же они...

— А потому что карлик не велит никому вылетать за пределы Зачарованного Города без его позволения!

— А я не буду спрашивать его позволения, — коротко сказал киммериец. — Ну, хватит болтать, ведите меня наружу.

В его ясных сапфировых глазах появился знакомый блеск. Пора преподнести самоуверенному карлику кое-какие сюрпризы!

Гномы зашумели, но открыто перечить не стали. И странная процессия — громадный богатырь, окруженный свитой рыжеволосых человечков, — двинулась в путь. Чары Великой Души, наложенные на комнату Декситея, отступили перед чистыми лучами амулета Небесного Народа, и Конан с гномами вышли в длинный коридор.

— Ш-ш-ш! Тише, здесь живут негодяи, — проскрежетал Алвари, указывая на ряды дверей с двух сторон коридора.

— А я и не надеялся встретить тут хороших людей; — прошептал Конан.

В ответ несносный гном громко расхохотался:

— Че шепчешься, верзила?! Они все сейчас на дворе, колдуют у своих механических птиц!

Киммериец не стал воспринимать слово «колдуют» буквально и продолжил свой путь по коридору.

Так двигались они по большому коридору, пока Конан внезапно не остановился. Ему почудилось, что в отдалении кто-то стонет. Прислушавшись, он понял: тоскливые, ноющие стоны действительно доносятся из-за большой, украшенной золотыми драпировками, двери. Подойдя к ней, Конан услышал стоны отчетливее. Стонала, несомненно, женщина. Гномы многозначительно переглянулись.

— Не входи туда, варвар, — доверительно сообщил Алвари. — Это ловушка.

— Вы знаете, кто это стонет?

— Нам ли не знать, — брезгливо сплюнул длиннородый гном. — Это Аманда Линн, ихняя капитанша. Самая главная стерва из всех.

Гномы зашумели, согласно кивая. По поводу Аманды у них разногласий не было.

Конан тоже кивнул и шагнул прочь от золоченой двери. Стоны не прекращались. И тут произошло то, что должно было произойти. Киммерийский кодекс чести взял верх. Конан не мог уйти, оставив стонущую женщину. Тем более еще неизвестно, стерва она или не стерва. Чем слепо доверять мнению гномов, лучше самому поглядеть, что это за птица.

И Конан осторожно приоткрыл дверь.

— Куда ты, верзила?.. — зашипел Алвари, но в следующий миг все уже были поглощены созерцанием удивительного зрелища.

В огромной королевской палате, прямо у противоположной по отношению к двери стены мучилась обнаженная женщина. Вернее, не «у стены» — в стене. Ибо женщина была как будто **ВДАВЛЕНА** в кающуюся мраморной стену. Точно некая чудовищ-

ная сила вмуровала живую женщину в камень, оставив открытой лишь переднюю часть тела. Близ головы женщины кружились маленькие разноцветные шарики. Ежесекундно каждый из них выпускал в голову женщины тоненькие голубоватые молнии. Гладкие белые волосы извивались, как черви, хотя голова была неподвижна. Женщина тоскливо стонала; на ее резком, скуластом лице отражались боль и страдание.

Конан понял, что невольно стал свидетелем изощренной пытки. Или казни. Быстрыми шагами он пересек зал. Гномы вприпрыжку бросились за ним.

Оказавшись у стены, киммериец вытянул вперед левую руку. Лучи Светоча Истины озарили стройную фигуру женщины. Разноцветные шарики растаяли в воздухе, стена с непонятным шипением вытолкнула женщину из своих объятий. Та без чувств свалилась у ног Конана. Алвари нащупал у нее пульс, а затем гневно заметил:

— Что ты наделал, тупоголовый варвар, отродье Нергала?! Зачем освободил сучку? Она выдаст нас карлику! Она с ним заодно. Давай, убей ее, стерву, пока не очухалась.

Огромный кулак Конана, величиною с голову гнома, погрозил Алвари.

— Послушай, ты, мартышка! Я сам знаю, что и когда мне делать! Я не убиваю женщин, тем более так! К тому же она может мне пригодиться.

— Пригодиться?! — ахнул гномий вожак. — Ты спятил, варвар! Нашел время для развлечений! Увидел сучку — уже и попользовать захотелось?!

— Заткнись, рыжая крыса, — молвил Конан, и от его голоса на голове у Алвари зашевелились волосы. — Заткнись или, клянусь Кромом, ты так и не успеешь узнать, чем она может мне пригодиться!

Алвари, конечно, попал пальцем в небо. Женщина, без сомнения, была красивой. Но такая красота не привлекала киммерийца. Он предпочитал хрупких, нежных красоток с хорошо развитыми формами

и гладкой кожей. А эта женщина имела непомерно развитую мускулатуру, маленькую упругую грудь и грубую, высушенную солнцем и ветрами, смуглую кожу. Кое-где на коже имелись шрамы. На правом плече красовалась причудливая татуировка. Определенно, женщина была не в его вкусе! Очевидно было, это не женщина-мать, а женщина-воин — если Конан хоть что-то понимал в женщинах и в воинах. Соответственно с ней и следовало обращаться.

Конан похлопал ладонью по ее щеке.

— Эй, ты, просыпайся!

Застонав, женщина открыла глаза. В них отразились удивление, благодарность и... любовь!

— Джейк... мой милый... Ты спас меня.

Киммериец нахмурился. Во избежание дальнейших недоразумений следовало сразу поставить все на свои места.

— Да, я спас тебя. Но я — не Джейк. Я — Конан. А ты — Аманда Линн?

Аманда кивнула.

— Ты — не Джейк?! Конан... Конан-варвар!

— Он самый.

С неестественной для человека, только минуту назад стонавшего под ужасной пыткой, ловкостью вскочив на ноги, Аманда Линн отпрянула в сторону. Конан удержал ее. Стальная хватка варвара сжала ей запястье. Аманда закусил губу, но не издала ни звука. Это понравилось Конану.

— Не шути со мной, девочка. И не дергайся. Давай сперва поговорим.

— О чем нам с тобой говорить?

— О многом. О карлике Тезиасе, например. И о твоём Джейке. И о том, как покончить со всем этим безобразием.

— Хорошо. Но сперва дай мне одеться. Не видишь: я голая.

— Вижу. Я видел голых женщин. Ничего, не замерзнешь. Поговорим так.

Аманда даже не покраснела, а только пожала плечами.

— Итак, ты женщина Джейка. Ты ненавидишь карлика, который разлучил вас. Так?

Аманда согласно кивнула.

— А зачем карлик пытал тебя?

— Он как-то прознал про мой телепатический дар. Он хотел лишить меня этого дара.

— Чего, чего?.. Телепа... Какой такой дар?

— Ну, я могу читать мысли карлика.

— Так ты — ведьма?!

— Никакая я не ведьма! Просто карлик — он ведь не обычный человек, верно? У него сверхчеловеческий разум. И этот разум буквально пульсирует мыслями! А я могу их читать. Не знаю, как это получается, но я понимаю, о чем он думает.

— М-да... — протянул варвар. — Значит, тебе известно, что он задумал. И что же?

— Он хочет бросить нас на завоевание вашего мира.

— Кого это — нас?

— Ну, тех, кого он вызвал из Будущего. Из вашего Будущего, а нашего Настоящего. Отряд Джейка.

— Так, понятно. А насчет меня что он замыслил?

— Он хочет отобрать у тебя Книгу Судеб.

— Так это я без тебя знаю, — разочарованно молвил Конан. — И безо всякого дара... телепа...

— Телепатического, — подсказала Аманда.

— Вот, телепатического дара... Что ты еще знаешь?

— Разве я знаю мало?

— Бьюсь об заклад, я знаю больше. Ну да ладно. Хочешь ли ты отомстить карлику?

В ответ Аманда выразительно провела ребром ладони поперек шеи.

— Я так и думал, — удовлетворенно заметил Конан. — Ты сможешь отомстить ему.

— Как?

— Ты вытащишь меня отсюда. Ведь ты умеешь

управлять механическими птицами... как их... вертолетами?!

— Ну, умею. Ну и что? Что с того будет карлику?

— Я — злейший его враг. Если я сбегу, это будет самой лучшей мстью ему. Пока это самое большее, что мы можем сделать. Ты, кстати, сможешь бежать вместе со мной.

— Вот еще! Что я — дура?! Карлик отыщет нас, вернет, а с меня снимет голову!

— Не трусь. У меня есть чем его встретить, — и Конан продемонстрировал ей перстень с белой жемчужиной.

Аманда скептически скривила губы.

— Что может эта штука?

— Она разрушает чары карлика. Когда Светоч Истины при мне, карлик нам не опасен. Ну как, бежим?

Женщина колебалась. В конце концов искушение покинуть постылый Зачарованный Город оказалось сильнее страха.

— Я согласна. Но как мы влезем в вертолет? Он берет только одного человека!

— Ничего, как-нибудь влезем, — усмехнулся киммериец. — Ты не смотри, что я такой большой. Когда нужно, я могу быть очень маленьким.

— А как мы пройдем к «Черному коршуну»? — покачала головой Аманда. — Вокруг дежурят ребята... Они подумают, что ты — Джейк!

Конан рассмеялся, пригладил непослушные смоляные волосы, повел широкими плечами.

— Пускай думают. Почему Джейку можно прикидываться мной, а мне им — нельзя? Я побуду Джейком.

Аманде Линн идея не понравилась.

— Тебя сразу раскроют. Ты не знаешь наших парней. Они в два счета прикончат тебя.

— Не раскроют. Я знаю, как следует обращаться с подобным сбродом. И потом, со мной будешь ты. Тебе-то они верят?!

— Они передо мной трепещут, — с оттенком превосходства молвила Аманда. — Ладно, ты меня почти убедил. А куда мы полетим?

— В Тарантию, мою столицу. Я — аквилонский король.

— Аквилонский король — Джейк, — возразила Аманда.

— Послушай, женщина! — рявкнул Конан. — Твой Джейк — грязный ублюдок, узурпатор, севший на мой трон благодаря чарам карлика! Я — истинный король!

— Не смей говорить так о Джейке! Карлик принудил его! Джейк хотел остаться со мной!

— Ну да, так я и поверю! Твой Джейк любит власть. И вообще он ничтожный червяк, тряпка. Слышала бы ты, как он цеплялся за свою жалкую жизнь, валяясь в ногах у карлика!

— Я... я не верю тебе, варвар! — взвизгнула женщина. — Джейк не такой! Он сильный, умный и мужественный! Он любит меня!

— Он любит власть, — жестоко проговорил Конан. — Ради власти он легко отказался от тебя. Ты вот тут мучилась, карлик пытал тебя, да, а твой прекрасный Джейк тем временем пировал в моей Тарантии и пользовал тамошних девиц! Где был Джейк, когда я спасал тебя?!

— Нет! Я не верю тебе, — заплакала Аманда.

— Ты сама знаешь, что я прав, — добил ее Конан.

— Нет, — всхлипнула Аманда. — Я хочу, чтобы Джейк был со мной. Я люблю его.

— Могу обещать тебе лишь его голову.

— Нет!!! Тогда я никуда не полечу!

Конан с шумом вздохнул. Вот еще проблема. Женщина-воин оказалась влюбленной душой. Дурой, влюбленной в его, Конана, злейшего врага. Во врага, который заслуживает только одного: позорной смерти.

— Ну хорошо, — сквозь зубы процедил киммери-

ещ. — Мы прилетим в Тарантию, а там видно будет. Джейк и я сразимся, как мужчина с женщиной. Если он победит меня в честном бою, значит, твоя взяла.

— Так не пойдет, — отрезала Аманда. — Мы прилетим в Тарантию, и тыпустишь Джейка со мной. Он и я покинем твою столицу вместе. Клянусь, мы больше не побеспокоим тебя. Ты король, и королем останешься. Мне нужен только Джейк. Живой.

Варвар верил ей. И у него не было иного выхода, кроме как согласиться.

— Ну, хорошо. Значит, заключим сделку. Ты доставляешь меня в Тарантию, а я, так и быть, отпускаю вас с этой свиньей Джейком. Хотя, будь моя воля, я б его вздернул!

— Поклянись!

— Клянусь кровью Крома, я отпущу вас!

— Что это еще за клятва?

— Клятва кровью Крома для киммерийца нерушима. Кром — это мой бог. Он не прощает клятвоотступников. Я скорее умру, чем нарушу клятву.

— Ладно... Я тебе верю.

— Итак, вы договорились?.. — ядовито вкрадчивым голосом заключил Алвари. — А мы?! О нас вы подумали?

Конан совсем забыл о гномах! О тех, кто, несмотря на свой сварливый и склочный характер (а может быть, благодаря такому характеру), вызволил его самого. О тех, кто принес ему Светоч Истины и невольно вывел на Аманду. Что делать с ними?.. Киммериец наморщил лоб, мучительно отыскивая выход. За него ответила Аманда Линн.

— А вам придется чуток погодить, ребята.

Гномы от такой наглости разинули рты.

— Погодить?! Как это погодить? — зашипел Алвари. — Мы — первые! Мы вас всех спасли! И нам погодить?! Говорил я тебе, безмозглый варвар, не надо выручать эту сучку! Стерва она! Убей ее, и дело с концом! Ну, что ты скажешь?

Здоровенный палец киммерийца ткнул в мясистый нос главного гнома.

— Ты, Алвари, умеешь управлять механической птицей? Нет?! А вот она, Аманда, умеет. Ну так как, стану я убивать ее?! Пораскинь своими гномьими мозгами.

Алвари не остался у них в долгу. Отступив на шаг, он зловеще произнес:

— Если ты, пустоголовый варвар, и ты, паршивая сучка, попробуете бежать без нас, мы поднимем такой гам, что все бандиты Джейка сбегутся. Ужо-то туго вам тогда придется! А может, и сам карлик пожалует!

Гномы одобрительно заржали, а Конан лишь с досадой стиснул зубы. С них, гномов, станется! Их бесполезно увещевать и убеждать. Этот народец ни о ком, кроме себя, думать не способен. Гномы скорее вернутся в рабство к Тезиасу, чем согласятся «чутко погодить». Неужели вся затея сорвется из-за этих рыжих человечков?..

— Вы убедили меня, ребята, — неожиданно проговорила Аманда. — Так и быть, мы возьмем вас с собой.

Конан попытался что-то возразить, но женщина крепко стиснула его запястье: молчи, доверься мне. Он понял ее.

— Ну, а теперь мне можно одеться? — кокетливо спросила она.

— Давай, одевайся, красавица. Пойди-ка и мне подбери что-нибудь поприличнее.

Он отпустил Аманду, и она ушла в смежную комнату, где хранился ее и Джейка гардероб. А Конан обратился к гномам:

— Ну, рыжие мартышки, пора бы вам отработать мою доброту.

— Чего, чего? Что ты еще задумал, отродье Неггала? Смотри, обманешь — мы живо кликнем кого надо!

И Алвари широко раскрыл рот, словно демон-

стрируя, как он будет горланить, если Конан и Аманда не возьмут гномов с собой.

— Я дело говорю, Алвари, — спокойно отвечивал Конан. — Погляди на мои ноги. Меня аргосцы едва не сожгли на костре. Куда я пойду с такими ногами? Меня же сразу раскусят! И вас поймают вместе со мной.

— Ну, так это пустяки! — обрадовался гномий вожак, ожидавший какого-то подвоха. — А ну-ка, братцы, навалились!

Гномы обступили Конана. Толстые пальцы тыкались в ожоговые раны, причиняя сильную боль. Каждый из гномов что-то шептал на странном певучем языке. Стиснув зубы, киммериец ждал. Внезапно Алвари отскочил от него и сварливо зыкнул:

— Ты, верста! Смеешься над нами?!

— Чего не так? — удивился Конан.

— Он еще спрашивает! Ты, дурень долговязый, Светоч Истины-то затвори! Наши лечебные чары мимо тебя проходят!

Кивнув, Конан нажал веко черного перстня. Гномы продолжили свою волшбу. Спустя минуту киммериец почувствовал, как ожоги сами собой заживают, оставляя на ногах лишь слабые розовые следы. Закончив врачевание, усталые гномы отхлынули от него. Некоторые легли прямо на пол.

— Ждите здесь, — сказал им варвар вместо спасибо. — Мне нужно одеться. Мы с Амандой ежоро выйдем.

— Смотри, варвар, если обманешь, пеняй на себя, — снова пригрозил Алвари.

Не обращая больше на гномов внимания, киммериец проскользнул в смежную комнату. Там его уже ждала Аманда. На ней был облегающий камуфляжный костюм, весь увешанный разнообразным оружием двадцатого века. Точно такой же костюм, принадлежащий Джейку, она предложила Конану. Киммерийцу обнова понравилась, но от «колдовского оружия» он наотрез отказался.

— Ни к чему мне эти побрякушки, — сказал он Аманде. — Нет ли у тебя хорошего меча?

— Ну, ты даешь, варвар! — усмехнулась Линн. — Если ты выйдешь к ребятам невооруженным, да еще с мечом, они тебя просто засмеют. И нипочем не признают в тебе Джейка.

Скрепя сердце, Конан согласился с ее доводами. Из «колдовского оружия» он взял браунинг Джейка, лазерный бластер системы Фонтанелли и метательный нож. Когда сборы были закончены, киммериец наклонился к уху Аманды и прошептал:

— Нам еще нужна большая сеть. Такая, что могла бы разворачиваться в полете. Или крепкий аркан.

— Ты беспокоишься насчет гномов? Не волнуйся, у меня есть чем их угостить, — Аманда продемонстрировала Конану большой пистолет с длинным дулом. — Вот, видишь, эта штука с глушителем. Обоймы на всех рыжих мартышек хватит, и никто ничего не услышит.

— Я не позволю убивать гномов, — холодно заметил Конан. — Пусть я варвар, но не в моих правилах мочить тех, кто спас мне жизнь. И тебе, кстати, тоже.

Аманда фыркнула, состроив презрительную гримасу.

— Не подозревала, что ты такой чистоплюй. Ну ладно, а газ тебя устраивает?

— Газ?!

— Усыпляющий газ. Действует десять часов. Когда коротышки очухаются, мы будем уже далеко.

Подумав, Конан дал «добро». Иного выхода не было. Они вместе вышли к гномам. Неизвестно, что именно в поведении или одежде людей насторожило Алвари, но он тотчас выставил в предостерегающем жесте коротенькую ручку и злобно зашипел:

— Стойте, где стоите, коварные предатели! Вот вам...

Он подал знак своей команде, и гномы разом распахнули рты. Аманда стремительно бросила через

весь зал газовую гранату. Гномы, закашлявшись, попадали на пол.

Подойдя к Алвари, киммериец убедился, что тот жив и всего-навсего заснул, затем обернулся и сказал Аманде:

— А что, в вашем мире все владеют таким колдовским оружием?

— Только лучшие, — усмехнулась она.

— Все равно это поганый мир, — заключил киммериец. — Бросать колдовской камешек исподтишка — занятие для негодяев. Ты уж прости мою прямо-ту, красавица. Твой мир не по мне.

— А я тебя в него и не приглашаю, — фыркнула Аманда Линн. — Меня, к слову, в гости тоже никто не звал. И моего согласия посетить твой мир не спрашивал.

Внимательно посмотрев на воительницу, Конан заметил:

— Ты могла усыпить меня, как гномов, правильно? Или убить. Реакция у тебя что надо. Почему ты этого не сделала? Сама бы улетела на своей птице.

— У меня тоже есть свои понятия о чести, киммериец, — глаза в глаза ответила ему Аманда. — Мы заключили сделку, и оба поклялись ее исполнить. Значит, мы напарники. А я не предаю своих напарников. Поэтому я до сих пор жива.

— Тогда тем более странно видеть тебя с Джейком.

— Не тебе обсуждать мою личную жизнь. Хватит болтать. Пошли, король Аквилонии.

Глава двадцатая

СХВАТКА НАД МОРЕМ

Лишь когда парадные ворота шарообразного дворца, сотканые из Живой Энергии, затворились за ними, Конан смог ощутить все сказочное великолепие Зачарованного Города. Пожалуй, все прелести

Страны Небесного Народа и кошмары Преисподних Миров меркли перед завораживающим душу совершенством, которое явилось взору варвара. Гигантские многоугольные строения, казалось, двигались и жили собственной жизнью. Они переливались всеми мыслимыми и немыслимыми цветами, но излучали чистый и приятный желтоватый свет.

Обернувшись, Конан узрел наконец и то, что являлось сердцем Зачарованного Города. Громада Стержня, пронзающая небеса, бросала вызов богам. Обостренные чувства варвара ощутили незримую колоссальную силу, источаемую Стержнем, невиданную, непредставимую мощь, которой дышало это фантастическое сооружение. Да, пожалуй, эта мощь была равной силе богов — или даже превосходила ее. И еще Конан ощутил невольное уважение к карлику Тезиасу, который сумел подчинить себе все это сказочное могущество. Звездную магию, как говорят гномы... А еще Конан внезапно осознал, насколько правы были Тезиас, бахвалившийся своей неуязвимостью, и Декситей, последними словами которого стали: «В этом нечистом месте Митра тебя не услышит...» ибо, пока стоит Стержень, а Великая Душа прячется под его защитой в Зачарованном Городе, победы Конану не видать. Чтобы одолеть карлика, нужно разрушить Стержень. Или выманить Тезиаса из Зачарованного Города. Здесь он взаправду Неподвластный Богам...

— Не время любоваться красотами, — мягко подтолкнула Конана Аманда. — Иди за мной.

Она быстро пошла к аэродрому, где стояли «Черные коршуны». Душа Конана не лежала к полету на механической птице Будущего. На его взгляд, было в этом нечто унижительное для настоящего мужчины-воина, как и во всем, что пахло колдовством. Если бы боги хотели, чтобы человек летал, они дали бы ему крылья. Человек создан, чтобы ходить по земле, а не летать в небе. Воин должен владеть мечом, а искусство парить над облаками следует ос-

тавить птицам. Отец и мать дали Конану крепкое тело богатыря, Великий Кром, суровый владыка киммерийцев, вдохнул в это тело мужество и силу, а больше Конан ни в чем не нуждался. И если бы его спросили, как предпочел бы он добираться до Тарантин: своим ходом или в чреве механического чудовища из Будущего, он, не задумываясь, выбрал бы первое. Но на это ушли бы недели, если не месяцы. Враги не будут ждать. И Конан, скрепя сердце, следовал за Амандой Линн. В конце концов, что он, не летал на спинах крылатых чудищ?! Демоны, нетопыри, скричи — эти волшебные существа доставляли его куда следует скоро и верно. Раз надо, полетит и в чреве «Черного коршуна»...

— Откуда у карлика столько этих черных птиц? — спросил он у Аманды. — Я видел, у него была только одна. А теперь их... их десятки!

— «Черных коршунов» ровно сто, — сказала женщина. — Из них только один настоящий; на нем мы и полетим. Это и есть вертолет Джейка.

— А остальные?

— Остальные Тезиас сотворил по подобию первого. Вроде, они тоже настоящие, но рисковать я не хочу.

Конан кивнул: чем меньше колдовства, тем лучше. Самое поганое будет, если черная птица, на которой они полетят, вдруг да и растает в воздухе. Этак на высоте две мили.

Они пришли к аэродромной площадке. Со всех сторон выбегали люди — все, как один, мускулистые, крепкие парни в камуфляжных костюмах.

— Джейк вернулся!!! — подхватили десятки глоток.

Конан приготовился держать речь, но Аманда опередила его.

— Тихо, псы! — низким, лающим голосом рявкнула она. — Мы с Джейком отправляемся на спецзадание. Скоро вернемся. Все по местам!

«Псы» разочарованно разбредались. Некоторые,

особо нахальные, — а таких набралось едва ли десяток, — увязались за Конаном и Амандой. Долговязый негр с рожей отпетого бандита тронул Конана за рукав.

— Эй, кэп, а у тебя новый перстенок, да? Поглазеть дашь?

Резко развернувшись, Конан сгреб негра здоровенными ручищами.

— Я те по роже щас дам, коли не отвяжешься, понял? Не слышал, что Аманда сказала: у нас спецзадание! Отвали.

— Да что ты, кэп, я ничего, — сразу сник негр. — Я просто говорю, хороший у тебя перстенок...

— Не про твою честь этот перстенок, Фил Фрезер, — добавила Аманда, подсказывая Конану, как зовут черномазого.

Другой бандит — долговязый, светловолосый, с ужасным шрамом через все лицо — проговорил:

— Ты что же, кэп, так ничего нам и не скажешь? Мы по уши в дерьме, дурью маемся, вшивый карлик понукает нами, как хочет, а ты что же, так и уйдешь?! Ты, говорят, важная птица, король какой или президент, а? А мы что же, значит, дерьмо собачье?!

— Заткнись, Хью, или я тебе член подрежу! — свирепо гаркнула Аманда, демонстративно играя коротеньким метательным кинжалом.

Конан потянулся, оглядел негодяев и заговорил. Заговорил так, что в самых дальних вертолетах задребезжали стекла, а наемники испуганно попятились назад.

— Хочешь знать, Хью, кто ты такой? И ты хочешь знать, Фил Фрезер? Все хотите знать, да?! Я скажу вам, кто вы есть. Вы — не дерьмо собачье, вы — шакалий кал! Я плевал и плюю на вас! И плевать буду! Да, я король, и мне начхать, где такие червяки, как вы, просиживают свои грязные зады! А еще скажу: если вы хоть пальцем тронете моих новых подданных, я сделаю с вами вот что.

И Конан со всей своей недюжинной силой захватил Хью огромным кулаком по физиономии. Затрещали кости, шрам на лице негодея окрасился кровью. Верзила Хью отлетел на несколько шагов. Презрительно сплюнув в его сторону, Конан отвернулся.

Аманда Линн была бледна как полотно. Никто больше не останавливал их. Когда оба залезли в вертолет, Аманда набросилась на Конана:

— Ты что, свихнулся?! Они могли разорвать тебя на части! Или просто пристрелить. Джейк с ними так никогда не разговаривал!

— Должен же я был проверить его авторитет в отряде, — криво ухмыльнулся Конан. — Не скрою, авторитет высок. Пока. Хотел бы я, однако, посмотреть, каков он будет, когда эти ребята обсудят мое поведение... Я полагаю, когда твой Джейк вернется, его будет ждать не самый теплый прием.

— Ах ты гнида, — с ненавистью молвила Аманда. — Ты хочешь сравнить Джейка с ребятами. Ты хорошо постарался. Но не ликуй раньше времени. Не все они идиоты. Кое-кто подумает, что тебя, то есть Джейка, околдовал карлик. Ты был не в себе, когда болтал всю эту чушь.

— Ну да, а другая половина сочтет, что я, Джейк, на самом деле предал их и спелся с карликом, — злорадно заметил киммериец. — И между теми и другими состоится небольшая разборка. А может быть, большая. Или они вообще друг друга перестреляют. Что ж, я не против. Пускай подерутся. Будет им хоть какое-то развлечение. Они ведь так скучают в этом заколдованном гадюшнике.

Не найдя, что ответить, Аманда со злостью включила зажигание. Вертолет резко взмыл в воздух. Никто не остановил их; «Черный коршун», быстро набирая скорость и высоту, понесся прочь от Стержня. Аманда Линн сидела в пилотском кресле, а Конан, обхватив руками колени, съехал на приставном стульчаке.

— Где твоя Тарантия? — осведомилась Аманда.

— Лети на закат, а там поглядим.

«Черный коршун» беспрепятственно покинул пределы Зачарованного Города, и люди вздохнули с облегчением. Лицо Аманды, залитое гневом, вдруг подобрело, а Конан позволил себе улыбку.

— А ты ничего, девочка, — одобрительно похлопал ее по плечу киммериец. — Жаль, что ты не на моей стороне.

— Убери лапу, варвар, — голос ее неожиданно изменился: в нем не было особой настойчивости. — Ты мешаешь мне управлять вертолетом.

— Разве?! А как летает эта птица?

— Зачем тебе знать? Твое дело — мечом махать и кулаком ахать.

— Да так, просто интересно.

— В моем мире вертолеты летают, пожирая топливо... Ну это вроде пищи для механических птиц.

— Понятно. А здесь?

— А здесь топливо не нужно. Карлик сделал так, чтобы винты вращала энергия Стержня.

Конан изумленно заморгал.

— Ты хочешь сказать, что мы летим лишь благодаря силе Стержня?! А если карлик перережет ниточку? Мы, что, упадем? И все другие вертолеты тоже зависят от Стержня?!

Аманда Линн прикусила язык: она поняла, что сболтнула лишнего. Больше варвар ничего не смог от нее добиться.

«Черный коршун» продолжал свой удивительный полет на запад.

А высоко-высоко над ним, стоя на смотровой площадке исполинского Стержня, карлик Тезиас провожал черный вертолет смеющимся взглядом огромных агатовых глаз. Скрестив руки на груди, он говорил:

— Летите, орлы, летите... Спешите навстречу Судьбе...

Тварь из Чужой Вселенной мчалась на восток. Погоня за первой жертвой казалась нескончаемой, и уже одно это приводило Тварь в бешенство. Гигантский нетопырь устало махал черными крыльями. В этом странном мире все было враждебно ему: воздух, которым трудно было дышать — для Существа он был чересчур густ; свет — его было слишком много; наконец, ветер — в мире, где родилось и жило Существо, ветра просто не существовало. Волшебник, призвавший Тварь в свой странный мир, сделал все, чтобы придать ей силы. Однако время шло, силы уходили, а поручение волшебника оставалось невыполненным. Первая жертва — большой мускулистый мужчина — всякий раз таинственным образом ускользала от Безымянной Твари. Существо испытывало трудноодолимое искушение заняться второй жертвой — золотоволосой девушкой; она была гораздо ближе и доступнее, а диковинного мужчину оставить на потом. Но Тварь дала клятву исполнить волю местного волшебника, а тот повелел убить сначала мускулистого мужчину. И Тварь летела на восток — туда, куда бежал большой мужчина.

Неожиданно Безымянная Тварь обнаружила, что не только она приближается к большому мужчине, но и он — к ней. Он движется ей навстречу! Это одновременно и обрадовало, и изумило Существо. Неужели жертва, дважды ускользавшая от него, теперь хочет сразиться?! А может быть, она поняла бесплодность бегства и спешит, чтобы сдаться?! Ведь в любом случае судьба ее решена...

Первой Тварь заметила Аманда Линн. «Черный коршун» летел над морем, когда на мониторах возникла маленькая черная точка, приближающаяся с запада. Сначала женщине-пилоту показалось, что это большая птица. Но, когда компьютер оценил расстояние, отделяющее «птицу» от вертолета, Аманда только ахнула. Когда же компьютер увеличил

изображение, неустрашимую воительницу из Будущего прошиб холодный пот. Нечто, приближающееся к ним, превосходило вертолет по крайней мере в пять раз!

— Конан, Конан, смотри, — трепещущий палец Амадды указал на монитор.

— О, Кром! — прошептал киммериец.

— Что, что это?!

— Это Тварь... Она охотится за мной. И за Джейком. Она не успокоится, пока не покончит с кем-то из нас. Или с обоими.

— Она приближается слишком быстро! Она... она летит быстрее нас! Нам не уйти от нее...

Конан содрогнулся. Это стало бы сущим кошмаром: бежать из-под самого носа Великой Души, чтобы погибнуть здесь, над морем Вилайет, от какой-то Твари из Иных Миров!

— Хорошо, Аманда, успокойся! Мы можем сражаться?

— У нас просто не остается другого выхода! Держись, варвар!

...Здесь нужно заметить, что представлял собой «Черный коршун». Это не был обычный боевой вертолет, каких много на вооружении у армий разных стран современного Джейку и Аманде мира. «Черный коршун» создавался по специальному заказу главаря наемников, и истинным творцом его был сам профессор Луиджи Фонтанелли. Джейк Митчелл вложил в вертолет семьсот миллионов долларов. Огромная механическая птица была покрыта особо прочной броней, способной выдержать и выстрел гранатомета, и даже удар небольшой ракеты. «Черный коршун» был нашпигован всевозможным оружием — от «обычного», такого как танковые пушки, крупнокалиберные пулеметы и гранатомет, до самого экзотического — его представляли, главным образом, дальнобойный огнемет и лазерная пушка. Вся эта чудо-техника стараниями Тезиаса и Джейка пребывала в исправном состоянии и была готова к

бою. Кроме того, на борту находились несколько десятков малых ракет классов «воздух — земля» и «воздух — воздух». И Джейк вовсе не преувеличивал, когда обещал Тезиасу уничтожить любой хайборийский город с помощью одного лишь «Черного коршуна». Великой Душе вертолет очень понравился; Тезиас назвал машину Будущего «прекрасным ангелом смерти». Теперь двум «ангелам смерти», прибывшим в Хайборийскую эпоху из Иных Миров, предстояло выяснить, кто из них сильнее...

Аманда Линн недолго пребывала в прострации. Она сумела взять себя в руки. Предстояла смертельная схватка, а война всегда была ее профессией. Маленькой девочкой она лишилась родителей; их убили бандиты. Десятилетняя Аманда принялась мстить. Конечно, тогда у нее ничего не получилось. Получилось потом, много лет спустя, когда она познала искусство убивать и абсолютную власть силы. Ее сверстницы веселились на вечеринках, водили романы с парнями, а она училась убивать и убивала. Люди, которые погубили ее родителей, умерли; от ее руки погибли также те, кто на них работал, и те, на кого работали они. К двадцати пяти годам Аманда Линн потеряла счет своим жертвам. Для нее все они были на одно лицо, все заслуживали смерти. Она научилась стрелять из любого оружия, сражаться под водой, водить самолеты, вертолеты и даже подводные лодки. Ее ненавидели и боялись. Ей приходилось скитаться по миру. Ей нравилось «мочить» негодяев; таковых всегда было множество, и сама жизнь выбрала для Аманды профессию бесстрашного наемника... Все изменилось с приходом в ее жизнь Джейка Митчелла. Неукротимая Аманда полюбила огромного американца; он всегда казался ей сказочным героем, победителем Зла. Джейк покорила и умиротворил ее; она стала его правой рукой в отряде и считалась лучшим бойцом. За ее голову, как и за голову Джейка, правительства многих стран сулили щедрые награды. Аманда Линн хотела воевать и лю-

била воевать. Воевала она не из-за денег и славы, — пусть, считала она, то и другое достается Джейку: он этого заслуживает. Она воевала «из любви к искусству», ее пьянила кровь. Если враг пал, значит, он того заслуживает. В душе Аманда Линн, рожденная в Америке двадцатого века, оставалась таким же варваром, как и ее очень далекий предок, а ныне спутник — Конан...

На скуластом лице Аманды Линн появилось хищное выражение; так свирепая львица готовится к последней в своей жизни схватке. Пальцы пилота быстро нажимали какие-то кнопки на приборной панели; управлялся «Черный коршун» тоже по-особому. Вертолет вздрогнул; Конан увидел, как стая серебристых стрел — то были ракеты — отделилась от черного брюха механической птицы и с пронзительным свистом унеслась вперед.

Все ракеты попали в цель. Воздух взъярился гневным пламенем взрывов. А спустя несколько секунд из пламени выпорхнул чудовищный нетопырь, живой и невредимый. Он расхохотался. Звуки демонического смеха хлестали по барабанным перепонкам, вертолет содрогался. Тварь из Чужой Вселенной стремительно приближалась. Конан, не в силах чем-нибудь помочь Аманде, принужден был только наблюдать.

Новый рой серебристых стрел — и с тем же эффектом. Выражения ужаса, изумления и снова боевого азарта сменялись на лице Аманды едва ли не ежесекундно. Ракеты Твари ни о чем! Повинуясь приказу пилота, ударили танковая пушка и все пулеметы.

На этот раз Твари, видать, пришлось несладко. К такой «щекотке» она не привыкла. Снаряды дырявили гигантские черные крылья, но увязали в омерзительной черной слизи, составлявшей туловище Существа. И отлетали, как горошины от стены, от чудовищной многоглазой башки. Будь Тварь тиходна и неповоротлива, ее, может быть, и удалось

бы так добить. Но пулеметная атака только чуть замедлила стремительный полет Существа.

Оно уже было близко, и Аманда выстрелила из огнемета. Струя неистового пламени накрыла Тварь из Чужой Вселенной. Но Тварь проворно выпорхнула из огня, сотрясая маленький вертолет своим чудовищным хохотом.

— Прекрати! Не видишь: огонь ее не берет! — завопил Конан. — Попробуй что-нибудь другое! И целься по крыльям!

Аманду трясла нервная лихорадка. Враг казался неуязвимым. Огонь его не берет! Что же тогда?! Одна за другой в цель полетели гранаты, дырявя черные крылья Безымянной Твари. В это время Аманда навела на башку Существа прицел лазерной пушки. Из клюва «Черного коршуна» вырвался тонкий малиновый луч. Он прорезал бороздку на голове Твари, и оттуда потекла зеленая жижa, — очевидно, кровь Существа. А уже в следующую секунду Аманде пришлось резко выводить вертолет влево, чтобы избежать лобового столкновения.

Два существа, живое и механическое, оба черные, одно огромное, другое в несколько раз меньше, сражались над мрачными водами Северного Вилайета. Отчаянно маневрируя, Аманда вынуждена была спасаться бегством; Тварь преследовала вертолет. К счастью для людей, скорость обеих «птиц» почти сравнялась, при лучшей маневренности вертолета. Аманда Линн продолжала добивать Тварь из всех видов оружия, малиновый луч плясал по черному туловищу, крыльям, многоглазой башке. Существо ревели; от издаваемого им грохота закладывало уши. Стали отказывать приборы, подходил к концу боезапас. Заряд лазерной пушки тоже приближался к нулю. Чудом увертываясь от смертоносных объятий исполинских крыльев и бесчисленных щупальцев, вертолет кружился в воздухе, точно бабочка, ускользающая от сачка. Аманда, пристегнутая к креслу ремнем, кувыркалась вместе с вертолетом; Конану

же приходилось гораздо хуже — он прыгал в маленькой кабине, словно мячик, тело его покрывали кровоподтеки и ушибы.

— Нам не уйти! — перекрикивая грохот Существа, воскликнула Аманда. — Тварь настигнет нас раньше, чем мы добьем ее!

Конан и сам понимал это. Чудовищный нетопырь мелькал за окнами вертолета. Казалось, он везде. Казалось, вот-вот гигантские лапы-присоски оплетут крохотную машину и сотрут в порошок. «Будь что будет», — решил киммериец и, когда вертолет на одну секунду оказался в горизонтальном положении, нажал на черное веко перстня. Здравствуй, Светоч Истины! Помоги, если можешь, амулет Небесного Народа!

«Черный коршун», содрогнувшись, понесся вниз, к воде. Все приборы разом отказали.

— О Боже, мы падаем! — в ужасе вскричала Аманда. — Что случилось?!!

— Когда будем у воды, выворачивай вверх! Круто, как только можешь! — прокричал ей на ухо Конан.

Аманда не успела ему ответить. Как же варвар не понимает: нельзя «выворачивать», когда все приборы отказали, когда машина камнем падает вниз, когда она вот-вот разобьется о пенистые буруны!.. «Вот-вот» не случилось. Внезапно все приборы разом заработали, и Аманда, не тратя времени на восторги, рванула вертолет вверх. Машина вздрогнула, словно бы обижаясь на переменчивый нрав хозяйки. Инерция падения пронесла «Черный коршун» еще немного вниз, но могучая машина, задев брюхом воду, снова взмыла вверх.

А что же Тварь?! Как и следовало ожидать, она, увидев, как жертва уходит вниз, ринулась следом. Однако Тварь из Чужой Вселенной не ожидала нового маневра жертвы. Противник застал ее врасплох. Вертолет взмыл вверх, едва коснувшись воды, но

Существо не успело перестроиться — и рухнуло в море!

Волны взорвались шипящими брызгами. Гнилая черная плоть кипела в обыкновенной морской воде. Соль! Соль!! Соль!!! Убийственная соль присутствовала здесь в неисчислимых количествах! Соль, которая страшнее воздуха, света и ветра, вместе взятых! Соль, одного кристаллика которой достаточно, чтобы Тварь потеряла двадцатую часть своей массы! А этих кристалликов здесь были тысячи, миллионы, миллиарды!..

Но Тварь не была бы Тварью, если бы ее можно было так легко убить. Да, она попала во враждебную среду — но не погибла. Сработал извечный защитный механизм подобных существ. Тварь ринулась вниз — дальше, в глубины враждебного моря. Она, — вернее, то, что от нее осталось, — вгрызлась в морской грунт и ушла в него. Там не было соли. Чудовищный нетопырь, занимавший полнеба, превратился в крохотного, размером с муравья, черного червячка. Обессиленный и едва живой, этот червяк тем не менее сохранил разум и сознание Твари. Он и был Тварью. И он знал, что будет дальше. Он отлежится, придет в себя, кое-как восстановит силы, а затем поползет сквозь земную кору — туда, где нет соли. Там он выберется на поверхность и продолжит охоту за большим мужчиной. Ибо ничто не может помешать Твари из Чужой Вселенной исполнить свою клятву...

«Чёрный коршун» кружил над морем. Море штормило; могучие буруны как будто гневались на людей, осквернивших морские воды мерзкой плотью неземного чудища. О Твари напоминала лишь отвратительная черная слизь, пузырящаяся на воде.

— Мы победили, мы победили! — словно девочка, радовалась Аманда Линн. В глазах ее стояли слезы. Конан обнял ее.

— Да, мы победили, крошка, — коротко молвил

он. — Твари больше нет. Вода для нее оказалась страшнее огня.

— Но постой, Конан, как это случилось? Почему мы вдруг начали падать, а потом приборы заработали, и я снова смогла поднять вертолет? Ты можешь мне это объяснить?

— Думаю, да, хотя это и не по моей части. Моя работа — мечом махать, ведь так?! — усмехнулся Конан. — Вот, видишь этот черный перстень?! Внутри него Светоч Истины. Ты мне вовремя сказала, что твоя механическая птица питается силой Стержня. А сила Стержня — это такое же чародейство, как и любое другое. Светоч Истины рассеивает чары. Когда я открыл его, сила Стержня перестала питать твою механическую птицу, девочка. Вот она, птица твоя, и упала. А у воды я снова затворил Светоч, и сила Стержня снова подняла «Черного коршуна» в небо. Теперь понятно?

Аманда Линн коротко кивнула, с восхищением глядя на Конана.

А далеко на северо-востоке, на высоте пятнадцати миль над уровнем моря, на смотровой площадке Стержня по-прежнему стоял Тезиас. Он внимательно и заинтересованно следил за удивительной схваткой «Черного коршуна» и Безымянной Твари. И не только следил. Когда битва закончилась, он вздохнул с облегчением и мысленно проронил:

— Ты молодец, варвар. Ты все сделал правильно. Но даже ты не догадался, кто помог тебе спастись и в этот раз... Лети, гордый орел Киммерии, лети. Лети до самой Тарантии. Больше тебя никто не потревожит. Попутный ветер принесет твой воздушный корабль в столицу; уж я об этом позабочусь. Счастливого пути, Конан!

На бескровных губах Великой Души возникла улыбка, но что она означала, знал только сам карлик.

«Попутный ветер» — энергия, источаемая Стерж-

нем, — нес «Черного коршуна» на юго-запад, к Тарантии. Нес со скоростью пятьсот миль в час — со скоростью, просто невозможной для вертолета. Даже для вертолета, носящего гордое и устрашающее имя: «Черный коршун».

Глава двадцать первая

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

Студеный, пронизывающий ветер дул с севера, со стороны Стикса. В древнем Луксуре, столице Стигии, даже старожилы не могли припомнить, когда в последний раз было так холодно. Высокие стены из желтого песчаника кое-как защищали город от ветра, но на верхних ярусах огромного королевского дворца в экзотических садах от холода погибали уникальные растения. Ночь, которая обычно приносила во дворец приятную прохладу, нынче веяла пугающим стылым дыханием.

Холодно было и в покоях Рамины, наследной принцессы Стигии. Камин, огромный и мрачный, до сих пор являвшийся лишь частью антуража дворца, в эту ночь ярко пылал. Мозаичные окна были плотно прикрыты, за ними завывал ветер, а в каминах металось горячее пламя.

Фрейлины и служанки были давно отпущены, но Рамине не спалось. Ее нежная алебастровая кожа была особо чувствительна к холоду. Стигия — жаркая страна; за двадцать четыре года своей жизни Рамина ни разу ее не покидала. Наследная принцесса родилась и выросла во дворце, в роскоши и любви, которыми ее окружил отец, король Ктесфон. Рамина отличалась острым умом, была хорошо образована, но, главное, она по праву считалась первой красавицей Стигии — страны, где каждая женщина была по-своему красивой. Пышные угольно-смоляные волосы до плеч, правильные, точеные черты лица, полные, слегка искривленные губы со словно бы за-

стывшим на них надменным выражением, небольшой изящный носик и бездонные черные глаза, густо обведенные, по обычаю стигийских аристократок, сурьмой, — очи, в которых мечтали утонуть сотни благородных юношей всей этой древней и обширной страны.

Кутаясь в дорожные пуховые одеяла, Рамина пыталась заснуть. Завтра она должна встать с постели свежей и прекрасной, как всегда. А потому — спать, спать! Нужно лишь убедить себя, что холод отступает, ей тепло, тепло, тепло...

— Тебе будет тепло, моя милая, — сладко произнес чей-то певучий голосок.

Рамина вздрогнула и обернулась. Рядом с ее ложем стояла девушка. Глаза Рамины широко раскрылись от изумления. Первая красавица Стигии почувствовала себя дурнушкой в сравнении с женщиной, стоящей у ее постели, ибо та олицетворяла само совершенство. Рамина никогда не видела такой изумительной кожи чистого золотистого цвета, таких роскошных, струящихся по телу до самой узкой талии, почти сливающихся с ним, волос, таких идеально выточенных губ, носа, груди, рук и ног. И таких глаз, огромных, блистающих, точно вода в королевском бассейне, украшенном драгоценными сапфирами.

Девушка была совершенно нага, если не считать громадную диадему в форме золотой змеи, обвивающей черную жемчужину; золотая диадема, золотое тело девушки и ее золотые волосы казались единым целым. Все это божественное совершенство не могло принадлежать обыкновенному человеку; Рамина сразу поняла, что ее посетила не простая смертная.

— Ты — фея?.. — благоговейно прошептала Рамина.

— Фея?! — Прекрасные рубиновые губки растянулись в лучезарной улыбке, обнажая чудесные

жемчужные зубки. — О, нет, моя милая Рамина, я не фея. Скорее, суккуб.

Суккубами звались ночные ведьмы-вампиры, выпивающие кровь и душу из невинных людей. Если ночная гостья явилась, чтобы напугать наследную принцессу, она уже этого добилась. Рамина задрожала всем телом, потянула одеяло на себя и испуганно прошептала:

— Ты — суккуб?!

— Ну, это я просто так выразилась, образно, — ответила та. — На самом деле я гораздо больше... А ты, что же, не узнаешь родную тетю, моя милая?

— Тетю?! — изумление Рамины возрастало, равно как возрастал и ужас перед незваной гостьей. У Рамины никогда не было никакой тети!

— Ну, конечно, откуда же тебе знать меня, племянница, если ты родилась уже после моего... гм... исчезновения! Какая жалость, ведь ты совсем не знаешь тетю! — всплеснула руками Тхутмертари.

Мысли плохо слушались Рамину, но одно ей было очевидно: «тетя» не могла быть моложе ее самой! На вид золотоволосой красавице трудно было дать больше двадцати.

— Стало быть, мой венценосный братец Ктесфон утаил от тебя часть родословной нашей семьи. И очень важную часть, — сладко продолжала Тхутмертари. — Что ж, я не удивляюсь. Он всегда отличался скрытностью. Но я просвещу тебя, моя милая. Ты ведь правда хочешь этого, да?

Рамина судорожно закивала.

— Знай же, наследная принцесса Стигии: у твоего дедушки, Ментуфера, родились два сына: Ктесфон и Джосер. И была еще дочь; она родилась чуть раньше твоего отца. Эта дочь — я. Я — принцесса Тхутмертари!

Рамине ничего не говорило это имя. Непонимание отразилось в ее испуганных черных глазах. Тхутмертари с видимой печалью улыбнулась.

— Узнаю руку Ктесфона!.. Он наложил табу на

саму память обо мне! А ведь есть что вспомнить, моя милая Рамина! Ну как он мог так поступить!..

«Тетя» внушала Рамине такой неизбывный ужас, какого наследница не испытывала никогда. Откуда она вообще взялась, эта жуткая «тетя»?! Как смогла она проникнуть во дворец, в тщательно охраняемые покои наследной принцессы? Не ветер же ее принес!

— Тебе что-то нужно... тетя? — выдавила из себя Рамина.

Тхутмертари беззвучно расхохоталась; золотые волосы извивались, точно змеи. Жуткая усмешка более не сходила с неотразимых рубиновых губ.

— Отличный вопрос, детка! Ты спрашиваешь, что мне нужно?! Отвечаю: мне нужно все! Все, что у меня было отнято твоим отцом и что принадлежит мне по праву! По праву рождения и по праву силы! Власть твоего отца и власть Тот-Амона! Власть светскую и жреческую! Вот что мне нужно!

Рамина тряслась как в лихорадке, и причиной ее был не холод, а страх. Она понимала, что нужно кричать, звать на помощь — охрана ведь стоит за дверью! Но язык не повиновался ей, а если и повиновался, то совсем для других слов. Она с трудом проговорила:

— Хорошо, тетя... тетя Тхутмертари. Хочешь, я отрекусь от трона... в твою пользу?

Тхутмертари гневливо взмахнула золотыми кудрями.

— Какой позор! Какое ужасное оскорбление для нашей великой и древней страны терпеть на Троне из Слоновой Кости тебя и твоего отца! Вы такие ничтожества! Ну, какая из тебя королева Стигии, моя милая Рамина?! Ты уже отрекаешься от престола, который еще не принадлежит тебе! Отрекаешься при живом отце; живом, пока еще! Отрекаешься легко и беззаботно, а ведь я даже еще не начала пытать тебя!

— Пытать?! Пытать меня... Но за что?! Я ничего плохого тебе не сделала!

— Глупенькая! Сразу видно, ты совсем не знаешь

тетю! Мне не нужно никакой причины, чтобы пытаться, мучить и убивать. Мне это приятно, вот и все! И, потом, ты как раз виновна, девочка!

— Но в чем???

— Как же! Ты претендуешь на трон, по праву принадлежащий мне.

— Но я же не знала о твоём существовании! Я думала... я наследная принцесса... — тихо плакала несчастная Рамина.

— Бедная моя девочка! Твоя вина в том, что ты родилась. Король, твой отец, просто подставил тебя. Его вини, а не меня!.. Впрочем, мне без разницы, кого ты станешь винить. Я не приму у тебя отречения. Нет, не так, совсем не так придет к власти королева Тхутмертари!.. А то ведь этот старый крючкотвор Тот-Амон заявит, будто я... хи-хи-хи... вырвала у тебя отречение под пыткой! Зачем мне это нужно?! Не хочу и убивать тебя: к чему делать из такой тряпки, как ты, несчастную жертву злой волшебницы?! Я сделаю так, что Стигия сама откажется от тебя, а твой жалкий папаша-узурпатор будет оплакивать твою страшную участь до конца своих недолгих дней... Ну, а теперь, когда я сказала все, давай немного поиграем!

С этими словами Тхутмертари резким движением сорвала с тела Рамины пуховые одеяла. Сорвала — и ахнула.

— Да ты беременна, моя милая! И кто отец?

— Раматеп, полководец, — едва слышно молвила несчастная.

— Раматеп?! Клянусь Сетом, он еще жив, старый развратник! Он же в дедушки тебе годится!.. Но постой, постой, дай поглядеть... Плод на последнем месяце, да?

— Да...

Тхутмертари восторженно всплеснула руками.

— Вот так удача! Одна удача следует за другой! Неродившийся ребенок... на последнем месяце...

внебрачный сын... нет, скорее, дочь... королевская кровь... мать — наследница престола...

Волшебница задумчиво посмотрела в окно, где на черном небе блистали звезды и свистел холодный ветер.

— Несомненно, это знамение... Еще одно знамение... Знамение, которое встречается раз в десять тысяч лет! Благодарю тебя, Великий Сет! Теперь я знаю, что мне делать!

Следующие слова Тхутмертари были обращены к Рамине:

— Так и быть, моя милая, я не стану тебя пытаться. Видишь ли, мне нужен твой ребенок. Твоя неродившаяся дочь.

— Мой ребенок... дочь, — Рамина уже ничего не понимала.

— Да, она пригодится мне для... для одного чародейства! Великого чародейства, моя милая! Чародейства, которое потрясет мир! Так что я вернусь за нею через... через два дня. Смотри у меня, береги плод!

Рамина отчаянно закивала.

— Умница, — резюмировала Тхутмертари. — Хотя какая-то от тебя будет польза... А это тебе, чтобы не задавалась. И на память от родной тети.

Наследная принцесса Стигии с ужасом увидела, как из гибкого указательного пальца на правой руке золотоволосой красавицы вырастает меч. Нет, не меч, скорее, кинжал, длинный и тонкий... Больше она ничего не увидела, ибо кинжальный палец метнулся со змеиной быстротой; метнулся дважды, пронзая оба глаза Рамины. Бездонные черные очи перестали существовать; из пустых глазниц потекла жидкость, смешиваясь с сурьмой и превращаясь в омерзительную слизь. Болевой шок лишил Рамину сознания.

Кинжал втянулся обратно в палец волшебницы. Лучистый взгляд огромных сапфировых глаз скользнул по красивой фигуре черноволосой принцессы. Тхутмертари сокрушенно хмыкнула.

— Как обидно оставлять тебя в таком состоянии, моя милая Рамина! Ну да ладно, долг важнее удовольствия. До свидания, слепая принцесса! Мы еще свидимся. Вернее, я тебя увижу, а ты меня — нет!

Хихикнув над собственной остротой, Тхутмертари шагнула обратно в камин.

Король Стигии Ктесфон заворуженно глядел на огромный огненный цветок, распускающийся по середине его опочивальни.

В свои пятьдесят пять лет Ктесфон сумел сохранить очарование зрелой мужественной красоты. Это был стройный, среднего роста человек с бронзовой кожей, чуть более светлой, чем у большинства его подданных. На красивом округлом лице, обрамленном пышными седыми бакенбардами, не было ни морщин, ни боевых шрамов. В отличие от отца, Ментуфера, Ктесфон обладал спокойным и уравновешенным характером; воинственность не числилась среди его отличительных черт. За четверть века его царствования Стигия не вела каких-либо крупных войн. В отношении военной политики король Ктесфон расходился со своим первым другом, советчиком и духовным наставником Тот-Амоном. Во всем же остальном, касающемся управления страной, Ктесфон доверял владыке Черного Круга безраздельно.

Огненный цветок раскрылся. Ктесфон неловко помахал рукой перед глазами, стараясь прогнать навязчивое. Глубоко посаженные карие глаза, казалось, спали.

— Ну здравствуй, Ктесфон-узурпатор! — негромко произнес певчий голосок.

Король повторил отгоняющее демонов движение и позволил себе покачать головой.

— Давно ты не являлся ко мне, Призрак, — глухо молвил Ктесфон. — Полагаю, лет двадцать, а то и более. Я старался забыть тебя... Зачем ты явился ко мне вновь, Призрак?

— Я так и знала! — всплеснула золотыми косами Огненная Дева. — Король древней Стигии узнает новости последним! Неудивительно, ведь ты устранился от власти. Всем заправляет Тот-Амон. А он даже не считает нужным хотя бы поставить тебя в известность о моем возвращении! Неужели он бережет твои чувства?.. Но скоро я положу этому конец.

Король снова медленно покачал головой. Для него это был всего лишь сон. Сон страшный, сон кошмарный; подобного он и вправду не видел уже много-много лет. Но всего лишь сон.

— Ты полагал, достаточно прогнать прочь память обо мне, приказать всем забыть меня, и я исчезну, — купаясь в струях золотого огня, молвила Тхутмертари. — Ты, как всегда, ошибался. Я не исчезла и не умерла. Я просто ждала своего часа. Не знаю уж зачем, но ждала. И дождалась. Твой любимый Тот-Амон сам отпустил меня. Он дал мне задание. И знаешь, что он обещал мне взамен?.. Жемчужную корону Стигии! Твою корону, брат Ктесфон!

— Я не верю тебе, Призрак, — приглушенно и неторопливо проговорил король. — Исчезни. Прекрати мучить меня. Я хочу заснуть.

— Ты еще заснешь, братец, не спеши, — спокойно ответила Тхутмертари. — Я пришла не для того, чтобы тебя мучить. Твои мучения — в прошлом и в будущем. В настоящем же только я. Я просто пришла навестить тебя, брат.

— Уходи, Призрак. Прекрати мучить меня.

— А ты прекрати называть меня Призраком. Я — живая.

Король Ктесфон медленно приблизился к сестре и протянул к ее волосам дрожащую руку. Кисть вспыхнула, и Ктесфон отдернул руку. Он даже не вскрикнул от боли, а только с застывшим выражением на лице смотрел, как горит его рука. Потрясение было сильнее боли. Тхутмертари произнесла короткое заклинание, и огонь, расплзавшийся по руке короля, потух.

— Не сгори раньше времени, брат, — все тем же ровным, спокойным голосом заметила она.

Ктесфон не кричал, не бросался на ночную гостью, не вопил от ужаса и не просил пощады. Он был умным человеком. Потрясение — самое страшное, какое только могло случиться в его жизни с тех пор, как Тхутмертари погубила его первую жену, — не лишило короля рассудка. Он просто все понял. Подняв на сестру глаза, он тихо, внешне как будто безразлично, проговорил:

— Ты — живая. Значит, я все-таки проиграл.

Тхутмертари кивнула головой.

— Да, брат. Ты проиграл. Твое время заканчивается.

— Когда? — коротко спросил Ктесфон.

— Скоро.

— Не лучше ли покончить со всем прямо сейчас?

— Нет. У меня другие планы.

Со стороны могло показаться, что в королевской опочивальне беседуют давние деловые партнеры, если не друзья, встречающиеся каждый день и теперь обсуждающие лишь незначительные детали уже заключенной сделки. А не сын и дочь Ментуфера, волею Судьбы ставшие самыми лютыми, непримиримыми врагами, каких только можно себе представить. Брат и сестра, разлученные на четверть века, и теперь свидевшиеся вновь — чтобы на сей раз один из них ушел уже навсегда. Оба говорили ровным, тихим голосом, ибо каждый из них знал другого как самого себя.

— Я не хочу затягивать, — сказал Ктесфон и шагнул навстречу Огненной Деве.

— Подожди, — молвила та, воздвигая между ними незримый барьер. — Не спеши. Мне не нужна твоя корона немедленно.

— А я тебе ее и не предлагаю, — пожал плечами Ктесфон. — Ты снимешь ее с моего тела, сестра.

— Да, разумеется, — кивнула Тхутмертари. — Но не сейчас.

— Ты желашь продлить мои мучения?

— Возможно. Но я также хочу прийти к власти законным путем.

— О каком законе ты говоришь? — удивился Ктесфон. — Ты можешь прийти к власти единственно путем кровавого переворота, ступая по трупам. Ведь это твой истинный путь, сестра Тхутмертари.

— Возможно. Но я хочу стать законной королевой Стигии. Трон по праву принадлежит мне. Я — старшая дочь нашего отца Ментуфера. Узурпатор — не я, а ты.

— На троне Стигии положено сидеть человеку, а не змее, — возразил Ктесфон. — Мы с тобой прекрасно знаем, кто ты.

— Ты ошибаешься, брат. Ты плохо знаешь нашу историю. Змеи, а не люди суть коренные жители этой страны. Люди пришли на берега Стикса много позднее. Великий Сет пожелал, чтобы я объединила змеиный народ и людское племя. И я исполню его волю.

— Я тебя не понимаю.

— Поймешь в свое время.

— У меня есть наследники.

— Скоро их не будет. Свою дочь ты уже можешь вычеркивать из списка.

— Рамина... Что ты сделала с ней, змея?

Воспоминания о любимой дочери вывели Ктесфона из равновесия обреченного. Вопрос его прозвучал надрывно. И к Тхутмертари тоже вернулся издевательский тон.

— Не волнуйся, братец, она жива. Твоя дочь, Ктесфон, — настоящая красавица. Поздравляю! Я даже не стала портить ей фигурку. Мне приглянулись ее очаровательные черные глаза. Они были чудесны!.. Ты найдешь их рядом с Раминой.

Ктесфон скорбно застонал. Принять поражение и смерть с истинно королевским достоинством ему так и не удалось. Ведь он был не только король, но и отец.

— Я убью ее сам, — сообщил он сестре. — А потом убью Рамзеса, сына. И себя. Ты нас не получишь.

Тхутмертари усмехнулась.

— Никого ты не убьешь, Ктесфон. Ты — слабохарактерная тварь. Подсознательно ты хочешь, чтобы это сделала я. Не спорь, я тебя знаю.

Воцарилось недолгое молчание, затем король сказал:

— Тогда я убью Тот-Амона. Он предал меня. А ты — ты не сможешь стать законной королевой, если тебя не коронует верховный жрец Сета.

— Нет! — воскликнула волшебница. — Ты оставишь Тот-Амона мне. Клянусь Сетом, я сама убью его. И убью так, как ты убить никогда не сможешь. Я отомщу ему за нас обоих. Ты веришь мне, брат?

Сапфировые и карие глаза встретились в долгом изучающем взгляде.

— Я тебе верю, — молвил Ктесфон. — По части убийств тебе нет равных. Пусть Тот-Амон остается тебе. Воистину, он этого заслужил! И еще...

— Да?

— Ты выполнишь мою последнюю просьбу, сестра?

— Да, во имя памяти нашего общего отца! Говори, чего ты хочешь, брат!

Король Ктесфон внимательно посмотрел на старшую сестру, вздохнул, обратил свой взор в ночное небо и промолвил:

— Когда будешь королевой, сделай так, чтобы вся Стигия прокляла тебя.

Тхутмертари рассмеялась.

— И это все? Твоя последняя просьба?! Клянусь Сетом, я ожидала услышать что-нибудь посущественнее! Не беспокойся, меня проклянет не только Стигия!.. Но скажи, брат, зачем тебе это? Ведь ты всего этого уже не узнаешь! Или ты надеешься подобным образом отомстить мне?!

Ктесфон помолчал, скрестил руки на груди,

затем спокойно и ровно, как и подобает королю, изрек:

— Я всего лишь хочу, чтобы ты стала последним чудовищем, родившимся на этой земле... Подумай над моими словами, сестра. А теперь уходи. Ты пока не королева.

Потрясенная его словами, Тхутмертари послушно шагнула к пылающему камину. Впервые она испытала к брату чувство, близкое к уважению.

— До встречи, последний человек на престоле Стигии.

— До скорой встречи, сестра.

Закрыв глаза, принцесса Тхутмертари восседала на Троне из Слоновой Кости. Пройдет еще несколько дней, максимум, недель, и этот трон, равно как и вся Стигия, будет принадлежать ей. А еще через некоторое время ей и ее темному богу будет принадлежать весь мир. Она умеет ждать. Все идет по плану, разработанному ею и ее мудрым наставником Люфом. И теперь, у порога величия, восседая на пока еще чужом троне в самом сердце вражеской цитадели, она предавалась мечтам.

Конечно, грезы змеиной принцессы подавляющему большинству людей показались бы сумасшедшим бредом извращенного донельзя рассудка. Но она-то знала, что грезы эти совершенно реальны! Всего два дня и две ночи отделяли ее от того дивного мига, когда даже властительным богам будет не под силу остановить ее. Она продержится — это она тоже знала. Ибо люди, окружавшие ее и охотившиеся за ней, недостойны называться Врагами волшебницы Тхутмертари. Это не люди, а червяки, имеющие наглость ползать по земле, освященной Сетом. Когда несколько дней назад она, Огненная Дева, появилась в парадном храме Сета, что возвышается напротив королевского дворца, появилась внезапно, во время торжественного обряда, никто из сотен жрецов, послушников и прихожан не предпринял

даже попытки захватить ее. Церемония была прервана самым позорным образом. Одни в панике валили из храма, другие иступленно молились, третьи впадали в прострацию. И это жрецы Сета, Князя Тьмы! Ей тогда стало невыносимо стыдно перед богом, и она поклялась, что, когда стигийский престол и Кольцо владыки Черного Крута будут принадлежать ей, она сама, собственноручно избавит Вечного Отца от нерадивых слуг. Жрецы Сета, какими она их знала, всегда были ничтожествами, а под властью Тот-Амона они окончательно опустились, ныне являя собой всего лишь жалкую пародию на истинных Адептов Зла.

О, она покажет Миру, что есть Истинное Зло! Огнем и мечом она вычистит святыне обители Вечной Тьмы! Вредоносная людская мораль, пустившая свои корни даже в среде стигийского жречества, будет решительно отброшена. Кровь сотен, тысяч и миллионов жертв смоем ее, эту вредную для дела Сета мораль. Мораль змеиного народа, правившего Землей много тысячелетий тому назад, будет полностью восстановлена, и истинные дети Сета вновь вернутся в подлунный мир...

Еще о многом мечтала она, восседая на Троне из Слоновой Кости в древнем королевском дворце Луксура. За окнами свистел и метался холодный ветер, словно указывая на неотвратимость грядущих великих перемен. А когда ночь начала отступать, когда забрезжили первые лучи ненавистного ей солнца, принцесса Тхутмертари поднялась с трона.

Босые ноги неслышно ступали по холодному мрамору. Тхутмертари неторопливо обходила покои пока еще спящего дворца. Где-то здесь безутешный король Ктесфон, ее брат, рыдает над телом своей красавицы дочери, которая еще жива, но уже никогда не увидит солнечного света и не ощутит на своей голове приятное тепло жемчужной короны Стигии. Рамина протянет ровно столько, сколько нужно, чтобы сохранить нерожденного ребенка — для ее,

Тхутмертари, чародейских нужд. Где-то здесь живут советники, придворные, слуги, жрецы... Недолго им жить осталось!

Роскошные анфилады комнат сменялись длинными извилистыми коридорами; те переходили в большие залы и снова сужались, уводя в подземные лабиринты гигантского дворца. Воистину, здесь ничего не изменилось! Скоро изменится! Кое-где золотоволосую девушку встречали сонные или спящие стражники; всех их она оставляла с перекушенным горлом или перерезанной шеей. Один престарелый капитан узнал ее, она даже позволила себе поговорить с ним, и оба вспомнили былое, вспомнили колоритное правление прежнего короля Ментуфера и кровавые деяния его жестокой дочери; а потом она полакомилась сердцем старого воина, ведь она была голодна...

Вот она вышла в просторный круглый зал, носивший имя Комнаты Королевских Приемов. Вдруг роскошные бархатные драпировки спали, и взору Тхутмертари предстали десятки вооруженных арбалетами воинов, стоящих по всей окружности зала. Еще она увидела Тот-Амона, владыку Черного Круга, который и подстроил засаду. На этот раз он не стал произносить речей, а просто взмахнул рукой, отдавая приказ. Зловещую тишину разорвал свист тетив; тяжелые арбалетные болты со всех сторон полетели в ночную гостью.

Магия Огня не могла защитить ее, а для иного колдовства не было времени. Тхутмертари бросилась на пол, а уже в следующий миг чьи-то сильные руки ухватили ее за талию и резко потянули вниз. Она лишь успела заметить, что мраморная плита, на которой она стояла, чуть раздвинулась, спасительные мужские руки, точно две змеи, выползли из отверстия в полу и забрали ее вниз; затем плита задвинулась. Все произошло настолько быстро, что даже она, волшебница Тхутмертари, не успела ничего понять.

Потом было бегство; она бежала по подземному коридору вместе с каким-то мужчиной; его сильная рука сжимала ее тонкую талию. Ход закончился тупиком, и они остановились. Звуков погони не было слышно. Мужчина, спасший ее, дышал ровно, будто бы долгой и стремительной пробежки не было вовсе. Как только беглецы остановились, мужчина отступил на два шага и, пав на одно колено, низко поклонился принцессе.

Первым ее желанием было, воспользовавшись удобным положением нечаянного спутника, просто отрубить ему голову. Однако любопытство удержало ее от этого привычного поступка. Спаситель не дал ей возможности задать вопрос и, подняв голову, молвил сам:

— Приветствую тебя, о Великая! Я рад, что оказался тебе полезен. Узнаешь ли ты меня?

Удивленная волшебница внимательно всмотрелась в черты лица неожиданного спасителя, оглядела всю его фигуру. Это был дюжий красавец лет сорока; от него веяло силой и мужеством. Правильное хищное лицо, большой орлиный нос и глубоко посаженные глаза выдавали стигийского аристократа самого знатного происхождения. В серых зрачках был замечен особый металлический блеск. Одет мужчина был в простую, слегка посеребренную туннику, оставлявшую одно плечо открытым. На голове его сверкал старинный золотой шлем, а у бедра — широкий и длинный меч, клинок настоящего воина. На свете существовал только один человек, которого мог напоминать принцессе Тхутмертари ее неожиданный спаситель.

— Отец... — выдохнула Тхутмертари. — Король Ментуфер!..

Мужчина с достоинством поклонился.

— Я — не Ментуфер, о Великая. Я — его сын. Я — принц Джосер!

Тхутмертари отпрянула.

— Джосер! Не может быть!

— Может, о Великая! Я знал, что ты вернешься. Я ждал тебя всю жизнь, сестра Тхутмертари. Я молил Сета о встрече с тобой. И Сет внял моим мольбам.

Принц говорил с такой неподдельной искренностью, что его нельзя было заподозрить во лжи или лицедействе. Однако искренность, даже неподдельная, никогда не числилась среди чувств, способных растопить сердце Тхутмертари.

— Джосер... Вот так встреча! Ты был совсем ребенком, когда мы расстались. Что ты можешь знать обо мне?

Полные любви и обожания серые глаза пожирали божественную красоту золотоволосой волшебницы.

— Я знаю о тебе все, о Великая! Когда наш отец проклял тебя, когда затем мой царственный брат объявил на тебя охоту, когда, наконец, ты исчезла, точно растворившись в объятиях Сета, я не терял надежду снова увидеть тебя. Я по крупичам собирал сведения о тебе. Это было непросто, ибо Ктесфон запретил всем даже помянуть твое имя под страхом лютой смерти. Я много путешествовал, много сражался и многое узнавал. В разных странах я видел следы твоих злодеяний, слушал леденящие кровь легенды, сложенные о тебе. Я восхищался тобой, сестра! Ты, и только ты должна править Стигией!

Пылкий монолог брата развеселил Тхутмертари. В любом случае Джосер был ей интересен.

— А ведь я тоже собиралась встретиться с тобой, Джосер. Не догадываешься зачем?

Вырсший из указательного пальца кинжал поиграл у горла принца. Но в металлических глазах не было страха, а оставалось только вечное обожание фанатика.

— Я знаю, сестра. Ты собиралась меня убить.

— Уж не надеешься ли ты задобрить меня своим сегодняшним поступком?! — насмешливо спросила прелестница. — Если ты так хорошо меня изучил,

значит, тебе должно быть известно, чем я обычно награждаю своих спасителей.

— Мне это известно, о Великая! Ты награждаешь их смертью. Ибо всякому, кому Великий Сет доверяет спасти тебя, его любимую рабу, он оказывает особую честь, и смерть является лишь ничтожной платой за эту честь.

— Верно! Так тебе не терпится к Сету, принц Джосер?

— Решай сама, о Великая. Я встретил тебя, и это главное. Ты вольна меня убить; я почту за честь умереть от твоей руки, как и было сказано... Но я думаю, что даже тебе, сестра, нужны верные люди.

— Ты полагаешь, я стану доверять тебе?! — фыркнула Тхутмертари. — Если так, ты глупее, чем кажешься, брат!

— Ты можешь мне не доверять. Но ничто не мешает тебе меня использовать.

— Вот как? И тебе этого будет достаточно?!

Сестра и брат обменялись бесстыдными похотливыми взглядами и, не сговариваясь, рассмеялись. Однако следующие слова Джосер произнес прежним тоном, исполненным неподдельной искренности.

— Я хочу служить тебе, и мне этого будет достаточно. В каком качестве служить — решать не мне, а тебе, о Великая.

Тхутмертари размышляла. Брат задал ей проблему. Гораздо проще убить сейчас, чем потом. Братец Джосер развлекал ее, и довольно. Ведь в следующую минуту он может всадить ей меч в спину. Человек, говорящий так гладко, вполне тянет на искуснейшего предателя и интригана; она знала это по собственному опыту.

— Расскажи мне о себе, Джосер.

— Что я могу рассказать такого, чего бы ты не видела во мне сама, сестра? Я ненавижу брата-короля. Мне опостылело его мирное царствование. Мой меч пылится в ножнах. Ктесфон презирает меня; я не у дел. Я ненавижу старого лиса Тот-Амона: он

позорит нашу великую страну своим бездарным правлением. Я ненавижу жрецов; они недостойны служить Отцу Сету. Я ненавижу нынешних аристократов: они забыли, что такое стигийская знать. Я...

— Довольно, Джосер, — прошипела Тхутмертари, — а я ненавижу, когда кто-то подслушивает мои мысли!

— Мы дети одного отца, сестра Тхутмертари, — проникновенно молвил могучий принц.

— А Ктесфон? Он не похож на нас!

— Да, клянусь шупальцами Сета! Он — выродок! — проскрипел зубами Джосер. — Он заслуживает смерти!

— Ты мог бы убить для меня брата?

Принц Джосер покорно склонил голову.

— Только прикажи, великая сестра, и я это сделаю. Но, позволь заметить, я не смогу сделать это так хорошо, как ты. Убить короля — это искусство, достойное королевы.

Девушка довольно улыбнулась. Решение о судьбе Джосера было ею принято. Такой человек действительно не помешает. А если он попытается перехитрить ее — что ж, тем хуже для него.

— Я принимаю твою службу, принц Джосер, — изрекла Тхутмертари. — И тебе не придется долго ждать моего восшествия на престол. Обещаю, дела тебе найдутся.

— Когда же?! — к обожанию прибавилось нетерпение.

— Скоро. Я дам тебе знать. А теперь — сожги меня!

Джосер еще раз низко поклонился, взял со стены факел. Пламя коснулось золотых кос волшебницы. Растворяясь в огне, девушка приветливо помахала ему рукой.

— Королева Тхутмертари — это великолепно, — мечтательно молвил Джосер ей на прощание.

А когда Огненная Дева исчезла и пламя потухло, он вымолвил, уже сам для себя:

— Королева Тхутмертари — это великолепно. Но, клянусь Сетом, король Джосер — еще лучше!

В глазах стигийского принца больше не было обожания, а остался только холодный металлический блеск...

...Ночной патруль, состоящий из пяти стигийцев, возвращался в казарму. Солнце вставало; день обещал быть жарким. Путь, как обычно, пролегал по Аллее Королей — самой широкой улице Луксура; по обе стороны ее на огромных постаментах возвышались величественные статуи стигийских монархов прошлых времен. По давней традиции патруль проходил по Аллее Королей парадным маршем, отдавая честь почившим владыкам.

Ранним утром здесь редко можно было встретить кого-нибудь. Но вот впереди молодой лейтенант с удивлением заметил стройную золотую фигурку. Она стояла между скульптурами королей Ментуфера и Ктесфона и как будто разглядывала бронзовое изображение последнего. Приблизившись, стигийцы узрели, что это юная девица с необычной золотистой кожей и длинными пышными волосами тоже чистого золотого цвета. Девушка делала какие-то пассы руками и вроде бы что-то шептала. На приближающийся патруль нагая прелестница не обращала никакого внимания.

Молодому лейтенанту очень хотелось думать, что это обыкновенная куртизанка; женщины ее профессии, из числа тех, кто обслуживает знать и богачей, иногда забредают на Аллею Королей, и «одеты» они соответственно... Правда, даже для «знатной» куртизанки она выглядела чересчур красивой, но эта божественная красота почему-то не возбуждала, а пугала молодого стигийца. И громадная золотая диадема, по всему виду, баснословно дорогая, не могла принадлежать куртизанке...

Неожиданно бронзовая статуя царствующего короля рассыпалась на мелкие осколки. Девушка тор-

жествующе рассмеялась. Смех оказался чарующим и заливистым, как пение храмового колокольчика, и в то же время каким-то необъяснимо жутким. Потрясенный лейтенант дунул в свисток.

— Стой, женщина! Ты арестована!

Золотоволосая красавица, однако, не думала убеждать от блюстителей порядка. Она обернулась и в призывном жесте простерла к стражникам точеные руки:

— Ко мне, мои хорошие! Я дам вам то, чего не смог дать вам Ктесфон! Вы будете первые...

Молодой лейтенант и его спутники, побледнев, двинулись ей навстречу. Эту девушку они видели впервые, но им очень хотелось думать, что юная красавица с хищным точеным лицом и громадной диадемой в золотых волосах — самая настоящая куртизанка...

...А наутро первые прохожие — старик-чародей и два его ученика — обнаружили среди обломков разрушенной статуи короля Ктесфона пять изуродованных, полуобгоревших трупов. На постаменте вместо статуи высилось причудливое сооружение из сплетенных воедино человеческих рук и одного черепа. Это сооружение в точности повторяло любимую корону «черной жемчужины Сета». Едва бросив взгляд на него, старик-чародей лишился чувств. Ученики же недоуменно переглянулись: конечно, зрелище было не из приятных, конечно, здесь совершено ужасное преступление — но мало ли чего не бывает в жизни! Особенно в жизни людей, родившихся в Стигии и выбравших путь служения Сету. Молодые послушники, появившиеся на свет уже при короле Ктесфоне, не могли знать того, что знал их учитель. А он знал, что в Стигии, помимо древних ужасов, воспеваемых в легендах и описываемых в колдовских книгах, есть еще Ужас Живой. Он, как и все его коллеги по черному ремеслу, надеялся, что этот Ужас, канувший в лету на заре царствования Ктес-

фона, более никогда не вернется. Нынешним утром старик-чародей понял: надеждам его не суждено было сбыться...

Глава двадцать вторая

СВЕТ МИТРЫ

Тарантия напоминала растревоженный муравейник. Тысячи людей суетливо сновали по столице королевства, и всеми владела одна-единственная мысль: как бы поскорее отыскать ужасную колдовскую книгу в голубом переплете. Отыскать — и передать Верховному Хранителю Аквилонии. Иначе прекрасная Тарантия погибнет...

Величественный седовласый старик, облаченный в просторный, ниспадающий складками белый плащ, стоял, скрестив руки на груди, на большом балконе королевского дворца. Очи его были обращены в небо. Вдруг за спиной старика послышался шум, и на балкон влетел запыхавшийся богатырь в алем королевском камзоле и с золотым обручем Аквилонии в вороных волосах. Пот струился по его изможденному, посеревшему лицу. Руки короля едва заметно дрожали.

— Тезиас... — тяжело выдохнул король, но тут же поправился: — Святейший Верховный Хранитель, да продлит Пресветлый Митра твои блаженные дни...

— Брось юродствовать, Джейк, — не оборачиваясь, высоким пронзительным голосом молвил величественный старик. — Нас никто не слышит. Итак, ты не нашел Книгу Судеб?

— Пощади, Великая Душа! — взмолился Лже-Конан. — Да чтоб ей провалиться, этой треклятой Книге Судеб! Может, ее вообще здесь нет?!

— Она здесь, Джейк, здесь, — уверенно проговорил Верховный Хранитель. — Я это знаю! Ищи!

Джейк Митчелл с трудом сдерживал душившую его ярость.

— Если ты знаешь, зачем гоняешь меня?! Иди и возьми сам!

— Я знаю, что она здесь, но не знаю где, — отрезал Хранитель. — Иди и ищи! Это твоя работа! И поторопись; Тварь из Чужой Вселенной уже близко от Зачарованного Города! Она летит за тобой, Джейк!

— Будь ты проклят, Великая Душа, — прошептал узурпатор и покинул балкон.

Огромные глаза Верховного Хранителя, блистающие, точно агаты, высматривали что-то в небе. Наконец они увидели то, что хотели. Величественный старик усмехнулся и исчез.

Мерный рокот винтов вертолета приближался к Тарантии. На улицы и балконы высыпали люди, встречая невиданное черное чудовище полными ужаса и трепета взглядами. Только могучие гипнотические заклятия, наложенные Великой Душой, удерживали людей от вредных, на взгляд Тезиаса, действий.

«Черный коршун» приземлился на площади перед королевским дворцом. Из чрева механического чудовища выбрались двое: гигант, как две капли воды схожий с обожаемым королем Конаном, и неизвестная женщина с суровыми чертами лица. Оба были облачены в непристойные, по канонам здешней моды, облегающие костюмы неопределенно-пятнистого цвета. У обоих были замечены какие-то странные штуковины, похожие на изогнутые трубки, несомненно, колдовского происхождения. Впрочем, мужчина, двойник обожаемого короля, тотчас снял с себя колдовские штуковины и с видимым презрением забросил их обратно во чрево механической птицы.

Женщина-воин изумленно осматривалась, а мужчина, моментально оценив обстановку, неожиданно взмахнул левой рукой; на указательном пальце его левой руки, вправленная в черный перстень, блистала огромная белая жемчужина. Люди, окружившие площадь со всех сторон, охнули.

— Слушайте все! — протрубил киммериец. — Слушайте все! Я — Конан, король Аквилонский! Прекратите искать колдовскую книгу! Верховный Хранитель — это гнусный карлик Тезиас, Великая Душа! Он околдовал вас! Очнитесь, жители Тарантии! Посмотрите на эту жемчужину! Это Светоч Истины, великий амулет Небесного Народа! Сила Митры да просветит ваш разум!

Амулет Небесного Народа блистал над толпой, озаряя площадь чистыми солнечными лучами. Злые, настороженные и испуганные лица добрели на глазах. Но что это?! Из парадных дверей дворца вдруг выскочил облаченный в королевский камзол богатырь. Взмахнув тяжелым мечом, он проревел:

— Не верьте злобному колдуну, гордые аквилонцы! Я — истинный Конан, ваш король! А этот — подлый двойник, ужасный гомункулус, подосланный темными богами! Глядите: он прилетел на кошмарном черном чудище, да и одет не по-нашему. Может ли он быть вашим королем? Нет!!! Смотрите: на руке у него колдовской перстень! Он колдует! Он замыслил погубить вас! Убейте его, во имя Митры и по приказу вашего истинного короля!

...И сошлись в удивительном противоборстве мощь Митры, чей божественный амулет был у Конана, и доводы здравого смысла вкупе с заклятиями Великой Души, — те и другие, несомненно, были на стороне Джейка. Недолгие мгновения стояли двойники друг против друга. И все же сила Светоча одержала верх — аквилонцы узрели Истину. Сначала осторожно, а затем все более уверенно люди приближались к истинному королю; в человека в красном камзоле полетели проклятия. Изменившись лицом, узурпатор метнулся обратно во дворец. Конан, расталкивая ликующую толпу, устремился следом за ним. Рядом, не отставая, бежала Аманда Линн; никто даже не попытался остановить неизвестную воительницу.

Конан настиг Джейка в Зале Военных Трофеев. На стенах висели мечи, копья, арбалеты, алебарды, сабли, секиры и прочее оружие разных стран и народов. На специальных столиках лежали черепа чудовищ, побежденных Конаном. Шкуры монстров устилали мозаичный пол. Все то были трофеи, добытые киммерийцем уже в бытность его аквилонским королем. Зал Военных Трофеев имел только один вход-выход; дальше узурпатору некуда было бежать. Варвар влетел в зал и схватил со стены первый попавшийся под руку меч. Джейк также встал в боевую стойку.

— Ну вот ты и здесь, собака-варвар! — прорычал Джейк Митчелл. — Не знаю, как тебе это удалось, но я даже рад. Пора нам с тобой окончательно во всем разобраться! В Аквилонии есть место только для одного короля Конана!

— В этом ты прав, грязный ублюдок! — рявкнул в ответ киммериец. — Пора! Так приступим!

— Нет! — разрезал воздух яростный крик Аманды Линн. — Вы не будете драться! Ты поклялся мне кровью Крома, варвар!

Конан нехотя опустил меч. Озадаченный таким поворотом событий, Джейк воскликнул:

— А ты что здесь делаешь, Эми?! Почему я не могу разобраться с этой канальей?

— Я прилетела за тобой, Джейк. Мы бежали из Зачарованного Города. «Черный коршун» ждет нас внизу. Я взяла с Конана клятву, что он отпустит нас. Пойдем со мной, и он не станет чинить нам препятствий.

— Это правда, клянусь Кромом, — процедил киммериец.

— Вот как?! — взбеленился Джейк. — Значит, вы договорились за моей спиной! А почему это я должен бежать, поджав хвост, Эми?! Я — король, народ меня любит, мне и здесь неплохо! Сейчас я прикончу эту свинью-варвара, и он больше не встанет на моем пути!

— Нет! Джейк, стой! — Аманда направила на узурпатора дуло лазерного бластера. — Я не позволю тебе драться с Конаном!

Огромный американец остановился и опустил меч.

— Ты... ты угрожаешь мне, Аманда?! — потрясенно проговорил он. — Угрожаешь мне оружием, да? Как... как ты могла?

На глазах воительницы из Будущего появились слезы.

— Джейк, милый, пойми меня! Я... я хочу, чтобы мы снова были вместе! Зачем тебе эта корона?! Ты и без короны всегда будешь моим королем! Давай уйдем отсюда!

— Послушай ее, уходи, пока я не передумал, — добавил Конан, но тем еще более подлил масла в огонь ярости Джейка.

— Ну уж нет! Я не уйду побежденным! Скажи, Эми, по-прежнему ли ты любишь меня? — Аманда кивнула в ответ. — Тогда пристрели собаку-варвара, и мы вместе останемся в Тарантии! Я сделаю тебя королевой!

Конан похолодел. Непроизвольно он сделал шаг навстречу Джейку. И ощутил, что в спину его уперлось узкое дуло.

— Не двигайся, Конан, — прошипела сзади Аманда. — Или я пристрелю тебя.

— О, Кром, женщина, где твой кодекс чести?! Ты ведь тоже обещала мне кое-что!

— Я обещала доставить тебя в Тарантию. Я свое слово сдержала. Больше я тебе ничего не обещала.

— Ну же, пристрели его, Эми! — гаркнул Джейк. — Мы будем править вместе!

— Мне не нужна власть, — простонала Аманда, впервые в жизни не зная, как поступить. — Мне не нравится здесь, Джейк. Прошу тебя, уйдем отсюда!

Однако узкое дуло лазерного бластера по-прежнему упиралось в спину Конана. Киммериец, по-

крызшийся холодным потом, не осмеливался что-либо предпринимать.

— Чего же ты медлишь, Эми?! — взревел узурпатор. — Убей его!

— Я... я... я не могу, — плакала воительница.

— Не можешь?! Тогда это сделаю я! Ты уже труп, варвар!

Джейк вновь поднял меч и решительно шагнул в сторону Конана. Вдруг из-за спины киммерийца послышался удар. Джейк вздрогнул и остановился. Узкое дуло колдовского оружия больше не буравило спину Конана. Отскочив в сторону, варвар узрел следующее.

Аманда Линн без чувств лежала на полу. Рядом стоял генерал Просперо; он-то и ударил ее.

— Я с тобой, государь! — крикнул Просперо истинному Конану. — А эта подставная свинья все спрашивала меня, где да где эта распроклятая Книга Судеб! Он — человек карлика!

— Я знаю, Просперо! — обрадованно воскликнул Конан.

Джейк попятился.

— Ну и дураки же вы оба! — сплюнул американец. — Никуда вы от карлика не денетесь! Он уже знает, где Книга Судеб. Она — здесь!

Конан побледнел, точно мертвец, и едва не выпустил меч. Краем глаза он увидел, что побледнел и Просперо. Карлик знает, что Книга Судеб ЗДЕСЬ! Не может быть!

— Лжешь, презренный двойник, — проговорил Конан, надвигаясь на Джейка. — Ну неважно. Теперь, когда ты сам отказался от предложения своей девки, я больше не связан клятвой, данной мною ей. Давай продолжим, грязная тварь! Ты ведь так хотел сразиться со мной!

Конан надвигался на своего двойника как настоящее чудовище, как истинный ангел мщения. Узурпатор нервно облизнулся и отступил на шаг.

— Двое на одного, да?

— Оставь нас, Просперо, — повелительно сказал киммериец. — Я справлюсь с этим ублюдком и сам.

— Нет! К черту вас всех, проклятые дикари! — вдруг взвизгнул Джейк и, разбив мечом окно, с проворством убегающей кошки сиганул вниз. Конан расхохотался, проводив труса презрительным взглядом.

Обернувшись к Просперо, он первым делом ткнул в него сияющей белой жемчужиной. Генерал ни в кого не превратился, а только изумленно моргнул.

— Ты чего, государь?! Что это у тебя такое?

— Хвала Крому и Митре, ты есть истинный Просперо, — сообщил Конан другу. — Я должен был проверить. Ладно, не время сейчас обсуждать; после я тебе все расскажу. Ты слышал, что заявил этот гад?!

— Еще бы, — гримаса ужаса пробежала по лицу генерала. — Карлик знает, что Книга ЗДЕСЬ! Но как он узнал?! Я клянусь тебе, государь...

— Ладно, Просперо, верю... Дьявол с тем, как он узнал. Мы должны перепрятать Книгу. И поскорее!

Просперо подавленно кивнул. Конан бросился в дальний угол Зала Военных Трофеев, отринул полог ковра... Под лучами Светоча Истины волшебная накидка-невидимка утратила часть своей магии, и сквозь нее проступили контуры огромного голубого фолианта. В следующий миг Книга Судеб была в руках у Конана вместе с волшебной накидкой Тхутмертари.

— Куда же нам перепрятать Книгу... — ясные глаза Конана разыскивали новое место для тайника.

И вдруг...

— О, горе мне!.. Что я наделал! — скорбным, переполненным искреннего раскаяния голосом возопил Просперо. — Ты не Конан! Ты — злобный двойник карлика, я сам привел тебя к Книге! Горе мне!.. Но я исправлю свою ошибку! Смерть тебе, коварный демон!!!

С обнаженным мечом в руке Просперо бросился

на ошеломленного киммерийца. Еще секунда — и голова варвара слетит с плеч. В последний миг Конан успел отпрыгнуть; Просперо, словно бешеный тигр, кинулся за ним следом.

— Опомнись, Просперо! Что ты делаешь?! — воскликнул Конан, ускользая от очередного выпада. — Я — Конан! Остановись же ты наконец, заведи тебя Кром!!!

— Нет!!! Я не верю тебе! — ревел Просперо. — Ты обманул меня, демон! Ты все подстроил! Но я уже прозрел! Я верен своему государю! Я не позволю тебе утащить Книгу Судеб! Ее доверил мне истинный государь! Только через мой труп!

Зажав Книгу Судеб в левой руке, Конан вынужден был перейти от бегства к обороне. Вся глупость нынешней ситуации просто не умещалась в его мозгу. Вместо того чтобы прятать заново столь необходимую врагу Книгу Судеб, он, Конан, вынужден сражаться с Просперо, своим лучшим другом и самым преданным соратником! Доказывать, что он — это он!

Увещевания ни к чему хорошему не приводили; с каждым новым словом киммерийца генерал усиливал натиск. Просперо не игрался и не шутил: он на самом деле намеревался убить Конана — того человека с Книгой Судеб, которого Конаном-то не считал! Генерал был отличным бойцом, и киммерийцу пришлось несладко. Сам-то Конан, разумеется, не хотел убивать своего друга и только отражал удары. Наконец меч Просперо прочертил кровавую полосу на левом плече Конана.

— Ага! — радостно воскликнул генерал. — Вот ты и попался, грязный двойник! Наш настоящий король никогда бы не дал себя победить! Получай же еще, тварь! За Конана!

«Этак он и вправду убьет меня», — промелькнуло в мозгу киммерийца. И Конан перешел от обороны к нападению. Меч варвара сверкал с неестественной для обычного человека быстротой; Конан старался

выбить оружие из рук Просперо, на крайний случай, ранить друга. И вот он ранил. Генерал пошатнулся; щека его окрасилась кровью.

— Это я, Просперо, я, Конан! — ревел киммериец, но тот не слышал его; воины сошлись в яростной схватке.

«Э, так не пойдет, — снова пронеслось в мозгу Конана. — По моей вине погиб Пелиас, я сам убил Декситея, не поверив ему. Не могу же я убить еще и Просперо!» Но ведь и бросить меч Конан не мог; малейшая заминка — и взбешенный генерал убьет его самого!

Нечеловеческой силы ударом Конан столкнул оба клинка. Меч Просперо сломался, а Конан тут же отбросил свой. Просперо отскочил к стене, как видно, рассчитывая взять себе новый меч, благо в Зале Военных Трофеев они имелись в избытке. Неужели все сначала?..

— Нет! — рявкнул король. — Стой, Просперо! Что нужно, чтобы ты поверил мне? Я — это я, Конан!

— Не верю тебе, мерзкий двойник, и никогда не поверю! — был ему ответ. — Ты здесь, чтобы вернуть карлику Книгу Судеб! И ты получил ее! Но, клянусь Митрой, я не выпущу тебя отсюда живым!

В руках Просперо появился новый клинок, гораздо больше и тяжелее прежнего. А Конан уже не успевал подхватить свой меч. Оставалось одно средство — воистину, последнее!

— Стой, Просперо! Ты думаешь, я пришел, чтобы вернуть карлику Книгу Судеб?! Так держи ее и убедись, что это не так!

И Конан швырнул голубой фолиант генералу. Тот успел выбросить ненужный меч и подхватить Книгу Судеб.

Просперо любовно обхватил Книгу Судеб обеими руками. На лице его возникла умиротворенная улыбка, и он неожиданно высоким, пронзительным голосом произнес:

— Так, Конан, так. Ты пришел, чтобы вернуть карлику Книгу Судеб. И ты сделал это. Пришел — и вернул. Из рук в руки, как я и обещал.

«Бом-бом-бом», — отзывалось в голове Конана каждое слово. Слова «Просперо» оглушали его, а их смысл не доходил до сознания киммерийца. Защитные силы могучего организма не давали поверить в самое страшное. Даже глаза отказали ему. «Просперо» уже обратился в того, кем он был на самом деле, а Конан все еще видел перед собой мужественного генерала... Но происходящее не было кошмарным сном, все было наяву. Оглушенный и раздавленный разум киммерийца с трудом воспринимал следующую картину: карлик Тезиас, Великая Душа, облаченный в черные меха, и в тоненьких руках его — Книга Судеб. Которую он, Конан, собственноручно карлику передал. Как и было тем обещано...

— Ты вернул мне Книгу Судеб, варвар, — не скрывая своего ликования, говорил карлик. — Ну, какие еще нужны доказательства моего божественного гения?! Мой план, потрясающий и дерзновенный, не дал ни единой осечки! Все случилось именно так, как я наметил! И вот, пожалуйста: ты сам, добровольно передал мне Книгу Судеб!.. А говорил — не отдашь! Клялся именем Крома! И отдал! Как, должно быть, стыдно за тебя твоему Крому!..

Тезиас хохотал, искренне радуясь своей победе и откровенно насмехаясь над побежденным варваром. Бесценный голубой фолиант притаился в его руках и как будто бы тоже потешался над Конаном... Киммериец, двигаясь, точно в трансе, вытянул вперед левую руку. Светоч Истины вспыхнул — и потускнел!

— О, боги... Светоч Истины! Как такое могло произойти?.. — помимо воли прошептал Конан.

— Все, все объясню, — саркастически протянул Тезиас. — Ты, несчастный варвар, никак не можешь понять, как твой любимый амулет Небесного Наро-

да смог предать тебя?! Ты ведь тыкал им в каждого встречного — в гномов, в Аманду, в Просперо... И теперь ты недоумеваешь, как твой верный Просперо мог оказаться мной, если Светоч Истины разгоняет мои чары?.. Я правильно догадался? Ты потрясен, ошеломлен, уничтожен! Разве не так?! Ты, бедный варвар, так надеялся на этот амулет, души в нем не чаял, в огонь и в воду лез, чтобы его добыть... А он тебя взял да и подвел! В самый неподходящий момент! Как некрасиво с его стороны! Ты думал, Светоч Истины рассеивает любые мои чары... Верно, он их рассеивает! Настоящий Светоч! А не эта подделка!

И Тезиас снова заразительно расхохотался, восхищаясь собственной изобретательностью.

— Подделка... — просипел Конан.

— Ну, не совсем подделка, — поправился Тезиас. — Скорее, копия. Я сотворил ее по подобию Светоча из Живой Энергии. Разумеется, в ней нет божественной силы Митры. Так что это — не амулет Небесного Народа. Это — мой амулет! АМУЛЕТ ВЕЛИКОЙ ДУШИ!

— Амулет Великой Души, — машинально повторил Конан. Как просто ларчик открывается! Амулет Великой Души! Карлик просто подменил амулет Небесного Народа своим!..

— Ага, — подтвердил Тезиас. — У тебя мой амулет. В нем нет божественной силы Митры. Но в нем есть божественная мощь Великой Души!.. Давай, я расскажу тебе все по порядку, — предложил он. — Теперь, когда Книга Судеб в моих руках, нам некуда спешить.

Конан молчал; он был в полной власти карлика.

— Итак, киммериец, все началось, когда я стал разыскивать Книгу Судеб. Не представляю, как меня утраздило забыть ее в Замке Синих Монахов! Как ты совершенно правильно догадался, она нужна мне, чтобы оживить моих верных слуг. Я искал Книгу Судеб по всему обитаемому миру. И не нахо-

дил ее! Книги не было в Мире! Признаюсь, на том этапе ты вчистую переиграл меня. Лишь много позже я догадался, что с ней случилось. И помогли мне в этом, как ни странно, стальные истуканы, в которых ты превратил моих верных монахов. Как, задался вопросом я, могло так случиться, что Брахо и все остальные позволили себя заколдовать? Их заколдовал ты, простой воин, колдуном не являющийся и магию презирающий! Ты воспользовался моим Заклинанием Стали; оно хранилось в комнате Синих Монахов. Как тебе удалось пробраться туда незамеченным? Загадка. И здесь я вспомнил о волшебной накидке-невидимке, которую обронила во время схватки со мной стигийская принцесса Тхутмертари. И тогда я прозрел! Я понял, что ты сохранил накидку и обернул в нее Книгу Судеб! Я от всей души аплодирую тебе, Конан! Это было великолепное решение. Книга, скрытая волшебной накидкой, стала незримой и недосыгаемой; я не смог отыскать ее. Ты добился своего. Искать ее было бесполезно, ведь я даже не знал, куда ты ее запрятал. Поэтому, когда ты снова объявился в обитаемом мире, — Светоч Истины уже был при тебе, — я подстроил так, чтобы ты... хи-хи-хи... принял любезное приглашение почтенного пророка Эпимитреуса и посетил мой Зачарованный Город. Прикинувшись святым старцем, я без труда выманил у тебя амулет Небесного Народа. Конечно, сам по себе он мне не был нужен, и в этом я тебе нисколько не солгал. Но ему, этому амулету, в своем плане я все же отвел решающую роль: роль приманки, — Тезиас лукаво подмигнул Конану. — Я с самого начала знал, что ты не вернешь мне Книгу Судеб даже под страхом смерти. Вся суета вокруг нее в Зачарованном Городе нужна была мне единственно для того, чтобы, если можно так выразиться, разжечь твой пыл. Согласись, я сумел убедить тебя в том, что ты попал ко мне в плен! И, как любой пленник, ты жаждал выбраться из темницы!

Заметь, Конан, я ни разу не прибежал к помощи

магии там, где без нее можно было обойтись. События развивались самым естественным образом. Я почти ничего не подстраивал специально, лишь, так сказать, направлял процесс. Моя грандиозная многоходовая комбинация осуществлялась шаг за шагом. Рассказ Декситя о моих проделках в Тарантии потряс и разозлил тебя. А злость — плохой советчик для ума. Ты мечтал только об одном — поскорее бежать из Зачарованного Города. Я сумел устроить твое, с позволения сказать, бегство таким образом, чтобы ты ни в чем не заподозрил подвоха! Зная твою легендарную подозрительность, мне пришлось изрядно потрудиться. Ты был в отчаянии — и вдруг спасение является к тебе в образе маленьких рыжих человечков! Глупые гномы, полагая, что Светоч Истины снимет с них мое Заклятие Верной Службы, выкрали его и помогли тебе освободиться. На самом деле это я ослабил собственные чары и навел гномов на Светоч!.. Они, как и ты, не способны были даже представить себе, что Светочей может быть больше, чем один! Ха-ха-ха! Согласись, Конан, ну разве я мог доверить настоящий Светоч Истины, божественный амулет Небесного Народа, каким-то гномам, глупым и жалким?! О нет, я сохранил подлинный Светоч! Он — мой военный трофей! В Зачарованном Городе нашлось для него подходящее место.

Итак, гномы раскопали подложный амулет, наделенный моей, а не Митры, божественной силой, и явились с ним к тебе. Ты, будучи парнем не промах, захватил Светоч и с его помощью сумел освободиться. Потом ты набрел на Аманду Линн, которую я понарошку пытал. К слову, как ты мог подумать, что у меня поднимется рука пытать женщину, если даже тебя, мой упрямый варвар, я пытать не захотел?! Узрев несчастную Аманду, ты не смог пройти мимо. В тебе сработал рефлекс; на это я и рассчитывал. Подложный Светоч якобы рассеял мои чары, удерживавшие Аманду, и ты больше не сомневался, что

амулет Небесного Народа — подлинный. Вы легко столкнувались с Амандой на почве общей ненависти ко мне. Она помогла тебе бежать; все это также соответствовало моим планам. Я всячески стремился убедить тебя в том, что ты бежишь вопреки моей воле. И мне это удалось! Скажешь, нет?!

Над морем Вилайет вы схватились с Безымянной Тварью, подосланной Тот-Амоном. Мой амулет — заметь, именно мой, а не Митры, амулет — выручил тебя. Вы спаслись от Твари и прилетели в Тарантию. В Тарантии же все искали Книгу Судеб. Разумеется, они не могли ее найти. Но суета вокруг поисков убедила тебя, что я вот-вот подберусь к ней. Случай помог мне заполучить ее даже чуть раньше, чем я рассчитывал. Вы столкнулись с Джейком именно здесь, в Зале твоих Военных Трофеев... Как же я сразу не догадался, где искать мою Книгу Судеб! Ты, варвар, просто-напросто счел ее военным трофеем! Как видишь, ты поторопился записать ее в свои трофеи... Когда Джейк заявил: «Карлик знает, что Книга здесь», он имел в виду — здесь, во дворце. Ты же понял его буквально: здесь, значит, в зале Военных Трофеев! И ты сделал то, что должен был сделать. Ты решил перепрятать Книгу Судеб, пока я до нее не добрался. Тут как раз подоспел Просперо — подставной Просперо, я то есть. Дальнейшее нет нужды рассказывать; ты все знаешь сам...

Во время самодовольного монолога Великой Души Конан несколько раз пытался атаковать карлика. Но киммерийца окутывали незримые сети, и они не позволяли ему даже шевельнуть рукой. Как видно, торжествующий победу карлик хотел, чтобы Конан внимательно его выслушал.

И Конан слушал — что ему еще оставалось? Слушал и поражался. «У него сверхчеловеческий разум», — сказала о Тезиасе Аманда. Нынче Конан и сам убедился, что это так. Искусство, с которым карлик разработал и осуществил свою многоходовую комбинацию, способно было вызвать одно лишь

восхищение. Ни один нормальный человек до подобного не додумался бы. И все же Конан не был бы Конаном, если бы не попытался хоть как-то подперчить победное вино врага.

— Зачем такие сложности, карла? Когда ты узнал, что Книгу спрятал Просперо, не проще ли было промыть ему мозги? Ты ведь большой мастак по этой части!

Тезиас понимающе кивнул; он ждал этот вопрос.

— Верно, я мог получить Книгу Судеб гораздо проще. Мог вывести под гипнозом у Просперо. А когда я догадался о волшебной накидке-невидимке, я мог, например, обшарить всю Тарантию с настоящим Светочем Истины; он развеял бы чары накидки, и Книга открылась бы мне... Да, эти способы были куда проще! Однако я хотел получить Книгу именно из твоих рук. Ты украл — ты и верни. Но не только поэтому... Видишь ли, — Тезиас насмешливо усмехнулся, — меня задела твоя тупая уверенность в том, что в магии — вся моя сила. Ты плохо думал обо мне, и меня это оскорбляло. Ты думал, достаточно помахать Светочем Истины перед моим носом, и Великая Душа исчезнет, а останется только жалкий карлик, которому можно будет запросто срубить голову мечом?! Что ж, мне очень хотелось преподавать тебе кой-какой урок! Как видишь, я справился с тобой почти без магии. Имей мужество признать: я просто переиграл тебя. Мой разум оказался сильнее твоего. И вот я победил!

Конан невольно кивнул. Да, он, этот карлик, победил, сожри его Сет! И урок преподавать сумел. Нельзя не признать. Но...

— Но я еще жив, — напомнил победителю Конан.

— Это уже не столь важно, — отмахнулся тот. — Я верен своему слову. Ты вернул мне Книгу Судеб, и я оставляю тебя в живых.

— А что будет с Джейком и с остальными? Могу я знать?

— Можешь. Я полностью разочаровался в Джейке. Ты прав, он недостойн быть королем. Королем Аквилонии будешь ты. И, как тебя ни бесит тот факт, что решение о судьбе аквилонской короны принимаю я, тебе придется с ним смириться!.. А Джейка и Аманду я забираю с собой, в Зачарованный Город. Они еще пригодятся в моих планах.

— У тебя есть планы, карла? — внутренне содрогнувшись, спросил Конан. — Могу знать какие?

— Ничего нового, киммериец, ничего нового! — звонко рассмеялся Тезиас. — Вот расколдую Синих Монахов, а затем поставлю на колени мир. И переделаю его по своему усмотрению. Мир станет намного лучше, ты уж мне поверь!

— Люди не покорятся тебе, а боги не простят, — глухо промолвил Конан.

— Плевать на тех и на других, — отмахнулся Тезиас. — Ты сам смог убедиться: никто и ничто не в силах противостоять мне. Я всегда побеждаю!

...И вдруг, словно отвечая на его слова, в Зал Военных Трофеев снаружи ворвался яркий солнечный луч. Это было тем более странно, что погода стояла пасмурная. Луч был один; он устремился к потухшей жемчужине, по-прежнему сидевшей в черном перстне на пальце Конана, и налил ее ярким светом солнечного дня. Огромная жемчужина снова стала ослепительно белой. Она сверкала так, как никогда не сверкал амулет Небесного Народа, подлинный Светоч Истины! И Конан ощутил, как незримая колдовская сеть, сковывающая его члены, исчезает и чары карлика рушатся!

А что же Тезиас? Тезиас, узрев такую перемену в СВОЕМ амулете, потрясенно воскликнул:

— Но это невозможно! Это же подделка! Что происходит, во имя Всех Знаний Вселенной?!

Ответ он получил немедленно. Тучи на небе раступились, и во все окна заглянуло подлинное Око Солнечного Бога. Прогремел гром; то говорил ис-

тинный, а не самозванный бог. Великий и древний бог Митра.

Тезиас забился в корчах. Мощь амулета Митры была сильнее его магии. Конан рванулся к карлику, разрубая нескладную фигуру мечом. Но верный клинок прошел воздух; Тезиас же растворился без следа. Книга Судеб шмякнулась на ковер. Огромная жемчужина, освященная светом Митры, в последний раз вспыхнула и погасла. Конан, сощурившись, с теплотой и признательностью бросил взор на солнечный диск и низко, до пояса, поклонился:

— Благодарю тебя, Митра.

Снова прогремел гром — Митра что-то ответил ему. Солнце снова скрылось за тучами, но Конан успел понять главное. Он вспомнил слова скричей, избранных слуг Солнечного Бога, сказанные ему и Пелиасу на Большом Совете Небесного Народа: «Ваша вражда с карликом Тезиасом не касается Митры». Очевидно, скричи тогда говорили правду и Митра до сих пор не вмешивался в борьбу людей с Великой Душой. Солнечный Бог не покарал дерзкого карлика ни тогда, когда тот в первый раз захватывал власть над миром, ни тогда, когда Тезиас глумился над хайборийскими святынями, ни даже тогда, когда Великая Душа принял облик пророка Эпимитреуса. Солнечный Бог сделал это теперь. Он впервые прямо вмешался в схватку Конана и Тезиаса. Его лучи превратили ложный амулет, подделку, сотворенную Великой Душой, в подлинный Светоч Истины. Пусть на несколько мгновений, но этот амулет обрел невиданную мощь, развеяв и чары карлика, и его самого...

Здесь Конан задумался. Он уже достаточно узнал карлика Тезиаса. Скрепя сердце, киммериец вынужден был признать его по-настоящему сильным противником, равного которому Конан еще не встречал. И еще Конан вспомнил последние пророчества мудрого Декситей: «Твоя борьба с Великой Душой будет долгой...» Что хотел сказать ему Солнечный

Митра? Может быть, то, что дерзкий карлик не сражен окончательно, что он еще жив, что, наконец, истинный бог может только помочь человеку, но сражаться за него, человека, не станет?! Вряд ли даже Митра в состоянии покончить с Великой Душой так тривиально, и вряд ли Светоч Истины развеял именно его, карлика Тезиаса. Конан вздохнул. Рано праздновать победу. Сверхчеловеческий разум нелегко одолеть. Тезиас наверняка подстраховался, сам оставшись в Зачарованном Городе, под защитой Стержня, а сюда, в Тарантию, направив свое «живое воплощение». Увы, это был не Тезиас, а его призрак. И Светоч Истины развеял призрака, а не настоящего карлика. Настоящий же карлик не побежден, а всего лишь отброшен. На какое-то время...

От этих дум киммерийца оторвал странный свист. В следующий миг большая жемчужина вдребезги разлетелась в черном перстне. Пуля оцарапала кисть Конана. В дверях Зала Военных Трофеев, ухмыляясь, стоял Джейк Митчелл. В руке он держал изогнутую черную штуковину, изрыгающую маленькие смертоносные снаряды; в мире Джейка такая вещь именовалась пистолетом.

— Ну все, игра закончена, паскуда варвар! — загоготал огромный американец. — Пора мне с тобой кончать! Ага, и Книга Судеб при тебе! Прекрасно! Ведь я так долго искал ее. Карлик получит ее из моих рук. В благодарность за это я убью тебя быстро, а не медленно и страшно, как ты того заслуживаешь!

Пока Джейк держал свою речь, Конан успел отбросить Книгу Судеб в дальний угол зала и облачиться в волшебную накидку-невидимку. Неожиданно для Джейка Конан исчез из поля его видимости.

— Что за шутки, каналья?! Куда ты делся?!

Ответом ему стал издевательский хохот киммерийца. Рассвирепев, Джейк кинулся к двери и принялся палить из браунинга во все стороны. Он стрес-

лял наугад. Вскоре патроны закончились, и тогда невредимый Конан сбросил волшебную накидку. Поигрывая мечом, он внушительно произнес:

— Тебе это ничего не напоминает, ублюдок?! Вспомни Замок Синих Монахов! На сей раз отрубленной ногой не отделаешься!

И Джейк, конечно, вспомнил ту памятную для обоих двойников сцену в горной цитадели карлика. Сейчас она повторялась в точности! Тогда Тезиас спас его от клинка Конана буквально в последний момент... Ужас объял узурпатора и отнял рассудок. Выбросив пистолет, он сломя голову кинулся вон. Конан, взревев, устремился в погоню.

Джейк выбежал на площадь перед королевским дворцом. И он увидел, как из окна «Черного коршуна» ему призывно машет Аманда Линн! Американец бросился к вертолету. Тем временем Аманда подняла машину в воздух — так, чтобы Джейк смог ухватиться руками за шасси. Подтянувшись на сильных руках, Джейк забрался в вертолет. Конан не успел его настигнуть. «Черный коршун» взмыл над городом и понесся на юг.

Беззвучно выругавшись, киммериец махнул рукой. В конце концов случилось то, о чем они с Амандой договаривались. Пускай улетают, сукины дети!.. И когда только девка успела очухаться и пробраться к своей механической птице?..

Впрочем, на самом деле этот вопрос мало интересовал Конана. Со всех сторон к нему спешили его подданные, и он, истинный король Аквилонии, улыбаясь, шагнул им навстречу.

Глава двадцать третья

АДАМ И ЕВА НОВОЙ РАСЫ

— ...Она была уже у меня в руках! — стонал Тезиас, нервно прохаживаясь по своей лаборатории. — Я держал в своих руках Книгу Судеб, мне нужна

была всего одна секунда, чтобы перенести ее сюда!.. О, Митра, будь ты проклят!

Профессор Фонтанелли, плененный в заколдованном кресле, внимательно слушал его. Тезиас рассказал профессору все: карлику нужно было излить кому-нибудь душу. Ученый из Будущего подходил для этого лучше, чем наемники Джейка или гномы.

— Стучилось то, о чем я вас предупреждал, мистер Тезиас, — спокойно проговорил Фонтанелли. — Рано или поздно вы должны были проиграть. И вот вы проиграли.

— Ошибаетесь, док, — процедил Тезиас; в агатовых глазах металось яростное пламя. — Я не проиграл. Я получил пощечину. Но я не буду подставлять другую щеку, как советует ваша религия. Ваша религия — не моя религия. Я дам сдачи. Горе тем, кто поторопился списать меня со счетов!

— Вы намерены бросить вызов богам?!

— Я уже это сделал! Как только появился на свет! Это они, боги, объявили мне войну! Я не нападал на Митру, это он напал на меня. Что ж, я не страшусь схватки! Мир содрогнется!

— Вот этого я и боюсь, — тяжело покачал головой профессор. — Вы совсем не думаете о мире, мистер Тезиас. Мир для вас — полигон. Вы готовы сражаться до последнего человека. Это ужасно!

— А что мне остается делать?! Может, сдаться?! У вас что, есть какие-то предложения, Фонтанелли?!

— Да, есть. Вам не обязательно сдаваться, мистер Тезиас. Я готов дать вам совет. Добрый совет и, как мне кажется, единственно мудрый.

— Говорите, я слушаю, — кивнул карлик.

— Вы опасны, мистер Тезиас. Вы считаете себя сверхчеловеком. Вы полагаете, что способны переделывать мир. Вы заблуждаетесь. Мир таков, каков он есть. Его невозможно переделать. Это аксиома. На самом деле вы способны только разрушить его. Каковы бы ни были ваши мотивы, вы приносите зло...

— Ближе к делу, док, ближе к делу! — взорвался

Тезиас. — Вы повторяетесь! Ваши предложения, живо, или я заткну вам ротку!

— ...Возвратите Джейка Митчелла и его людей обратно в Будущее. Освободите гномов. Уничтожьте Стержень и весь Зачарованный Город. А потом... А потом уйдите со сцены сами, мистер Тезиас, Великая Душа! Станьте тем, кем вам положено быть по природе! Умертвите себя! А напоследок сделайте людям хоть одно доброе дело! Чтобы вас вспоминали не хулой, а добрым словом. Например, излечите все болезни. Головную боль, сердце...

— Вы неисправимый романтик, дорогой Фонтанелли, — улыбнулся Тезиас. — Я даже не могу гневаться на вас. К чему это все?.. Вы же знаете, что я вам отвечу.

— Увы, знаю, — вздохнул седовласый профессор.

— Но одна из ваших идей мне понравилась, — многозначительно заметил карлик. — Пожалуй, я сделаю людям доброе дело! И не одно, а много. Много добрых дел! Пожалуй, я сумею излечить человеческие болезни. Головная боль больше не будет мучить людей. И с сердцем у них наступит полный порядок. Я, пожалуй, излечу их. Своим способом!

Фонтанелли со страхом смотрел на него, искренне жалея, что затеял этот разговор. Великая Душа двусмысленно ухмыльнулся и добавил:

— Это не то, что вы думаете, дорогой профессор. Гораздо более оригинальное. И гуманное. Вам должно понравиться. Может, догадаетесь сами?..

Аура, окружавшая фигуру карлика, вспыхнула сияющими лазеровыми молниями.

* * *

— Я ничего не понимаю, — устало проговорила Аманда Линн. — Я задаю курс на юг, а «Черный коршун» летит на северо-восток! Может, у нас барахлит компас?

— Наш компас в порядке, — сумрачно процедил Джейк Митчелл. — Погляди на солнце! Мы действи-

тельно летим на северо-восток. «Черный коршун» не слушает нас!

— Так кто же им управляет? — испуганно прошептала Аманда.

— Как будто не знаешь!.. — гримаса ненависти искривила и без того отталкивающее лицо Джейка.

— О, боже...

— Не призывай его, прошу тебя, Эми! Видеть больше этого гада не могу! Даже в собственном вертолете я его пленник!

Злобно сплюнув, Джейк отвернулся. Воцарилось тягостное молчание. Аманда бросила взгляд на спидометр, и ее белые волосы зашевелились на голове.

— Смотри, Джейк! Тысяча миль в час! Это невозможно!

— Возможно, все возможно. Для него невозможного не существует. Ему так не терпится снова заполучить нас!..

— Джейк, — прошептала Аманда после некоторого молчания, и голос ее звучал по-иному. — Я не хочу обратно в Зачарованный Город.

— Думаешь, я хочу?!

— Ты меня не понял, любимый. Карлик не должен получить нас.

— Ты предлагаешь, чтобы мы... чтобы мы...

— Да, Джейк. Мы должны покончить с собой, — твердо проговорила Аманда.

Джейка ее предложение несколько не удивило.

— Это ничего не даст, — вяло отозвался огромный американец. — Он запросто оживляет трупы. Ты видела дока? Тварь использует людей даже после их смерти. Ты права, мы не должны достаться карлику живыми. Но и живыми мертвецами мы ему достаться тоже не должны!

Аманда кивнула. В руке ее появилась граната. Аманда вопросительно посмотрела на Джейка. Получив «добро», она выдернула чеку.

— Прощай, любимый.

— Прощай, Эми.

...Взрыва не последовало. Не произошел он и через две, и через три минуты. Аманда выбросила бесполезную гранату.

— Итак? — обреченно спросила она.

— Итак, он не дает нам умереть, — заключил Джейк. — Но хоть выброситься из вертолета мы можем?!

И он толкнул дверцу. Ничего. Аманда попыталась выпрыгнуть из вертолета со своей стороны. Ничего. Двери и стекла не поддавались. Джейк и Аманда принялись бить в них из пистолетов и лазерных бластеров, ломать руками и ногами. Все напрасно. Они были в ловушке. Вдруг на всех экранах появился Тезиас. Он стоял на смотровой площадке Стержня, скрестив руки на груди, и приветливо улыбался узникам летающей тюрьмы.

— Не дергайтесь, ребята. Рановато вам еще умирать. Угмонитесь, поберегите силы. У меня все под контролем.

— Как же я тебя ненавижу, гнусный карла!!! — в один голос вскричали Джейк и Аманда.

— Ничего, еще полюбите, — плутовато усмехнулся тот. — До скорой встречи, Адам и Ева.

Изображение Тезиаса исчезло с мониторов. Джейк и Аманда переглянулись.

— Почему... почему он назвал нас Адамом и Евой? — спросила женщина.

— Не знаю, — Джейк вытер холодный пот со лба. — Но мне страшно.

— Мне тоже...

«Черный коршун» мчался к Зачарованному Городу.

Мягкий желтоватый свет заливал аэродромную площадку. Отряд Черных Коршунов, все девяносто восемь наемников, выстроился в две шеренги для встречи Джейка и Аманды. Карлик Тезиас был здесь же. Когда вертолет приземлился, Великая Душа сделал знак рукой, и Черные Коршуны встали по стой-

ке «смирно». Джейк и Аманда выбрались из вертолета.

— Приветствую вас, блудные дети. С благополучным возвращением домой! — доброжелательно молвил хозяин Зачарованного Города.

Джейк помедлил немного, ничего не стал ему отвечать, а затем он и Аманда неожиданно обернулись к наемникам и сделали несколько замысловатых жестов руками. Со стороны могло показаться, что они творят заклинания. Но Джейк и Аманда не были колдунами; замысловатые жесты представляли собой тайный язык, доступный только посвященным. И люди Джейка поняли приказ. Поняли — и выполнили, не медля ни секунды. Каждый выхватил свое оружие — пистолет ли, автомат или бластер — и открыл огонь по карлику. На Тезиаса обрушился целый шквал пуль и лазерных лучей. Но что же это?..

Лазерные лучи попросту растворились в сияющей ауре Великой Души. А пули... Пули повели себя весьма странно. Одни насквозь прошли тело карлика, пролетая сквозь внезапно открывшиеся отверстия. Другие зависли в воздухе перед Тезиасом. Остальные пули, загадочно изменив траекторию, облетели карлика по окружности и тоже зависли в воздухе, жужжа, словно осы. Тезиас остался абсолютно невредим. Он рассмеялся, небрежно взмахнул рукой и ... и все пули, выпущенные наемниками, понеслись обратно!

Глаза Солдат Будущего, казалось, вылезали из орбит от ужаса. Каждый из людей Джейка выпустил по карлику полную очередь. Он должен был превратиться в ничто, этот карлик! А он стоял ухмыляясь; а пули неслись обратно, чтобы поразить тех, кто их выпустил! Люди обомлели. Им захотелось бежать, бежать, бежать... Но никто не смог сдвинуться с места и сказать даже слово. Пули, взаправду больше похожие на рои разъяренных ос, зависли над перепуганными наемниками. Наступила жуткая тиши-

на; ее нарушало только визгливое жужжание стальных ос.

— Ай-яй-яй, Джейк, — с видимым огорчением покачал головой карлик. — Ты опять хотел меня убит! Чем оправдаешься на этот раз?

Главарь наемников с трудом разжал уста:

— Я не стану оправдываться перед тобой, Великая Душа. Делай с нами все, что хочешь. Ответь мне только на один вопрос: ну почему ты не можешь просто сдохнуть?

Эта фраза из одного любимого Джейком фильма, когда-то чрезвычайно рассмешившая отважного наемника, почему-то пришла на ум именно теперь. И теперь она смешной Джейку вовсе не казалась. Скорее наоборот... Тезиас же, как и следовало ожидать, звонко расхохотался. Стальные осы, роящиеся над головами людей, нетерпеливо жужжали.

— Потому что впереди у меня Вечность! Я не уничтожим! Великая Душа не может «просто сдохнуть»! Поймите вы это наконец, дурии головы! А вот я мог бы прикончить всех вас в два счета. Нет, в один счет. Но я не сделаю этого. Я намерен использовать вас. Скоро моим Черным Коршунам найдется работенка. Надеюсь, сегодняшний спектакль запомнится вам надолго! Советую больше не рыпаться и не искушать меня. Искренне советую.

Рои стальных ос взвились в небо и полетели дальше, к солнцу.

— Получай, Митра; это только первые ласточки, — неслышно пробормотал Тезиас.

Сказав это, он исчез. Вместе с ним пропали Джейк и Аманда. А девяносто восемь наемников провсжали взглядом стаю железных ос, уносящихся к солнцу.

Все трое возникли в лаборатории — той самой, где содержался в плену профессор Фонтанелли. Тезиас завис в воздухе, а неведомая сила швырнула Джейка и Аманду на колени. Карлик отбросил на-

смешливый тон и заговорил серьезно, не скрывая своих истинных чувств:

— Вы разочаровали меня, люди Будущего! Я дал вам все, о чем только может мечтать человек. И дал бы еще больше, если бы вы служили мне честно. От вас ничего иного не требовалось! Но честной службе вы предпочли предательство! Вы предали меня подло, плюнув в душу! Она, душа, ведь тоже у меня есть! Великая Душа! Вы не смогли смириться с моей верховной властью... Особенно ты, Джейк. Ты — одно сплошное недоразумение. Ты — жалкая подделка под Конана. Ты не стоишь его. Ты горазд только на то, чтобы стрелять из пистолета, водить вертолет и командовать своими тупыми негодьями. Ты бездарен, глуп и труслив. Ты не можешь быть королем. Ты — моя ошибка. Я полностью разочаровался в тебе. Ты дважды пытался убить меня, но тебе сошло это с рук. Я исполнил все свои клятвы, данные тебе, все твои желания. Ты получил власть, женщин и своих уродов. И отплатил мне подлым предательством! Я долго терпел... воистину, долго! Но сегодня... сегодня ты позорно бежал из Тарантии, и это переполнило чашу моего терпения. Ты самовольно оставил трон, на который я тебя посадил. Ты трусливо удрал, даже не сразившись с Конаном, Ты — ничтожный червь, Джейк Митчелл!.. Ты мне больше не нужен, наоборот, ты мне только вреден. И мне стыдно, что я возомнил, будто могу подменить Конана тобой! Он — великий человек, а ты... ты годишься лишь для того, чтобы он вытирал об тебя ноги! Ты — нуль, ты — тля, ты — червяк: вот кто ты, Джейк Митчелл! И мне противно и стыдно, что я, великий бог, связался с тобой! — гневно повторил Тезиас. — От Конана в тебе только тело; больше, кстати, мне ничего от тебя не нужно. Телу твоему я найду достойное применение. Даже сверхдостойное, если учесть, какому ничтожному червяку оно пока принадлежит!

— Что значат эти слова? — вымолвил Джейк; он

уже чувствовал, что его ждет нечто пострашнее смерти. Если бы грешники, поджариваемые демонами в Аду, могли бы передать живым свои ощущения, эти ощущения совпали бы с нынешними ощущениями Джейка.

— Ты хочешь знать?! Так ты узнаешь! — Тезиас подлетел к лабораторному столику и взял с него небольшой стеклянный сосуд; внутри сосуда пульсировало небольшое белое облачко. — Вот, гляди, болван! Видишь ЭТО?!

Джейк видел. Облачко выглядело вполне невинно и было по-своему красиво. Но стчего-то Джейк ни за что на свете не хотел знать, как это облачко, заключенное в стеклянном сосуде, могло иметь к нему отношение. Он глухо застонал, пытаясь освободиться от незримых пут. Бесполезно...

— Это Инкуб, искусственная душа, — увлеченно пояснил Тезиас. — Я создал ее. Когда я помещу ее вовнутрь человека, она займет место обычной человеческой души. Искусственная душа будет всецело подконтрольна мне, Великой Душе... Я всегда верил в свою особую миссию — создать новую расу людей, Людей, Носящих Знание. Я говорил вам о ней, профессор. И тебе говорил, Джейк. Это моя Мечта. Сегодня я, как никогда, близок к ее воплощению. Мне пока не удалось вернуть Книгу Судеб и оживить моих верных монахов, но я возьму реванш другим. Все узнают, что я просто не способен проигрывать! Ты, Джейк, станешь первым, кому я пересажу душу. Первенец расы Инкубов будет существовать в теле Конана! В лучшем теле, какое только могла создать природа! Ну разве это не прекрасно?! У меня будет свой Конан, как я и мечтал. И не такое ничтожество, как ты, Джейк, а истинный герой, во всем послушный моей воле. Гордись, ничтожный червь, — ты станешь Адамом новой расы!

— Нет... нет... нет... — мысленно шептал капитан наемников; все трое — Джейк, Аманда и Фонтанел-

ли, — потрясенные словами карлика, молчали. Они казались живыми мертвецами.

Тезиас повернулся к Аманде.

— А теперь насчет тебя, моя прекрасная телепатка. Ты любишь Джейка, не так ли?! Так раздели его судьбу! Полагаю, это будет справедливо!.. Ты как нельзя лучше соответствуешь моим представлениям о женщине, дорогая мисс Линн! В тебе нет романтики. Ты не создана для чувств. Такие, как ты, созданы, чтобы воевать и приносить потомство. Это очень, очень хорошо, дорогая Аманда! Ты тоже мне подходишь. Джейк будет Адамом, а ты — Евой новой расы! Вы — мои первенцы, Джейк и Аманда. Первенцы расы Инкубов, искусственных людей. Нотто Incubus, не так ли, доктор Фонтанелли?! Вот и ответ на ваш вопрос, уважаемый профессор: как я излечу мир? А вот так! Мои инкубы не будут страдать от болезней. Ведь все болезни идут от души, а она у моих инкубов будет чистой и здоровой... Джейк и Аманда станут первыми; затем я превращу в инкубов весь тот сброд, что был призван мной из Будущего. Одновременно вы, Адам и Ева новой расы, должны будете зачать потомство. Я желаю посмотреть, что у вас получится! Дети, рожденные искусственными людьми, несомненно, особые дети! Избавленные от всех болезней, от чувств и эмоций, награжденные крупными Великого Знания, мои инкубы расплодятся по всей планете и сделают мир лучше!.. В моем мире не будет войн и страданий. Исчезнет Добро, ибо сначала уничтожу Зло, а Добро без Зла не существует. Я уничтожу Зло вашими руками, мои дети, мои дорогие инкубы! Всяк, кто дерзнет сопротивляться мне, будет раздавлен или тоже обращен в инкуба! Искусственные люди заживут счастливо, ибо то будут Люди, Носящие Знания!..

— Понимаю, вы потрясены, — проговорил Тезиас после некоторой паузы, в течение которой Великая Душа наслаждался эффектом, произведенным его словами на недвижимых слушателей. — Вы ого-

рошены, раздавлены, убиты! Вам страшно. Но не бойтесь: вам не будет больно. Один миг — и искусственная душа, — карлик выразительно потряс склянкой с пульсирующим облачком, — сольется с вашим телом. Вы перестанете существовать и одновременно родитесь заново. Ну разве это не прекрасно?!

Не дождавшись ответа от полуживых от ужаса людей, Тезиас добавил:

— Я отправляюсь в свои личные покои. Чтобы начать Операцию Перевоплощения, мне нужны новые силы. Стержень даст мне их. Скоро я вернусь, и мы приступим.

И карлик исчез.

— Джейк, любимый, ты жив? — прошептала Аманда.

— Пока жив. Но скоро я перестану существовать и одновременно рожусь заново. Ну, разве это не прекрасно... — заплакал огромный американец.

— Брось, Джейк, не дури! Возьми себя в руки.

— Ладно, Эми, — вымученно усмехнулся тот. — Ты права, примем смерть с гордо поднятой головой. Покажем карлику, что мы не такие скоты, какими он нас представляет.

— Он говорил только о тебе, Джейк, — холодно заметил Фонтанелли.

— Откуда ты такой взялся, док?! Гляжу, и смерть тебя не берет! Ты вот сидишь в мягком кресле, а мы с Амандой стоим на коленях. Почему?

— Тем самым Тезиас желает показать, что он сделает с остальными людьми. Весь мир, по его задумке, станет перед ним на колени, как вы нынче.

— А ты?

— А я уже покойник, мне нечего страшиться. Карлик использует меня в качестве собеседника. Ведь с тех пор как исчезли Синие Монахи, ему не с кем поговорить.

— Дерьмо ты, док, — уныло отметил Джейк. —

Что же, ты так и будешь глядеть, как он превращает нас в инкубов?

— А что я могу сделать?! Ты сам во всем виноват. Помнишь, я предлагал тебе покончить с карликом еще там, в Замке Синих Монахов?! Я знал, что все закончится чем-то ужасным! Тогда нужно было остановить чудовище, и мы могли это сделать! Что ты мне тогда ответил? Помнишь?!

Джейк молчал, стиснув зубы. За него ответила Аманда:

— Прскрати, док. Не время сейчас ворошить старое. Джейк ошибался. Подумай лучше, можем ли мы что-нибудь предпринять. Ты ведь у нас ученая башка.

— Ничего, — горестно вздохнул Фонтанелли. — Я уже думал. Мы можем только уповать на случай. Или молить Тезиаса о пощаде.

— Вот еще! — сплюнул Джейк. — Этого он от меня не дождется!

Аманда согласно закивала головой.

— А может, не так уж оно и плохо быть инкубом? — продолжил свою мысль Джейк. — Черт меня заberi, может, оно и к лучшему, а? Попробуем, как оно там, с искусственной душой?! Карлик так гладко все описал...

— Опомнись, Джейк! — воскликнула Аманда. — Я не желаю быть живым андроидом! Я — человек! И я не... Постой! Тихо... Сюда кто-то идет! Гномы!

Раскрылась дверь лаборатории, и на пороге появилась развеселая компания рыжих человечков. Увидев плененную троицу, гномы дружно загоготали.

— Чего ржете, рыжие крысы?! — остервенело гаркнул Джейк; только этих придурков сейчас не хватало!

— Как же нам не смеяться, — гогоча, ответил Алвари. — Разве не смешно видеть вас, верзил, на колених?! Карлик все-таки изловил вас, а?! А вы-то, вы! Выпендривались, будто вы всех умнее, всех сильнее, все можете... Ха-ха-ха!

— Чему вы радуетесь? — сурово спросил Фонтанелли. — Как бы ни были плохи эти люди, они не заслуживают своей судьбы. Помогли бы им лучше, чем смеяться над их бедой.

В ответ гномы, так же дружно развернувшись, показали людям голые задницы.

— Вот мы вам поможем, — повернувшись обратно, сказал длиннородый гном. — Поделом вам, долговязым. Карлик отомстит за нас.

— Скорее, он отомстит вам, — заметила Аманда. — Забыли, как вы помогли мне и Конану бежать?! Думаете, он простит вам это?!

— А мы больше не боимся карлика, — неожиданно объявил Алвари. — У нас есть вот что! А у вас — нет! Ха-ха-ха!

На коротеньком большом пальце правой руки Алвари болтался знакомый черный перстень! Сердце Аманды неистово заколотилось.

— Ну и болваны же вы, рыжие крысы, — быстро заговорила она, не давая Митчеллу и Фонтанелли раскрыть рот. — Этот Светоч поддельный. Настоящий амулет — у Конана.

— Сама ты дура, — обиделся гномий вожак. — Ростом дылда, а ума ни на грош. Стал бы карлик доверять настоящий амулет грязному варвару! Это у Конана подделка! Нам сам карлик рассказывал, как ловко подцепил вас на удочку! Только карлик не подозревал, что гномы — умный народ. Он-то думал, что мы — такие же олухи, как вы, люди. А мы, пока он тут с вами развлекался, нашли настоящий Светоч Истины. И мы свободны! В отличие от вас — ха-ха-ха!

— Глупее гномов нет народа. Спорю на все сто, в этом перстне нет белой жемчужины, — нарочито вызывающим тоном молвила Аманда. — Карлик просто вас надул!

Полная физиономия Алвари побагровела от гнева. Как, эти ничтожные верзилы, рабы, стоящие на коленях, смеют изгаляться над ними, свободными гномами?!

— Как это нет! — вскричал Алвари и нажал на черное веко.

Он оказался прав: амулет Небесного Народа присутствовал в черном перстне. Чистые солнечные лучи озарили лабораторию. Но прежде, чем Аманда успела вскочить на ноги, Алвари понял, что попал в ловушку. Он понял это сразу. Мгновенно затворив черное веко, он успел злобно плюнуть в сторону людей и резво выбежать вон — естественно, вместе с черным перстнем. Не все гномы оказались столь проворны. Двоих успел сцалать огромными ручищами Джейк, одного поймала Аманда.

— Мы вновь свободны! — воскликнул Джейк, не веря самому себе. — Как это получилось?

— У проклятого гнома есть штука, рассеивающая чары, — сказала Аманда. — Жаль, что мы его упустили.

Пойманные человечки испуганно жались друг к другу, ожидая, что свирепые верзилы будут пытаться их. Но людям было не до гномов. Они радовались вновь обретенной свободе. Даже Луиджи Фонтанелли смог наконец встать со своего «вечного» кресла.

— Мы рано радуемся, — молвил он. — Когда карлик вернется, он снова заколдует нас.

— А мы не будем его ждать, — сказал Джейк. — Мы должны действовать! У тебя есть что-нибудь на уме, док?

— Пожалуй, да, — улыбнулся Фонтанелли. — Теперь, когда мы не скованы чарами, можно кое-что попробовать. Тем более выбор у вас невелик...

— Ну, говори!

— Можно попытаться убить карлика сейчас, когда он занят медитациями. Он мне все рассказывает, как и что он делает. Он обсуждает со мной все свои изобретения...

— Короче, док, — поторопила Аманда.

— Да, да... Так вот, он изобрел экранирующий состав, который действует подобно накидке-невидимке. Он изобрел его совсем недавно, как только

узнал про накидку. Эта идея завлекла его. Он задумал сделать «Черных коршунов» невидимыми! Вы понимаете?!

— Ну да! — обрадовался Джейк. — Нужно покрыть этим дерьмом вертолет и подняться к «командному пункту», где засел карлик. И угостить его по полному разряду!

— Класс! — поддержала идею Аманда. — Где этот экранирующий состав?

Фонтанелли бросился к шкафу и достал оттуда большой прозрачный баллон.

— Но тут ничего нет! — воскликнул Джейк.

— Тут есть все, — заверил его профессор. — Нужно опрыскать весь вертолет — и в путь! «Черный коршун» станет невидимым, как бы взаправду укрытый волшебной накидкой! Даже для Тезиаса! Но нужно торопиться — состав действует только десять минут; это опытный образец, и его немного.

— Плевать, — заявил Джейк. — Я обязан рискнуть. Мне нечего терять. Ты права, детка, рановато нам становиться инкубами!

— Удачи, Джейк! — хлопнула в ладоши Аманда.

Джейк Митчелл, схватив баллон с экранирующим составом, рванулся прочь из лаборатории. И вдруг остановился как вкопанный, повернулся лицом к профессору и Аманде. На физиономии наемника было написано смятение.

— Что случилось? — воскликнули те.

— Я совсем забыл, — угрюмо проговорил Джейк. — Карлик все предусмотрел. Он наложил на весь этот дворец какое-то заклятие. Если я убью карлика, дворец убьет меня. И вас вместе со мной.

— Ясно, — сказала Аманда. — Но, когда он накладывал это заклятие, меня здесь еще не было, верно? Значит, на меня оно не распространяется!

— Похоже на правду, — заметил Фонтанелли.

— Решено: лечу я! — заявила Аманда; глаза ее заблестели, а на щеках появился румянец.

Джейк передал ей баллон и расцеловал на прощание.

— Я люблю тебя, Джейк, — прошептала Аманда и скрылась в дверях.

Митчелл задумчиво посмотрел ей вслед, почесал затылок и сказал:

— А если мы снова вляпались в гнусный розыгрыш? Если карлик смотрит на нас и потешается? Если он раскроет нас раньше, чем мы его прихлопнем? Если, наконец, у Эми ничего не выйдет? Что тогда, док?

— Не думай об этом, — посоветовал ему Фонтанелли. — Молись лучше, чтоб ей все удалось. И стереги гномов.

Выбежав из дворца, Аманда Линн устремила к ближайшему вертолету. Никто из наемников не рискнул даже обратиться к ней. Аманда быстро опрыскала «Черный коршун» экранирующим составом, как учил профессор Фонтанелли. На ее глазах вертолет как будто растворился в воздухе. Наемники изумленно наблюдали за происходящим. Знаками капитанша дала понять им: мол, после все объясню, а пока — молчок. Она с трудом нащупала дверцу и забралась в невидимый вертолет. Со стороны показалось, что она попросту исчезла. Включила зажигание. Незримый «Черный коршун» взлетел.

Внутри, на ее счастье, все было видно. Приборы работали нормально, на борту имелся полный боезапас. Помня, что на все про все ей дано ровно десять минут, Аманда повела вертолет к «командному пункту», где располагались личные покои Великой Души.

...Вот оно, это кольцо, опоясывающее Стержень. Незримый вертолет завис прямо напротив него. Зажмурив на мгновение глаза, Аманда привела в действие всю силу «Черного коршуна». «Командный пункт» карлика поразили ракеты, снаряды, разрывные и обычные пули, лазерные лучи... Быстро обле-

тая кольцо, Аманда поливала его из огнемета, гранатомета, лазерной и танковых пушек. Никто ее не останавливал. Чудовищные потоки смерти изливались с незримого вертолета, разрушая священную обитель карлика. «Командный пункт» горел, снова превращаясь в Живую Энергию, и она, эта Живая Энергия, медленно стекала вниз по Стержню... Бешеный танец смерти прекратился только тогда, когда на «Черном коршуне» закончились боеприпасы. Аманда Линн, залитая потом и трепещущая в нервной лихорадке, увидела творение своих рук. «Командный пункт» карлика прекратил свое существование — кольцо исчезло, слившись со Стержнем... Сердце бешено колотилось, и разум еще не был готов поверить, что все позади. Неужели она победила?!

— Никакому богу мало не покажется... — пробормотала Аманда, убеждая себя в этом.

Выполнив свою миссию, «Черный коршун» полетел вниз. Операция по уничтожению Великой Души заняла ровно девять с половиной минут.

Когда сверху послышались первые взрывы, в лаборатории воцарилось праздничное настроение. Джейк Митчелл и Луиджи Фонтанелли разве что не плясали от счастья. Хмурые гномы опасно косились на людей; их настроение портилось по мере того, как возрастала радость людей.

Наконец взрывы стихли. Стержень слабо вибрировал, сотрясая королевский дворец.

— Мы все еще живы! И карлика нет! — воскликнул Фонтанелли. — Ей удалось! Ей удалось, понимаешь, Джейк?!

— Молодец, Эми, детка! Она справилась с ним! Во дела! Мы свободны!

— Дурак ты, как я погляжу, — неожиданно подал голос длинноротый гном. — Пока ты здесь радуешься, верзила, сучка смоемся с твоими бандитами. Она прикончила карлика — и все лавры ей! Зачем она будет ими с тобой делиться?!

— Чего, чего?! — ахнул Джейк. — Что ты несешь, рыжая скотина?

— Чего слышишь, — передразнил его человечек. — Мы, гномы, все знаем. Твоя сучка изменила тебе с Конаном-киммерийцем. Она убила карлика ради Конана. Верно, ребята?

— Ага, — мстительно ухмыляясь, подтвердили остальные двое. — Конан освободил ее, пока ты, душень, был в Тарантии, и они попользовали друг друга.

— Что?!!

— Говорим, попользовали они друг друга, — хрипло прокричал длиннородый гном, как будто Джейк был глухим. — Трахались, если по-вашему. Ух, как они стонали...

— Врешь, падла! — ударом огромного кулака Джейк отбросил гнома к стене; тот захлебнулся кровью. Другие двое мерзко захихикали. Джейк в бешенстве принялся крушить все вокруг.

— Остановись, Джейк! — кричал Фонтанелли. — Неужели ты поверишь рассказам каких-то гномов?!

— А ты че вылез, старый дылда? — проскрежетал второй гном. — Ты вообще права голоса не имеешь, ибо твое место в могиле, ветхий ты упырь. Ты все время задницу в своем кресле просиживал и ничего видеть не мог. А мы, гномы, все видели! Ух, как они трахались, Конан и Аманда, как стонали...

И двое несносных гномов, сцелившись, попытались сыграть то, о чем они рассказывали Джейку. Новый удар могучего кулака отбросил к стене и их. Но коли гном уж закусил удила, его трудно остановить...

— Бесись, бесись, верста, — снова прохрипел длиннородый. — Спорим, твоя сучка тебя здесь закрыла, а сама с твоими парнями улепетывает?! Ужо они над тобой погогочут!..

Джейк, словно таран, налетел на дверь. Та и вправду была закрыта снаружи! Огромный америка-

нец разразился горестным воем. Гномы у стены, хихикая, захлопали в маленькие ладошки.

Фонтанелли с ненавистью глянул на них, но рыжие человечки только показали ему языки. Джейк, рыча, словно разъяренный зверь, метался по лаборатории и крушил мебель. Вот он перевернул тяжелый шкаф, около которого стоял Фонтанелли, и шкаф обрушился на профессора. Джейк этого даже не заметил.

Дверь распахнулась. В лабораторию влетела радостная Аманда.

— Я сделала это, Джейк, сделала! Я убила его! Никто не смог — ни ты, ни Конан, ни док, никто! Все пытались, а убила я! Карлик мертв! Мы победили, Джейк!

Полубезумная от внезапно свалившегося на нее триумфа, Аманда не заметила ни погрома в лаборатории, ни красного от гнева лица ее возлюбленного.

— Ты убила его, да?! — Джейк резко рванул Аманду за руку, едва не вывернув ее. — Ради Конана, да?! Ты трахалась со свиньей варваром, да?! Ты изменила мне?!

Ничего не понимая, Аманда только потрясенно моргала глазами. Джейк истолковал ее молчание как признание вины.

— Ну так получай, сука!!! Ты мне больше не нужна!

Как ни крепка была Аманда-воительница, удар могучего кулака, нанесенный со всей силы, свалил ее, и победительница Великой Души упала без чувств. Гномы, наблюдавшие эту сцену, одобрительно зааплодировали.

Из-под шкафа послышался слабый голос Фонтанелли:

— Что ты наделал, Джейк! Что ты наделал!

Свирепо расхохотавшись, огромный американец слегка приподнял шкаф.

— Освободи меня, Джейк! Я все объясню тебе...

— А теперь послушай меня, паскуда док! — про-
ревел Митчелл. — Ты думаешь, я простил тебе пре-
дательство?! В Замке Синих Монахов ты хотел убить
меня! И теперь ты просишь, чтобы я тебя освободил?! Ну ты и кретин! Ты мне больше не нужен, за-
дрипаный док, ученая башка! Разве непонятно:
коли Тезиаса больше нет, значит, самый сильный
человек в мире — это я! Я плюс мои парни — мы
сильнее всех! Мы завоюем этот мир!

— Я проклинаю тебя, Джейк Митчелл, — про-
шептал профессор Фонтанелли. — Надеюсь, ты скоро
найдешь свою смерть...

— Ну и хрен с тобой, док! А я тебе скорой смерти
не обещаю, ибо ты уже труп! Ты сгниешь здесь, в
этом зачарованном дерьме! Прощай!

И Джейк с силой бросил шкаф на старого про-
фессора. Свирепо оглядев комнату, он в последний
раз пнул тяжелым сапогом бесчувственную Аманду
и выбежал вон.

Девяносто восемь наемников шумной толпой
сгрудились у самых дверей королевского дворца.
Они обсуждали последние события; особенно много
споров вызвали загадочные взрывы, уничтожившие
«командный пункт» могущественного карлика. Рас-
красневшийся Джейк неожиданно выскочил им на-
встречу.

— Ребята! — гаркнул он, и шум сразу стих. —
Я вернулся! Я покончил с проклятым карликом! Ве-
ликой Души больше нет! Мы снова свободны!

Громовое «ура» было ему ответом.

— А где Аманда? — спросил Фил Фрезер. — Мы
видели, она...

— Помянем ее, ребята, — горестно промолвил
Джейк. — Она храбро сражалась, но пала в схватке с
карликом. Я отомстил за нее! Карлик мертв! Мы
свободны!

— Ура капитану Митчеллу! Ура! Ура!! Ура!!!

Набрав в богатырскую грудь побольше воздуха, Джейк проревел:

— А теперь слушайте меня, парни! Не надоело ли вам торчать здесь, точно кильки в бочке с рассолом?! Проклятый карлик мертв, и у нас развязаны руки. Мы сильнее всех в этом дерьмовом мире! Я был королем и понял, что это такое! Это кайф, ребята! Это золото рекой, пухлые бабенки и безграничная власть! Я предлагаю вам королевскую жизнь, парни! Я сделаю всех вас герцогами, графами и баронами!.. По вертолетам, ребята! Долой это зачарованное дерьмо! Вперед, за мной, на штурм Таранти!!!

ЭПИЛОГ

Большая поляна правильной прямоугольной формы озарялась сполохами туманного красноватого пламени. По злобному пульсирующему небу хаотично метались рваные пунцовые тучи. Могучие безлистые деревья с желтой корой что-то шептали бурной реке, несущей свои ярко-алые, цвета свежей крови, воды мимо исполинского изваяния Великого Змея Сета. В центре поляны, в двадцати шагах от изваяния, лицом к своему богу, на коленях стояла волшебница Тхутмертари, мятежная принцесса Стигии. Позади нее на невысоком троне, сложенном из выскобленных человеческих черепов, восседал дряхлый демон Люф, именуемый Мудрейшим. В руках Тхутмертари корчилась нерожденная дочь наследной принцессы Рамины, ныне покойной. Нерожденный ребенок наследницы стигийского престола был омыт свежей кровью из бурной реки; чары волшебницы поддерживали в нем подобие жизни.

— Пора, — прокрипел дряхлый демон. — Начи-
най!

Тхутмертари торжествующе ослабилась; от мига триумфа ее отделяли лишь несколько волшебных за-

клиний. С уст волшебницы полились режущие слух слова нечеловеческой речи. Свистящие, шипящие, квакающие и ноющие звуки древнего змеиного языка, истинного языка детей Сета, составляли суть могучих призывающих заклинаний. Мудрый Люф довольно щурился; это ведь был миг и его триумфа. Сейчас, сейчас сбудется его Великое Пророчество...

Заклинания были произнесены. Опеленав нерожденного ребенка своей змеиной рукой, Тхутмертари другой рукой сделала ритуальный надрез на груди жертвы. Шипя и пузырясь, из ритуальной раны зазмеилась кровь. Рот нерожденного младенца разверзся в беззвучном крике. Ясно-сапфировые глаза волшебницы глядели прямо сквозь маленькую головку жертвы. Рубиновые губы раскрылись, чтобы произнести последний аккорд могущественного призывающего заклинания змеиного народа.

— Во имя Сета Великого и Всемогущего, нашего Вечного Отца, явись ко мне, своей владычице, исчадие Мрака, демон Сур! Сур! Сур!! Сур!!!

И ничего не произошло.

Далеко от Тхутмертари и Люфа, совсем в другом мире, в мире людей, в городе Луксуре, древней столице Стигии, король Ктесфон рыдал над изувеченным телом любимой дочери. Подле монарха со скорбными лицами стояли члены королевской семьи, вельможи, советники, жрецы. Среди прочих был и принц Джосер, младший брат короля; на мужественном лице его отпечаталось искреннее горе по поводу безвременной кончины прекрасной племянницы, а серые глаза светились холодным металлическим блеском. Тут же находился Тот-Амон, верховный жрец Сета. Волшебник был необычно бледен, руки его непроизвольно дрожали, и он нервозно поглаживал огромный змеинный перстень; но это не приносило владыке Черного Круга успокоения. А в это самое время тысячи шпионов Тот-Амона — лучшие воины, чародеи и жрецы, а также

многочисленные нечеловеческие слуги — рыскали по всему миру в поисках той, которая и явилась причиной всего происходящего ужаса.

Сотнями миль севернее Луксура, в тайной обители посреди Карпашских пиков, горевал джан Милиус. Человек с двойными глазами и тремя тенями заранее знал, что должно было произойти, и всеми силами пытался предотвратить неотвратимое. Он почти ничего не добился; его вечный надзиратель не позволил ему вмешаться в события и преступить Границу. Сидя под домашним арестом, джан мог только горевать — и надеяться, что ждать гостей ему осталось недолго.

А еще в сотнях миль северо-восточнее тайной обители джана, на дне соленого моря Вилайет, неутомимый черный червячок настойчиво прогрызал земную твердь. Безымянная Тварь из Чужой Вселенной жаждала поскорее выбраться наружу, чтобы продолжить свою смертельную охоту за большим мускулистым мужчиной. Она знала, что рано или поздно убьет его, а затем покончит с золотоволосой девушкой и с карликом. И тем самым исполнит нерушимую клятву, данную когда-то ею странному земному волшебнику.

И еще немного восточнее устремите ваш взгляд, читатель. Вы увидите сияющий многоцветными огнями Зачарованный Город, а посреди него — громаду Стержня, пронзающую купол небес. Стержень дрожал; вокруг него змеились потоки Живой Энергии и оформлялись очертания какого-то невиданного — или раньше времени забытого? — создания. А много ниже, у самой земли, в шарообразном дворце, в лаборатории Великой Души можно было заметить пять живых существ — двоих людей и троих гномов. Неустрашимая Аманда Линн тихо плакала на груди седовласого профессора Фонтанелли. Старик ласково гладил воительницу и негромко повторял:

— Не плачь, дочка, не плачь... Как-нибудь выкарабкаемся...

Рядом, у стены, на корточках сидели, обтирая кровь с разбитых носов, притихшие гномы. Профессор Фонтанелли, на минуту отвлекшись от Аманды, вдруг печально посмотрел на них. Не выдержав этого взгляда, длиннобородый гном хмуро просипел:

— Чего лупишься, старый дылда? Мы только хотели отомстить этой сучке... Она обманула нас.

— Тогда радуйтесь. Считайте, что ваша месть удалась. И даже сверх того. Вы отомстили всему миру...

Много западнее, почти что на другом конце Хайборийского континента, в стольной Тарантии на широком балконе королевского дворца стояли Конан и Просперо. Город неузнаваемо изменился с тех пор, как сюда вернулся истинный король. Колоссальная работа была завершена, и теперь Конан ждал. Вот его орлиные глаза приметили в небе на востоке маленькие черные точки, а чуткие уши слышали гул десятков механических птиц. Стая черных птиц была еще очень далеко, но ее заметил и Просперо. Генерал побледнел и, обратив к королю молящий взор, молвил:

— О, Митра! Их так много! Что же мы будем делать?!

Конан хищно усмехнулся; мускулистая рука привычно стиснула рукоять меча.

— Не дрейфь, Просперо, — сказал киммериец. — Мы будем делать то, что делали всегда, когда на нас нападал враг. Мы будем сражаться!

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы хотите знать, что будет дальше? Удастся ли Конану отстоять свою столицу и оградить трон от посягательств узурпатора? Что случилось с карликом Тезиасом, Великой Душой? Сбудутся ли грезы стигийской волшебницы Тхутмертари? Кого и зачем ждет в своей тайной обители загадочный Скучающий Маг? Оживут ли Синие Монахи, превращенные в стальных истуканов? Исполнит ли свою клятву Тварь из Чужой Вселенной? Сумеют ли выбраться из Зачарованного Города Аманда Линн, профессор Фонтанелли и гномы? У кого окажутся серебристый медальон Брахо, волшебная накидка-невидимка Тхутмертари, Книга Судеб и могущественный амулет Небесного Народа, Светоч Истины? Какие роли они сыграют в нашем повествовании? Как, наконец, сложится дальнейшая судьба наших героев?..

Если вам интересно получить ответы на эти и многие другие вопросы, читайте четвертую книгу увлекательной фантастической эпопеи Брайана Толуэлла «Конан и Великая Душа» — роман «РАБ ЗМЕИНОЙ КОРОЛЕВЫ»!

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аль-Киир — древнее божество Мрака, впервые назвавшееся Тэзиааса Великой Душой.

См.: Р. Говард, С. Перри «Тайна врат Аль-Киира», Б. Толуэлл «Неподвластный Богам».

Ариман — древнее божество, правившее силами Мрака до Великого Змея Сета. Общими усилиями богов Ариман был изгнан в заповедные миры; от него людям остался лишь великий талисман — Сердце Аримана.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и охотники за людьми» и др.

Асура — древнее божество, почитаемое преимущественно в Вендии и Иранистане. Однако тайные храмы Асуры существовали во многих странах Хайборийского мира. Жрец Асуры Хадрат помогал Конану в борьбе с чародеем Ксальтотуном.

См.: Р. Говард «Час Дракона», «Люди Черного Круга»; «Кинжалы Джезма».

Атотмис — брат жреца Тутотмеса, возлюбленный принцессы Тхутмертари. Тот-Амон содержит Атотмиса в заколдованной темнице. См.: Б. Толуэлл «Огни Будущего», «Амулет Небесного Народа», «Раб Змеейной Королевы».

Ахерон — древняя империя черных магов, павшая под ударами варваров три тысячи лет назад. Столицей Ахерона был город Пифон. Ахероном правил верховный жрец Сета, могущественный волшебник Ксальтотун.

См.: Р. Говард «Час Дракона» и др.

Баракские острова — главная твердыня пиратства в Море Запада.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-корсар» и др.

Бельверус — столица Немедии. В Бельверусе находятся королевский дворец Тараска и подземная пещера-лаборатория Тезиаса.

См., например: Р. Говард «Тень властелина», «Час Дракона».

Болезнь Плоти — ностальгия Тезиаса-фантома по своему человеческому телу, заточенному в хрустальном склепе.

Болезнь Разума — состояние ужасающей головной боли, мучившее Тезиаса после визитов к Стражу Земли. Причиной Болезни Разума стала неспособность человеческого мозга Тезиаса вместить колоссальное количество знаний, переданных ему Стражем.

Брахо — магистр Синих Монахов, главный слуга Великой Души. Гениальный ученый и могущественный волшебник, хранитель Серебристого Медальона.

Бхадрипал Ченгир Чанд — вендийский принц, страждущий отомстить Конану за смерть отца, изменника Ченгира.

Вилайет — большое внутреннее море на востоке хайборийских земель.

См., например: Р. Говард «Железный демон»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; Дж. Маддокс Робертс «Конан-победитель»; М. Мэнсон «Конан и Дар Митры»; Л. Карпентер «Конан, гроза Кровавого Побережья».

Дарфар — страна к югу от Стигии, населенная неграми-людоедами.

См., например: Р. Говард «Тени Замбулы».

Джейк Митчелл — авантюрист, командир отряда наемников, пилот военного вертолета. Двойник Конана. Заклинанием Времени Тезиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху.

Замок Синих Монахов — цитадель на северо-востоке Коринфии, среди Карнашских гор. В Замке Синих Монахов произошло воскрешение Великой Души. Резиденция Тезиаса в романах Б. Толуэлла «Огни Будущего» и «Армия Света и Тьмы».

Зенобия — жена Конана, королева Аквилонии. Была

наложницей немедийского короля, помогла Конану бежать из бельверусской темницы. После разгрома немедийцев в Львиной долине Конан взял Зенобию в качестве выкупа за свободу короля Тараска.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; С. Корджи «Конан и Демон Пучины» и др.

Зеркало Лазбекри — волшебное зеркало чародея Пелиаса, с помощью которого можно наблюдать объекты, находящиеся на большом расстоянии от смотрящего.

См.: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель», Б. Толуэлл «Неподвластный Богам», «Амулет Небесного Народа».

Зук — демон, вожак нежитей, раб принцессы Тхутмертари.

Иефан — демон, раб принцессы Тхутмертари.

Иштгар — богиня любви и смерти в облике прекрасной женщины. Иштгар поклонялись преимущественно в юго-восточной части хайборийских земель — в Кофе, Хорайе, Хауране, Шеме.

См., например: Р. Говард «Черный колосс».

Квинтий Латорт — немедийский полководец, командир «Золотых Леопардов», королевской гвардии Немедии.

Кеми — жреческая столица Стигии. В Кеми находятся главный тайный храм Сета и резиденция его верховного жреца. Невдалеке от Кеми возвышается знаменитая Великая Пирамида, построенная змеиным народом в незапамятные времена. Место действия многих стигийских походов Конана.

См., например: Р. Говард «Час Дракона»; П. Андерсон «Конан-мятежник»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и сокровища Пифона».

Книга Судеб — большой голубой фолиант, самая загадочная книга в истории Земли. По слухам, хранится семью магическими заклätиями, секрет которых безвозвратно утерян. Миллионы лет переходила из рук в руки, но никто так и не смог открыть ее. Содержит могущественные магические заклätия, частицы Великого Космического Знания, а также историю нашей планеты, напи-

санную в бесконечно давние времена неведомой расой мыслящих существ, спустившихся со звезд. Сумев раскрыть Книгу Судеб, Тезиас стал самым могущественным волшебником на Земле и постиг путь к пирамиде Стража Земли.

Конан — варвар из Киммерии, великий герой, воин. Был рабом, гладиатором, наемником, пиратом, солдатом, генералом и маршалом, командовал армиями, сражался с демонами и злобными магами. К 40 годам стал королем Аквилонии, богатейшей державы Хайборийского мира. По складу характера — борец с несправедливостью и искатель приключений. Возраст Конана к моменту начала событий, описанных в сериале «Конан и Великая Душа», — 48 лет.

См. сагу о Конане.

Кони — старший сын Конана и Зенобии, наследник аквилонского престола.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Ведьма Тумана», «Черный сфинкс Нептху», «Алая луна Зембабве», «Тени в черепе», «Конан с Островов»; П. Уинлоу «Карусель Богов».

Кром — киммерийское божество, суровый властелин варваров, часто поминаемый Конаном.

См., например: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; Дж. Маддокс Робертс «Конан Доблестный»; С. Перри «Конан-наемник», Б. Толуэлл «Огни Будущего».

Ксальтотун — могущественный волшебник из Ахерона, древней империи черных магов. Был воскрешен из мертвых Орастом, Амальриком, Валерием и Тараском, но затем занял над ними власть. Главной мечтой Ксальтотуна было возрождение Ахерона. Магия Ксальтотуна привела Конана к поражению в битве при Валькии; немедийцы, ведомые королем Тараском, захватили Аквилонию. Чтобы одолеть Ксальтотуна, Конан отправился на поиски великого талисмана — Сердца Аримана. С помощью Сердца жрец Хадрат в конце концов победил ахеронского волшебника.

См.: Р. Говард «Час Дракона».

Кшатрии — воины-аристократы из Вендии.

См., например: Р. Говард «Люди Черного Круга».

Лазерный бластер — оружие, изобретенное профессором Фонтанелли. Внешне напоминает пистолет с длинным и очень тонким дулом. Стреляет лазерными лучами.

Летучие дети Сета — маленькие ядовитые змеи, обитающие в заоблачных мирах. Умеют летать. Создания Великого Змея Сета, Князя Тьмы.

Лунджи Фонтанелли — гениальный ученый, профессор, лауреат Нобелевской премии по физике, компаньон Джейка Митчелла. Заклинанием Времени Тезиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху.

Луксур — столица Стигии. В Луксуре находятся королевский дворец и главный парадный храм Сета.

См., например: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Люф — старый мудрый демон, советник Великого Змея Сета.

Митра — светлый бог в мифологии хайборийских народов, Владыка Света и Солнечной Справедливости, главное божество Аквилонии, Немедии, Аргоса и других стран Запада. Представлялся в облике благородного старика. Главный храм Митры находится в Тарантии, столице Аквилонии. Волею судьбы Конан-киммериец стал лучшим воином Митры на Земле.

См.: М. Мэнсон «Конан и Дар Митры» и многие другие произведения.

Морат-Аминэ, Пожиратель Душ — злобное божество, главный соперник Сета в мире демонов. Предстает в облике чудовищного змея с двенадцатью щупальцами.

См.: Р. Говард, С. Перри «Черный камень Аманара», Б. Толуэлл «Неподвластный Богам».

Нежити — демоны, рабы принцессы Тхутмертари, заклятые для нее самим Сетом. Предстают в облике отвратительных скелетоподобных серых тварей без головы и длинными трехпалыми клешнями.

Нергал — злобное божество, один из повелителей подземных демонов.

См.: Р. Говард «Рука Нергала»; М. Мэнсон «Конан и Дар Митры».

Нумедидес — безумный король Аквилонии, предшественник Конана, трусливый и жестокий тиран, собственноручно задушенный Конаном прямо на аквилонском троне.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев» и др.

Паллантид — друг и соратник Конана, воин и полководец. Начальник «Черных Драконов» аквилонской гвардии.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; П. Уинлоу «Карусель Богов» и др.

Пелиас — друг и соратник Конана, волшебник. Конан вызволил Пелиаса из заточения в Алой Цитадели колдуна Тсоталанти.

См.: Р. Говард «Алая цитадель»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; О. Эйрикссон «Изгнанник с Серых Равнин».

Пелистио — командир отряда насмников, аргосец. Задание принцессы Тхутмертари оказалось для его Вольного Отряда последним.

Пиктлэнд — земля к западу от аквилонских владений, населенная дикарями — пиктами.

См., например: Р. Говард «За Черной рекой»; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп «Драгоценности Траникоса»; К. Вагнер «Дорога королей».

Пирамида Мира — сооружение неземного происхождения, тайная обитель Стража Земли на протяжении миллиарда лет. Проникнув в Пирамиду Мира и встретившись со Стражем Земли, Тезиас обрел Знания, сделавшие его равным богам и повелителем полумира.

Пифон — столица Ахерона, древней империи черных магов.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и сокровища Пифона».

Просперо — друг и соратник Конана, воин и полководец. Командующий аквилонской армией, наместник Пуантена.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп,

Б. Ниберг «Конан-мститель»; П. Уинлоу «Карусель Богов» и др.

Птейон Проклятый — заброшенный город на берегу Стикса, обитель безымянного ужаса, привидений и всевозможных страшилищ.

См., например: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Публио — друг и соратник Конана, канцлер Аквилонии.

См.: Р. Говард «Час Дракона», «Феникс на мече»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель».

Ромб Яхкунга — маленький белый кристалл неведомого вещества, используемый на отдаленных планетах в качестве темницы для души и бестелесного разума.

Сердце Аримана — волшебный талисман, позволяющий, при умелом использовании, высвобождать огромную магическую силу, в частности, воскрешать мертвых. Против Сердца Аримана была бессильна магия ахеронского чародея Ксальтотуна, однако карлик Тезиас совладал с Сердцем.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Черный сфинкс Нептху»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев», Б. Толуэлл «Неподвластный Богам» и др.

Серебристый медальон (Медальон с Пирамидой) — окутанный тайной символ власти Брахо, изображающий Пирамиду Мира.

Сет — во времена Конана главный бог зла в мифологии хайборийских народов. Представлялся в облике гигантского золотого змея. Главная твердыня культа Сета — Стигия. Конан вел борьбу со служителями Сета и покорными его воле тварями всю свою жизнь.

См.: Р. Говард «Феникс на мече», «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-варвар»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Черный сфинкс Нептху», «Алая луна Зембабве», «Тени в черепе»; П. Андерсон «Конан-мятежник»; П. Уинлоу «Священная роща» и др.

Синие Монахи — слуги Великой Души. Ученые, волшебники и воины. Исключительно живучи, хитры и практически неуязвимы для человеческого оружия.

Ткриши — волшебные крылатые создания, живущие в заоблачных мирах, друзья волшебника Пелиаса. Упомянуты под другими именами в ряде произведений.

См., например: Р. Говард «Алая цитадель».

Стикс — самая большая река Хайборийского мира, текущая сначала с юга на север, а затем с востока на запад. Естественная граница северных и восточных владений Стигии. Объект почитания стигийцев и шемитов. Молва приписывает Стиксу некую зловещую магию.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Черный сфинкс Нептху»; П. Андерсон «Конан-мятежник»; М. Мэнсон «Конан и секира света» и др.

Страж Земли (Тот-Кто-Сидит-в-Пирамиде, Тот-Кто-Живет-в-Пирамиде) — всемогущее существо в облике маленького искрящегося мозга. Сотворено более миллиарда лет назад шестнадцатью могущественными цивилизациями, чтобы охранять жизнь на планете Земля. Обитает в остроконечной серебристой пирамиде посреди застывшего океана где-то вблизи экватора. Хранитель Абсолютного Знания. Проникнув в Пирамиду Мира и встретившись со Стражем Земли, Тезиас обрел Знания, сделавшие его равным богам и повелителем полумира.

Сурийский тигр — плод неудачного магического опыта, злобный демон в облике льва, но размером с лошадь. Содержался королем Тараском в подземелье Бельверуса. Убит Конаном с помощью Ромба Яхкунга.

Тарантия — столица Аквилонии. В Тарантии находится королевский дворец Конана и главный в Хайбории храм Митры.

См., например: Р. Говард «Феникс на мече», «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан с Островов»; П. Уинлоу «Карусель Богов»; К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Тараск — король Немедии, недруг Конана. Пришел к власти, воспользовавшись услугами ахеронского волшебника Ксальтотуна. Войско Тараска оккупировало Аквилонию. После изгнания немедийцев Тараск провел два месяца в аквилонском плену.

См.: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп,

Б. Ниберг «Конан-мститель», К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев».

Тезиас, Великая Душа — главный, наряду с Конаном, персонаж сериала «Конан и Великая Душа». Карлик, сумевший при жизни освободить свою душу из человеческого тела и проникнуть в тайную сокровищницу Абсолютного Знания. В романе «Неподвластный Богам» — владыка Хайбории в облике бога-фантома. В романах «Огни Будущего», «Амулет Небесного Народа», «Раб Змеиной Королевы» и «Армия Света и Тьмы» — снова человек, обладающий исключительной властью над душами других людей, что ставит его в один ряд с традиционными богами Хайбории. Величайший волшебник и ученый мира. В совершенстве владеет магией, телепортацией, телекинезом и пр., однако не способен читать мысли на расстоянии. Постоянно побеждаемый и постоянно возрождающийся противник Конана и всего привычного мира.

Тот-Амон — главный враг Конана на протяжении почти всей сознательной жизни киммерийца. Верховный жрец Сета, глава Черного Круга — тайного сообщества злобных магов. Частый персонаж саги о Конане.

См.: Р. Говард «Бог из Чаши», «Феникс на мече»; Р. Говард, Л. Спрэг де Камп «Драгоценности Транико-са»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-корсар», «Черный сфинкс Нептху», «Алая луна Зембабве», «Тени в черепе»; Дж. Маддокс Робертс «Конан и охотники за людьми», «Конан Доблестный» и др.

Тотоакр — жрец Сета, шпион Тот-Амона, сопровождавший Конана, Пелиаса и Хадрата в поисках Хъяхъи.

Троцерио — друг и соратник Конана, воин и полководец. Граф Пуантена, временный правитель Аквилонии (в отсутствие Конана).

См.: Р. Говард «Час Дракона», «Алая цитадель»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель», К. Грант, Н. О'Найт «Скрижаль Изгоев» и др.

Тутотмес — жрец Сета, поднявший бунт против Тот-Амона и похитивший у Конана Сердце Аримана.

См.: Р. Говард «Час Дракона».

Тхутмертари — мятежная принцесса Стигии, вне-

брачная дочь короля Ментуфера, служительница Великого Змея Сета, черная волшебница.

Фантом — призрачное существо, душа, облеченная в иллюзорную человеческую оболочку. После визита к Стражу Земли Тезиас превратился в фантома. Он был совершенно неуязвим для человеческого оружия, мог быстро летать, проходить сквозь стены и т. п. Фантом был побежден Конаном с помощью Ромба Яхкунга.

Фучин, Фу Чжин-Хуа — главный евнух в гареме короля Тараска, истязатель Зенобии в бытность ее пленницей колдуна Ях Чиснга.

Хаджар — оазис в пустыне Стигии к юго-востоку от города Кеми. Личная резиденция волшебника Тот-Амона, верховного жреца Бога-Змея Сета.

См., например: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-корсар».

Хадрат — жрец Асуры, помогавший Конану в борьбе с чародеем Ксальтотуном и Великой Душой.

См.: Р. Говард «Час Дракона», Б. Толуэлл «Неподвластный Богам».

Хайборийский мир (Хайборийская эра, Хайбория) — псевдоисторическая эпоха, существовавшая на Земле со времен гибели Атлантиды до Конана и продолжавшаяся еще около 500 лет после его смерти. Рожден фантазией Роберта Говарда и безоговорочно принят последователями в качестве «места совершения» всех приключений Конана-варвара. См. карту.

Ханария — город в королевстве Хорайя, где расположена Золотая башня волшебника Пелиаса.

См.: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель».

Хануман — божество в облике обезьяны.

См.: Р. Говард «Тени Замбулы»; П. Уинлоу «Конан и слуги чародея».

Хоршемиш — столица Кофа. Самый красивый город хайборийского Юга.

См., например: Р. Говард «Алая цитадель»; Л. Карпентер «Конан-изменник».

Хьяхья — мыслящее озеро, могучий космический

пришелец, заточенный Стражем Земли в пещере, скрытой водами реки Стикс. Именно Хьяхья передал Конану Ромб Яхкунга — единственное средство, с помощью которого можно было одолеть бога-фантама.

Эритей — барон Фланский, бывший аквилонский купец и промышленник, друг королей Вилера, Нумедидеса и Конана.

Эрлик — основное божество Турана и Гиркании.

См., например: Р. Говард «Глаз Эрлика».

Ясмина — правительница Вендии, спасенная Конаном от черной магии и наемных убийц.

См.: Р. Говард «Люди Черного Круга»; Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель».

Ях Чиенг — черный маг из Кхитая, похитивший королеву Зенобию с бала в Тарантии. Чтобы освободить свою супругу, Конан предпринял путешествие через весь материк.

См.: Л. Спрэг де Камп, Б. Ниберг «Конан-мститель».

«Черный коршун» — бронированный суперсовременный вертолет, созданный профессором Фонтанелли для Джейка Митчелла. Заклинанием Времени Тезиаса вызван из XX века в Хайборийскую эпоху.

ДОПОЛНЕНИЕ К УКАЗАТЕЛЮ ДЛЯ РОМАНА «АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА»

Айкины — человекообразные существа, превращенные Милтусом из демонов в полулюдей.

Алвари — гном. Один из основных персонажей романа Д. Брайана «Золото гномов». Найден Джейком Митчеллом в горах Серых Обезьян. По невольной наводке Алвари карлик Тезиас вызвал из небытия и заклил племя гномов. Вожак гномов в сериале «Конан и Великая Душа».

Альфидио — капитан галсона «Быстрый Сокол».

Аманда Линн — подруга Джейка Митчелла, наемник из Будущего. Заклинанием Времени Тезиаса вызвана из XX века в Хайборийскую эпоху.

Амра (Лев) — прозвище Конана, данное ему чернокожими корсарами Западного моря. Под командованием Конана и его подруги Белит черные корсары наводили ужас на жителей разных стран — Зингары, Аргоса, Шема, Стигии. Особой дерзостью отличалось нападение черных корсаров Амры на гавань Кеми.

См.: Р. Говард «Королева Черного Побережья», «Час Дракона»; П. Андерсон «Конан-мятежник» и др.

Ариостро — принц Аргоса, сын короля Мило, младший брат наследного принца Кассио. После гибели отца и брата — король Аргоса.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан с Островов»; П. Уинлоу «Карусель Богов» и др.

Декситей — друг и соратник Конана, верховный жрец Митры в столице Аквилонии Тарантии.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель»; П. Уинлоу «Карусель Богов» и др.

Джосер — принц Стигии, сын Ментуфера, младший брат короля Ктесфона и принцессы Тхутмертари.

Зачарованный Город — город безвестной космической расы, оставленный в подарок тому землянину, кто сумеет овладеть Великим Знанием. Соткан из Живой Энергии, защищен звездной магией Стержня. Резиденция Великой Души в романах Брайана Толуэлла «Амулет Небесного Народа» и «Армия Света и Тьмы».

Кассио — наследный принц Аргоса, сын короля Мило.

См.: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель» и др.

Ксентгах — адмирал Стигии.

Ктесфон — король Стигии, старший сын Ментуфера, младший брат принцессы Тхутмертари. Фактически самоустранился от управления страной, доверив его Тот-Амону.

См.: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Лакшми — наложница короля Немедии Тараска, родом из Уттары.

Лапинус — маг из Нумалии, сын Парацельса. Открыл принцессе Тхутмертари тайну заклęcia демона Сура.

Ментуфер — король Стигии, предшественник своего сына Ктесфона. Погиб в битве за Тайю.

См.: П. Андерсон «Конан-мятежник».

Мессангия — большой город в устье реки Хорот и на берегу Западного моря, столица Аргоса. Место действия многих увлекательных приключений Конана, связанных с морем.

См., например: Р. Говард «Час Дракона»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель», «Конан с Островов»; С. Корджи «Демон Пучины» и др.

Милиус, Скучающий Маг — таинственный персонаж сериала «Конан и Великая Душа», наделенный неведомой силой. Человек с двойными глазами и тройной тенью. Тайна Милиуса будет окончательно раскрыта только в конце седьмой книги сериала — романе «Космическая Орда». Тем не менее читатель, разумеется, волен строить свои предположения относительно Милиуса, не дожидаясь конца сериала.

Мило — король Аргоса.

См., например: Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан-освободитель».

Олтарно — граф, посол Аргоса в Стигии.

Парацельс — маг из Нумалии, отец Лапинуса, создатель и первая жертва демона Сура.

Рамина — наследная принцесса Стигии, дочь короля Ктесфона.

Ратмес — капитан черного фрегата.

Светоч Истины — могущественный амулет Небесного Народа, воплощение Солнечного Бога Митры. Способен рассеивать чуждую ему магию. Похищен Конаном у скричей.

Скричи — волшебные крылатые создания, друзья волшебника Пелиаса. На самом деле — избранные слуги Митры, коренные обитатели Страны Небесного Народа.

Стержень — фантастическое сооружение в центре За-

АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА

чарованного Города высотой 25 миль. Источник колоссальной энергии.

Страна Небесного Народа — сказочный мир, небесная цитадель Солнечного Бога Митры. В ней обитают скричи и хранится Светоч Истины, амулет Небесного Народа.

Сур — см. Сурийский тигр.

Тварь из Чужой Вселенной — колоссальное демоническое существо, отдаленно напоминающее гигантского черного нетопыря. Вызвана Тот-Амоном с целью погубить Конана, Тхутмертари и Тезиаса.

Ханет-Ра — посвященный жрец Сета, волшебник Черного Круга.

Цезарио — офицер свиты посла Аргоса в Стигии.

Элимитреус — пророк Солнечного Бога Митры, наиболее почитаемый в Аквилонии. Погиб за 15 тысяч лет до рождения Конана.

См.: Р. Говард «Феникс на мече»; Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Конан с Островов».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имена и названия, для которых отсутствуют ссылки на произведения Р. Говарда и последователей, встречаются только в сериале «Конан и Великая Душа».

2. Произведения, впервые опубликованные на английском языке, указаны под своими оригинальными названиями.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ «ВЕЧНОГО ГЕРОЯ». <i>Предисловие</i>	5
АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА. <i>Роман</i>	19
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ	434

Литературно-художественное издание

Брайан Толуэлл
АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА
Роман

Редактор *В. И. Куковенко*
Художественный редактор *И. Г. Сауков*
Технические редакторы *Н. М. Носова, В. В. Шибаета*
Корректор *В. Л. Авдеева*

ЛР № 063047 от 08.10.93

Подписано в печать с оригинал-макета 19.12.96.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 20,6.
Тираж 10 000 экз.
Заказ № 664

Издательство «ЯУЗА»,
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с оригинал-макета
в Тульской типографии,
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Беликая Душа, коварный враг хайборийских
народов, заручился поддержкой могущественных
союзников, чтобы вернуть ускользнувшую
из его рук власть над миром.

Людам остается надеяться только на
мужество бесстрашного КОНАНА
и на волшебный талисман –

АМУЛЕТ НЕБЕСНОГО НАРОДА

